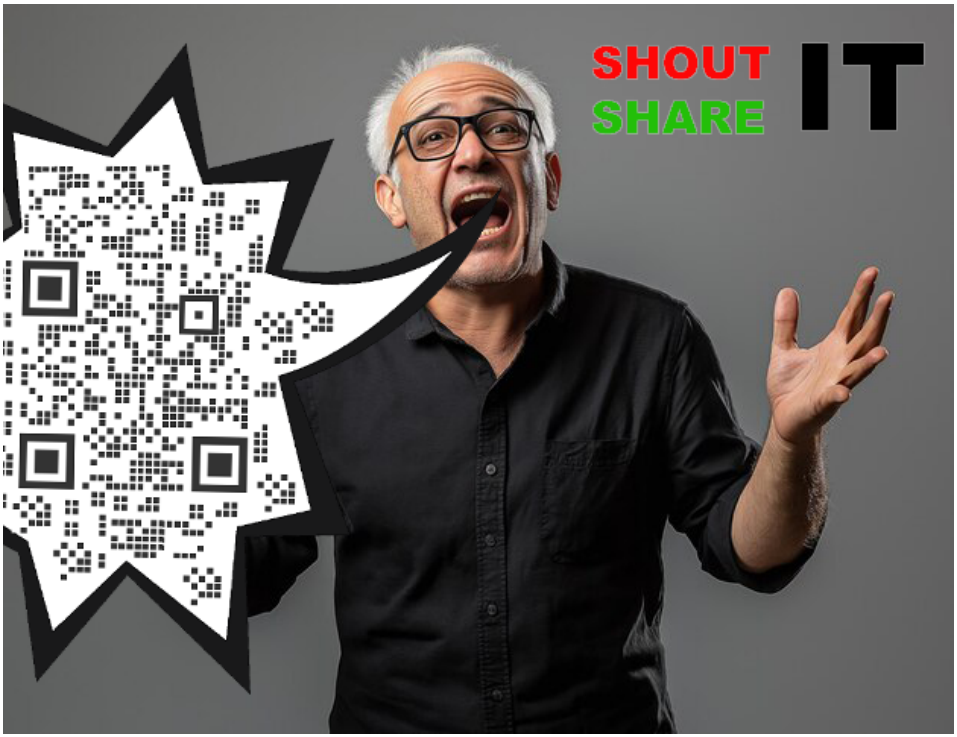
ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВЗГЛЯД ВРАГА

Фридрих Вильгельм
фон Меллентин

БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАК ВЕРМАХТА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга бывшего генерал-майора танковых войск Фридриха Вильгельма фон Меллентина посвящена танковым сражениям в годы Второй мировой войны. Автор рассматривает главным образом сражения германских бронетанковых войск на различных театрах военных действий — на Западе, на Балканах, в Северной Африке. Отдельно в книге рассказывается об операциях танковых соединений на советско-германском фронте, причем основное внимание уделяется Сталинградской и Курской битвам, а также боям на Украине и в Польше во время отступления немецких войск.

- Фридрих Вильгельм фон Меллектин
  - Предисловие автора
  - Вступление
  - Часть первая
    - Глава I
    - Глава II
      - На Западном фронте
      - План
      - Седан
      - Разгром
      - В Лотарингии
      - Заключение
    - Глава III
      - Между двумя кампаниями
      - Вторжение в Югославию
      - Греческая кампания
      - Новое назначение
  - Часть вторая
    - Глава IV
      - Роммель
      - Обычный день
      - Вооружение и техника
    - Глава V
      -
      - Стратегическая обстановка
      - Танковая битва
      - Разгром 7-й бронетанковой дивизии
      - День поминовения
    - Глава VI
      - Бросок к проволочным заграждениям

- Второе сражение у Сиди-Резег
- Отступление из Киренаики
- Контрудар Роммеля
- Глава VII
  - Подготовка наступления
  - Наступление
  - «Котел»
  - Бои под Найтсбриджем
- Глава VIII
  - Падение Тобрука
  - Вторжение в Египет
  - Отпор у Эль-Аламейна
- Глава IX
  - Тупик у Эль-Аламейна
  - Сражение у Алам-Хальфы
  - Война в пустыне

○ Часть третья

- Глава X
  -
  - Действия танков на Востоке
  - Окружение под Сталинградом
- Глава XI
  - Высшее командование
  - В 48-м танковом корпусе
  - Бои на реке Чир
  - Первые впечатления о тактике русских
- Глава XII
  - Тяжелое испытание
  - Деблокирующий удар
  - Конец 6-й армии
- Глава XIII
  - Отступление к Северному Донцу
  - Бой под Манычской
  - Контрудар Манштейна
  - Политические проблемы
- Глава XIV
  - «Неудачи не должно быть»
  - Подготовка
  - Наступление
  - Тактика танковых войск в операции «Цитадель»
  - Реакция русских на бомбардировку
- Глава XV
  - Летнее наступление русских

- Проблемы отступления
- Оборона Днепра
- Глава XVI
  - Победа под Житомиром
  - Победа у Радомышля
  - Окружение у Мелени
- Глава XVII
  - Рождество на Украине
  - Проблемы ведения оборонительных действий
  - «Никаких отступлений»
- Глава XVIII
  - Общая обстановка
  - Прорыв войск Конева
  - Плацдарм у Баранува
- Глава XIX
  -
  - Психология русского солдата
  - Тактика русских
  - Характеристика различных родов войск
  - Армия без обоза
  - Советские военно-воздушные силы
  - Непобедима ли Красная армия?
- Часть четвертая
  - Глава XX
    - Смена командования
    - Положение группы армий «Г»
    - Сражение у Шато-Сален
    - Затишье в октябре
  - Глава XXI
    - Наступление Паттона
    - Падение Меца
    - Падение Страсбурга
    - Оборона Западного вала
  - Глава XXII
    - Наступление в Арденнах
    - Катастрофа на Востоке
    - Битва за Рейн
    - Рурский котел
  - Глава XXIII
- Иллюстрации
- Заключение
- Прохождение службы автором

- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220

- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264

- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270

Фридрих Вильгельм фон Меллектин
Бронированный кулак вермахта

Предисловие автора

Эта книга написана на основе моих личных впечатлений о событиях Второй мировой войны. В качестве офицера германского генерального штаба я принимал участие в ряде важнейших кампаний в Африке, в России и на Западе и близко соприкасался со многими выдающимися военными деятелями Германии. Больше года я служил в штабе фельдмаршала Роммеля.

Разрешите сказать несколько слов о себе, чтобы объяснить, почему я решился внести свой вклад во всё возрастающий поток военной литературы. Я начал войну ротмистром — в то время я был третьим офицером штаба[1] 3-го армейского корпуса, участвовавшего во вторжении в Польшу, — а закончил ее генерал-майором и начальником штаба 5-й танковой армии в рурском котле. Не считая кратких перерывов по болезни, в течение всей войны я находился в действующей армии — в Польше, во Франции, на Балканах, в Западной пустыне, в России, снова в Польше и во Франции и, наконец, в Арденнах и Рейнской области. Я участвовал во многих решающих сражениях, встречал ряд блестящих и храбрых полководцев и наблюдал действия танков в самых различных условиях климата и местности, начиная с заснеженных лесов России и кончая бескрайними просторами Западной пустыни.

В подготовке этой книги мне великодушно помогли мои собратья по оружию — офицеры германской армии. Я глубоко обязан моему бывшему командиру генералу Бальку, предоставившему в мое распоряжение свои личные документы; они оказали мне бесценную услугу, особенно в части, касающейся военных действий в России. Я весьма признателен моему другу полковнику Динглеру из германского генерального штаба, разрешившему мне широко использовать выдержки из его описания Сталинградской операции. Я приношу также благодарность генерал-лейтенанту фон Нацмеру и моему брату генералу Хорсту фон Меллентину, которые передали мне важные документы, касающиеся Красной армии.

Я старался дать объективное описание кампаний, в которых принимал участие. Хотя эта книга написана с немецкой точки зрения, я не ограничивался лишь немецкими источниками. Я широко использовал ряд замечательных английских и американских исторических исследований, опубликованных в печати. С помощью имеющихся в настоящее время материалов о Второй мировой войне можно попытаться дать серьезную оценку

военных событий 1939–1945 годов. Я уверен, что военные всех стран хотят сейчас восстановить фактическую сторону Второй мировой войны, избегая заключений, основанных на личном предубеждении и патриотических чувствах. Это попытался сделать и я.

Иоганнесбург, Южная Африка.

Фридрих Вильгельм фон Меллентин

Вступление

Я родился 30 августа 1904 года в старом немецком торговом городе Бреслау, расположенном в самом сердце нашей прекрасной Силезии.

Уинстон Черчилль, описывая, как он присутствовал на маневрах германской армии в 1908 году, где был представлен Его Императорскому Величеству кайзеру Вильгельму II, говорит, что, приветствуя его, кайзер заметил: «Хорошая страна эта Силезия, за нее стоит воевать». Ныне Силезия принадлежит Польше, и ряд названий славных немецких городов, связанных с историей и традициями Германии, — Лёйтен, Лигниц, Кацбах — стерты с карты Европы. Участь Силезии разделила Померания, откуда происходит семья моего отца и где в 1225 году был основан род Меллентинов.

Мой отец, Пауль-Хеннинг фон Меллентин, подполковник артиллерии, был убит на Западном фронте 29 июня 1918 года. Я был третьим сыном. Родители моей матери Орлинды, урожденной фон Вальденбург, происходят из Силезии и Бранденбурга; ее прадед, принц Август Прусский, был племянником Фридриха Великого. Мать была моей путеводной звездой во время мира и войны; после преждевременной смерти отца она вынесла на своих плечах все бремя воспитания своих трех сыновей. Она скончалась в августе 1950 года, за несколько недель до моего отъезда в Южную Африку.

В Бреслау я учился в реальном училище и по окончании его 1 апреля 1924 года поступил на службу в 7-й кавалерийский полк. Этот полк, стоявший в Бреслау, унаследовал традиции знаменитых Белых Кирасиров императорской армии. Всю жизнь я питал страсть к лошадям, так что свою одиннадцатилетнюю службу в кавалерии вспоминаю как счастливейший период моей жизни. Но первые четыре года моей службы в армии протекали в трудных условиях, потому что в то время требовалось несколько лет, чтобы получить офицерский чин. Я был зачислен рядовым и оставался им восемнадцать месяцев, прежде чем был произведен в капралы. В 1926 году я поступил в пехотную школу в Ордруфе, а затем перешел в кавалерийскую школу в Ганновере, где мы получили очень основательную подготовку в тактике и верховой езде.

1 февраля 1928 года я был произведен в лейтенанты — чин, которым я крайне гордился. В дни, когда численность рейхсвера была ограничена 100 тыс. человек, на всю армию было только 4 тыс. офицерских должностей; отбор на эти должности был

очень строгим, потому что главнокомандующий генерал фон Сект решил создать corps d'elite — отборный офицерский корпус. До 1935 года я служил строевым офицером в кавалерийском эскадроне, где в полной мере предавался своему любимому удовольствию — скачкам и стипль-чезу.

2 марта 1932 года я женился на Ингеборг, урожденной фон Аулок, дочери майора фон Аулока и Нонны, урожденной Малькомсс. Дед моей жены в 1868 году эмигрировал в Южную Африку, где его семья прочно обосновалась в Восточной провинции; один из членов семьи даже был сенатором в парламенте Южно-Африканского Союза. Благодаря наследству, полученному моей женой от деда в конце Второй мировой войны, мы получили возможность эмигрировать в Южную Африку, после того как потеряли все свои поместья и имущество в Восточной Германии. У нас два сына и три дочери.

Вначале у меня не было никакого стремления стать штабным офицером, так как я любил полковую жизнь и был вполне счастлив, оставаясь в 7-м кавалерийском полку. К несчастью, мой командир полковник граф С., как и я, питал отвращение к канцелярской работе; поэтому, полагая, что на учениях я обнаружил тактическое чутье, он поручил мне составление всех оперативных документов, которые мы должны были представлять в штаб дивизии. В дивизии мною были довольны, графу тоже нравилась моя работа, и 1 октября 1935 года мне было приказано подать рапорт о приеме в военную академию в Берлине, готовившую офицеров генерального штаба.

Курс обучения в академии продолжался два года. В течение первого года занятия ограничивались масштабом полка, а на втором году нас учили управлять дивизиями и высшими соединениями. Я с грустью вспоминаю академию — это был последний период моей беззаботной офицерской жизни. Лекции читались только по утрам, а после обеда у нас оставалось свободное время для самостоятельных занятий или для более приятного времяпрепровождения. Довоенный Берлин был привлекательнейшим городом, где было все что угодно: театры, спорт, музыка, светская жизнь.

Осенью 1937 года я окончил военную академию и получил назначение в штаб 3-го корпуса в Берлин. Моим командиром был генерал Витцлебен — впоследствии во время Французской кампании он командовал 1-й армией, был произведен в фельдмаршалы и назначен командующим войсками на Западе, но в январе 1942 года вышел в отставку. Витцлебен играл ведущую роль в заговоре 20 июля 1944 года и был повешен гестапо. Мне было очень приятно служить под командой такого выдающегося

военного специалиста, который снискал себе уважение и любовь всего штаба.

Должность третьего офицера штаба Берлинского корпуса потребовала от меня большой работы, связанной с торжественными приемами и военными парадами. Я помогал организовывать различные парады для фюрера, а также церемонии в честь Муссолини и югославского принца-регента Павла. Я всегда бывал очень доволен, когда кончались эти большие имперские парады; все штабные офицеры помнят то чувство облегчения, которое они испытывали, когда парад проходил без задоринки.

Более интересной была моя работа, связанная с контрразведкой и с охраной военных заводов в Берлинском военном округе. В свое время в высших сферах произвел сенсацию некто Сосновский, элегантный польский офицер. Он выдал себя за владельца скаковых конюшен, а затем, завязав знакомства с секретаршами из военного министерства, добыл через них ценные секретные сведения. В мои обязанности входило следить за тем, чтобы подобные случаи больше не повторялись.

В тридцатых годах выдвинулся на первый план вопрос о механизации германской армии. Согласно Версальскому договору, Германии было запрещено вооружать армию современной техникой, нам не разрешалось иметь ни одного танка. Я хорошо помню, как мы, молодые солдаты, обучались на деревянных макетах. В 1930 году наши моторизованные войска состояли из нескольких устаревших разведывательных бронемашин и небольшого числа мотоциклетных рот, но в 1932 году в маневрах приняло участие моторизованное подразделение с макетами танков. Эти маневры, вне всякого сомнения, наглядно показали ту роль, которую предстояло сыграть танкам в современной войне.

Душой всех этих преобразований был полковник Гейнц Гудериан, который в течение нескольких лет занимал пост начальника штаба инспекции автомобильных войск. Принято считать, что германская армия позаимствовала доктрину танковой войны у английских военных теоретиков Лиддел Гарта и генерала Фуллера. Я далек от того, чтобы отрицать влияние их работ, но в то же время факт остается фактом: к 1929 году немецкая теория боевого использования танков опередила английскую и, по существу, соответствовала в основном той доктрине, которую мы с таким успехом применяли во Второй мировой войне. Показательна следующая выдержка из книги генерала Гудериана «Воспоминания солдата»:

«В 1929 году я пришел к убеждению, что танки, действуя самостоятельно или совместно с пехотой, никогда не сумеют добиться решающей роли (sic!). Изучение военной истории, маневры, проводившиеся в Англии, и наш собственный опыт с макетами укрепили мое мнение в том, что танки только тогда сумеют проявить свою полную мощь, *когда другие рода войск, на чью поддержку им неизбежно приходится опираться*[2], будут иметь одинаковую с ними скорость и проходимость. В соединении, состоящем из всех родов войск, танки должны играть главенствующую роль, а остальные рода войск — действовать в их интересах. Поэтому необходимо не вводить танки в состав пехотных дивизий, а создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков».

Эта теория Гудериана послужила основой для создания немецких танковых армий. Находятся люди, которые глумятся над военной теорией и с презрением отзываются о «кабинетных стратегах», однако история последних двадцати лет показала жизненную необходимость ясного мышления и дальновидного планирования. Само собой разумеется, что теоретик должен быть тесно связан с реальной действительностью (блестящим примером этого является Гудериан), но без предварительной теоретической разработки всякое практическое начинание в конечном счете потерпит неудачу.

Английские специалисты, правда, понимали, что танкам предстоит сыграть большую роль в войнах будущего — это предвещали сражения под Камбре и Амьеном[3], — но они недостаточно подчеркивали необходимость взаимодействия всех родов войск в рамках танковой дивизии.

В результате Англия отстала от Германии в развитии танковой тактики примерно на десять лет. Фельдмаршал лорд Уилсон Ливийский, описывая свою работу по боевой подготовке бронетанковой дивизии в Египте в 1939–1940 годах, говорит:

«В ходе боевой подготовки бронетанковой дивизии я неустанно подчеркивал необходимость тесного взаимодействия всех родов войск в бою. Нужно было выступить против пагубной теории, получившей за последнее время широкое хождение и поддерживавшейся некоторыми штатскими авторами, согласно которой танковые части способны добиться победы без помощи других родов войск… Несостоятельность как этого, так и других подобных взглядов наших „ученых мужей“ предвоенного периода прежде всего показали немцы»[4].

Вопреки предупреждениям Лиддел Гарта о необходимости взаимодействия танков и артиллерии английские теории

танковой войны тяготели к «чисто танковой» концепции, которая, как указывает фельдмаршал Уилсон, нанесла немалый ущерб английской армии. И только в конце 1942 года англичане начали практиковать в своих бронетанковых дивизиях тесное взаимодействие между танками и артиллерией.

Развитие наших танковых войск, несомненно, многим обязано Адольфу Гитлеру. Предложения Гудериана о механизации армии встретили значительное сопротивление со стороны ряда влиятельных генералов, хотя генерал барон фон Фрич, главнокомандующий сухопутной армии, склонялся в пользу этих предложений. Гитлер глубоко заинтересовался ими; он не только приобрел глубокие знания в технических вопросах, связанных с моторизацией и с танками, но и показал себя приверженцем стратегических и тактических взглядов Гудериана. В июле 1934 года было организовано управление танковых войск, начальником штаба которого был назначен Гудериан, и с этого момента началось их быстрое развитие. Гитлер лично присутствовал на испытаниях новых танков, а его правительство делало все возможное для развития отечественного моторостроения и строительства магистральных дорог. Это было делом большой важности, потому что германскому моторостроению предстояла большая работа, чтобы наверстать упущенное.

В марте 1935 года Германия официально денонсировала военные статьи Версальского договора, и в том же году были сформированы первые три танковые дивизии. Мой кавалерийский полк был среди частей, отобранных для преобразования в танковые части. Как страстным кавалеристам нам всем было больно расставаться с конями, но мы твердо решили сохранить славные традиции Зейдлица и Цитена и перенести их в новые, танковые войска. Мы гордились тем, что танковые дивизии формировались главным образом из бывших кавалерийских полков.

В 1935–1937 годах в германском генеральном штабе шла напряженная борьба по вопросу о роли танковых войск в будущей войне. Генерал Бек, начальник штаба, следуя французской доктрине, ограничивал роль танков непосредственной поддержкой пехоты. Против этой вредной теории, оказавшейся столь роковой для Франции летом 1940 года, боролись Гудериан, Бломберг и Фрич. Их борьба увенчалась успехом, и к 1937 году мы уже приступили к формированию танковых корпусов, состоящих из танковой и моторизованной дивизий; Гудериан смотрел дальше и предвидел создание танковых армий.

Между тем политическая обстановка становилась все более

напряженной. Многое во внутренней политике, проводимой нацистами, не нравилось кадровому офицерству, но генерал фон Сект, создатель рейхсвера, выдвинул принцип невмешательства армии в политические дела, и его точка зрения получила общее признание. Никому из германских офицеров не нравились выходки «коричневых», а их попытки играть в солдаты вызывали смех и презрение. Однако Гитлер не наводнил армию штурмовиками; напротив, он ввел всеобщую воинскую повинность и сосредоточил все управление армией в руках генерального штаба. Кроме того, его огромные успехи в области внешней политики и особенно решение о перевооружении приветствовал весь германский народ. Политика возрождения Германии как великой державы встретила энергичную поддержку со стороны офицерского корпуса.

Это не значит, что мы хотели войны. Генеральный штаб всячески старался сдержать Гитлера, но позиции его значительно ослабли после того, как, вопреки его прямым советам, Гитлер занял Рейнскую область. В 1938 году генеральный штаб решительно выступал против всяких действий по отношению к Чехословакии, полагая, что они могут привести к войне в Европе, но нерешительность Чемберлена и Даладье вдохновила Гитлера на новые авантюры. Я хорошо понимаю, что за границей к германскому генеральному штабу относятся с большим подозрением и что к моим замечаниям о нашем нежелании вести войну отнесутся скептически. Поэтому мне не остается ничего лучшего, как процитировать слова Сирила Фоллса, одного из ведущих английских военных публицистов, который до последнего времени был профессором военной истории в Оксфордском университете. В своем предисловии к английскому изданию книги Вальтера Гёрлица «Германский генеральный штаб» Фоллс пишет:

«Мы, англичане, считаем себя до известной степени вправе упрекать германский генеральный штаб за то, что он начал войну в 1914 году. Иногда это же говорят и по отношению к 1939 году, но я согласен с господином Гёрлицем, что в этом случае обвинение неоправдано. Можно обвинять Гитлера, нацистское государство и партию, даже германский народ, но генеральный штаб не хотел войны с Францией и Англией, а после того как он был втянут в войну с ними, он не хотел войны с Россией»[5].

Мирное разрешение судетского кризиса в октябре 1938 года являлось большим облегчением для армии. Я был в то время третьим офицером штаба 3-го корпуса; наш штаб располагался около Хиршберга в Силезии. В результате Мюнхенского соглашения мы получили возможность мирно вступить в

Судетскую область, и, проходя мимо мощных чешских оборонительных сооружений, каждый из нас испытывал чувство облегчения оттого, что удалось избежать кровопролитной борьбы, в которой наиболее тяжкие испытания выпали бы на долю судетских немцев. Наших солдат тепло встречали в каждой деревне, их приветствовали флагами и цветами. В течение нескольких недель я был офицером связи при Конраде Генлейне, вожде судетских немцев. Тогда я много узнал о тяжелом положении этих немцев, угнетавшихся в культурном и экономическом отношении[6].

Вера в руководство Гитлера беспредельно возросла, но после аннексии Богемии в марте 1939 года в международной обстановке стал нарастать кризис. К этому времени я уже вернулся в Берлин и был по горло занят подготовкой к гигантскому военному параду в честь пятидесятилетия Гитлера. Этот парад должен был явиться демонстрацией нашей военной мощи; во главе проходящих колонн шли знаменосцы, которые несли все боевые знамена вермахта.

Я старался во что бы то ни стало избавиться от такого образа жизни — мне надоел военный цирк, и я хотел вернуться в войска. Удалось устроить, чтобы меня прикомандировали на год к 5-му танковому полку[7], куда мне было приказано явиться 1 октября 1939 года. Однако вскоре начался польский кризис, все остальное отступило на второй план, и я с головой ушел в оперативную штабную работу.

Несмотря на военные приготовления на восточной границе и нараставшую напряженность в отношениях Германии с Англией и Францией, мы все еще надеялись, что наши претензии на Данциг — истинно немецкий город — не приведут к мировому конфликту. Эти претензии, предъявленные в другое время и в ином тоне, были бы вполне уместными. Но, будучи выдвинуто немедленно вслед за аннексией Чехословакии, требование о передаче Данцига должно было вызвать самое серьезное беспокойство в Лондоне и Париже. В 1945 году, когда я был в плену, генерал Гейр фон Швеппенбург, бывший военный атташе в Лондоне, говорил мне, что Гитлер был убежден, что вторжение в Польшу не приведет к войне с западными державами. Он игнорировал предостережение своего военного атташе о том, что Великобритания объявит войну, и думал, что пакт о ненападении, заключенный с Россией, решает дело.

В последние дни августа 1939 года длинные колонны 3-го корпуса с грохотом шли по улицам Берлина, направляясь к польской границе. Все были молчаливы и серьезны; мы сознавали, что к добру это или нет, но Германия переходит

Рубикон. Не было и следа тех ликующих толп, которые я видел десятилетним мальчиком в 1914 году. Ни население, ни солдаты — никто не проявлял абсолютно никакого энтузиазма. Однако, преисполненный решимости выполнить свой долг до конца, германский солдат шел вперед[8].

Часть первая
Польша, Франция и Балканы

Глава I
Польская кампания

Германская армия вступила в Польшу в 4 часа 45 минут 1 сентября 1939 года; наступлению наземных войск предшествовали мощные удары авиации по польским аэродромам, железнодорожным узлам и мобилизационным центрам. С самого начала наступления мы имели полное господство в воздухе, вследствие чего развертывание польской армии было сильно затруднено. Наши механизированные колонны устремились через границу и вскоре продвинулись далеко в глубь польской территории.

Я не ставлю себе целью подробно рассматривать эту кампанию, потому что превосходство немецких войск было настолько очевидным, что их операции не представляют интереса для изучающих стратегию и тактику. Поэтому я намерен лишь суммировать причины нашего успеха и коротко рассказать о тех боевых действиях, в которых я принимал участие.

По своим размерам польская армия была внушительной и, казалось, оправдывала утверждение польского правительства и прессы о том, что Польша стала великой державой. На бумаге поляки могли выставить тридцать дивизий первой линии, десять резервных дивизий и одиннадцать кавалерийских бригад. Но, как я уже заметил, мобилизация польской армии была серьезно затруднена действиями германских военно-воздушных сил; у тех же соединений, которые успели отмобилизоваться, возможности передвижения оказались весьма ограниченными, а снабжение было полностью нарушено. Имея лишь несколько сот современных самолетов и недостаточное количество зенитной артиллерии, польское командование не смогло использовать все свои войска. Кроме того, польские дивизии с их недостаточной огневой мощью и устаревшим вооружением фактически могли быть приравнены лишь к немецким усиленным полкам. Поляки имели очень мало танков и бронеавтомобилей, противотанковой артиллерии не хватало, а значительная часть вооружения, как и у итальянцев, относилась к периоду Первой мировой войны. Лучшими из польских соединений, несомненно, были кавалерийские бригады, которые сражались с изумительной храбростью; был даже случай, когда они с шашками наголо атаковали наши танки. Но вся эта храбрость и напористость, которую часто проявляли поляки, не могла компенсировать недостаток современного оружия и отсутствия серьезной

тактической подготовки.

На польскую военную клику ложится тяжелая ответственность за положение, в котором оказалась польская армия в 1939 году. Конечно, на ее техническом оснащении сказались экономические факторы, но не может быть никакого оправдания тому, что поляки не сумели оценить влияние огневой мощи на современную тактику.

Такими же слепыми они оказались и в области стратегии. Правда, поляки законно могли надеяться, что французская армия и английские военно-воздушные силы свяжут значительные германские силы на Западе, но даже и при этом условии их планам недоставало чувства реальности. Учитывая относительную слабость своих вооруженных сил и конфигурацию границы, при которой большие участки оставались незащищенными, было бы вполне закономерно действовать более осторожно. Но польское командование, не думая о том, чтобы выиграть время путем стратегического отхода, продолжало держать крупные силы в Познани и Польском коридоре, пыталось развернуть все наличные войска на фронте около 1500 км от Литвы до Карпат и даже сформировало специальную ударную группу для вторжения в Восточную Пруссию. Таким образом польское верховное командование добилось лишь того, что все наличные силы были разбросаны на большом пространстве и, по существу, изолированы друг от друга.

Такое расположение польской армии как нельзя лучше способствовало выполнению германского плана. Мы начали наступление на Польшу 44 дивизиями и с 2 тыс. самолетов[9]. Для обороны Западного вала, далеко еще не законченного, были оставлены лишь минимальные силы. В сущности вся ударная сила вермахта была брошена через польскую границу в твердой надежде на быструю и легкую победу (см. схему 1).

Группа армий «Север» генерал-полковника фон Бока включала 3-ю и 4-ю армии, из которых 4-я армия развертывалась против Данцига и Польского коридора, а 3-я армия была сосредоточена в Восточной Пруссии для удара на Варшаву. Задача 4-й армии состояла в том, чтобы захватить «коридор» и совместно с 3-й армией наступать на польскую столицу.

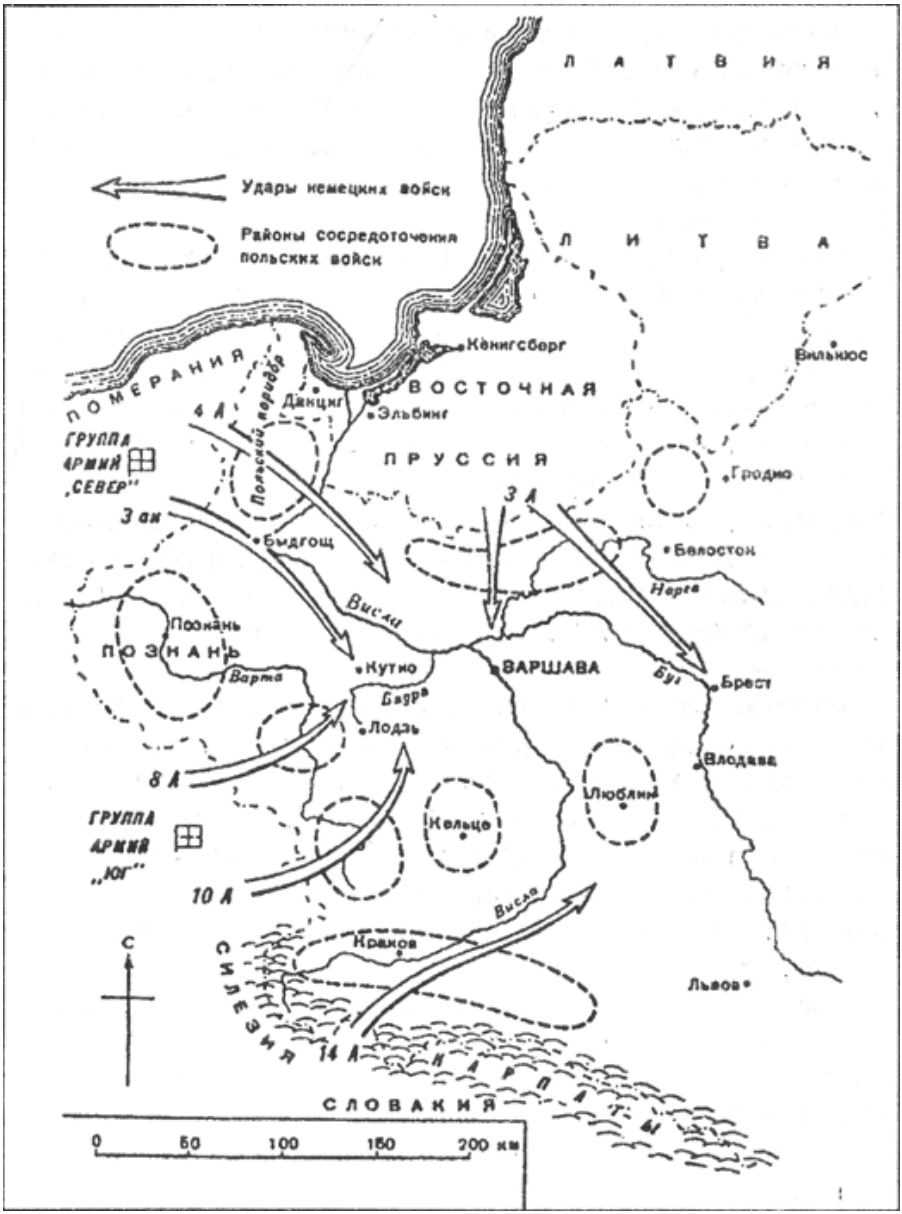
Группа армий «Юг» генерал-полковника фон Рундштедта в составе 8-й, 10-й и 14-й армий была развернута в Силезии и Словакии. Эта группа также имела задачу наступать в общем направлении на Варшаву, образуя вторую половину гигантских клещей, которые должны были сомкнуться с целью окружить польские войска в Познани, а по существу — все силы, расположенные к западу от Вислы. Обе группы армий были

связаны между собой лишь слабой сковывающей группой, развернутой напротив Познани и прикрывающей дорогу на Берлин.

Эта идея слабого центра и двух мощных наступающих крыльев являлась традиционной в германской стратегии, и корни ее восходят к классическому труду графа фон Шлиффена о победе Ганнибала при Каннах[10].

Немецкие войска имели шесть танковых и четыре легкие дивизии. В каждую танковую дивизию входили одна танковая и одна мотострелковая бригада. Танковая бригада состояла из двух полков по 125 танков в каждом, а мотострелковая бригада имела два мотострелковых полка и мотоциклетный батальон. Легкие 2 дивизии[11] имели в своем составе два полка мотопехоты трехбатальонного состава и танковый батальон[12].

Схема 1



Польская кампания 1939 г.

Качество нашей материальной части, применявшейся в этой кампании, оставляло желать много лучшего. У нас было несколько танков T-IV, вооруженных 75-мм пушками с низкой начальной скоростью снаряда, и некоторое количество танков T-III с несовершенными 37-мм пушками[13]. Основную же массу наших танков составляли T-II, на которых были установлены лишь тяжелые пулеметы. Более того, не было еще твердо сложившихся взглядов на стратегию и тактику танковых войск. К

счастью, во главе танковых и моторизованных дивизий, действовавших в составе группы армий «Север», стоял генерал Гудериан; благодаря тщательному изучению вопроса и опыту, полученному до войны, он глубоко понимал возможности танков и, что было не менее важно, понимал всю необходимость совместных действий танков, артиллерии и пехоты в рамках танковой дивизии.

Гудериан предвидел, что в конечном счете будут созданы танковые армии, и в данной кампании управлял двумя танковыми и двумя легкими дивизиями, входившими в состав группы армий «Север», как единым целым. Он отдавал себе отчет в том, что если танковые соединения слишком тесно связаны с полевыми армиями или армейскими корпусами, то не может быть должным образом использовано их самое ценное качество — подвижность. Эти взгляды Гудериана не нашли поддержки в группе армий «Юг», где танки были децентрализованы и распылены по разным армиям и корпусам.

Когда началась кампания, я был третьим офицером штаба 3-го корпуса, которым командовал генерал Гаазе. Это был тот самый корпус, где я служил в мирное время; он состоял из 50-й и 208-й пехотных дивизий. Мы входили в состав 4-й армии, и на нас была возложена задача, наступая из Померании, выйти на Вислу восточнее Бромберга (Быдгощ) и отрезать пути отхода польским войскам, обороняющим «коридор». Севернее наступал 19-й корпус Гудериана, который добился такого быстрого и замечательного успеха, что перед нашим фронтом было сломлено всякое сопротивление. Уже в первые дни вторжения мы взяли сотни пленных, причем сами понесли лишь незначительные потери.

И все же эти боевые действия принесли немалую пользу нашим войскам, которые получили боевое крещение и увидели разницу между настоящей войной и маневрами. Уже в самом начале кампании я убедился, какими нервными становятся в боевых условиях люди даже в хорошо подготовленных частях. Как-то раз над командным пунктом корпуса на небольшой высоте начал кружить самолет, и все, схватив какое попало оружие, открыли по нему беспорядочную стрельбу. Офицер связи с авиацией бросался то к одному, то к другому, пытаясь остановить стрельбу и крича возбужденным людям, что это один из наших добрых, старых «шторхов»[14].

Вскоре самолет приземлился, и из него вышел генерал авиации, ответственный за непосредственную авиационную поддержку нашего корпуса. Генералу рассказали обо всем и передали слова офицера, назвавшего его аистом, однако он не

нашел в них ничего смешного.

5 сентября авангард нашего корпуса подошел к Бромбергу, где не предвиделось серьезного сопротивления. Я двигался с передовыми частями, которые стремились поскорее войти в город и освободить множество проживавших там немцев. Но мы встретили ожесточенное и решительное сопротивление польского арьергарда, поддерживаемого многими вооруженными горожанами. Ворвавшись в город, мы обнаружили, что поляки хладнокровно умертвили сотни наших соотечественников, живших в Бромберге. Их мертвые тела валялись на улицах.

Между тем немецкие армии продолжали наступать по всему фронту. К 7 сентября группа армий «Юг» заняла Краков и подходила к Кельце и Лодзи; Польский коридор был преодолен, 3-я и 4-я армии соединились. Главные силы 4-й армии наступали на Варшаву вдоль правого берега Вислы, но 11 сентября 3-й корпус перешел в подчинение 8-й армии и получил приказ наступать западнее Вислы через Кутно. Мне было приказано вылететь на «Шторхе» на командный пункт 8-й армии, находившийся где-то около Лодзи, доложить о положении корпуса и получить дальнейшие распоряжения.

Мы поднялись в ясную погоду, пролетели над нашими наступающими авангардами, затем пересекли широкую полосу польской территории, где дороги были забиты войсками и беженцами, двигавшимися на восток, и достигли района, в котором предположительно можно было встретить передовые части 8-й армии. Я всегда относился к самолетам несколько скептически и не был удивлен, когда мотор вдруг начал давать перебои. Не оставалось иного выхода, как идти на вынужденную посадку, хотя мы не знали, занят ли уже этот район нашими войсками или нет. Когда мы с пилотом вышли из машины, то невдалеке увидели группы солдат в оливково-зеленой форме — без сомнения, поляков. Мы уже были готовы пустить в ход автоматы, как вдруг услышали слова немецкой команды — это был передовой отряд организации Тодта[15], занятый ремонтом мостов и дорог.

После доклада командующему 8-й армией я был введен в обстановку начальником штаба генералом Фельбером. Он рассказал мне, что 8-я армия только что преодолела серьезный кризис на своем северном фланге. 30-я пехотная дивизия, занимавшая широкий фронт по реке Бзура, была атакована превосходящими силами поляков, отходившими из Познани на Варшаву. Эту группировку из четырех пехотных дивизий и двух кавалерийских бригад поддерживали другие польские части, скопившиеся в районе к западу от Варшавы. Во избежание

серьезных осложнений 8-я армия была вынуждена приостановить наступление на Варшаву и прийти на помощь 30-й дивизии. Атаки поляков были отбиты, и сейчас 8-я армия сама начала наступление через реку Бзура с целью окружить и уничтожить весьма значительные силы поляков в районе Кутно. 3-й корпус должен был закрыть образовавшийся на западе разрыв между наступающими войсками.

В течение недели мы сжимали кольцо вокруг Кутно, отбивая отчаянные попытки поляков прорваться из окружения. Обстановка во многом напоминала окружение русских под Танненбергом в 1914 году. 19 сентября остатки девятнадцати польских дивизий и трех кавалерийских бригад общей численностью до 100 тыс. человек сдались 8-й армии.

Этот день, в сущности, означал конец Польской кампании. Танковый корпус Гудериана, далеко опередивший некоторые соединения группы армий «Север», форсировал Нарев и 14 сентября прорвал укрепления Бреста. 17 сентября Гудериан установил связь с танковым авангардом группы армий «Юг» в районе Влодавы. Таким образом, клещи сомкнулись, и нам удалось окружить почти всю польскую армию. Оставалось еще ликвидировать отдельные очаги сопротивления. Упорная оборона Варшавы продолжалась до 27 сентября.

В соответствии с соглашением, подписанным в Москве 26 августа, русские войска 17 сентября вступили в Польшу, а наши войска оставили Брест и Львов, отойдя на заранее установленную демаркационную линию. Несмотря на блестящую победу над Польшей, многие из нас испытывали опасения, связанные с широким распространением советской власти на запад.

Глава II
Завоевание Франции

На Западном фронте

Еще до окончания Польской кампании 3-й корпус был переведен на Запад, и в начале октября мы прибыли в район севернее Трира. Мой второй брат, который в мирное время занимал высокий пост в управлении лесного хозяйства, служил командиром взвода в резервной дивизии около Саарбрюкена, и я мог время от времени ездить к нему. Это позволило мне хорошо ознакомиться со знаменитым Западным валом, или линией Зигфрида. Вскоре я понял, какой опасной игрой была Польская кампания и как серьезно рисковало наше верховное командование. Второсортные войска, оборонявшие вал, были плохо вооружены и недостаточно обучены, а оборонительные сооружения были далеко не такими неприступными укреплениями, какими их изображала наша пропаганда. Бетонное покрытие толщиной более метра было редкостью; в целом позиции, безусловно, не могли выдержать огонь тяжелой артиллерии. Лишь немногие доты были расположены так, чтобы можно было вести продольный огонь, а большинство из них можно было разбить прямой наводкой без малейшего риска для наступающих. Западный вал строился так поспешно, что многие позиции были расположены на передних скатах. Противотанковых препятствий почти не было, и чем больше я смотрел на эти оборонительные сооружения, тем меньше мог понять полную пассивность французов. Если не считать поисков разведчиков в весьма отдаленном районе Саарбрюкена, французы вели себя очень мирно и не беспокоили защитников Западного вала. Такое бездействие должно было отрицательно сказаться на боевом духе французских войск, и, надо полагать, оно принесло им гораздо больше вреда, чем наша пропаганда, как бы она ни была эффективна.

Когда в октябре 1939 года предложения Гитлера о мире были отвергнуты, его первым стремлением было быстро добиться решения силой, предприняв новую молниеносную войну. Он боялся, что с каждым месяцем отсрочки союзники будут становиться все сильнее; к тому же никто по-настоящему не верил, что наш пакт с Россией будет долговечен. Вслед за ее наступлением в Польше уже последовала оккупация прибалтийских государств; в ноябре Красная армия начала

наступление на Финляндию. Угрожающая тень на Востоке была еще одной причиной для того, чтобы искать победы на Западе.

Сначала наступление было намечено на ноябрь, но плохая погода, препятствовавшая действиям авиации, заставляла неоднократно откладывать день начала наступления. Зимой войска вели напряженную подготовку к предстоящим боям, проводились крупные маневры.

Я был переведен в 197-ю пехотную дивизию на должность начальника штаба. В дивизии беспрерывно проводились полевые занятия подразделений и частей с боевыми стрельбами; такая подготовка, проводившаяся в районе Познани, не прекращалась даже в самые сильные морозы, доходившие до 20–30 градусов ниже нуля.

В марте 1940 года дивизию инспектировал известный генерал фон Манштейн, в то время командир корпуса. Манштейн фактически разработал план наступления на Западе, приведший к такому успеху, о котором никто не мог и мечтать[16].

Манштейн был лучшим умом германского генерального штаба, но действовал слишком прямолинейно; он всегда говорил то, что думал, и не пытался скрывать своего мнения, даже когда оно было нелестным для его начальников. В результате он был «законсервирован», и ему досталась сравнительно небольшая роль в той кампании, которую он так блестяще задумал.

Мое личное участие во Французской кампании ограничивается Лотарингией, я не принимал участия в великом походе через Северную Францию к Ла-Маншу. Тем не менее я намерен рассмотреть ход операций на главном направлении, поскольку они имели такое большое значение для развития способов ведения боевых действий бронетанковыми войсками.

План

Немецкий план наступления на Западном фронте был очень близок к знаменитому плану Шлиффена в Первой мировой войне. Главный удар по-прежнему намечался на правом крыле, но на несколько более широком фронте, чем в 1914 году, причем на этот раз предполагалось наступать и по территории Голландии. Эта операция была поручена группе армий «Б» генерал-полковника фон Бока, в которую должны были войти все десять наших танковых дивизий; главный удар наносился по обе стороны Льежа. Группа армий «А» генерал-полковника фон Рундштедта, поддерживая наступление, имела задачу пройти через Арденны и выйти пехотными частями к Маасу, в то время как группа армий «Ц» генерал-полковника фон Лееба должна

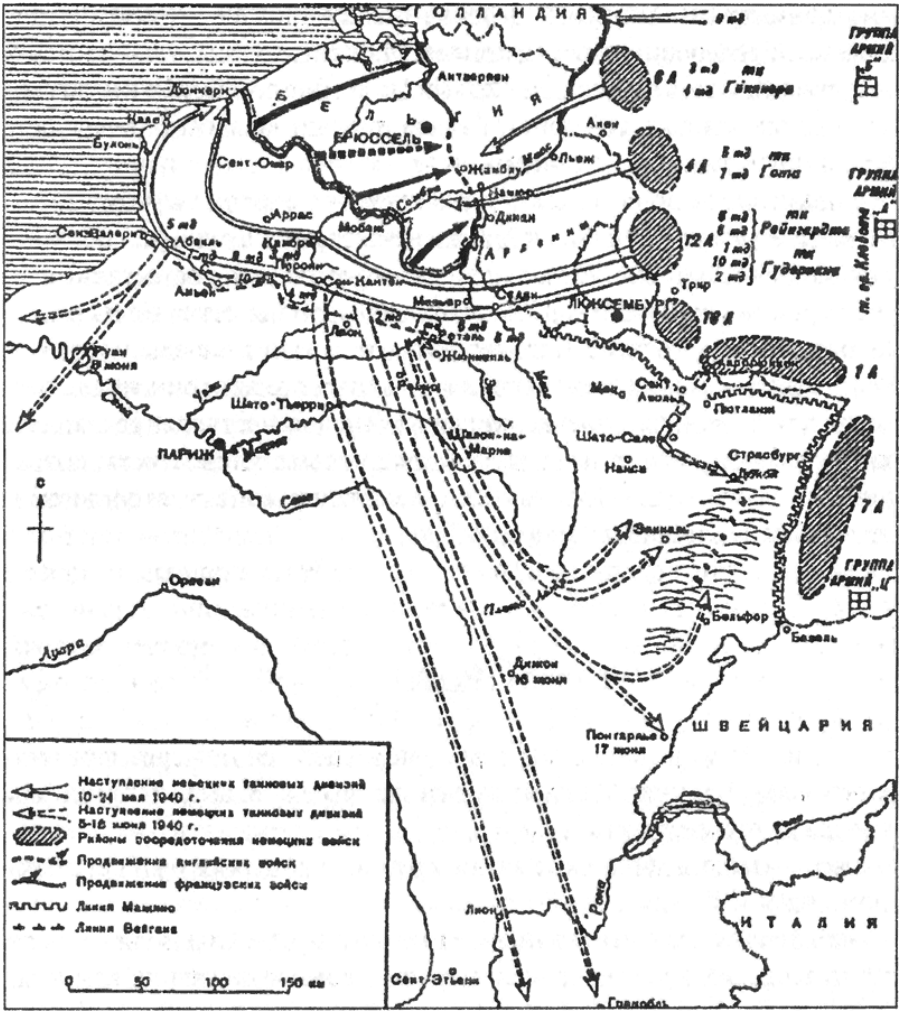
была занимать оборону перед линией Мажино.

Приемлемость этого плана вызывала сомнения. Особенно возражал против нанесения главного удара правым крылом генерал фон Манштейн, бывший в то время начальником штаба группы армий «А», так как это привело бы, по его мнению, к фронтальному столкновению между нашими танковыми частями и лучшими соединениями французов и англичан в районе Брюсселя. Простое повторение стратегического плана 1914 года означало бы отказ от надежды на внезапность, являющуюся вернейшим залогом победы. Поэтому Манштейн выдвинул хитроумный и в высшей степени оригинальный план. Как и раньше, предполагалось большое наступление нашего правого крыла; группа армий «Б», имея в своем составе три танковые дивизии[17] и все наличные воздушно-десантные войска, вторгается в Голландию и Бельгию.

Наступление группы армий «Б» должно быть мощным и проводиться так, чтобы отвлечь внимание противника; оно должно сопровождаться высадкой парашютных десантов в наиболее важных пунктах Бельгии и Голландии. Можно было почти не сомневаться, что противник будет рассматривать это наступление как главный удар и начнет поспешно перебрасывать свои части через франкобельгийскую границу, чтобы выйти на рубеж Мааса и прикрыть Брюссель и Антверпен.

Чем больше сил он бросит в этот район, тем вернее будет его разгром.

Схема 2



Кампания во Франции 1940 г.

Решающая роль отводилась группе армий «А». Она должна была включать три армии (4-ю, 12-ю й 16-ю) и танковую группу Клейста. 4-я армия, включавшая танковый корпус Гота[18], должна была наступать южнее Мааса и форсировать его в районе Динана. Главный удар должна была наносить танковая группа Клейста в полосе нашей 12-й армии. В эту группу входили танковый корпус Рейнгардта (6-я и 8-я танковые дивизии), танковый корпус Гудериана (1-я, 2-я и 10-я танковые дивизии) и моторизованный корпус Витерсгейма (пять моторизованных дивизий). Ей предстояло пересечь Арденны — предполагалось, что эта труднодоступная для танков местность недостаточно хорошо оборонялась противником — и форсировать Маас у Седана. В дальнейшем, стремительно продвигаясь на запад, танковая группа Клейста выходила глубоко во фланг и тыл войскам

противника, расположенным в Бельгии. Ее левый фланг первоначально должна была обеспечивать 16-я армия.

Таков был план, принятый германским верховным командованием по совету и под влиянием Манштейна. Нужно отметить, что предложения Манштейна встретили вначале значительное сопротивление, и чаша весов склонилась в его пользу только благодаря одному удивительному случаю. В январе 1940 года немецкий самолет, на борту которого находился офицер связи, потерял ориентировку и приземлился на бельгийской территории. В кармане у офицера лежала копия первоначального плана, и у нас не было уверенности, что ее удалось уничтожить. Поэтому было решено принять план Манштейна, который особенно привлекал Гитлера своей оригинальностью и смелостью.

Седан

В 5 час 35 мин 10 мая 1940 года авангарды немецких войск перешли границы Бельгии, Люксембурга и Голландии. Как и в Польше, мы обладали господством в воздухе, но не предпринимали никаких попыток помешать движению английских и французских войск, устремившихся в Бельгию и Южную Голландию. Германское верховное командование радо было видеть, что его ожидания оправдались и что противник реагирует на наше наступление именно так, как нам было нужно.

Успех наступления решался танковой группой Клейста, которая углубилась в лесистые холмы Арденн и продвигалась к Маасу. Я должен подчеркнуть, что своими победами в мае 1940 года Германия обязана в первую очередь умелому применению двух величайших принципов военного искусства — внезапности и сосредоточению сил. Фактически немецкая армия уступала союзным армиям не только по количеству дивизий, но и главным образом по количеству танков. В то время как объединенные франко-английские силы имели около 4000 танков, немецкая армия могла выставить только 2800[19]. Не было у нас также и реального качественного превосходства. Танки союзников и особенно английский танк «Матильда» имели более мощную броню, чем наши, а 37-мм пушка нашего Т-III — основного типа немецких танков — уступала английской двухфунтовой пушке. Но решающим фактором явилось то, что для прорыва между Седаном и Намюром мы сконцентрировали семь из десяти наших танковых дивизий, пять из которых были сосредоточены в районе Седана. Военные руководители союзников, в особенности французы, все еще находились в плену линейной тактики времен

Первой мировой войны и поэтому распылили свои танки по пехотным дивизиям. 1-я бронетанковая дивизия англичан еще не прибыла во Францию, а формирование четырех французских бронетанковых дивизий находилось только в начальной стадии. Французы не задумывались над вопросом массированного использования своих бронетанковых дивизий. Распыляя свои танки по всему фронту от швейцарской границы до Ла-Манша, французское верховное командование играло нам на руку, и ему остается упрекать за катастрофу, которая должна была последовать, только себя[20].

Танковая группа Клейста в Люксембурге не встретила никакого сопротивления, а в Арденнах противодействие французской кавалерии и бельгийских стрелков было быстро сломлено. Местность, без сомнения, не благоприятствовала движению войск, но хорошо организованное регулирование и тщательная подготовительная работа штабов сгладили трудности наступательного марша танковых и моторизованных дивизий, двигавшихся колоннами по сто километров длиной. Противник не был подготовлен к массированному удару, в этом районе его слабая оборона была преодолена с ходу, и вечером 12 мая авангард танкового корпуса Гудериана вышел на Маас, заняв город Седан. Клейст решил во второй половине дня 13 мая форсировать Маас передовыми частями этого танкового корпуса. Пехотные дивизии больше подходили для этой цели, но важно было воспользоваться растерянностью противника и не дать ему возможности привести себя в порядок. Для обеспечения переправы немецкое командование располагало большим количеством авиации.

Мне посчастливилось получить из первых рук описание форсирования Мааса, сделанное командиром 1-го мотострелкового полка 1-йтанковойдивизии полковником Бальком[21]. Вечером 12 мая его полк вышел к Маасу южнее Флуэна и остановился в готовности к атаке. Офицеры и солдаты в точности знали, что от них требуется; несколько месяцев они готовились к этой атаке, изучали соответствующие карты и аэрофотоснимки местности. Наша разведка добыла точные и подробные сведения о французских позициях вплоть до отдельных дотов.

Тем не менее утром 13 мая обстановка представлялась штабу 1-го мотострелкового полка зловещей, французская артиллерия была настороже, малейшее движение наших войск вызывало огонь французов. Немецкая артиллерия задержалась на забитых дорогах и не сумела вовремя занять позиции; ни саперы, ни основная масса переправочных средств еще не были подтянуты к

реке. К счастью, на участок полка привезли надувные лодки; войскам, правда, пришлось справляться с этой техникой без помощи саперов[22].

Полковник Бальк послал офицера связи в штаб корпуса, чтобы просить максимальной авиационной поддержки и указать, что нельзя рассчитывать на успех атаки, пока не будет подавлена французская артиллерия. Огонь противника исключал возможность какого бы то ни было маневра.

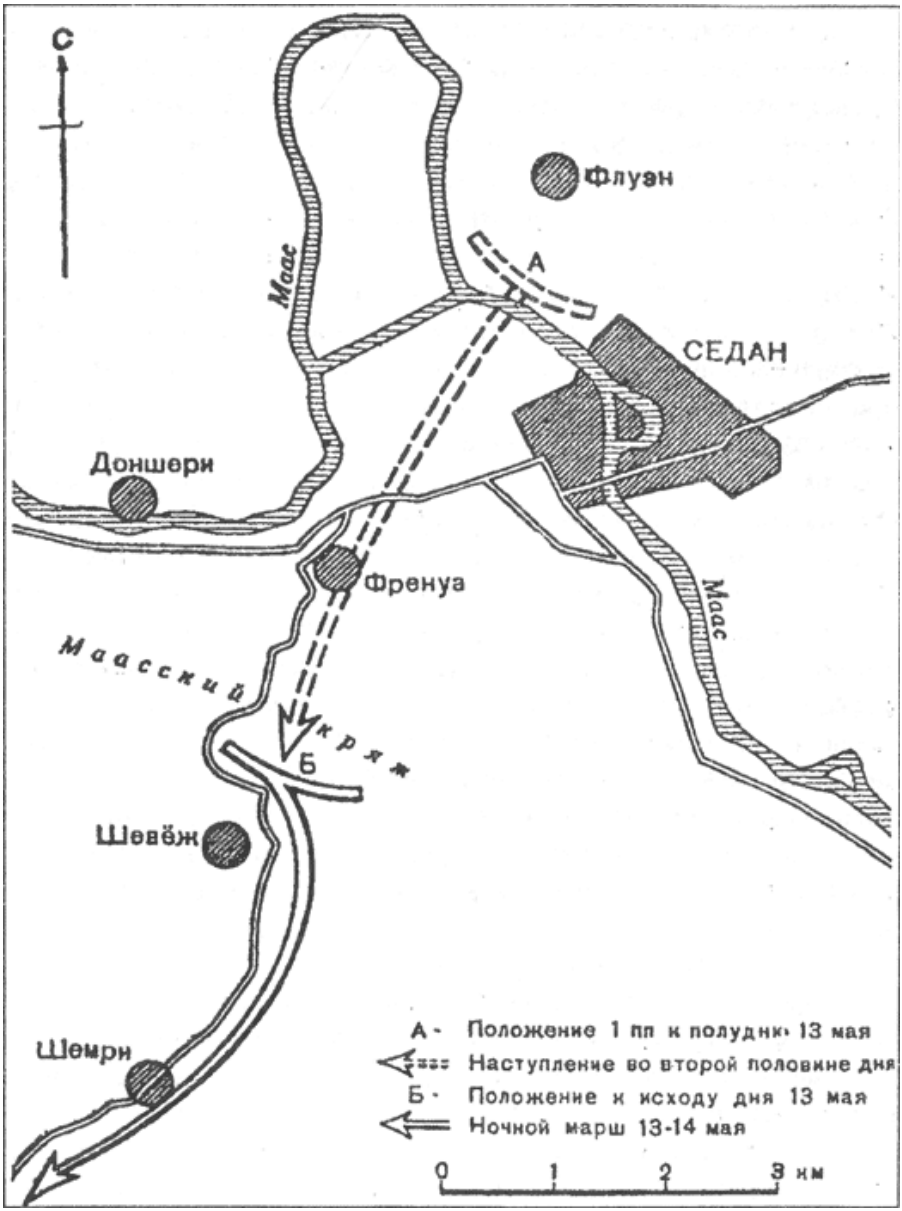
Около полудня немецкая авиация в количестве до тысячи самолетов нанесла массированный удар по позициям французских войск. Пикирующие бомбардировщики полностью подавили французскую артиллерию, которая так и не сумела оправиться от этого удара. У полковника Балька создалось впечатление, что французские артиллеристы бросили свои батареи, и их никак нельзя было заставить вернуться к орудиям. Полное прекращение огня французской артиллерией оказало замечательное действие на боевой дух полка. Если еще несколько минут назад каждый искал укрытия, то теперь никто и не думал прятаться. Невозможно было удержать солдат. Надувные лодки подходили к берегу и выгружались на самом виду у французских дотов, в каких-нибудь ста метрах от них. Во время форсирования авиация проводила такие мощные атаки на французские позиции, что наши войска даже не заметили полного отсутствия артиллерийской поддержки. По ту сторону реки все шло по заранее намеченному плану, и к исходу дня полк овладел командными высотами на южном берегу Мааса. Французы, по-видимому, были ошеломлены атаками авиации и оказывали слабое сопротивление; к тому же каждое из подразделений Балька в течение нескольких месяцев репетировало ту роль, которую оно должно было сыграть в наступлении.

Полковник Бальк решил расширить плацдарм и продвинуться до Шемри, пройдя около 10 км. Это было очень смелое решение. Не подошли еще ни артиллерия, ни танки, ни противотанковые орудия, а наведение моста через Маас продвигалось медленно из-за непрерывных и ожесточенных налетов авиации. Но Бальк опасался, что небольшой плацдарм будет легко изолирован, и, несмотря на усталость солдат, он решил продвинуться в глубь французской территории. После десятикилометрового ночного марша Шемри было занято без сопротивления.

Утром 14 мая положение резко обострилось, что, кстати сказать, Бальк предвидел: французская танковая бригада контратаковала при поддержке низколетящих самолетов. К счастью, французы не сумели в короткий срок подготовить эту атаку; их танки двигались медленно и неуверенно, и к моменту,

когда они начали бой, уже подходили наши противотанковые орудия, а также головные подразделения 1-й танковой бригады. Бой был короткий и жестокий; хотя французы атаковали храбро, но умения они проявили мало, и вскоре горело уже около пятидесяти французских танков. Средства связи во французской танковой бригаде были очень бедными, и современное радиооборудование наших танковых частей давало им явное преимущество в быстроте проведения маневра. Устаревшие французские самолеты несли тяжелые потери от пулеметного огня полка.

Схема 3



Седан, 13–14 мая 1940 г.

Во время этого боя, а также накануне, когда немецкие войска форсировали Маас, генерал Гудериан находился в боевых порядках первого эшелона, и Бальк имел возможность лично с ним советоваться.

Битва при Седане занимает важное место в развитии способов боевого применения танков. В то время обычно проводили резкое разграничение между пехотными и танковыми частями. Однако эта теория оказалась несостоятельной. Если бы при

форсировании Мааса полковник Бальк имел в распоряжении танки, дело обстояло бы гораздо проще. Можно было бы переправить через реку отдельные танки, и не пришлось бы в ночь с 13 на 14 мая посылать войска вперед без всякой танковой поддержки. Наконец, если бы французы контратаковали более настойчиво, положение мотострелкового полка стало бы критическим, но в то время считали нецелесообразным придавать танки пехоте — танковая бригада должна была сохраняться для решающего удара. Начиная с Седана танки и пехота использовались в смешанных боевых группах (Kampfgruppen). Эти боевые группы явились воплощением старого, как сама война, принципа одновременного сосредоточения всех родов войск в одном месте.

Сопротивление французов на Маасе рухнуло. Позиции по берегу реки обороняли резервные дивизии второй очереди с небольшим числом противотанковых орудий; боевой дух французских войск, по-видимому, был окончательно сломлен действиями немецких пикирующих бомбардировщиков. К северу от Мезьера две танковые дивизии генерала Рейнгардта в нескольких местах форсировали Маас, а танковый корпус Гота застиг французов врасплох у Динана. 14 мая танковый корпус генерала Гудериана расширил плацдарм к югу и к западу от Седана и отбил ряд контратак 3-й бронетанковой дивизии французов. Здесь шли очень упорные бои, и важнейшие высоты несколько раз переходили из рук в руки.

15 мая германское верховное командование начало «нервничать» и запретило дальнейшее продвижение танковых корпусов до тех пор, пока пехотные дивизии 12-й армии, которые тащились позади танковой группы Клейста, не будут готовы взять на себя прикрытие южного крыла наступающих войск[23]. Но командиры танковых корпусов и дивизий, оценивая сложившуюся на фронте обстановку, ясно видели, что можно быстро добиться величайшей победы, если только продолжать движение на запад и не дать противнику времени для принятия контрмер. Учитывая их решительный протест, было дано разрешение «расширить плацдарм», и 16 мая танковая группа Клейста, окончательно прорвав фронт французов западнее Мааса, устремилась к морю.

Разгром

В то время как под Седаном осуществлялся прорыв центра французской обороны, в Бельгии 13 и 14 мая развернулись ожесточенные танковые бои. Танковый корпус Гёппнера, наступая севернее Мааса, около Жамблу встретился с превосходящими

силами французов, но благодаря своей замечательной выучке и отличной службе связи немецкие танкисты в результате искусного маневрирования сумели оттеснить противника за реку Диль. Гёппнер получил приказ не наступать прямо на Брюссель, а направить главные усилия вдоль реки Самбра, чтобы все время поддерживать тесную связь с танковым корпусом, наступающим южнее реки.

Продвижение Гудериана вдоль Соммы развивалось с поразительной быстротой. К вечеру 18 мая он был в Сен-Кантене, 19-го пересек поле битвы на Сомме, а к 20 мая его авангард уже достиг Абвиля и Ла-Манша. Тем самым союзные армии были разрезаны надвое. Такое стремительное наступление было сопряжено с серьезным риском и вызывало тревогу за обеспечение южного фланга; 10-й танковой дивизии, моторизованному корпусу Витерсгейма и пехотным дивизиям 16-й армии последовательно поручалось прикрывать наступающие войска с юга вдоль рубежей рек Эны и Соммы. Кризис наступил 18 мая, когда 4-я французская бронетанковая дивизия под командованием генерала де Голля контратаковала в районе Лаона, но после упорного боя была вынуждена отступить с большими потерями. Для стратегии французов было типичным использование танков по частям: 14–15 мая была брошена в бой под Седаном 3-я бронетанковая дивизия, 18 мая под Лаоном — 4-я бронетанковая дивизия. Даже после нашего первоначального прорыва под Седаном французы все еще могли бы сохранять шансы на успех, если бы их верховное командование не потеряло голову и вместо того, чтобы проводить контратаки незначительными силами, сосредоточило все наличные бронетанковые войска для решительного удара.

Под сильным нажимом группы армий «Б» союзные войска в Бельгии отступили от Брюсселя на рубеж Шельды, имея свой южный флангу Арраса, расположенного всего в сорока километрах от Перонна на берегу Соммы. Если бы союзники могли закрыть разрыв между Аррасом и Перонном, то они отрезали бы наши танковые дивизии, прорвавшиеся к морю. 20 мая лорд Горт, командующий британскими экспедиционными силами, отдал приказ контратаковать на следующий день в районе Арраса немецкие войска; были предприняты также попытки заручиться поддержкой французов для более крупной операции с целью закрыть эту жизненно важную брешь[24]. Французы заявили, что они не могут начать наступление раньше 22-го, но части английской 50-й дивизии и 1-й армейской танковой бригады начали боевые действия южнее Арраса утром 21 мая. Эти силы были слишком малы, чтобы достигнуть какого-

либо решающего результата, но они нанесли тяжелые потери 7-й танковой дивизии Роммеля. Наши 37-мм противотанковые пушки не могли, конечно, остановить английские тяжелые танки типа «Матильда»[25], и только введя в бой всю свою артиллерию, и особенно 88-мм зенитные орудия, Роммелю удалось задержать наступление англичан.

Южнее Соммы вообще ничего не произошло — французские войска, сосредоточенные для контрудара, подвергались постоянным бомбардировкам со стороны наших военно-воздушных сил. В английском официальном историческом труде[26] указывается, что «в этой критической обстановке французское верховное командование оказалось неспособным осуществить действенное управление войсками». Было много совещаний, дискуссий, директив, но почти никаких эффективных мер не предпринималось. Наша 4-я армия нанесла ответный удар, захватила Аррас и оттеснила англичан еще дальше на север. Положение союзников в Бельгии и Северной Франции вскоре стало катастрофическим.

Гудериан наступал к северу от Абвиля и 22 мая атаковал Булонь. Танковый корпус Рейнгардта, наступавший правее, 23 мая захватил Сент-Омер. Таким образом, передовые танковые дивизии оказались лишь в 18 милях от Дюнкерка, то есть гораздо ближе к порту, чем главные силы англо-французских войск в Бельгии. Вечером 23 мая генерал фон Рундштедт, командующий группой армий «А», приказал своим танковым дивизиям 24 мая остановиться на рубеже канала между Сент-Омером и Бетюном.

Генерал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными силами, считал, что все руководство операциями против союзных армий на севере должно быть сосредоточено в одних руках, а наступательные действия с целью окружения союзников должны продолжаться безостановочно. В соответствии с этим 24 мая он отдал приказ о подчинении 4-й армии Рундштедта, включавшей все танковые дивизии группы армий «А», группе армий «Б» генерала фон Бока, которая наступала на занимаемый союзниками выступ с востока. Однако 24 мая Гитлер посетил штаб Рундштедта и отменил приказ Браухича. После его отъезда Рундштедт издал приказ, в котором говорилось: «По приказу фюрера… общую линию Лан, Бетюн, Эр, Сент-Омер, Гравлин (рубеж канала) не переходить». Когда Гитлер приказал Рундштедту 26 мая возобновить наступление, было уже слишком поздно, чтобы достигнуть решающих результатов, и англичане сумели осуществить отход на побережье к Дюнкерку[27].

Хотя Дюнкерк и не принес немецким войскам того триумфа, которого они были вправе ожидать, тем не менее он означал

сокрушительное поражение союзников. В Бельгии французская армия потеряла большую часть своих бронетанковых и моторизованных соединений, и у нее осталось только шестьдесят дивизий, которым предстояло удерживать длинный фронт от швейцарской границы до Ла-Манша. Английские войска потеряли всю артиллерию, танки и транспортные средства и теперь могли оказать французам лишь незначительную поддержку на рубеже Соммы[28]. В конце мая наши танковые дивизии начали движение на юг, и войска стали спешно готовиться к новому наступлению на так называемую линию Вейгана[29].

План германского верховного командования на последний этап Французской кампании предусматривал нанесение трех ударов. Группа армий «Б» с шестью танковыми дивизиями прорывает фронт противника между Уазой и морем и продвигается в южном направлении с задачей выйти к Сене в районе Руана. Через несколько дней группа армий «А» с четырьмя танковыми дивизиями начинает наступление по обе стороны Ретель и прорывается в глубь Франции, имея конечной целью плато Лангр. После того как развернется наступление обеих групп, группа армий «Ц» атакует линию Мажино и стремится прорвать ее между городом Мец и рекой Рейн.

К началу июня группировка германских танковых войск была следующей. Танковый корпус Гота в составе 5-й и 7-й танковых дивизий находился в районе Абвиля в распоряжении командующего 4-й армией. Танковая группа Клейста в составе моторизованного корпуса Витерсгейма (9-я и 10-я танковые дивизии) и танкового корпуса Гёппнера (3-я и 4-я танковые дивизии) стояла между Амьеном и Перонном. Танковые дивизии, расположенные в районе Ретель, образовали новую танковую группу под командованием Гудериана в составе танкового корпуса Шмидта (1-я и 2-я танковые и 29-я моторизованная дивизия) и танкового корпуса Рейнгардта (6-я и 8-я танковые и 20-я моторизованная дивизии)[30].

В начале июня противник еще более ослабил свои танковые силы рядом неблагоразумных атак против наших плацдармов в районе Абвиля и Амьена. 5 июня группа армий «Б» начала наступление; танковый корпус Гота сразу же глубоко вклинился в оборону противника. Противник не сумел задержать нас на абвильском плацдарме, и 7-я танковая дивизия под командованием генерала Эрвина Роммеля стала стремительно продвигаться к Сене. К 8 июня Роммель был в Руане и, воспользовавшись полнейшей растерянностью противника, повернул к морю и отрезал 51-ю английскую дивизию и значительные силы французов у Сен-Валери.

Однако восточнее наступление немецких войск шло не так гладко. Танковая группа Клейста тщетно пыталась прорваться с плацдармов у Амьена и Перонна; французские войска в этом районе сражались с исключительным упорством и наносили нам значительные потери. 9 июня перешла в наступление и группа армий «А». Первой ее задачей был захват плацдармов на южном берегу Эны. Эта задача была поручена пехотным частям 12-й армии, и, хотя им не удалось форсировать реку около Ретель, они создали три плацдарма западнее города. В ночь с 9 на 10 июня был наведен мост, и танки Шмидта переправились через Эну. Жестокие бои разгорелись 10 июня: район с многочисленными деревнями и рощами, прочно удерживавшимися французами, был труднопреодолимым. Ликвидация этих очагов сопротивления предоставлялась мотострелковым полкам, а танковые части проходили мимо, стремясь продвинуться как можно дальше на юг. Днем 10 июня французские резервы, включавшие вновь сформированную бронетанковую дивизию, контратаковали наши танки во фланг из Жюнивиля, но были отбиты после двухчасового танкового боя. В ночь с 10 на 11 июня Гудериан переправил на плацдарм, достигший к этому времени двадцати километров в глубину, танковый корпус Рейнгардта. 11 июня танки Рейнгардта отбили несколько контратак французских бронетанковых войск.

Успех Гудериана и неудача Клейста объясняются различием в их методах ведения боевых действий. Атаки последнего с амьенского и пероннского плацдармов говорят о том, что совершенно бесполезно бросать танковые части на хорошо подготовленные оборонительные позиции, занимаемые противником, который ожидает наступления и полон решимости его отразить. Танки Гудериана, напротив, не вводились в бой до тех пор, пока пехота не переправилась и не закрепилась основательно на противоположном берегу Эны. После неудачи Клейста на Сомме германское верховное командование проявило гибкость своего руководства, перебросив танковую группу Клейста в район Лаона. Здесь эта группа сразу добилась успеха: ее авангард, преодолев слабое сопротивление противника, начал стремительно продвигаться вперед и 11 июня вышел на Марну в районе Шато-Тьерри. На следующий день Марны в районе Шалона достигли и танки Гудериана. Восемь танковых дивизий, направляемые твердой рукой, устремились на юг по обе стороны Реймса, и противнику нечем было их остановить.

В противоположность 1914 году Париж не играл никакой роли в стратегических планах германского командования. Этот город не являлся более крупной крепостью, откуда могла угрожать нашим коммуникациям резервная армия. Французское

верховное командование объявило Париж открытым городом, а германское верховное командование фактически не принимало его во внимание в своих расчетах — вступление немецких войск в Париж 14 июня было не более как эпизодом в этой кампании. Тем временем танковый корпус Гота действовал уже в Нормандии и Бретани, танковая группа Клейста направлялась к плато Лангр и в долину Роны, а танковая группа Гудериана повернула на восток, в Лотарингию, чтобы атаковать линию Мажино с тыла.

14 июня 1-я армия, входившая в группу армий «Ц», южнее Саарбрюккена вклинилась в линию Мажино. Вся оборона французов рухнула, и темп наступления немецких войск был ограничен лишь расстоянием, которое могли покрыть танковые дивизии за день — пехотные соединения остались далеко позади на пыльных дорогах. 16 июня танки Клейста прогрохотали по улицам Дижона, а 17 июня передовые отряды Гудериана достигли швейцарской границы у Понтарлье. Окружение французских армий в Эльзасе и Лотарингии было завершено. 18 июня Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене, чтобы обсудить просьбу французов о перемирии.

Заключительные этапы кампании, когда немецкие танки ворвались в Шербур, Брест и Лион, сильно напоминают преследование после Йены, когда французская кавалерия наводнила равнины Северной Германии. Положение наших танков к концу кампании было очень похоже на то, о котором писал Мюрат в своем донесении Наполеону в ноябре 1806 года: «Ваше Величество, сражение закончено, потому что не с кем больше сражаться».

В Лотарингии

Как я уже указывал, мое личное участие в этой кампании ограничивалось боями в Лотарингии, где я служил начальником (первым офицером) штаба 197-й пехотной дивизии. Она входила в состав 1-й немецкой армии, войска которой 14 июня атаковали знаменитую линию Мажино у Пютланжа южнее Саарбрюккена. Мне представилась хорошая возможность непосредственно наблюдать эти бои, хотя из нашей дивизии в самом прорыве участвовали только артиллерия и саперный батальон.

Убеждение в неприступности линии Мажино получило широкое распространение, и, насколько мне известно, до сих пор еще есть люди, считающие, что ее укрепления могли бы выдержать любую атаку. Небезынтересно отметить, что оборонительные сооружения линии Мажино были прорваны за несколько часов в результате обычного наступления пехоты без

какой бы то ни было танковой поддержки. Немецкая пехота наступала под мощным прикрытием авиации и артиллерии, которая широко применяла дымовые снаряды. Вскоре обнаружилось, что многие из французских дотов не выдерживают прямых попаданий снарядов и бомб; кроме того, большое количество сооружений не было приспособлено для круговой обороны, и их легко можно было атаковать с тыла и фланга с помощью гранат и огнеметов. Линии Мажино не хватало глубины, и, взятая в целом, она значительно уступала многим оборонительным позициям, созданным в дальнейшем ходе войны. В современной войне вообще неразумно рассчитывать на позиционную оборону, а что касается линии Мажино, то ее сооружения имели лишь ограниченное местное значение.

После прорыва 197-я пехотная дивизия форсированным маршем преследовала отходящего противника; войска шли с подъемом, проходя по 55 км в день — настолько каждому хотелось «быть там». Достигнув Шато-Салена, мы получили приказ повернуть в восточном направлении и продвигаться к Вогезам, имея конечной целью Донон — самую высокую точку Северных Вогезов. На рассвете 22 июня мы прошли через боевые порядки какой-то дивизии, понесшей тяжелые потери в предыдущих боях, и продолжали пробиваться вперед через густо заросшие лесом холмы. Противник устраивал на дорогах завалы из деревьев, а его артиллерия, снайперы и пулеметчики широко пользовались преимуществами прекрасных естественных укрытий. Медленно, с жестокими боями пробивала наша дивизия свой путь к Донону и к исходу 22 июня была лишь в полутора километрах от вершины.

Вечером того же дня мне позвонил по телефону полковник Шпейдель[31], начальник штаба корпуса, и сообщил мне, что 3-я, 5-я и 8-я французские армии в Эльзас-Лотарингии безоговорочно капитулировали. Он приказал выслать к противнику парламентера, чтобы условиться о прекращении огня. На рассвете 23 июня офицер разведки установил контакт с командованием французских войск, находившихся перед нашим фронтом, а утром я поехал с командиром дивизии генералом Мейер-Рабингеном в штаб 43-го французского корпуса. Мы миновали наши передовые позиции и, проехав еще около километра, добрались до французского боевого охранения — французы уже убрали заграждения на дорогах. Французские войска приветствовали нас совсем как в мирное время. Представители французской военной полиции в коротких кожаных куртках дали нам разрешение следовать дальше, а французские часовые взяли оружие на караул. Мы прибыли на виллу «Ше ну», где

располагался штаб генерала Лескана. Командиру корпуса было лет шестьдесят; он встретил нас со всем своим штабом. Старик, очевидно, был страшно подавлен и с трудом сохранял остатки сил, но внешне был вежлив; мы спокойно обсудили условия капитуляции, как подобает офицерам и джентльменам. Лескану и его офицерам были оказаны все подобающие воинские почести.

24 июня ставка фюрера объявила, что войска противника, окруженные в Вогезах, капитулировали у Донона. В сводке сообщалось о захвате 22 тыс. пленных, в том числе командира корпуса и трех командиров дивизий, а также двенадцати артиллерийских дивизионов и большого количества имущества и снаряжения.

Заключение

Каковы были причины столь быстрого разгрома Франции? Я уже касался большинства из них при описании операций, но, может быть, будет полезно вновь остановиться на наиболее важных моментах. Хотя политические и моральные факторы, несомненно, имеют большое значение, я ограничусь рассмотрением чисто военных причин поражения.

Вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что исход кампании решили немецкие танковые войска, блестяще поддержанные авиацией. Это мнение не умаляет роли наших пехотных дивизий, которые полностью проявили свои высокие боевые качества во время ужасной войны в России. Но в молниеносной войне во Франции у них было мало возможностей проявить свою доблесть.

Исход кампании решали бронетанковые войска, так что по существу она была столкновением принципов боевого применения танков двух соперничающих школ. Военные руководители союзников мыслили нормами Первой мировой войны и распылили свои танковые силы, распределив их приблизительно равномерно по всему фронту, хотя лучшие их дивизии принимали участие во вступлении в Бельгию. Командование наших танковых войск считало, что танки надо использовать массированно, в результате чего на направлении главного удара под Седаном было сосредоточено два танковых и один моторизованный корпус. Наша теория боевого использования танков отнюдь не являлась тайной для союзников. В 1938 году Макс Вернер[32] указывал, что «немецкая военная теория видит только один путь использования танков — это применение их крупными массами».

Французские и английские генералы не только отказались

признать нашу теорию, но и не сумели принять необходимые меры противодействия.

Даже после нашего прорыва на Маасе французские генералы были, видимо, неспособны сосредоточить свои танки, а тактика французских танковых частей была чересчур негибкой и шаблонной. Преимущество наших танковых корпусов и дивизий состояло не только в отличной подготовке и прекрасных средствах связи, но и в том, что командиры всех степеней хорошо понимали, что управлять танковыми войсками надо, находясь непосредственно в боевых порядках. Это позволяло им сразу же использовать характерную для действий танков быстро меняющуюся обстановку и открывающиеся при этом возможности.

Пожалуй, следует подчеркнуть, что хотя мы и придавали главное значение танковым войскам, однако в то же время мы отдавали себе отчет в том, что танки не могут действовать без непосредственной поддержки моторизованной пехоты и артиллерии. Танковые дивизии должны быть гармоничным соединением всех родов войск, как это было у нас, — таков был урок этой войны, который англичане не сумели усвоить вплоть до 1942 года.

Умелое использование внезапности было очень важным фактором нашего успеха. Клейст предпочел форсировать Маас 13 мая, не дожидаясь своей артиллерии, чтобы не лишиться преимуществ внезапности; успешное взаимодействие авиации с танковым корпусом во время этого форсирования осуществлялось и впоследствии при преследовании противника в Центральной и Южной Франции. Гибкие действия немецкого командования и стремительные маневры танков неоднократно приводили противника в замешательство. Успешное использование наших парашютных войск в Голландии также доказывает парализующее действие внезапного удара.

Германское верховное командование проявило себя в этой кампании с положительной стороны, его стратегическое руководство танковыми войсками было, в общем, смелым и уверенным. В действиях нашего верховного командования были только две серьезные ошибки: приказ, вынуждавший танки после захвата седанского плацдарма ожидать подхода пехотных дивизий, и особенно трагическое решение остановить танковые дивизии, когда они уже вот-вот должны были овладеть Дюнкерком[33].

В общем и целом битва за Францию была выиграна германскими вооруженными силами потому, что они вновь возродили принцип мобильности — решающий фактор успеха в

войне. Они достигли мобильности гибким сочетанием сосредоточения сил и внезапности с огневой мощью, а также искусным использованием самых современных средств: авиации, воздушно-десантных войск, танков. Тяжелые поражения в последующие годы не должны умалить значения того факта, что в 1940 году германский генеральный штаб добился исключительного военного успеха, который можно поставить в один ряд с блестящими кампаниями величайших полководцев истории. Не наша вина, что плоды этого потрясающего триумфа пропали даром.

Глава III
Балканская кампания

Между двумя кампаниями

Лето 1940 года было для германской армии самым счастливым временем за всю войну. Мы одержали такие победы, каких не знала история со времен Наполеона; Версаль был отомщен, перед нами уже открывались перспективы прочного и почетного мира. Наши оккупационные войска обосновались во Франции и Нидерландах, и потекла спокойная и размеренная солдатская служба, совсем как в мирное время. Устраивались прогулки верхом и выезды на охоту, шел даже разговор о том, что нашим семьям разрешат к нам приехать.

Верховное командование готовилось расформировать большое число дивизий, были аннулированы крупные контракты на поставку вооружения. Однако наши надежды на спокойную жизнь рухнули, когда Англия отклонила предложения Гитлера и Черчилль заявил о непоколебимой решимости своей страны продолжать войну. Верховное командование приступило к спешной подготовке операции «Морской лев»[34], и германские военно-воздушные силы стали готовиться к завоеванию господства в воздухе над Ла-Маншем и Ирландским морем. Наша авиация блестяще выполнила свою задачу в молниеносной войне во Франции, но она использовалась главным образом для поддержки наземных операций. Вскоре стало ясно, что наши военно-воздушные силы были недостаточно сильны, чтобы по целым неделям вести жестокие бои с английской авиацией, обладавшей более совершенным радиолокационным оборудованием, и по мере роста наших потерь перспектива форсирования Ла-Манша становилась все отдаленнее.

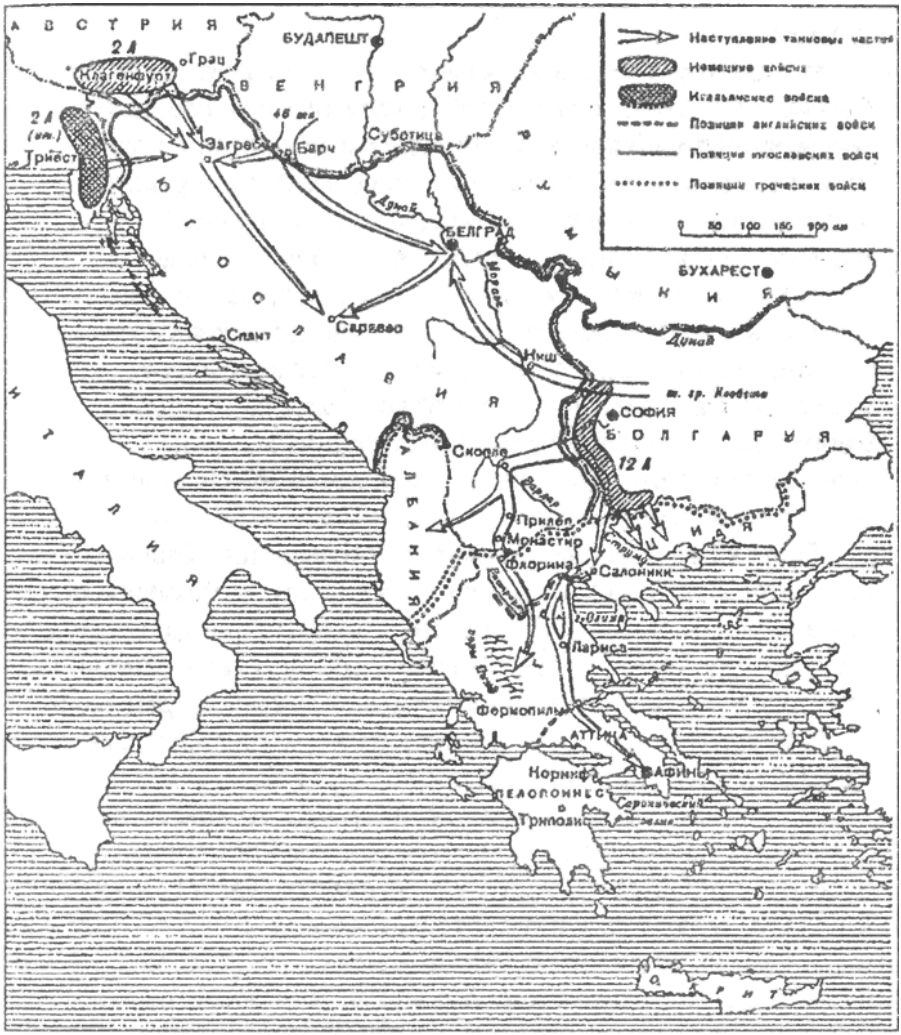
За лето я имел возможность хорошо изучить условия жизни во Франции и Голландии. По окончании кампании наша дивизия была переведена в район Бреды, где корректное поведение немецких войск произвело прекрасное впечатление на голландцев. Я расположился в доме бывшего голландского офицера колониальной службы и с благодарностью вспоминаю те несколько недель тихой жизни, которые я провел в его гостеприимной и культурной семье. Можно сожалеть, что офицеры гестапо и партийные чиновники вскоре воздвигли барьер между оккупационными войсками и гражданским населением; их жестокость и полное отсутствие здравого смысла

оттолкнули многих из тех, кто мог бы стать нашим другом. К несчастью, этим чиновникам не хватало культуры и образования — основы успешной деятельности в чужой стране.

После нескольких недель службы в Голландии я был переведен в штаб 1-й армии в Лотарингии на должность третьего офицера штаба (начальника разведывательного отдела). Мы прекрасно разместились в старинном готическом замке в Нанси, и я был чрезвычайно рад снова служить под начальством фельдмаршала фон Витцлебена — бывшего командира 3-го корпуса в Берлине, а теперь командующего 1-й армией.

По своим обязанностям мне приходилось соприкасаться со многими французами, игравшими видную роль в политической жизни страны, а также с крупными коммерсантами. Я встретил искреннее желание сотрудничать на базе объединенной Европы, основанной на принципе полного равенства. Высокая дисциплина и лояльное отношение германских оккупационных войск содействовали и укрепляли этот дух сотрудничества. Но Гитлер не мог решиться принять ясно выраженную умеренную политику в отношении Франции. Например, запрещалось давать французским беженцам, проживавшим к северу от Соммы, разрешение на возвращение домой, а вся Северная Франция и Бельгия были подчинены единому военному управлению. За этой мерой можно было видеть идею «Великой Фландрии».

Схема 4



Балканская кампания 1941 г.

В течение осени 1940 года штаб 1-й армии разрабатывал план быстрой оккупации остальной части Франции. Этот план был вызван, помимо трений с петэновским режимом, предполагаемым наступлением через Испанию с целью захвата Гибралтара. Однако Франко не считал положение Англии безнадежным и с высоким дипломатическим искусством держал Гитлера на почтительном расстоянии.

В ноябре 1940 года я провел несколько дней в Риме в качестве гостя Генуэзского полка, очень старой и известной кавалерийской части. Там я очутился в глубоко мирной обстановке. Итальянские кавалерийские офицеры были в высшей степени гостеприимными и повезли меня в свою знаменитую школу верховой езды в Торди-Куинто. Они спросили меня, не

желаю ли я попробовать взять несколько препятствий, и, когда я согласился, привели великолепного чистокровного коня. Мне показалось, однако, что они скептически наблюдают за моими приготовлениями; и в самом деле, вряд ли можно их упрекать за то, что они не ждали большого искусства в области верховой езды от немецкого штабного офицера. Я не говорил о своем многолетнем кавалерийском опыте и скачках, в которых я участвовал, и мне было приятно видеть их удивление, когда я чисто взял все препятствия.

Во время пребывания в Италии мне представилась возможность обсудить положение с генералом фон Ринтеленом, нашим очень способным военным атташе в Риме, с которым мне вновь пришлось несколько раз встречаться, когда я служил в штабе Роммеля. Он нарисовал мрачную картину. В Северной Африке наступление Грациани полностью остановилось; по-видимому, причиной неудачи этой кампании было отсутствие должного руководства и решительности. Наступление Муссолини на Грецию в октябре 1940 года было предпринято совершенно ничтожными силами. После первой же недели боев греки захватили инициативу, и итальянские войска в Албании вскоре оказались в весьма критическом положении.

События в Греции развивались для нас очень неблагоприятно. Английские войска получили право высадиться в Греции, и румынские нефтяные промыслы в Плоешти, жизненно важные для наших вооруженных сил, были теперь в пределах досягаемости английских бомбардировщиков. До тех пор наша политика состояла в том, чтобы держать Балканы вне войны, но в начале декабря верховное командование было вынуждено начать подготовку к операциям в Греции.

В январе 1941 года я вернулся в штаб 1-й армии в Нанси. Там полковник Рёрихт, начальник штаба, сообщил мне, что переговоры между Гитлером и Молотовым, происходившие в Берлине в ноябре, потерпели полное фиаско. Вместо того чтобы присоединиться к трехстороннему пакту, как надеялся Гитлер, Молотов выдвинул, как говорили, непомерные требования, касающиеся Румынии, Болгарии и Турции. Гитлер ответил на это приказом вооруженным силам начать подготовку к операции «Барбаросса» — вторжению в Россию. День начала вторжения был окончательно назначен на 22 июня 1941 года. Эта довольно поздняя дата определялась тем, что сначала необходимо было покончить с Грецией, а затем перебросить танковые дивизии с Балкан в Россию.

Германское верховное командование рассчитывало захватить Грецию к началу апреля, и в январе 1941 года началось

сосредоточение немецких войск в Румынии. Румыния и Венгрия уже присоединились к тройственному пакту, а 1 марта и Болгария стала его участницей. Германские войска сразу же вступили в Болгарию — ход, поставивший Югославию в незавидное стратегическое положение. В связи с этим правительство принца Павла 20 марта решило присоединиться к трехстороннему пакту, но coup d'etat[35], совершенный 27 марта генералом Симовичем, имел следствием полное изменение курса югославской политики. Поэтому Гитлер приказал одновременно с наступлением на Грецию начать вторжение и в Югославию.

Вторжение в Югославию

В конце марта 1941 года я был назначен третьим офицером штаба 2-й армии, которая в то время сосредоточивалась в южной части Австрии между Клагенфуртом и Грацем. Проехав без остановок Баварию, я прибыл в Грац и представился командующему армией фельдмаршалу барону фон Вейхсу и его начальнику штаба полковнику фон Витцлебену. Меня сразу же ввели в обстановку.

Югославская армия располагалась тремя армейскими группами. 1-я армейская группа со штабом в Загребе стояла против нас по ту сторону границы; 2-я армейская группа прикрывала границу с Венгрией, а 3-я, включавшая большую часть войск, располагалась вдоль границ Румынии, Болгарии и Албании. Стратегическое положение Югославии было очень неблагоприятным; кроме того, к началу военных действий она успела отмобилизовать только две трети своих двадцати восьми пехотных и трех кавалерийских дивизий. У югославской армии не хватало современного вооружения, совсем не было танков, а военно-воздушные силы насчитывали только 300 самолетов.

Военная слабость Югославии еще больше усиливалась политическими, религиозными и национальными противоречиями внутри страны. Не считая двух основных национальных групп — сербов и хорватов, — были еще миллионы словенцев, немцев и итальянцев со своими особыми национальными устремлениями. Только сербы относились к нам действительно враждебно, поэтому наша пропаганда стала обещать освобождение другим народам, в частности хорватам. У нас в штабе армии была рота пропаганды, работавшая под моим наблюдением и укомплектованная лицами, знающими различные языки. Мы установили, что перед нами действуют состоящие преимущественно из хорватов соединения, в которых лишь около трети личного состава формально выполнили в свое время приказ

о мобилизации. Рота пропаганды работала полным ходом, подготавливая листовки и пластинки для радиопередач, чтобы склонить наших противников к сдаче в плен.

Разработанный германским командованием план вторжения был следующим. 2-я армия должна была наступать на Загреб, а оттуда через горы Боснии и Герцеговины — в направлении на Сараево; одновременно ударная танковая группа должна была прорваться на Белград через венгерскую границу. Главный удар намечался из Болгарии, где сосредоточилась наша 12-я армия и танковая группа Клейста. Клейст должен был наступать через Ниш на Белград с юга, в то время как 12-я армия одновременно вступала в Северную Грецию и Южную Сербию. Поскольку развертывание 2-й армии еще не было закончено, 12-я армия начала действия 6 апреля, а 8-го началось наше наступление с севера.

12-я армия быстро продвигалась вперед и 10 апреля вступила в Скопле. Одна танковая дивизия повернула на юго-запад и вскоре установила связь с итальянцами в Албании, тогда как войска левого фланга 12-й армии вторглись в Грецию и успешно развивали наступление. Тем временем танки Клейста в первый же день боев смяли югославскую оборону. Клейст вступил в Ниш 9 апреля и, не обращая внимания на югославские войска на своем фланге — они находились в состоянии полнейшей дезорганизации, — совершил смелый бросок вдоль долины Моравы на Белград. К 11 апреля танковая группа была лишь в ста километрах от столицы.

46-й танковый корпус 2-й армии быстро продвигался вперед на Белград с северо-запада, встречая незначительное сопротивление. Против этого корпуса действовали главным образом хорваты; они настолько были нами распропагандированы, что некоторые части взбунтовались и приветствовали нас как «освободителей». Главные силы 46-го танкового корпуса вошли в Белград 12 апреля, тогда как другая танковая дивизия этого корпуса заняла Загреб и была восторженно встречена населением. Одновременно пехотные дивизии 2-й армии наступали с севера на широком фронте, преодолевая незначительное сопротивление со стороны югославов, части которых быстро разлагались.

46-й танковый корпус продолжал наступление на Сараево и 13 апреля уничтожил последний очаг организованного сопротивления противника. 11 апреля штаб нашей армии переместился в Загреб, где мы обнаружили, что население положительно настроено по отношению к Германии. Причиной этого, несомненно, являлась плодотворная деятельность

австрийской имперской администрации до 1914 года. К сожалению, наши политические руководители сочли целесообразным в свое время передать эту область Италии, чтобы удовлетворить честолюбие Муссолини. Итальянцы приступили к созданию хорватского государства, полностью от них зависимого, и вскоре оттолкнули от себя наших лучших друзей.

14 апреля штаб 2-й армии был переведен в Белград. Положение югославов стало настолько отчаянным, что генерал Симович ушел в отставку, а новое правительство запросило перемирия. Командующему 2-й армией было приказано подготовить условия, и эта задача была возложена на меня. Никакого документа, которым я мог бы воспользоваться в качестве образца, под руками не было, все же мой импровизированный набросок был одобрен начальником штаба.

Перемирие было подписано 17 апреля. Мы тщательно готовились к этой церемонии в прекрасном дворце принца Павла. В большом зале собрались все генералы югославской армии, которые смогли прибыть во дворец; после того как они расселись, вошел фельдмаршал барон фон Вейхс и при свете бесчисленного множества свечей зачитал условия перемирия. Вслед за подписанием документов оркестр полка «Великая Германия», расположенный у стен замка, сыграл торжественную зорю.

Если завоевание Югославии было для германской армии по существу военным парадом, то в Греции велась ожесточенная борьба, и боевые действия в этой стране являются весьма поучительными.

Греческая кампания

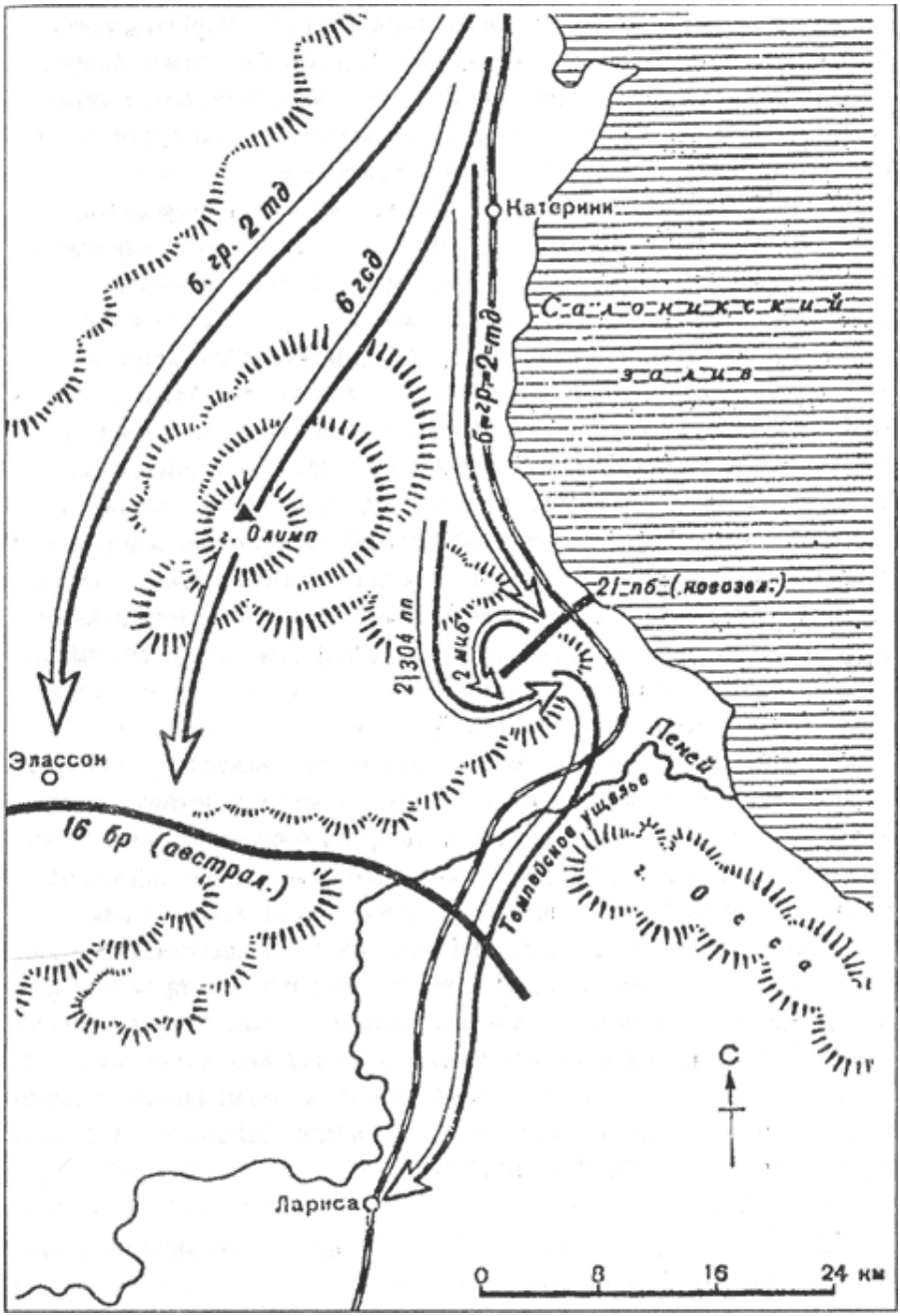
Когда наши войска 6 апреля перешли греческую границу, дислокация войск противника была следующей: четырнадцать греческих дивизий действовали в Албании против итальянцев, и только семь с половиной дивизий прикрывали границы с Югославией и Болгарией. Из числа последних три с половиной дивизии обороняли так называемую линию Метаксаса между долиной реки Струмы и турецкой границей, две дивизии занимали позиции между реками Струма и Вардар, и две дивизии находились западнее Вардара, пытаясь прикрыть сосредоточение английских войск вдоль реки Вистрица (Алиакмон). В состав этих войск, которыми командовал генерал Мейтланд Уилсон, входили 2-я новозеландская дивизия, 6-я австралийская дивизия и английская танковая бригада.

Из всего того, что предпринимали англичане во время войны, посылка экспедиционных войск в Грецию мне представляется

наименее оправданной с чисто военной точки зрения. Греки хорошо воевали в Албании, но во время зимней кампании они понесли тяжелые потери и, конечно, были не в состоянии противостоять мощному наступлению германских вооруженных сил. Посланные для поддержки греков английские войска были лишь каплей в море по нормам континентальной войны, а между тем без них Уэйвелл лишился блестящей возможности захватить Триполи. Неужели люди, которые планировали операции английских войск, могли серьезно надеяться на то, что четыре британские дивизии были способны оказать в Греции длительное сопротивление немецким войскам, обладавшим неограниченными ресурсами? Сейчас, во всяком случае, этому трудно поверить, и я полностью согласен с критикой, данной генерал-майором де Гинганом в его книге «Operation Victory».

Фактически положение англичан стало безнадежным еще до того, как их войска приняли активное участие в боевых действиях. 6 апреля наша 12-я армия перешла границу, имея в своем составе десять дивизий, в том числе две танковые. 7 апреля линия Метаксаса была прорвана в нескольких местах, а 9 апреля 2-я танковая дивизия заняла Салоники и отрезала все греческие войска, расположенные восточнее реки Струмы. К 10 апреля войска правого фланга 12-й армии заняли Южную Сербию и перешли границу южнее Монастир (Битоль). Сопротивление греков в этом районе было быстро сломлено, и мы продолжали наступать через Флорину к горам Пинд, угрожая обойти с тыла греческие дивизии на Албанском фронте. 13 апреля греки начали отступление из Албании, но было слишком поздно, и вскоре наши танковые войска отрезали им все пути отхода. Пока развивались эти решающие операции, англичане подготавливали оборону на подступах к горе Олимп.

Схема 5



Бой у горы Олимп

К 16 апреля всем уже было ясно, что разгром греческой армии неминуем, и английское командование отдало приказ об отходе на новый оборонительный рубеж у Фермопил. Греческое правительство стремилось избавить страну от излишних страданий, поэтому была достигнута договоренность, что

англичане создадут предмостное укрепление у Фермопил и постараются погрузить свои войска на корабли. Последовавшие за этим арьергардные действия представляют большой интерес для изучающих боевое применение танков в горных условиях, и я намерен остановиться на них подробно (см. схему 5).

После захвата Салоник генерал Бёме, командир нашего 18-го корпуса, получил приказ наступать по обе стороны горы Олимп и овладеть Ларисой, отрезав тем самым английские и греческие силы, расположенные в Центральной Македонии. Генерал Бёме решил вести наступление 2-й танковой и 6-й горнострелковой дивизиями, для чего расположил их следующим образом.

На правом фланге боевая группа 2-й танковой дивизии наступала севернее Олимпа в направлении на Элассон, где находились позиции австралийских частей. На левом фланге другая боевая группа той же дивизии наступала вдоль линии железной дороги между горой и морем, стремясь прорваться через Темпейское ущелье на Ларису. В центре 6-я горнострелковая дивизия продвигалась прямо через гору Олимп и выходила в тыл войскам противника в Темпейском ущелье. В описании последующих событий я использовал донесения Балька, командовавшего в то время 3-м танковым полком 2-й танковой дивизии.

15 апреля Бальк принял командование левофланговой боевой группой 2-й танковой дивизии. Боевая группа продвинулась через Катерини и была остановлена перед горным кряжем, протянувшимся между Олимпом и морем. Этот кряж обороняли войска противника, поддерживаемые артиллерией, и наш 2-й мотоциклетный батальон залег в густом кустарнике перед английскими позициями. Противник так хорошо замаскировался, что поддерживающая нас артиллерия никак не могла обнаружить цели[36]. В это время подходили немецкие подкрепления — 1-й батальон 3-го танкового полка, 2-й батальон 304-го пехотного полка и саперная рота. Сильно пересеченная местность, покрытая густым кустарником, была совершенно непроходима для танков; танки были привязаны к дорогам, а разведка обнаружила, что дороги заминированы.

После тщательной личной рекогносцировки Бальк решил, что единственная надежда на успех заключается в широком обходном маневре пехоты. Даже пешим солдатам было очень трудно преодолевать склоны Олимпа, но именно по этой причине было маловероятно, чтобы противник имел там прочную оборону. Одновременно танки получили приказ вести отвлекающие действия, и под прикрытием их огня 2-й мотоциклетный батальон начал без всяких транспортных средств широкий фланговый

маневр. За ним следовал 2-й батальон 304-го пехотного полка, который принял еще правее и совершил невероятно трудный ночной марш по незнакомой местности, покрытой кустарником и валунами и перерезанной глубокими оврагами. Для прикрытия наших орудий и танков до утра была оставлена лишь саперная рота.

Утро 16 апреля показало, что тщательная подготовка и отличное физическое состояние наших пехотинцев принесли свои плоды. Было замечено передвижение войск противника, указывающее на отход, и Бальк тут же приказал своим танкам двигаться вперед, не обращая внимания на условия местности, и атаковать новозеландцев. В то время как наши мотоциклисты атаковали левый фланг противника, наша пехота зашла ему в тыл. Застигнутые врасплох новозеландцы бежали в южном направлении, бросая по дороге тяжелое оружие, транспорт и снаряжение.

О преследовании не могло быть и речи, так как пехотинцы были измучены ночным маршем, а танки и автомашины пока еще не могли двигаться по отвратительной проселочной дороге. Несколько солдат, у которых еще сохранилось достаточно сил, были посланы разведать восточный вход в Темпейское ущелье, а саперы широко развернули подрывные работы, чтобы расчистить путь для танков.

В середине дня 17 апреля две танковые роты подошли к входу в очень узкое Темпейское ущелье, где с обеих сторон вертикальной стеной стояли высокие горы, а между ними стремительно несла свои воды река Пеней. По ее северному берегу проходила железнодорожная линия Салоники — Афины, по южному же берегу шла шоссейная дорога, пока еще для нас недоступная, потому что не было мостов, а переправочное имущество еще не прибыло.

Танковая рота осторожно продвигалась вдоль железнодорожной линии; войска ни в коем случае не должны были скапливаться в этом узком проходе, где несколько снарядов противника могли нанести им огромные потери. Сначала все шло гладко, так как первый туннель остался неповрежденным. Но второй туннель был разрушен, и танки не могли дальше двигаться. Наши разведчики нашли место, где Пеней разделялся островом, — там танки, возможно, могли бы переправиться вброд.

Бальк решил для проверки рискнуть одним танком. Танк прошел. За ним успешно переправились еще два танка, но это было рискованным и трудным делом. На переправу каждого танка через реку уходило от получаса до часа; некоторым из них вода

попала в моторы — они заглохли и не заводились. Тем не менее первые три танка пошли по шоссе и вскоре достигли разрушенного участка, обороняемого австралийцами. У австралийцев не было противотанковых орудий, поэтому, увидев танки, они бежали. Из мотострелкового полка были высланы вперед группы для ремонта дороги. В ночь с 17 на 18 апреля противник вел сильный артиллерийский огонь по долине, но потерь было мало.

Переправа через Пеней продолжалась днем и ночью, и к середине дня 18 апреля Бальк сосредоточил у западного входа в ущелье танковый и мотострелковый батальоны. Ни одна колесная машина пройти не смогла, но четыре 100-мм пушки на тракторной тяге переправились через реку. Для человека с таким темпераментом, как у Балька, этого было достаточно, и он бросил свои подразделения на австралийцев, прикрывавших западный вход в Темпейское ущелье.

16-я австралийская бригада удерживала подступы к Ларисе; на нее оказывали сильное давление 6-я горнострелковая дивизия, наступавшая через массив Олимпа, и правофланговая ударная группа 2-й танковой дивизии у Элассона. Наступление Балька по местности, считавшейся непроходимой, решило исход боя; его танки вскоре вырвались на равнину, устремились к Ларисе, и лишь наступление темноты вынудило их остановиться.

Ночью австралийцы отошли, и на рассвете 19 апреля боевая группа Балька вступила в Ларису.

В английской разведывательной сводке, попавшей в наши руки, говорилось: «3-й немецкий танковый полк способен действовать на любой местности и преодолевает даже такую, которая считается совершенно танконедоступной»[37]. Помимо этих обстоятельств, успех Балька следует приписать тому, что он смело ссадил пехоту с транспортных средств и направил ее далеко в обход, что фактически следовало поручить лишь хорошо натренированным горным частям. Бальк указывает в своем донесении, что преодолеть такую исключительно трудную местность могли только танки и тракторы, и приходит к заключению, что из танковой дивизии надо изъять весь колесный транспорт, чтобы даже в тыловых службах иметь только гусеничные или полугусеничные машины[38]. Он говорит, что эвакуация раненых и доставка бензина передовым частям была по существу невозможна, пока войска не заняли Ларису, хотя несколько бочек горючего были переправлены через Пеней на лодках, а затем перегружены на волов и ослов. К счастью, после того как был занят аэродром Ларисы, верховное командование прислало несколько самолетов с горючим, чтобы обеспечить

дальнейшее наступление.

Теперь Греческая кампания быстро приближалась к концу. 16 апреля немецкие танковые войска, наступавшие из Македонии, достигли проходов через Пинд и отрезали пути отхода греческим дивизиям, отступавшим из Албании. Продолжать дальнейшее сопротивление стало бесполезно, и 23 апреля в Салониках была подписана капитуляция.

Однако нам не удалось захватить в плен британские экспедиционные войска. Местность была исключительно неблагоприятной для танков, а английские арьергарды в районе Олимпа и позднее на Фермопильской позиции действовали с большим искусством. Захват Коринфского перешейка немецкими парашютными войсками был выдающимся успехом, но он не смог помешать англичанам эвакуировать около 43 тыс. человек из Аттики и Пелопоннеса. Англичане потеряли около 12 тыс. убитыми, ранеными и пленными и понесли большие потери в судах, однако им удалось эвакуировать основную массу войск, несмотря на интенсивные действия немецкой авиации. Эта погрузка войск на суда, осуществленная в условиях подавляющего превосходства немецкой авиации, представляет собой замечательное достижение.

Новое назначение

В это время я находился в Белграде со штабом фельдмаршала барона фон Вейхса, назначенного главой военной администрации в Югославии. В результате наших переговоров со штабом 2-й итальянской армии по вопросу о демаркационной линии Италии достались Хорватия с Загребом и все Далматское побережье. Это была поистине замечательная политическая победа итальянцев, учитывая весьма скромную роль, которую они сыграли в Югославской кампании[39].

Хотя германская администрация и не везде пользовалась популярностью, она была по крайней мере действенной. Управление итальянцев, напротив, рассматривалось балканскими народами как унижение, главным образом потому, что они с презрением относились к итальянской армии. Это, несомненно, послужило причиной роста партизанского движения.

В конце апреля фельдмаршал фон Вейхс с офицерами своего штаба предпринял весьма приятную инспекционную поездку в специальном поезде принца Павла. Мы отправились через Ниш и Скопле в Салоники. Уже в Белграде как стиль зданий, так и расовые признаки части населения являли собой бесспорное доказательство длительного господства турок, но в Скопле мы

почувствовали себя совсем как на Востоке: мы увидели там много мечетей, мужчин в фесках и женщин с закрытыми чадрой лицами. Освежающее купание в Эгейском море и величественный Олимп заставили нас на время забыть о войне.

В начале мая я получил приказ возглавить немецкий штаб связи при 2-й итальянской армии в Фиуме. Мы с шофером ехали без всякой охраны по стране, которая несколько месяцев спустя была объята огнем партизанской войны. В Фиуме я представился командующему 2-й итальянской армии генералу Амброзио, который после отставки Муссолини стал главнокомандующим итальянской армией. В течение последующих недель я присутствовал на маневрах итальянцев и очень хорошо узнал их. Меня поразила их устаревшая техника, и я отметил очень низкий уровень подготовки младших офицеров. Войска не были однородны по своим боевым качествам: например, в противоположность частям из Южной Италии альпийские дивизии производили отличное впечатление. После одного полевого учения генерал Амброзио поехал со мной на кладбище героев у реки Изонцо, где были похоронены во время Первой мировой войны германские и итальянские солдаты. Он выразил надежду, что мы никогда больше не будем воевать друг против друга.

Это интересное пребывание у итальянцев с экскурсиями по чудесному Далматскому побережью и частым освежающим купанием в «Голубой Адриатике», к сожалению, было очень коротким: уже в конце мая я получил приказ немедленно явиться в Мюнхен. Меня назначили третьим офицером штаба танковой группы «Африка», которая формировалась в Баварии. На мощном «мерседесе» я помчался через Венецию, Больцано и Инсбрук в Мюнхен. Обедая в отеле в Венеции, я привел в изумление итальянцев, посадив шофера за свой стол. Хотя обычно наши офицеры питались отдельно от унтер-офицеров и рядовых, но в подобных случаях, когда офицер и рядовой находились вместе вне части, мы считали вполне естественным есть за одним столом. В противоположность 1918 году внутреннее убеждение, что офицеры и солдаты являются частью одного целого, оставалось непоколебимым, и даже в 1945 году в германской армии не было никаких признаков разложения.

Из Инсбрука я решился на короткое время заехать в Миттенвальд, куда, спасаясь от бомбардировок, переехала из Берлина моя семья — жена и пятеро детей.

В Мюнхене я нашел подполковника Вестфаля, первого офицера штаба (начальника оперативного отдела) танковой группы «Африка». В течение нескольких дней собрался весь

личный состав штаба; мы чувствовали себя несколько неловко в новой тропической форме. 10 июня Вестфаль и я отправились по железной дороге в Рим, где встретили генерал-майора Гаузе, начальника штаба. Генерал фон Ринтелен познакомил нас с обстановкой в Северной Африке, и на следующий день мы вылетели на итальянском самолете через Сицилию в Триполи. Во время этого перелета мы убедились, что Средиземное море — это не совсем «Mare Nostrum»[40]. Несколько раз на горизонте появлялись английские истребители, и нашему самолету приходилось лететь над самым морем, чтобы его не обнаружили.

В Триполи мы провели ночь в роскошном отеле, но непривычная тропическая жара была очень изнурительной и не давала возможности уснуть. Отныне роскошные отели должны были стать для нас лишь приятным воспоминанием — их место заняли палатки и бронированные машины. Мы надолго завязли в песках Западной пустыни.

Часть вторая
Западная пустыня

Глава IV
В штабе Роммеля

Роммель

Летом 1938 года я служил в штабе 3-го армейского корпуса в Берлине. Я, молодой ротмистр, прибыл на свою первую штабную должность прямо из военной академии. Однажды в мой кабинет вошел полковник — коренастый, живой, полный энергии и пышущий здоровьем человек с составлявшим предмет наших вожделений орденом «Pour le Merite»[41] на шее. Это был чисто служебный визит. Полковник Эрвин Роммель, недавно назначенный руководителем военной подготовки «гитлеровской молодежи», зашел обсудить некоторые второстепенные вопросы управления и дисциплины в Берлинском округе. Так я впервые увидел командира, с которым мне в течение пятнадцати месяцев пришлось делить все невзгоды африканской войны и которого я научился любить и уважать как одного из выдающихся полководцев нашего времени, Зейдлица танковых войск и, быть может, самого смелого и энергичного командира, какого знала германская военная история.

Даже в 1938 году репутация Роммеля в германской армии была уже высокой — блестящие командные способности, проявленные им в Первую мировую войну, когда он был строевым офицером, предвещали его последующие успехи на высших постах. Он привлек внимание Гитлера, издав ценное руководство по тактике пехоты, и его назначение руководителем военной подготовки «гитлеровской молодежи», очевидно, было лишь ступенью на пути к важной командной должности. Позднее я узнал, что Роммель отнюдь не был доволен своим назначением и постоянно ссорился с Бальдуром фон Ширахом, имперским руководителем молодежи. Этот человек, который сам никогда не был военным, вообразил, что руководить молодежью должна сама молодежь, в результате чего эти шестнадцатилетние Schnoesels[42], как говорил Роммель, подавали команды своим Schtandarten[43], сидя в огромных сверкающих «мерседесах», как будто они были командирами корпусов. В общем, Роммель вскоре отказался от своих обязанностей, и причиной этого было невозможное поведение Шираха.

Я прибыл в Африку в июне 1941 года в качестве офицера штаба танковой группы — этот штаб был сформирован в Германии, а затем в полном составе переброшен в Ливию к

Роммелю. До сих пор Роммель был только командиром Deutsche Africa Koips — немецкого Африканского корпуса. Одержанные им в апреле 1941 года крупные победы увеличили масштабы его действий, и ему стал необходим соответствующий штаб. Сначала сам Роммель не сознавал этого, и я никогда не забуду сдержанного и холодного приема, который он оказал нам в Гамбуте. Мы все были типичными офицерами генерального штаба и в то же время совершенно не были знакомы с африканскими условиями.

Как боевой генерал, Роммель смотрел на нас скептически; более того, сам он никогда не был офицером генерального штаба и явно беспокоился, что мы попытаемся контролировать его действия и даже подменять его. В своих мемуарах Роммель говорит:

«Однажды в Африку прибыл генерал Гаузе с большим штабом. Ему было приказано изучить возможности применения крупных сил в Африке и подготовить наступление на Египет. Хотя у генерала Гаузе были ясные указания от ОКВ[44] не поступать в мое подчинение, тем не менее он сделал это, после того как я сказал ему, что командование всеми немецкими войсками в Африке поручено мне одному»[45].

В действительности мы никогда не ставили вопрос о том, чтобы оспаривать его права командующего; мы прибыли в Африку, чтобы служить ему, и вскоре он убедился, что не может командовать большой армией без нашей помощи[46].

Когда мы прибыли в Африку, обстановка была следующей. После разгрома армии Грациани в результате наступления Уэйвелла германское верховное командование было вынуждено вмешаться в африканские события, и в феврале и марте 1941 года в Ливию была отправлена 5-я легкая дивизия (впоследствии переименованная в 21-ю танковую дивизию). За ней должна была последовать 15-я танковая дивизия, но Роммель не стал дожидаться ее прибытия и, не обращая внимания на протесты итальянского верховного командования, в конце марта начал наступление. Вырвавшись через узкий проход у Гаср-эль-Брега (Мерса-Брега), Роммель захватил врасплох англичан и разбил их войска в Западной Киренаике. 4 апреля немецкие бронеавтомобили вступили в Бенгази, и Роммель начал преследование. Обычно сам он пользовался для своего передвижения «Шторхом» — маленьким самолетом, который мог приземлиться на теннисном корте. Известен факт, что во время этого наступления, пролетая над ротой, которая задержалась без видимой причины, он сбросил записку: «Если вы сейчас же не двинетесь вперед, я спущусь вниз. Роммель».

Бросив свои войска в наступление по пустыне через старый форт Эль-Мекили, где было взято в плен несколько генералов и более 2 тыс. солдат, Роммель вновь захватил Киренаику. Во время этого наступления был срезан «Киренаикский выступ» вместе с плоскогорьем Джебель-эль-Акдар — этот выступ не может служить препятствием для наступающего с востока или запада потому, что последний всегда вправе выбрать более короткий путь через пустыню. К 10 апреля наши войска заняли Бардию и перешли египетскую границу у Эс-Саллума. Слабые немецкие силы отвоевали почти всю Киренаику за двенадцать дней. Один Тобрук продолжал держаться еще и в мае, отражая решительные атаки немецких войск.

Эта блестящая победа придала совершенно иной оборот войне в Африке, но после неудачного наступления на Тобрук 3 мая Роммель вынужден был перейти к обороне. В конце мая войска Уэйвелла атаковали наши позиции в районе Капуццо и Хальфайи, но были отбиты; в середине июня они предприняли более широкую операцию под кодовым названием «Бэтглэкс», которая привела к тяжелым танковым боям в районе Капуццо и Сиди-Омара. Африканский корпус понес серьезные потери в танках, но благодаря решительным действиям Роммеля поменялся на этот раз ролями с 7-й английской бронетанковой дивизией[47] и одержал замечательную победу. За этим последовало длительное затишье, и с июня по ноябрь в Западной пустыне серьезных сражений не было.

Прежде чем перейти к описанию значительной по масштабам операции «Крузейдер» и крупного сражения при Эль-Газале, а также нашего победоносного наступления через Тобрук к Эль-Аламейну — то есть периода, включающего ряд самых драматических и поучительных эпизодов в истории боевых действий танков, — я хочу изложить свои впечатления о Роммеле и службе в его штабе. Я также расскажу об общих условиях войны в пустыне.

Служить у Роммеля было нелегко: он так же мало щадил окружавших его людей, как и самого себя. Чтобы работать с Роммелем, надо было иметь железный организм и стальные нервы; вместе с тем я должен подчеркнуть, что хотя Роммель иногда не стеснялся в выражениях, «разнося» командиров частей и соединений, но по отношению к тем, кто принадлежал к его непосредственному окружению, он вел себя совершенно иначе: стоило ему убедиться в работоспособности и добросовестном отношении к делу кого-либо из офицеров — и он никогда не говорил ему грубого слова.

У Роммеля было довольно странное представление о штабной

службе. Особенно надоедало его вмешательство во всякие мелкие дела, решение которых лежало на обязанности начальника штаба. Как правило, он требовал, чтобы начальник штаба сопровождал его в поездках по фронту, что часто означало посещение даже передовых позиций. Это противоречило установившемуся принципу генерального штаба, который гласил, что начальник штаба замещает командующего в его отсутствие. Но Роммель любил, чтобы его главный советник находился всегда под рукой, а если тот выйдет из строя — ну что ж, его всегда можно заменить[48].

В критические периоды Роммель и его начальник штаба иногда отсутствовали не только весь день, но и несколько дней подряд. Это возлагало большую ответственность на других штабных офицеров, и в особенности на первого офицера штаба (начальника оперативного отдела). Мы охотно брали на себя эту ответственность, зная, что Роммель всегда поддержит любое решение, которое мы сочтем необходимым принять. Самым трудным для нас было его отсутствие в разгар операции «Крузейдер» в ноябре 1941 года, когда Вестфаль как первый офицер штаба и я — третий офицер — оставались полными хозяевами штаба танковой группы с 23 по 28 ноября. Вестфаль был вынужден отменить один из важнейших приказов Роммеля, и после своего возвращения командующий проявил великодушие, утвердив действия Вестфаля, хотя они находились в прямом противоречии с его прежними распоряжениями[49].

За период с августа по ноябрь 1941 года мне пришлось очень хорошо узнать Роммеля. Хотя на фронте было затишье, ни штабы, ни войска фактически не отдыхали. Роммель лихорадочно работал над усовершенствованием позиций на границе, и в результате между Сиди-Омаром и Эс-Саллумом вырос настоящий минный барьер. Роммель также усиленно занялся подготовкой к захвату Тобрука. В течение этих так называемых спокойных месяцев Роммель уже в 5 часов утра, бывало, заходил в бронированную машину первого офицера штаба, чтобы изучить последние донесения об обстановке. Затем он отдавал распоряжения штабу и в сопровождении штабного офицера отправлялся к войскам, расположенным у Эс-Саллума или Тобрука, где, как правило, проводил весь день.

Обычно за маршрутом движения следит штабной офицер, но Роммель обладал необычайной способностью чувствовать нужное направление и ориентироваться на местности и сам указывал путь. Во время посещения фронта он видел все, ничто не ускользало от его внимания. Он замечал, что орудие плохо замаскировано, что поставлено недостаточное количество мин

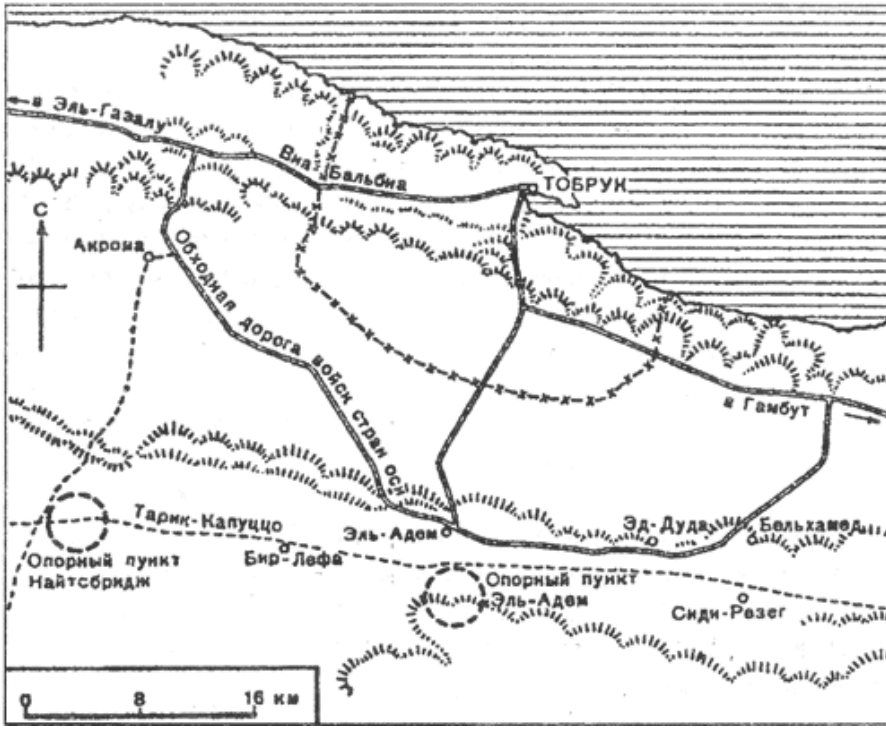
или что у дозора мало патронов. Во всех случаях он лично убеждался, что его приказы и указания выполняются. Роммель пользовался большой популярностью среди молодых солдат и унтер-офицеров, во время бесед с которыми он обычно отпускал немало шуток; вместе с тем он мог быть очень резким с командирами взводов, если бывал недоволен их действиями. После такой проборки он, однако, с готовностью выслушивал доводы сопровождающего штабного офицера в защиту незадачливой жертвы, и, если его упреки оказывались необоснованными, Роммель при следующем посещении восстанавливал справедливость.

Энергии Роммеля можно было удивляться: как правило, он весь день проводил в таких проверках, не считаясь с сильной жарой, которая в летние месяцы иногда доходила до 43 градусов в тени. Завтрак его состоял из нескольких бутербродов, которые он съедал в машине, и глотка чаю из бутылки; поздний обед был не менее спартанским. Роммель по обыкновению обедал один или в обществе немногих штабных офицеров — своих ближайших помощников. Во время обеда он позволял себе выпить один стакан вина. Он требовал, чтобы лично ему и его штабу выдавали такой же паек, как и войскам. В Северной Африке не всегда было нормальное питание — месяцами мы не видели свежих овощей и жили только на консервах; к тому же вода всегда была солоноватая — этот привкус ощущался даже в кофе и чае. Мы имели значительные потери от желудочно-кишечных заболеваний, и мне самому пришлось в сентябре 1942 года уехать из Африки с амебной дизентерией.

Роммель не был все время только строгим командиром и, когда он становился менее суровым, бывал очень приятным в компании человеком. «Записки Роммеля» содержат следующую выдержку из его письма к жене:

«10 сент. 1941. Вчера вечером я ездил на охоту с майором фон Меллентином и лейтенантом Шмидтом (адъютантом). Это было очень увлекательно. Мне удалось подстрелить из машины бегущую газель. На обед у нас была восхитительная печенка»[50].

Схема 6



Подступы к Тобруку

Мои впечатления о Роммеле как о полководце будут изложены в последующих главах. По моему мнению, он был идеальным командиром для войны в пустыне. Правда, его обычай «командовать, находясь в боевых порядках», иногда обращался против него: на решения, касающиеся всей армии в целом, подчас оказывали чрезмерное влияние чисто местные успехи или неудачи. С другой стороны, отправляясь лично в опасные места — а он обладал какой-то сверхъестественной способностью появляться в нужном месте и в нужное время, — он тем самым получал возможность изменять свои планы в соответствии с новой обстановкой, что в условиях Западной пустыни имело исключительно важное значение. Он вдумчиво и тщательно планировал боевые действия, быстро и смело принимал решения на поле боя, всесторонне оценивая возможности того или иного смелого удара в меняющейся боевой обстановке.

Что больше всего меня восхищало, так это его мужество и находчивость, а также твердая решительность в самые критические моменты. Эти качества полностью проявились во время его блестящего ответного удара на Аджедабию в январе 1942 года, когда он захватил врасплох и наголову разбил победоносную 8-ю английскую армию; в ходе боев в «котле» в июне, когда Роммель спокойно и уверенно управлял войсками,

находившимися на грани поражения и в то же время накануне величайшей победы; наконец, в июле 1942 года, когда он с железной стойкостью держался у Эль-Аламейна, хотя резервы и боеприпасы были уже почти все израсходованы.

Между Роммелем и его войсками установилось то необъяснимое чувство взаимного понимания, которое дается людям свыше. Африканский корпус шел за Роммелем, куда бы он его ни вел и как бы сурово он с ним ни обращался, это был все тот же Африканский корпус из тех же трех дивизий — и у Сиди-Резега, и у Аджедабии, и у Найтсбриджа, и у Эль-Аламейна. Солдаты знали, что меньше всего Роммель щадил самого себя; они видели его рядом с собой и чувствовали, что это их отец-командир.

Обычный день

Быть может, читателю будет интересно, если я подробно опишу обычный день в штабе Роммеля во время напряженных боевых действий. Выбранный мною период составляет двадцать четыре часа — от 18.00 15 июня до 18.00 16 июня 1942 года. Общая обстановка на этот день была такова.

После решающей победы, одержанной 12 июня в крупных танковых боях между Найтсбриджем и Эль-Адемом, Африканский корпус устремился на север и 13 июня сломил сопротивление англичан в районе Найтсбриджа. 14 июня Ритчи решил отвести свои войска с позиций у Эль-Газалы, и в течение дня части Африканского корпуса продолжали наступать западнее Тобрука и подошли к гряде холмов, откуда были видны шоссе Виа-Бальбиа и море. Утром 15 июня Роммель решил, что уже не удастся отрезать главные силы 1-й южноафриканской дивизии, которая отходила из Эль-Газалы на Тобрук по Виа-Бальбиа. Он приказал 15-й танковой дивизии спуститься к морю, чтобы отрезать южноафриканские арьергарды, а 21-ю танковую дивизию направил далеко в обход в направлении к Эль-Адему, где 29-я индийская бригада обороняла сильно укрепленный опорный пункт. По мнению Роммеля, было чрезвычайно важно не дать англичанам возможности оборудовать новую позицию южнее Тобрука, поэтому 21-я танковая и 90-я легкопехотная дивизии получили приказ захватить Эль-Адем и Бельхамед, а затем продолжать наступление через Гамбут с целью отрезать Тобрук с востока. Таков тактический фон того двадцатичетырехчасового периода, который я теперь опишу.

Командный пункт Роммеля в Бир-Лефа, время — 18.15. Генерал-полковник Роммель с начальником штаба полковником

Байерлейном вернулись из поездки по дивизиям и входят в мою бронированную штабную машину[51]. Со мной находится старший лейтенант Фосс.

Командующий, вернувшийся из 15-й танковой дивизии (у Виа-Бальбиа), говорит, что часть арьергарда 1-й южноафриканской дивизии взята в плен, но большей части соединений, отходивших из Эль-Газалы, удалось ускользнуть; поэтому 21-я танковая дивизия в полдень получила приказ преследовать противника, повернув на восток от Тобрука.

Я докладываю обстановку. 21-я танковая дивизия передовыми подразделениями вышла в район западнее Эд-Дуда, где была встречена сильным огнем противника с укрепленных позиций Эд-Дуда и Бельхамед. По донесениям, полученным из 90-й легкопехотной дивизии, части дивизии вклинились на отдельных участках восточного и западного секторов опорного пункта Эль-Адем в оборону англичан, однако сопротивление противника в целом сломить не удалось. Командиры трех немецких разведотрядов докладывают, что в районе к югу и юго-востоку от Эль-Адема они отбросили разведывательные подразделения противника, 20-й итальянский (моторизованный) корпус сосредоточивается вокруг Найтсбриджа, 10-й и 21-й итальянские корпуса продвигаются на восток через Эль-Газалу.

Противнику удалось избегнуть захвата в клещи, и он отходит с позиций у Эль-Газалы. Части, занимавшие эти позиции (1-я южноафриканская и 50-я английская дивизии), а также утратившие боеспособность танковые бригады 1-й и 7-й бронетанковых дивизий сосредоточиваются на ливийско-египетской границе. Воздушной разведкой подтверждается непрерывное движение от Тобрука на восток; радиоперехватом подтверждается, что 1-я южноафриканская и 50-я английская дивизии совместно с двумя бронетанковыми дивизиями находятся на границе[52]. Следовательно, в районе Тобрука могут быть только 2-я южноафриканская дивизия с 11-й и 29-й индийскими бригадами, расположенными на дальних подступах к крепости.

Командующий: «Я намерен взять Тобрук путем coup de main[53]. С этой целью следует незамедлительно занять районы южнее и восточнее Тобрука, а 8-ю английскую армию оттеснить дальше на восток. Вот мой приказ на 16 июня (Роммель несколькими штрихами наносит свой замысел на карту):

„Немецкий Африканский корпус силами 21-й танковой дивизии овладевает Эд-Дуда и Бельхамед. 15-я танковая дивизия, расположенная сейчас западнее Тобрука, будет сменена итальянцами — пока что дивизией „Триесте“ — и направится в

район Эль-Адем. Танковая дивизия „Ариете“ обеспечивает южный фланг в районе юго-западнее Эль-Адем. 90-я дивизия овладевает опорным пунктом Эль-Адем, 10-й итальянский корпус окружает Тобрук с юго-запада, а 20-й итальянский корпус — с запада.

Просить командующего военно-воздушными силами сосредоточить 16 июня главные усилия в районе Эль-Адем, Эд-Дуда“».

Все эти распоряжения были отправлены самолетом во все упомянутые корпуса как частные приказы: в те дни не отдавалось официальных общих приказов по армии, за исключением приказа на штурм Тобрука, отданного 18 июня.

В 19.30 командующий ужинает в своей машине и приглашает начальника штаба и меня разделить с ним ужин (обычно Роммель садился за стол один или со своим адъютантом). Вначале наша беседа ограничивается воспоминаниями о гарнизонной жизни в Винер-Нёйштадте и о лыжных прогулках, к которым Роммель питал большое пристрастие. Вскоре, однако, темой разговора, как всегда, становится Тобрук. Роммель думает лишь об одном — о захвате Тобрука. Войска должны наступать в том же направлении, как намечалось в ноябре 1941 года, то есть с юго-востока. Начальник штаба взвешивает наши шансы и оценивает возможные ответные меры противника, но умолкает, видя, что Роммель уснул в своем кресле. Природа берет свое даже у такого закаленного человека — ведь он с пяти часов утра ездил по позициям.

Вечерние донесения от разных корпусов продолжают поступать до полуночи; старший лейтенант Фосс обрабатывает их, и сводка посылается по радио в ОКХ[54]; одновременно сводку получает итальянский штаб связи при танковой армии для передачи итальянскому верховному командованию в Риме.

16 июня, 4.30. Первый офицер для поручений наносит обстановку по утренним донесениям на карту.

4.50. Командующий приходит в машину начальника оперативного отдела: Я докладываю утреннюю обстановку.

Вызывается генерал-майор Краузе, командующий артиллерией армии, и получает распоряжение к полудню сосредоточить основную массу артиллерии для поддержки наступления 90-й легкопехотной дивизии. Затем следует обмен мнениями между командующим и начальником инженерной службы армии полковником Геккером, которому поручается разведать минные поля на юго-восточных подступах к Тобруку.

Второй офицер штаба (начальник отдела тыла) полковник Шульте-Хёйтхаус получает распоряжение выбрать место для нового командного пункта армии в районе непосредственно

северо-западнее Эль-Адема.

В 6.00 командующий с начальником штаба уезжает на командный пункт 90-й легкопехотной дивизии. Оттуда он хочет проехать на командный пункт Африканского корпуса, а затем — 21-й танковой дивизии. Его сопровождают несколько связистов с радиостанциями, позволяющими установить прямую связь со всеми корпусами и дивизиями.

В 8.45 из Африканского корпуса поступает сообщение о том, что 21-я танковая дивизия заняла опорный пункт Эд-Дуда.

С 9.00 истребители-бомбардировщики противника проявляют активность в полосе Африканского корпуса и 90-й дивизии. Командный пункт армии несколько раз подвергается штурмовым налетам английской авиации.

В 10.15 ко мне приходит майор Отто, начальник снабжения армии, и я кратко информирую его об обстановке и намеченном штурме Тобрука. Он жалуется на то, что за последнюю неделю итальянское верховное командование значительно урезало тоннаж морских перевозок для немецких войск в пользу итальянской танковой дивизии «Литторио», которая перебрасывается в Африку. Поэтому создалось весьма критическое положение со снабжением, особенно не хватало горючего. (В последующие дни, когда в районе Гамбута было захвачено большое количество бензина, положение значительно улучшилось.)

В 10.30 командир роты радиоперехвата докладывает о радиопереговорах открытым текстом между 29-й индийской бригадой и 7-й бронетанковой дивизией, из которых явствует, что гарнизон опорного пункта Эль-Адем готовится к прорыву в ночь с 16 на 17 июня. Сообщение об этом немедленно передается Роммелю и 90-й дивизии.

11.30. Роммель по радио приказал командиру 90-й дивизии: «Немедленно прекратить наступление. Надежно окружить опорный пункт Эль-Адем. Армейской артиллерии усилить огонь по опорному пункту».

11.30. Мы с майором Цоллингом, третьим офицером штаба, обсуждаем обстановку. Дополнительно подтверждается, что главные силы 8-й английской армии отошли к самой границе, 2-я южноафриканская дивизия оставлена в Тобруке — это позволяет заключить, что крепость будет обороняться.

12.15. Полковник Бюхтинг, начальник связи армии, докладывает, что узел связи на новом командном пункте будет полностью оборудован к 15.30.

12.40. Мы обсуждаем обстановку с генералом графом Барбасетти, начальником итальянского штаба связи. Он сообщает,

что танковая дивизия «Литторио» находится на подходе и ее передовые подразделения этой ночью будут в районе Эль-Газалы. Но итальянское верховное командование еще не дало разрешения на участие дивизии в боевых действиях.

12.50. 21-й итальянский корпус доносит по радио, что все части 15-й танковой дивизии на побережье сменены.

13.15–13.50. Получено несколько донесений от итальянской танковой дивизии «Ариете», а также от 3-го и 580-го разведотрядов о том, что все беспокоящие атаки 7-й английской моторизованной бригады южнее и юго-восточнее Эль-Адема отражены.

15.00. Я с частью офицеров оперативного отдела перемещаюсь на новый командный пункт. В пути мы попадаем под артиллерийский огонь с юга и несколько раз подвергаемся атакам с воздуха.

(Третий офицер штаба с остальными офицерами оперативного отдела остаются на старом командном пункте до тех пор, пока я не сообщу, что новый командный пункт начал работать.)

15.45. Я являюсь на новый командный пункт и узнаю, что командующий прибыл туда раньше меня.

16.15. В моей машине происходит обмен мнениями между командующим и фельдмаршалом Кессельрингом. Роммель докладывает об обстановке и объясняет свое намерение атаковать Тобрук с юго-востока. Кессельринг обещает поддержать наступление всей имеющейся в его распоряжении авиацией. Он объясняет, что 15 июня, а также сегодня его части не имели возможности поддерживать танковую армию, поскольку они действовали против шедшего в Мальту английского конвоя.

18.15.21-я танковая дивизия овладела пунктом Сиди-Резег.

19.00. Я докладываю обстановку Роммелю. Он отдает следующие распоряжения на 17 июня: «Продолжать действия по захвату внешних оборонительных сооружений Тобрука, завершить окружение крепости и сдерживать силы противника на востоке и юге».

Вооружение и техника

В своих мемуарах Роммель пишет[55]: «Северная Африка с полным основанием может считаться театром, где военные действия носили самый современный характер… Только в пустыне смогли найти полное применение и широкое развитие те принципы боевого использования танков, которые были теоретически разработаны перед войной. Только в пустыне

развертывались настоящие танковые сражения с участием большого количества танков»[56].

Нельзя понять сущность ожесточенных танковых сражений в Западной пустыне, если не упомянуть о боевой технике обеих сторон. Вопреки общепринятому мнению, немецкие танки по своим качествам нисколько не превосходили танки наших противников, а по численности мы всегда были слабее. Во время операции «Крузейдер» в ноябре 1941 года англичане наступали, имея 748 танков, в числе которых было 213 «матильд» и «валентайнов», 220 «крузейдеров», 150 крейсерских танков более старого образца, чем «Крузейдер», и 165 «стюартов» американского производства. Наша танковая группа могла противопоставить им лишь 249 немецких и 146 итальянских танков. Итальянские танки с их недостаточной броневой защитой и 47-мм пушками с низкой начальной скоростью снаряда значительно уступали всем типам танков противника и к тому же были механически непрочными.

В числе немецких танков было 70 машин T-II — они были вооружены лишь тяжелыми пулеметами и поэтому могли использоваться только для целей разведки.

Основную массу наших сил составляли 35 танков типа T-IV и 139 машин T-III (у нас имелось также пять английских «матильд», о которых мы были высокого мнения).

Танк T-IV завоевал у англичан репутацию грозного противника главным образом потому, что был вооружен 75-мм пушкой. Однако эта пушка имела низкую начальную скорость снаряда и слабую пробивную способность, и хотя мы и использовали T-IV в танковых боях, они приносили гораздо большую пользу как средство огневой поддержки пехоты[57]. T-III, входившие в состав танковой группы во время операции англичан «Крузейдер», имели только 50-мм пушку с малой начальной скоростью снаряда; как теперь признают английские специалисты, она была ничем не лучше двухфунтовой пушки. По толщине брони наши танки также не превосходили машины англичан.

Английские пехотные танки «Матильда» и «Валентайн» имели более сильную броневую защиту, и даже «крузейдеры» и «стюарты» были защищены лучше, чем наши T-III. Например, максимальная толщина брони танков T-III, участвовавших в боях в ходе операции «Крузейдер», составляла 30 мм, тогда как «крузейдеры» имели лобовую броню толщиной 47 мм, а «стюарты» — 44 мм[58].

Чем же тогда следует объяснить блестящие успехи Африканского корпуса? По моему мнению, наши победы

определялись тремя факторами: качественным превосходством наших противотанковых орудий, систематическим применением принципа взаимодействия родов войск и — последним по счету, но не по важности — нашими тактическими методами. В то время как англичане ограничивали роль своих 3,7-дюймовых зенитных пушек (очень мощных орудий) борьбой с авиацией, мы применяли свои 88-мм пушки для стрельбы как по танкам, так и по самолетам. Вноябре 1941 года у нас было только тридцать пять 88-мм пушек, но, двигаясь вместе с нашими танками, эти орудия наносили огромные потери английским танкам. Кроме того, наши 50-мм противотанковые пушки с большой начальной скоростью снаряда значительно превосходили английские двухфунтовые пушки, и батареи этих орудий всегда сопровождали наши танки в бою. Наша полевая артиллерия также была обучена взаимодействию с танками. Короче говоря, немецкая танковая дивизия была в высшей степени гибким соединением всех родов войск, всегда, и в наступлении и в обороне, опиравшимся на артиллерию. Англичане, напротив, считали противотанковые пушки оборонительным средством и не сумели в должной мере использовать свою мощную полевую артиллерию, которую следовало бы обучать уничтожению наших противотанковых орудий.

Наша тактика танковых войск была развита в предвоенные годы генералом Гудерианом, принципы которого были восприняты и творчески применены в условиях пустыни Роммелем. Их ценность полностью подтвердилась во время крупнейшего сражения, начавшегося 18 ноября 1941 года[59].

Глава V
Сиди-Резег

С 19 по 23 ноября 1941 года между 8-й английской армией и танковой группой «Африка» шло танковое сражение, занимающее исключительно важное место в истории военного искусства. Никогда еще не было сражения, протекавшего в таком быстром темпе и с такой головокружительной сменой успехов и неудач. Свыше тысячи танков при поддержке множества самолетов и орудий были втянуты в водоворот сражения, которое развернулось на местности, допускавшей полную свободу маневра, и велось командирами, готовыми бросить в бой последние резервы, чтобы добиться победы. Обстановка менялась так стремительно, что трудно было следить за передвижением своих собственных войск, не говоря уже о войсках противника. Облака пыли, поднимаемые атакующими танками и движущимися колоннами, усиливали неясность обстановки, и, как говорит Окинлек[60], «по временам туман войны в буквальном смысле слова окутывал поле боя».

Это сражение предъявляло огромные требования к командованию и штабам, и по этой причине я считаю, что оно заслуживает внимательного изучения в наши дни. Из этих крупных «маневренных боев» можно извлечь гораздо больше поучительного, чем из последующих операций Второй мировой войны, в которых исход решался превосходством в численности и вооружении. В соответствии с этим я намерен подробно рассмотреть это сражение, но сначала кратко обрисую стратегическую обстановку.

Стратегическая обстановка

В конце лета и осенью 1941 года все наши планы в Северной Африке определялись тем, насколько удастся разрешить проблему снабжения. И германское и итальянское верховное командование понимало, что до тех пор, пока Роммель не захватит Тобрук, невозможно добиться значительных успехов в Африке. В июне Роммель получил приказ готовиться к наступлению на крепость, и он рассчитывал, что его удастся начать в сентябре. Однако англичане все время топили направлявшиеся в Африку транспорты, что заставляло нас с месяца на месяц откладывать наступление. Наконец была назначена окончательная дата — 21 ноября.

Англичане, владея Мальтой, господствовали над нашими коммуникациями между Европой и Африкой. Я, не колеблясь, могу заявить, что этот остров оказал решающее влияние на весь ход войны в пустыне. Это обстоятельство учитывал гросс-адмирал Редер, когда в апреле 1941 года он настойчиво убеждал Гитлера захватить Мальту, прежде чем наступать на Россию. Нежелание Гитлера поступить так, как советовал Редер, стоило нам слишком больших людских и материальных жертв и, по существу, сделало наше окончательное поражение неизбежным. Английские боевые корабли и самолеты, базирующиеся на Мальту, проявляли особую активность в период, предшествующий операции «Крузейдер», о чем свидетельствуют следующие цифры. В июле 1941 года было потеряно 17 процентов всех грузов, отправленных в Африку, а в августе — 35 процентов. В сентябре потери судов на пути в Африку возросли до 38 процентов, в том числе 49 тыс. т было потоплено и 14 тыс. т повреждено. Из 50 тыс. т грузов, отправленных в Ливию в октябре, только 18,5 тыс. т прибыли по назначению. В ночь с 8 на 9 ноября конвой из семи транспортов, охраняемых итальянскими крейсерами и эсминцами, был уничтожен англичанами без всяких потерь с их стороны. Нечего и говорить, что эти потери серьезнейшим образом обострили наше положение со снабжением в Африке и сыграли важную роль в конечном успехе 8-й английской армии и операции «Крузейдер»[61].

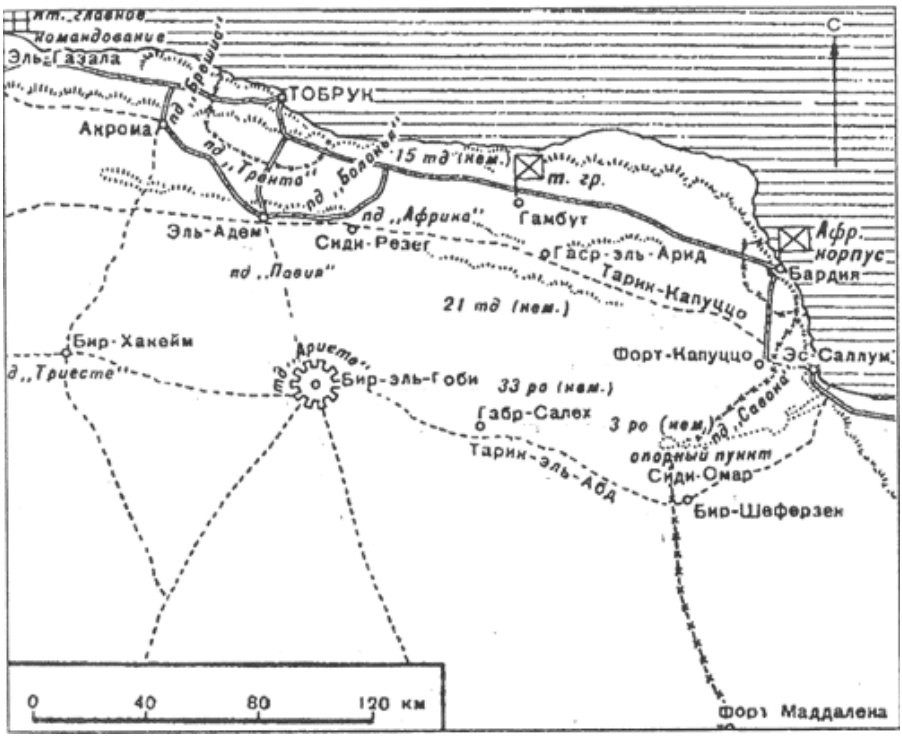
Когда Роммель впервые прибыл в Африку, он мало интересовался вопросами снабжения. Однако впоследствии он понял, что снабжение является на этом театре основной проблемой.

В то время как наши ослабевшие войска стояли у крепости Тобрук, ожидая, пока будут пополнены запасы и прибудут подкрепления, численность английских войск на Среднем Востоке быстро возрастала. Окинлек мог продолжать подготовку к широкому наступлению с целью очистить Киренаику от наших войск, основывая свои планы на предположении, что главные военные усилия Британской империи должны быть направлены на Средний Восток. Мы в штабе танковой группы хорошо представляли, что должно произойти, а я как начальник разведывательного отдела отвечал за всестороннюю информацию о противнике.

В середине октября я составил разведывательную сводку для рассылки всем частям, в которой подчеркивал вероятность крупного наступления англичан в ближайшем будущем. В течение нескольких недель наша воздушная разведка продолжала сообщать о строительстве железнодорожной линии от Мерса-

Матрух к границе, а в сентябре прекрасно работавшей радиоразведкой было установлено, что 1-я южноафриканская и 2-я новозеландская дивизии переместились из дельты Нила в район Мерса-Матрух. Дальняя воздушная разведка подтвердила движение многочисленных конвоев по Красному морю в направлении Суэцкого канала.

Схема 7



Положение войск стран Оси на 17 ноября 1941 г.

Эти события поставили нас в исключительно тяжелое положение, однако большую часть наших затруднений можно было разрешить, захватив Тобрук. К 26 октября Роммель решил, что у него достаточно сил для наступления, и отдал соответствующие распоряжения. Наши приготовления предполагалось закончить к 15 ноября, но наступление нельзя было начать ранее 20 ноября, пока не наступят лунные ночи. Существовала реальная опасность, что 8-я армия начнет наступать первой или же нанесет удар, когда наши войска глубоко втянутся в бои за крепость, что поставило бы нас в весьма критическое положение.

К тому же Роммель был глубоко озабочен поведением итальянцев. Главнокомандующий итальянскими войсками в Северной Африке генерал Бастико, которому формально

подчинялся Роммель, был убежден, что англичане готовят наступление, и говорил, что противник предпримет не просто демонстративные действия, а мощное наступление с целью добиться решающего результата. Бастико считал, что оно начнется одновременно со штурмом Тобрука, и поэтому энергично настаивал, чтобы Роммель отменил свой план наступления на крепость. Роммель и слышать не хотел об этом, и, вообще говоря, я думаю, что он был прав. В войне всегда есть элемент риска, а отменить наш план наступления на Тобрук и ограничиться лишь пассивной обороной означало бы передать инициативу в руки противника. Захват Тобрука намного усилил бы наше положение, и Роммель был готов пойти на это рискованное предприятие.

Чтобы рассеять опасения итальянцев и предотвратить вмешательство в его планы, Роммель дал указания своему штабу вести переговоры с итальянскими офицерами в самоуверенном тоне, и в ноябре всякий раз, когда мне приходилось разговаривать с нашими союзниками, я намеренно преуменьшал возможности наступления англичан. Во время посещения Рима в ноябре Роммель в своей беседе с Каваллеро, начальником итальянского генерального штаба, проводил такую же точку зрения. В своих мемуарах Каваллеро говорит:

«Я спросил Роммеля, возможно ли, что противник предпримет широкое наступление с целью окружения наших войск. Роммель считал такую возможность весьма маловероятной, поскольку противник будет опасаться, что итало-немецкие дивизии отрежут ему пути отхода. Он предвидел лишь действия незначительных сил противника при поддержке авиации»[62].

То же самое отмечается и в труде по истории боевых действий итальянской армии:

«Немецкая разведка по мотивам, которые не легко объяснить, отвергала мысль о том, что англичане замышляют наступление, и приписывала сведения, полученные нашими разведорганами, „чрезмерной латинской нервозности“; 11 ноября начальник немецкой разведки (то есть я как начальник разведывательного отдела) в споре с итальянским офицером связи, который говорил о предстоящем наступлении англичан, заметил: „Майор Реветрия (начальник итальянской разведки) слишком нервничает. Скажите ему, чтобы он не беспокоился, потому что англичане наступать не будут“»[63].

На самом же деле нас очень тревожила возможность наступления англичан, и Роммель принял все необходимые меры для его отражения. Наши позиции на границе простирались на тридцать километров от Эс-Саллума до Сиди-Омара; они были

прикрыты плотным поясом минных заграждений и оборонялись батальонами итальянской дивизии «Савона», усиленными немецкими отрядами с 88-мм пушками. Эти позиции вынуждали англичан при любом варианте наступления произвести широкий обход по пустыне, во время которого их растянутые коммуникации оказались бы под угрозой.

После длительного размышления Роммель решил, что привлекать 21-ю танковую дивизию к наступлению на Тобрук не следует, и расположил это соединение южнее Гамбута с целью отразить любую попытку англичан помешать нашим планам. Роммель сделал этот шаг потому, что, как явствовало из наших разведывательных донесений, наступление англичан было весьма вероятно. 15-я танковая дивизия и вновь сформированная дивизия «Африка» наступали на Тобрук, но 15-я дивизия должна была планировать свои действия с учетом того, что она в двадцать четыре часа может быть переброшена на поддержку 21-й дивизии.

Кроме того, итальянский танковый корпус должен был удерживать Бир-Хакейм и Бир-эль-Гоби и прикрывать подступы к Тобруку с юга[64].

Два немецких разведывательных отряда (3-й и 33-й) прикрывали разрыв между Бир-эль-Гоби и Свди-Омаром, а наши самолеты-разведчики проникали далеко за границу. Главные силы противника располагались в районе Мерса-Матрух, и, оценивая обстановку на 11 ноября, я писал: «Серьезного наступления с целью освобождения Тобрука нельзя ожидать до тех пор, пока главные силы противника не будут переброшены из района Мерса-Матрух, Эд-Дабба в район сосредоточения вблизи Эс-Саллума». Я считал, что если англичане в ответ на наше наступление на Тобрук в свою очередь начнут наступать, то им потребуется три дня, прежде чем они сумеют оказать серьезное воздействие на положение в районе Тобрука. А за это время мы рассчитывали овладеть крепостью.

Танковая битва

16 ноября артиллерия 15-й танковой дивизии начала выдвижение на позиции юго-восточнее Тобрука, а части дивизии «Африка»[65] стали готовиться к штурму крепости. Весь день дул ураганный ветер; вслед за тем на Киренаику обрушился ливень небывалой силы, который продолжался двадцать четыре часа. Мосты были снесены, дороги превратились в реки, и все наши аэродромы оказались под водой. В течение нескольких дней ни один самолет не мог подняться в воздух, и деятельность нашей

воздушной разведки была сведена к нулю[66].

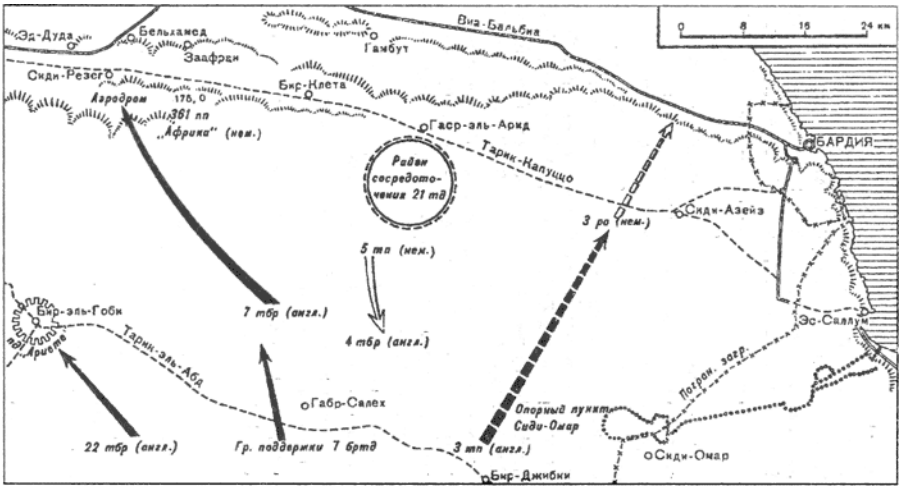
15 ноября наша радиоразведка донесла, что 1-я южноафриканская дивизия предположительно перемещается к западу от Мерса-Матрух, а на следующий день эти донесения подтвердились. 17 ноября генерал фон Равенштейн, командир 21-й танковой дивизии, решил усилить разведывательный заслон противотанковой ротой, а в журнале разведки в тот вечер появилась запись: «В английской радиосети полное молчание»[67].

Утром 18 ноября мы снова отметили «почти полное радиомолчание» противника. Мы также констатировали, что ведение воздушной разведки с нашей стороны невозможно, так как «посадочные площадки превратились в море грязи, а вади наполнились водой». Но начиная с середины дня стали поступать донесения от 21-й дивизии: с английской стороны явно усилилась активность разведчиков, много бронеавтомобилей спешило к северу, в направлении дороги Тарик-эль-Абд[68]. Роммель считал, что это будет только разведка боем, и штаб танковой группы весь день был занят подготовкой к штурму Тобрука.

В тот вечер генерал Крювель, командир Африканского корпуса, приехал к Роммелю. Он доложил, что фон Равенштейн обеспокоен возросшей активностью англичан и утром 19 ноября хочет выслать сильную боевую группу в направлении Габр-Салех. Крювель доложил Роммелю, что он предупредил командира 15-й танковой дивизии о необходимости быть готовым выдвинуться из района Тобрука в район южнее Гамбута для поддержки 21-й танковой дивизии. Роммель был раздражен поведением Крювеля. Он ни за что не хотел отказаться от давно задуманного наступления на Тобрук и сказал: «Мы не должны падать духом». Он запретил высылку боевой группы на Габр-Салех, «чтобы не спугнуть противника». Тем не менее он дал указание итальянскому танковому корпусу «усилить наблюдение» к востоку и югу от Бир-эль-Гоби.

Утром 19 ноября Крювель снова явился в штаб в Гамбуте и имел длительную беседу с Роммелем. Он объяснил, что положение серьезное: наши разведывательные отряды были оттеснены за дорогу Тарик-эль-Абд крупными танковыми силами противника, которые энергично продвигаются в северном направлении. Это не разведка, а большое наступление, и крайне необходимо безотлагательно принять контрмеры. Роммель согласился на то, чтобы 21-я танковая дивизия направилась к Габр-Салеху, а 15-я танковая дивизия вечером двинулась в район сосредоточения южнее Гамбута. После завтрака Роммель лично поехал в 21-ю танковую дивизию посмотреть, как его танки пойдут в наступление. Начиналось великое танковое сражение.

Схема 8



Действия танков 19 ноября 1941 г.

Сейчас мне ясно, что в то время 21-я танковая дивизия была брошена в бой слишком поспешно и было бы лучше, если бы она уклонилась от боя до тех пор, пока не сосредоточится весь Африканский корпус. К середине дня 19 ноября обстановка оставалась неясной; нам было известно лишь то, что английские бронетанковые части пересекли границу в районе форта Маддалена и продвигаются в северном направлении, тогда как другие части противника вступили в соприкосновение с нашими войсками, обороняющими пограничные позиции. В такой неопределенной обстановке лучшее правило — сосредоточиться и ожидать дальнейшей информации, но Роммель все еще надеялся, что англичане проводят только разведку боем и что сильный удар 21-й дивизии отбросит их назад.

Решение о вводе в бой 21-й танковой дивизии было на самом деле более рискованным, чем нам представлялось в то время. Утром 19 ноября вся 7-я бронетанковая дивизия находилась в районе Габр-Салех, и, если бы она оставалась сосредоточенной, она могла бы нанести очень серьезное поражение распыленной 21-й танковой дивизии. Но, к счастью для нас, генерал Каннингхэм, командующий 8-й армией, решил рассредоточить свои танки, и в течение дня части 7-й бронетанковой дивизии разошлись в различных направлениях[69].

22-я бронетанковая бригада начала наступление на Бир-эль-Гоби, где была отбита итальянцами с тяжелыми для нее потерями; 7-я бронетанковая бригада двинулась на север, к аэродрому Сиди-Резег, за ней следовала дивизионная группа поддержки[70].

В Габр-Салехе осталась только 4-я бронетанковая бригада с

задачей поддерживать связь с левым флангом 13-го английского корпуса (2-я новозеландская дивизия, 4-я индийская дивизия и 1-я армейская танковая бригада), стоявшего непосредственно перед нашими позициями на границе.

Командир Африканского корпуса приказал 21-й танковой дивизии начать наступление боевой группой в составе 5-го танкового полка, усиленного двенадцатью полевыми орудиями и четырьмя 88-мм пушками. Группу возглавлял командир полка полковник Штефан, храбрый и решительный офицер, который впоследствии был убит в этой кампании. Около 15 час 30 мин он атаковал крупные английские танковые силы примерно в восьми километрах северо-восточнее Габр-Салеха и в жестоком бою, продолжавшемся до наступления темноты, оттеснил англичан за дорогу Тарик-эль-Абд. Наши потери были незначительны: два Т-III и один Т-II, тогда как у англичан было подбито двадцать три танка[71].

Вечером 19 ноября обстановка для штаба танковой группы все еще была далеко не ясной. Во второй половине дня английские танки и южноафриканские бронеавтомобили захватили аэродром Сиди-Резег, который, по существу, не охранялся. Из дивизии «Ариете» докладывали, что под Бир-эль-Гоби подбито около пятидесяти английских танков, которые опрометчиво атаковали итальянские оборонительные сооружения; доносили, что другая сильная группа противника преследовала наш 3-й разведотряд, оттеснив его за дорогу Тарик-Капуццо близ Сиди-Азейз. Поступали также донесения о движении частей противника к западу от Джарабуба[72].

В тот же вечер генерал фон Равенштейн докладывал Крювелю по телефону. Он предложил сосредоточить обе танковые дивизии в одном месте, но не предпринимать каких-нибудь широких действий, пока у нас не будет более ясного представления о расположении противника и его намерениях. Его осторожность была совершенно оправданной, потому что весь ход сражения зависел от того, насколько правильное решение примет Роммель или Крювель. Полковник Байерлейн, начальник штаба Крювеля, позвонил в штаб танковой группы и спросил, что делать. Роммель предоставил Крювелю полную свободу действий и приказал ему «уничтожить боевые группы противника в районе Бардия, Тобрук, Сиди-Омар, прежде чем им удастся создать серьезную угрозу Тобруку».

Крювель установил, что перед ним находятся три основные группировки противника: части у Габр-Салеха, против которых действовал Штефан, части, продвигающиеся прямо к Тобруку через Сиди-Резег, и части, расположенные на восточном фланге,

которые преследовали 3-й разведотряд.

Крювель решил сосредоточить усилия в направлении Сиди-Омара, рассчитывая уничтожить английские войска, угрожавшие 3-му разведотряду. Но этих войск противника больше не существовало, во второй половине дня в этом районе действовал 3-й танковый полк, но затем он отошел и присоединился к 4-й бронетанковой бригаде. Тем не менее 20 ноября весь Африканский корпус двинулся к Сиди-Азейзу и провел большую часть дня в поисках воображаемого противника, 21-я танковая дивизия в конце концов израсходовала горючее и застряла в пустыне примерно в десяти километрах от опорного пункта Сиди-Омар. В штаб танковой группы понеслись отчаянные призывы выслать горючее по воздуху. Все, что мы могли сделать, — это организовать транспорт с горючим, который прибыл на место лишь после наступления темноты.

15-я танковая дивизия прошла по дороге Тарик-Капуццо вплоть до Сиди-Азейза, затем повернула на юго-запад. В конце дня дивизия столкнулась с 4-й бронетанковой бригадой, которая все еще находилась в районе Габр-Салеха. Ожесточенная схватка продолжалась до наступления темноты; англичане понесли серьезные потери в танках и были снова отброшены за дорогу Тарик-эль-Абд. Однако решающего успеха достигнуть не удалось, и для Африканского корпуса 20 ноября было потерянным днем. Тем временем 7-я английская бронетанковая бригада и артиллерийская группа поддержки закрепились на аэродроме Сиди-Резег и отбили контратаки дивизии «Африка», 22-я английская бронетанковая бригада выступила из Бир-эль-Гоби на помощь 4-й бронетанковой бригаде, но прибыла на место, когда уже почти стемнело.

Нет никакого сомнения, что 20 ноября мы упустили большую возможность одержать победу. Каннингхэм был так любезен, что разбросал 7-ю бронетанковую дивизию по всей пустыне, а мы не сумели воспользоваться его великодушием. Если бы Африканский корпус утром 20 ноября нанес удар на Габр-Салех, он мог бы уничтожить 4-ю бронетанковую бригаду; с другой стороны, если бы он двинулся на Сиди-Резег, он мог бы нанести сокрушительное поражение английским частям, действовавшим в этом районе. В этом случае мы бы очень легко одержали победу, разгромив англичан в ходе начатой ими операции «Крузейдер», потому что вся 8-я английская армия была разбросана по гигантской дуге, простирающейся от Эс-Саллума до Бир-эль-Гоби[73]. Описанные нами события показывают, как осторожно нужно действовать и как тщательно взвешивать все разведывательные данные, прежде чем бросать свои главные

танковые силы в большое сражение.

Разгром 7-й бронетанковой дивизии

Вечером 20 ноября Крювель встретился с Роммелем, который теперь ясно представлял всю серьезность своего положения. Роммель решил, что на следующий день Африканский корпус должен направиться к Сиди-Резег с целью «атаковать и уничтожить части противника, продвигающегося к Тобруку».

В 4.00 12 ноября Роммель сообщил Крювелю о том, что «положение на всем театре является весьма критическим», и потребовал, чтобы Африканский корпус «выступил точно в назначенное время».

Выполнить это распоряжение было, однако, не так легко, потому что 15-й и 21-й танковым дивизиям надо было сначала оторваться от 4-й и 22-й английских бронетанковых бригад в районе Габр-Салех. Африканский корпус сформировал сильный арьергард, усиленный 88-мм и противотанковыми пушками, который нанес тяжелые потери англичанам, когда они попытались помешать нашему движению на север. Тем не менее несколько английских танков все же врезались в наши моторизованные колонны и подожгли много грузовиков. К полудню обе английские бригады прекратили преследование и остановились для заправки.

В то время как арьергарды сдерживали преследующих англичан, танки 15-й и 21-й дивизий с артиллерией сопровождения быстро продвигались по направлению к Сиди-Резег. Командир 7-й английской бронетанковой бригады решил оставить на аэродроме Сиди-Резег 6-й танковый полк с группой поддержки, а 7-й гусарский и 2-й танковый полки должны были преградить путь наступающим танкам. Тогда это было очень типично для тактики англичан, их командиры обычно не сосредоточивали танки и орудия для совместных действий в бою. К 10.00 большинство танков 7-го гусарского полка горело, а 15-я и 21-я дивизии достигли холмов, окружавших аэродром у Сиди-Резег с юга.

Затем Африканский корпус попытался овладеть аэродромом, предприняв наступление с юго-востока, однако успеха не имел отчасти из-за серьезного недостатка боеприпасов, а отчасти благодаря героическому сопротивлению артиллерийской группы поддержки под блестящим командованием бригадного генерала Кэмпбелла. Артиллерия была самым обученным и лучше всего управляемым родом войск английской армии, и качества английских артиллеристов полностью проявились в упорном бою

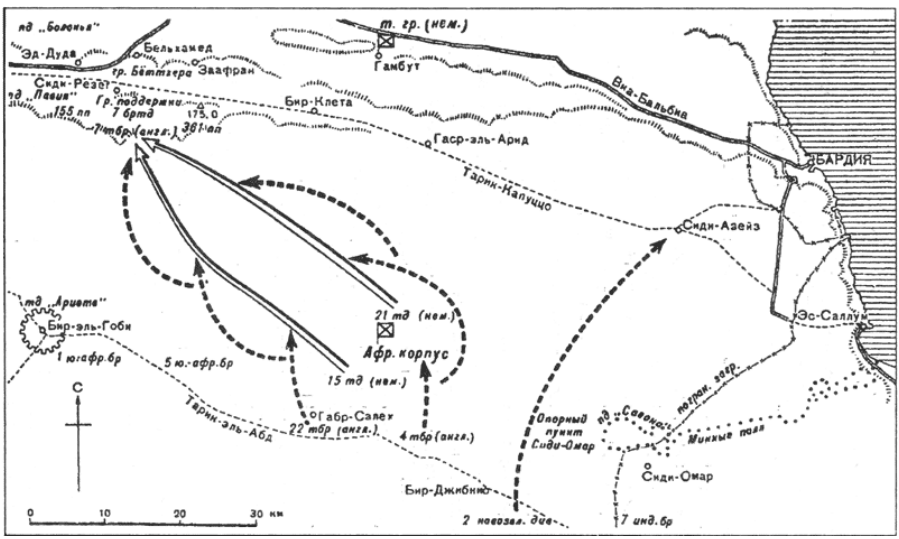
под Сиди-Резег 21 ноября. К исходу дня 4-я бронетанковая бригада с юго-востока нанесла удар в тыл частям Африканского корпуса, но была остановлена противотанковым заслоном; 22-я бронетанковая бригада атаковала с юго-запада левый фланг 15-й танковой дивизии.

Роммель не принимал участия в этом бою. На рассвете 21 ноября гарнизон Тобрука — 70-я английская пехотная дивизия и 32-я армейская танковая бригада — перешел в наступление на юго-восточном участке обороны и после ожесточенного боя прорвал фронт расположенных здесь дивизий «Африка» и «Болонья». Наше положение стало крайне серьезным, и Роммель сам поспешил на опасный участок. Приняв командование над 3-м разведотрядом, усиленным 88-мм пушками, он лично повел его в атаку. Несколько английских танков было подбито, и противник был отброшен на исходные позиции.

Тем временем из района границы поступили угрожающие донесения. Подошедшая 2-я новозеландская дивизия во второй половине дня 21 ноября прошла позади наших приграничных укреплений и пересекла дорогу Тарик-Капуццо по обе стороны Сиди-Азейз. Тем самым создалась угроза штабу танковой группы в Гамбуте, и Роммель приказал нам в течение ночи переместиться в Эль-Адем.

Вечером 21 ноября Роммель приказал Крювелю не допускать соединения гарнизона Тобрука с 30-м английским корпусом (7-я английская бронетанковая дивизия, 1-я южноафриканская дивизия и 22-я гвардейская бригада). Для этой цели Крювель получил в свое распоряжение большую часть дивизии «Африка».

Схема 9



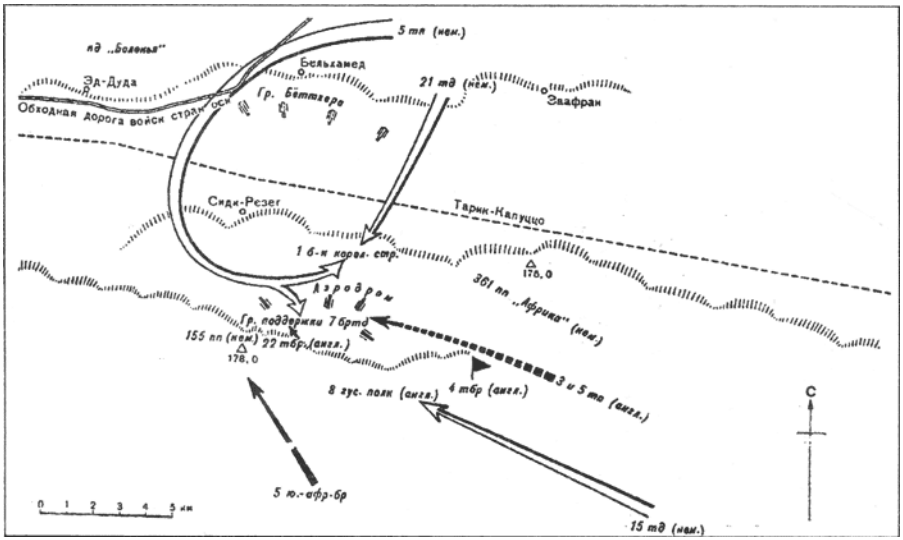
Наступление Африканского корпуса на Сиди-Резег 21 ноября

Несмотря на то что ему не удалось оттеснить группу поддержки с аэродрома Сиди-Резег, Африканский корпус вечером 21 ноября занимал выгодные позиции между группой поддержки и английскими 4-й и 22-й бронетанковыми бригадами и мог атаковать каждую из этих группировок по очереди. Но днем 21 ноября в разговоре с генералом Нейман-Зилковом, командиром 15-й танковой дивизии, Крювель заявил, что он намерен добиться «полной свободы маневра» и этой ночью двинет корпус на восток с целью произвести перегруппировку в районе Гамбута[74].

Крювель получил приказание Роммеля в 22 часа 40 мин и соответственно изменил свой план. 15-я танковая дивизия должна была теперь отойти и произвести перегруппировку южнее Гамбута, а 21-я танковая дивизия направлялась на север с задачей сосредоточиться в районе Бельхамеда. Результат этих распоряжений был таков, что англичане впервые с 19 ноября получили возможность сосредоточить всю 7-ю бронетанковую дивизию в одном месте. Более того, между двумя дивизиями Африканского корпуса теперь образовался разрыв почти в 30 км.

Главные силы танковых дивизий в течение ночи отошли из района южнее аэродрома Сиди-Резег, но арьергардам утром 22 ноября пришлось вступить в бой с англичанами. Наши противотанковые орудия и 88-мм пушки еще раз доказали свои высокие качества и не подпустили близко английские танки. В первой половине дня арьергарды присоединились к своим дивизиям — 15-я танковая дивизия находилась южнее Гамбута, а 21-я танковая дивизия — между Бельхамедом и Заафраном. К середине дня 4-я и 22-я бронетанковые бригады соединились с группой поддержки 7-й бронетанковой дивизии и остатками 7-й бронетанковой бригады на аэродроме Сиди-Резег. Положение англичан было теперь очень благоприятным: 7-я бронетанковая дивизия сосредоточила свои бригады, в которых все еще имелось около 180 танков, 1-й южноафриканской дивизии было приказано сосредоточиться в Сиди-Резег, а 5-я южноафриканская бригада уже была в этом районе, имея задачу захватить южную цепь холмов (удерживаемую подразделениями 155-го пехотного полка) к западу от отметки 178,0. Днем 22 ноября 6-я новозеландская бригада начала движение к Сиди-Резегу по дороге Тарик-Капуццо. Войска тобрукского гарнизона, совершившие вылазку 21 ноября, были остановлены, но далеко не разбиты. Если бы 7-й бронетанковой дивизии удалось отразить наши атаки во второй половине дня 22 ноября, соотношение сил у Сиди-Резег резко изменилось бы не в нашу пользу (см. схему 10).

Схема 10



Контрудар Роммеля 22 ноября 1941 г.

Около полудня Роммель приехал к фон Равенштейну и после разговора с ним решил провести наступательный план, благодаря которому чаша весов склонилась в нашу сторону. Мотопехота 21-й танковой дивизии, поддерживаемая большей частью дивизионной артиллерии, получила приказ атаковать высоты у Сиди-Резег с севера, в то время как 5-й танковый полк с 88-мм пушками должен был сделать большой крюк севернее Бельхамеда, подняться по обходной дороге стран оси в направлении Эд-Дуда и, обойдя высоты у Сиди-Резег, атаковать аэродром с запада.

Тяжелая артиллерия танковой группы была сосредоточена у Бельхамеда и поддерживала 21-ю танковую дивизию ураганным огнем.

Англичане, по-видимому, совершенно не ожидали этой атаки; у них было большое количество бронеавтомобилей[75], но похоже на то, что они не сумели своевременно обнаружить наш маневр и предупредить об опасности. 5-й танковый полк ворвался на аэродром, несмотря на бешеный огонь орудий группы поддержки, 22-я английская бронетанковая бригада, пройдя через огневые позиции английской артиллерии, контратаковала немецкие танки, но 4-я бронетанковая бригада англичан почему-то колебалась. 88-мм и противотанковые пушки, ведя огонь с северных и южных высот, нанесли тяжелые потери 22-й бронетанковой бригаде, которая в конце концов отошла, потеряв половину своих машин. 1-й батальон королевских стрелков оборонял северные высоты у кладбища Сиди-Резег. Немецкие танки атаковали этот батальон с тыла, а пехота 21-й танковой

дивизии — с фронта. В результате большая часть батальона была взята в плен. К вечеру вступила в бой 4-я бронетанковая бригада, но она не смогла выправить положение, и 21-я танковая дивизия продолжала удерживать свои позиции на северных высотах и западнее аэродрома.

Командир 7-й бронетанковой дивизии генерал Готт решил, что дальнейшая оборона аэродрома невозможна; с наступлением темноты он отвел свои разбитые части на новые позиции за южными высотами. Во второй половине дня 3-й трансваальский шотландский полк 5-й южноафриканской бригады атаковал наши позиции у отметки 178,0 и понес значительные потери.

Тем временем на противоположном фланге вступила в бой 15-я дивизия. Ее действия не были согласованы с действиями 21-й дивизии; Крювель решил наступать по своей инициативе и атаковал 7-ю бронетанковую дивизию во фланг. Английская разведка и тут не сумела предупредить об опасности. 15-я дивизия быстро продвигалась вперед по ровной местности с твердым грунтом, и даже темнота не помешала ее продвижению, 8-й танковый полк, находившийся в авангарде, около 19.00 натолкнулся на крупное скопление машин примерно в 6,5 км юго-восточнее аэродрома Сиди-Резег. Он немедленно развернулся и окружил английский бивак; танки включили фары, командиры выскочили из машин с пистолетами в руках. Англичане были застигнуты врасплох и не смогли оказать сопротивление. Некоторые танки пытались ускользнуть, но были тут же подожжены — от яркого пламени на поле боя стало светло как днем.

Оказалось, что 8-й танковый полк захватил в плен штаб 4-й бронетанковой бригады вместе с большей частью 8-го гусарского полка. Это был сокрушительный удар по лучшему соединению 7-й бронетанковой дивизии. Африканский корпус одержал блестящую победу и снова стал хозяином на поле боя.

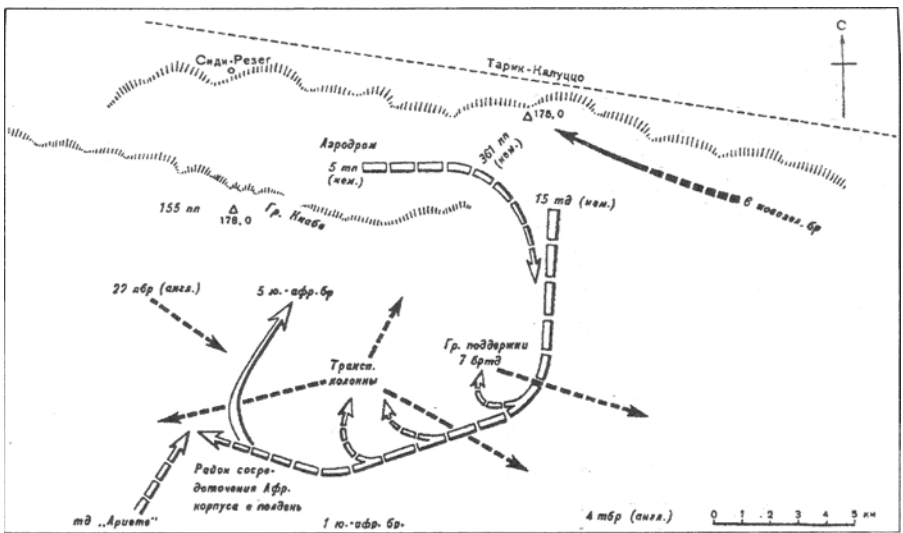
День поминовения

На 23 ноября Роммель наметил наступление с задачей уничтожить остатки 7-й бронетанковой дивизии и разгромить 1-ю и 5-ю южноафриканские пехотные бригады. Для этой цели он воспользовался поддержкой Гамбары, который договорился наступать силами дивизии «Ариете» к северо-востоку от Бир-эль-Гоби, в то время как 15-я и 21-я танковые дивизии должны были теснить англичан в сторону итальянцев. Роммель приказал Африканскому корпусу «окружить и уничтожить противника».

Крювелю не пришлось действовать в соответствии с приказом

танковой группы, потому что приказ поступил слишком поздно. Поэтому он оставил пехоту и артиллерию 21-й танковой дивизии оборонять высоты южнее аэродрома Сиди-Резег и приказал 15-й танковой дивизии, усиленной 5-м танковым полком, начать глубокий обход в юго-западном направлении и выйти в тыл британским войскам 7-й бронетанковой дивизии и 5-й южноафриканской бригады. Встретившись с дивизией «Ариете», 15-я танковая дивизия должна была совместно с итальянцами атаковать англичан и оттеснить их на нашу пехоту и артиллерию, расположенные на высотах.

Схема 11



Сражение у Сиди-Резег 23 ноября 1941 г.

Утро 23 ноября выдалось туманное, но, когда плотный туман поднялся, Крювель приказал начать наступление, и длинные колонны танков, грузовиков и орудий с грохотом понеслись к югу. Вскоре они натолкнулись на большую колонну автомашин, орудий и танков, 15-я танковая дивизия повернула на запад, и противник бросился в паническое бегство — автомашины 7-й бронетанковой дивизии и 5-й южноафриканской помчались во все стороны прямо по пустыне. Генерал Нейман-Зилков предложил Крювелю прекратить движение к югу: 15-я дивизия должна воспользоваться замешательством противника и атаковать главные силы 5-й южноафриканской бригады, отбросив их к высотам. Крювель признал этот план «соблазнительным», но он придавал главное значение совместным действиям с итальянцами. Поэтому бой был прекращен, и 15-я танковая дивизия двинулась к юго-западу на соединение с дивизией «Ариете». 5-й танковый полк задержался с выступлением и догнал

15-ю дивизию лишь около полудня.

Не подлежит сомнению, что мы тогда упустили победу и что было бы лучше продолжать наступление, пока южноафриканцы и англичане не успели организовать совместную оборону. Как и следовало ожидать, южноафриканцы воспользовались передышкой и перебросили большую часть своей артиллерии на южный фланг 5-й бригады; их западный фланг прикрывал сводный полк 22-й бронетанковой бригады, а восточный фланг — остатки группы поддержки[76]. Все же маневр 15-й танковой дивизии не позволил 1-й южноафриканской бригаде подойти с юга и соединиться со своими соотечественниками.

Рано утром 23 ноября Роммель выехал из штаба танковой группы в Африканский корпус, но добраться туда ему не удалось — помешало наступление 6-й новозеландской бригады с востока. Эта бригада скрытно продвигалась в течение ночи с 22 на 23 ноября и на рассвете 23-го внезапной атакой захватила основной командный пункт Африканского корпуса около Бир-эль-Клета. Затем она продвинулась к отметке 175,0 и предприняла исключительно опасную атаку на наш 361-й полк «Африка», который оборонял восточные подступы к аэродрому Сиди-Резег. Роммель сам был втянут в этот бой и не смог присоединиться к Крювелю и главным силам Африканского корпуса.

В 15.00 Крювель атаковал 5-ю южноафриканскую бригаду. Он растянул свои танки в длинные линии и приказал следовать за ними пехоте на грузовиках. Когда все было готово, был дан сигнал атаки, и танки, грузовики и орудия безудержно ринулись на противника[77]. Атака такого рода была новшеством в немецкой тактике и оказалась, безусловно, стоящим экспериментом. Южноафриканцы были разбиты, несмотря на ожесточенное сопротивление и поддержку смелых танкистов 22-й бронетанковой бригады. Но наша мотопехота понесла тяжелые потери — большинство офицеров и унтер-офицеров было убито и ранено, а танковые полки потеряли 70 танков из 150. Это были самые высокие наши потери за все время сражения, и они серьезно ослабили нашу танковую мощь.

Несмотря на потери, вечер 23 ноября застал нас в выгодном положении, и мы могли считать, что выиграли сражение при Сиди-Резег. От былой мощи 7-й бронетанковой дивизии осталась одна тень, 5-я южноафриканская бригада была уничтожена, а гарнизону Тобрука не удалось вырваться из окружения. Вечером 23 ноября Роммель вернулся в штаб танковой группы, чтобы объявить свои планы и отдать распоряжения. Он ликовал — несомненно, это сражение было одним из самых критических моментов войны в пустыне.

Глава VI
Поражение и новый успех Роммеля

Бросок к проволочным заграждениям

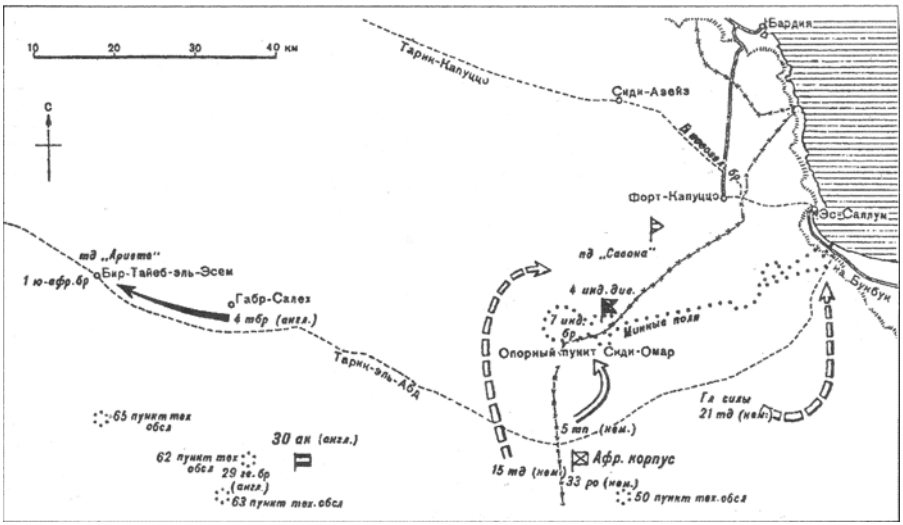
После сражения 23 ноября Африканский корпус оказался в величайшем беспорядке; говоря словами генерала Байерлейна, «большой район к югу от Сиди-Резег превратился в море пыли, огня и дыма»[78]. Он говорит, что, когда стемнело, «сотни горящих машин, танков и орудий, словно факелы, осветили поле битвы», и добавляет, что «до самой полуночи не было возможности определить результаты сражения, привести в порядок соединения, подсчитать потери и трофеи и оценить общую обстановку». И в самом деле, при таких условиях хладнокровная и правильная оценка была невозможна. Африканский корпус понес очень тяжелые потери, масштабы которых еще много дней не были известны в штабе танковой группы. 24 ноября у нас оставалось менее 100 исправных танков, а пехотные полки очень сильно поредели от огня южноафриканцев.

К несчастью, Роммель переоценил свой успех и считал, что настало время начать преследование противника по всему фронту. Роммель весь день не был в штабе, занятый боем с 6-й новозеландской бригадой у отметки 175,0, и вполне понятно, что он не мог знать всей обстановки в районе южнее Сиди-Резег. Он, однако, видел объятые пламенем автомашины южноафриканцев и получил несколько донесений о «боях на уничтожение», которые якобы вели наши части. Вечером он вернулся в Эль-Адем в возбужденно-ликующем состоянии и тут же стал отдавать распоряжения, изменившие весь ход боевых действий. Около полуночи Роммель послал следующее донесение в Берлин: «Намерения на 24 ноября: а) завершить разгром 7-й бронетанковой дивизии; б) частью сил наступать в направлении Сиди-Омар с задачей атаковать противника на эс-саллумском участке фронта».

У меня в штабе танковой группы были заслуживающие доверия донесения о наступлении главных сил 2-й новозеландской дивизии вдоль дороги Тарик-Капуццо; к тому же положение на тобрукском участке фронта было очень угрожающим. Вестфаль и я указывали Роммелю, что опасно уводить Африканский корпус далеко от Тобрука, так как тем самым мы упускаем прекрасную возможность уничтожить

подходящую по частям новозеландскую дивизию. И в самом деле, я убежден, что если бы мы оставили Африканский корпус в районе Сиди-Резег, то выиграли бы сражение. В 8-й армии существовала пагубная практика вводить в бой свои части последовательно, и мы могли бы уничтожить их одну за другой. Правда, нужно признать, что наступление Роммеля к границе серьезно встревожило генерала Каннингхэма и едва не обратило 8-ю армию в паническое бегство.

Схема 12



Контрудар Роммеля. Положение на 25 ноября 1941 г.

Я никогда не слышал, чтобы Роммель проявлял какой-либо интерес к складам снабжения 8-й английской армии. Из захваченных документов нам было известно их расположение, но Роммель ставил своей целью не захват английских запасов, а уничтожение английской армии. Для этого он стремился отрезать путь отхода 30-му корпусу и оттеснить 4-ю индийскую дивизию на минные поля в районе Эс-Саллума. Во всяком случае, я очень сомневаюсь в том, чтобы уничтожение нескольких складов снабжения привело к прекращению наступления англичан. Англичане превосходно организовали снабжение и обладали неограниченными ресурсами.

Рано утром 24 ноября Роммель и Гаузё уехали в войска, и Вестфаль как начальник оперативного отдела остался старшим офицером в штабе. Мы не знали, что отсутствие Роммеля продлится несколько дней и что мы будем иметь лишь туманное представление о том, где он находится и чем занимается. Именно в такое время подтверждается важность основательной штабной подготовки; офицер германского генерального штаба был не просто писарем или рупором в руках своего командира — он

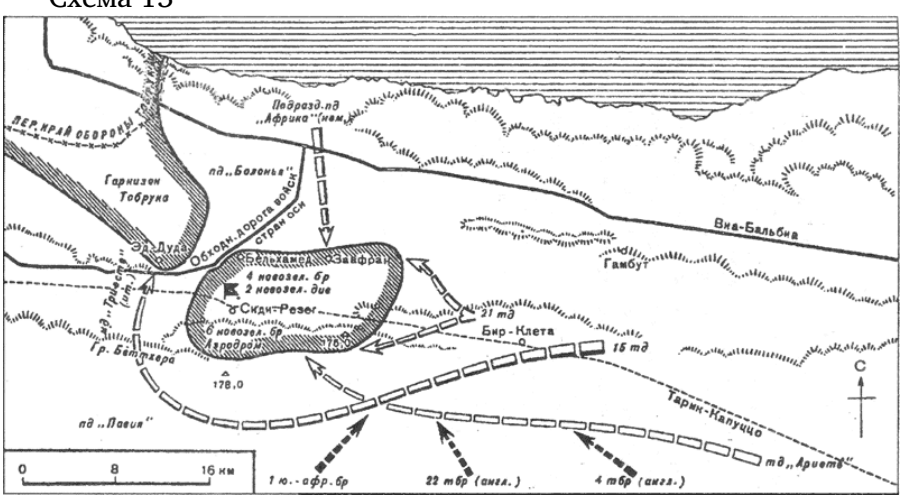
умел самостоятельно принимать серьезные решения и в свою очередь пользовался должным уважением. Английские боевые командиры, напротив, обычно смотрят на штабы свысока, и англичане удивительно неохотно назначают способных штабных офицеров на командные посты в войска.

Около 10 час 30 мин 24 ноября Роммель лично возглавил колонну 21-й танковой дивизии и помчался на бешеной скорости вперед. К концу того же дня он достиг проволочных заграждений; за ним растянулся по пустыне на пятьдесят пять километров весь Африканский корпус, а 7-я бронетанковая и 1-я южноафриканская дивизии англичан в панике бежали. Смелый бросок Роммеля поверг 30-й английский корпус в полное смятение, и, согласно английским источникам, генерал Каннингхэм хотел немедленно отступать прямо в Египет[79].

Однако, к большому счастью для англичан, в штаб 8-й армии прибыл генерал Окинлек; он не согласился с Каннингхэмом и приказал продолжать наступление.

Это было, безусловно, одно из важнейших решений в последней войне; боевой дух и богатая стратегическая интуиция Окинлека спасли операцию «Крузейдер», и не только ее одну[80].

Схема 13



Окружение новозеландской дивизии 27–29 ноября 1941 г.

У Роммеля создалось неправильное впечатление об обстановке на эс-саллумском участке фронта. Фактически там была лишь одна 7-я индийская бригада[81], которая только что захватила Сиди-Омар, где и находилась под защитой наших собственных минных полей. В ночь с 24 на 25 ноября Роммель и Крювель с сопровождавшими их офицерами безнадежно заблудились на египетской стороне за проволочными заграждениями и вынуждены были сделать привал в районе, где

располагались огневые позиции английской артиллерии и через который шли войска. Только чудом им удалось ускользнуть, а утром 25 ноября Роммель, не имея достаточных сведений о расположении противника, принял слишком поспешное решение, 5-й танковый полк был брошен на Сиди-Омар и потерял половину своего состава в безрезультатных атаках против 7-й индийской бригады, поддерживаемой 1-м и 25-м полками полевой артиллерии. Остальные части 21-й танковой дивизии блуждали южнее прохода Хальфайя, нигде не встречая противника, 15-я танковая дивизия образовала заслон западнее эс-саллумских позиций и во второй половине дня уничтожила мастерские 1-й армейской танковой бригады. Итальянская дивизия «Ариете» была задержана 1-й южноафриканской бригадой и 4-й английской бронетанковой бригадой около Бир-Тайеб-эль-Эсем и не смогла выйти к границе, как ей было приказано[82]. Весь день Африканский корпус подвергался непрерывным воздушным атакам, которые причинили ему серьезные потери, тем более что эс-саллумский участок фронта был вне досягаемости наших истребителей. Короче говоря, 25 ноября было для нас очень неудачным днем: мы понесли тяжелые потери, добившись лишь ничтожных результатов.

25 ноября в район Сиди-Резег прибыла в полном составе 2-я новозеландская дивизия, и наша дивизия «Африка», оставленная там, вскоре оказалась в очень тяжелом положении. Вестфаль настойчиво просил Роммеля обратить внимание на создавшееся положение и на вероятность массированного прорыва тобрукского гарнизона. Роммель получил его донесения лишь утром 26 ноября[83], но все равно он мало чем мог бы помочь, поскольку Африканский корпус остался почти без горючего. А в деревянных хижинах, где размещался наш штаб в Эль-Адеме, Вестфаль и я в наспех наброшенных шинелях с нарастающей тревогой следили за обстановкой.

Второе сражение у Сиди-Резег

26 ноября гарнизон Тобрука прорвал позиции наших войск, осаждавших крепость, и овладел высотами у Эд-Дуды; предыдущей ночью новозеландцы после жестокого боя захватили Бельхамед. Это давало противнику возможность образовать коридор между новозеландцами и Тобруком, и он подбрасывал к Бельхамеду и Эд-Дуде артиллерию и тяжелые танки.

В такой критической обстановке Вестфаль, не имея возможности связаться с Роммелем или со штабом Африканского корпуса, взял на себя ответственность и послал приказание

непосредственно в 21-ю дивизию: он отменил все распоряжения о преследовании и приказал дивизии выступить к Тобруку с задачей атаковать новозеландцев с тыла. 21-я дивизия прошла севернее эс-саллумских минных полей и вечером 26 ноября атаковала и разгромила позиции 5-й новозеландской бригады около форта Капуццо, где установила связь с 15-й танковой дивизией, которая пыталась пробиться к Бардии с целью пополнить запасы горючего и боеприпасов.

Несмотря на крайне критическое положение в районе Тобрука, Роммель упорно продолжал действия на эс-саллумском участке фронта. 27 ноября он все же приказал 21-й дивизии направиться к Тобруку, но 15-й дивизии была поставлена задача наступать южнее Бардии и уничтожить части противника на рубеже Сиди-Омар — Капуццо. Рано утром 27 ноября 8-й танковый полк внезапно атаковал штаб 5-й новозеландской бригады в Сиди-Азейз; 15-я дивизия захватила 800 пленных, в том числе командира бригады, шесть орудий и большое количество снаряжения. Удовлетворенный таким выдающимся успехом, Роммель решил оставить эс-саллумский участок фронта и приказал 15-й дивизии двигаться на запад, к Тобруку.

Таким образом, 27 ноября Роммель снова начал сражение у Сиди-Резег, но при гораздо менее благоприятных условиях, чем три дня тому назад. Новозеландцы прочно соединились с тобрукским гарнизоном, а наши части на этом направлении были серьезно ослаблены. Африканский корпус не добился каких-либо решающих успехов на границе и теперь представлял собой лишь крупицу тех сил, которые вступили в бой 18 ноября. Английские бронетанковые войска получили передышку: многие танки были отремонтированы, из Египта прибыли крупные танковые резервы, и 4-я и 22-я бронетанковые бригады вновь стали мощными соединениями. В воздухе господствовала английская авиация, и наши незащищенные колонны неоднократно подвергались ее ударам.

Днем 27 ноября 15-я танковая дивизия одержала важную победу над 4-й и 22-й бронетанковыми бригадами в районе Бир-эль-Клета[84]. 21-я дивизия вначале задержалась на шоссе Виа-Бальбиа, но затем повернула к югу, чтобы присоединиться к 15-й дивизии на дороге Тарик-Капуццо. Хотя наши дивизии были сильно ослаблены, но они действовали сосредоточенно, тогда как английские войска были разбросаны на широком фронте и плохо согласовывали свои действия.

Вечером 27 ноября Роммель прибыл в Гамбут, где ему удалось установить прямую радиосвязь с нашим штабом в Эль-Адеме. Вестфаль доложил, что тобрукский фронт вот-вот рухнет и

что ему с большим трудом удалось удержать итальянских командиров от отдачи приказа об общем отступлении[85]. Теперь командующий был полностью информирован о сложившейся опасной обстановке, но со свойственным ему боевым задором он искал путей, чтобы обратить поражение в победу, и стал готовиться к наступлению с целью разгрома 2-й новозеландской дивизии. Утром 28 ноября он прилетел в Эль-Адем, откуда ему было удобнее управлять сражением в целом. Его прибытие было для нас огррмным облегчением, особенно для Вестфаля, которому, будучи подполковником, приходилось отдавать приказы старшим по званию итальянским командирам корпусов.

28 ноября серьезных боев не было. 15-я танковая дивизия, наступавшая с востока, пробилась к высотам у Сиди-Резег и отбросила английские танки, продвигавшиеся к Сиди-Резег с юга. Вечером 28 ноября генерал Крювель приказал Африканскому корпусу на следующий день атаковать новозеландцев и оттеснить их в Тобрук. 21-я дивизия должна была наступать через Заафран на Бельхамед, 15-я дивизия — через Сиди-Резег на Эд-Дуда, а дивизия «Ариете» — прикрывать наступающие части с юга. Этот план был доложен нам по радио.

Роммель возражал против плана Крювеля и настаивал, чтобы Африканский корпус отрезал новозеландцев от Тобрука, а не оттеснял их обратно в крепость. В соответствии с этим в полдень 29 ноября Крювель приказал 15-й дивизии обойти Сиди-Резег с юго-запада, а затем наступать на Эд-Дуду. 21-я дивизия и «Ариете» не смогли выполнить своей задачи, потому что были атакованы крупными танковыми силами англичан[86]. Во второй половине дня 29 ноября 15-я дивизия после жестокой схватки захватила Эд-Дуду, но с наступлением темноты противник контратаковал и отбросил мотострелковый полк дивизии с этой господствующей позиции. Днем Роммель лично приехал в штаб Африканского корпуса и настоял на том, чтобы не оттеснять новозеландскую дивизию в Тобрук, а уничтожить ее вне крепости.

Обстановка в это время была исключительно сложной и неясной, силы обеих сторон иссякали. Войскам приходилось вести боевые действия в жестокую стужу, в безводной местности, где нормальной системы снабжения, по существу, не было. Наши танки почти полностью окружили 2-ю новозеландскую дивизию — 15-я дивизия с запада, 21-я дивизия с востока и дивизия «Ариете» с юга, — но сильные английские танковые части угрожали нашим войскам, прикрывающим южный фланг, а к англичанам подходила еще 1-я южноафриканская бригада. Гарнизон Тобрука понес значительные потери, однако по-прежнему представлял собой очень внушительную силу. При

таких обстоятельствах решение Роммеля продолжать сражение до разгрома новозеландцев является изумительным доказательством его силы воли и решительности.

Утром 30 ноября 15-я дивизия была отброшена от Эд-Дуда, где противник, очевидно, имел значительные силы, и заняла исходные позиции для наступления на высоты у Сиди-Резег с юга во взаимодействии со смешанными боевыми группами дивизии «Африка». Несмотря на просьбы об отсрочке, Роммель настоял, чтобы 15-я дивизия начала наступление во второй половине того же дня, и он оказался прав. К вечеру мы заняли позиции новозеландцев у Сиди-Резег, захватив шестьсот пленных и двенадцать орудий, 21-я дивизия и дивизия «Ариете» отразили контратаки английских танков с юга и юго-востока, предпринятые для выручки новозеландцев. Без труда была отбита и осторожная попытка 1-й южноафриканской бригады атаковать наши войска у отметки 175,0.

Наш успех 30 ноября поставил новозеландцев в безвыходное положение, и 1 декабря генерал Фрейберг, их бесстрашный командир, отдал приказ прорываться на юго-восток. При поддержке 4-й бронетанковой бригады ему удалось все-таки вывести часть своей дивизии, хотя в течение дня мы захватили еще тысячу пленных и двадцать шесть орудий. 7-я бронетанковая дивизия, 2-я новозеландская дивизия и 1-я южноафриканская бригада вырвались из окружения в районе Сиди-Резег и направились к югу для перегруппировки. Тобрук снова был изолирован, и формально мы как будто одержали победу — англичанам не удалось осуществить операцию «Крузейдер». Но эта победа обошлась слишком дорого: танковая группа была сильно потрепана, и вскоре стало ясно, что нам остается лишь одно — начать общее отступление из Киренаики.

Отступление из Киренаики

Характерной чертой Роммеля было то, что он не падал духом даже в самой неблагоприятной обстановке. 3 и 4 декабря Роммель приказал части сил Африканского корпуса деблокировать Бардию; он стремился доставить запасы всего необходимого в крепость и все еще надеялся оттеснить на минные поля войска противника, действующие на эс-саллумском участке фронта. Однако большая часть Африканского корпуса должна была остаться в районе Сиди-Резег для приведения себя в порядок, а потому посланные войска оказались слишком слабы для того, чтобы освободить Бардию, и были вынуждены возвратиться. Утром 4 декабря 21-я дивизия попыталась овладеть

Эд-Дудой, где прочно закрепились части тобрукского гарнизона. Эта атака также не имела успеха.

4 декабря мы получили донесения о сосредоточении 4-й индийской дивизии в Бир-эль-Гоби (2-я южноафриканская дивизия сменила ее на эс-саллумском участке фронта) и о движении крупных колонн противника в районе Бир-Хакейма и Эль-Адема. И в самом деле, в тот день наш штаб в Эль-Адеме тревожили бронеавтомобили и артиллерия противника, наступавшего с юга. Состояние снабжения вызывало серьезное беспокойство, английская авиация имела полное превосходство в воздухе. В соответствии с этим 4 декабря Роммель решил, что продолжать осаду Тобрука больше нельзя и надо отступать на новые позиции, проходящие юго-западнее крепости.

Вывести наши войска и технику из восточного сектора Тобрука было нелегким делом, и для прикрытия их отхода 5 декабря Африканский корпус предпринял наступление на Бир-эль-Гоби. В беспорядочных боях с 5 по 7 декабря Африканский корпус выдержал натиск значительно превосходящих английских сил, главным образом 7-й бронетанковой и 4-й индийской дивизий, и выиграл время для последующего отхода на позицию, проходящую южнее Эль-Газалы[87]. В ночь с 7 на 8 декабря Африканский корпус оторвался от противника и отступил, чтобы прикрыть южный фланг этой позиции. 9 декабря дивизия «Африка»[88] была направлена в Аджедабию, в 160 километрах южнее Бенгази, для обороны этого района от 29-й индийской бригады, которая захватила Джало и угрожала перерезать наши коммуникации, ведущие в Триполи. На этом этапе Роммель все еще надеялся задержать 8-ю английскую армию на позициях у Эль-Газалы.

Сражение при Эль-Газале началось 11 декабря и продолжалось до 15-го. Хотя атаки англичан были отбиты, стало ясно, что боевая мощь итальянцев упала до внушающей тревогу степени; кроме того, наши боеприпасы подходили к концу, и мы были не в состоянии отразить сильный танковый удар в обход южного фланга. 15 декабря состоялось совещание Роммеля с фельдмаршалом Кессельрингом, которого Гитлер недавно назначил главнокомандующим немецкими войсками на Юге[89], генералом Каваллеро, начальником итальянского генерального штаба, и генералом Бастико, главнокомандующим в Северной Африке.

Совещание протекало необычайно бурно. Роммель указал на свои затруднения и потери и заявил, что он должен отступить из Киренаики и привести в порядок свою армию у Гаср-эль-Брега. Для итальянских генералов это заявление прозвучало как гром

среди ясного неба, и даже для Кессельринга оно явилось полной неожиданностью. Бастико стал резко критиковать немецкое командование и в конце концов официально запретил дальнейшее отступление. Однако Роммель все-таки настоял на своем, правда, лишь после того, как оба итальянских генерала высказали все свои недостойные обвинения.

Отступление было проведено с большим искусством, под прикрытием сильных арьергардов. Нашим главным противником была английская авиация, так как 8-я армия после прошедших боев была не в состоянии вести преследование. Больше всего Роммеля тревожило то, что противник мог бросить крупные танковые силы через пустыню и отрезать нам пути отхода, однако этого не случилось. Прибытие 55-й танковой дивизии в район южнее Бенгази вечером 20 декабря было большим облегчением для Роммеля, и тогда был отдан приказ о сосредоточении частей на позициях в районе Аджедабии. 17 декабря в Бенгази весьма кстати прибыл транспорт с танками, вследствие чего численность танков 15-й дивизии была доведена до сорока.

23 декабря передовые части 7-й английской бронетанковой дивизии попытались перерезать шоссе Виа-Бальбиа между Бенгази и Аджедабией. Английские танки действовали несколькими колоннами, разделенными большими интервалами, и 15-я дивизия получила возможность бить их по частям. 24 декабря мы эвакуировали Бенгази.

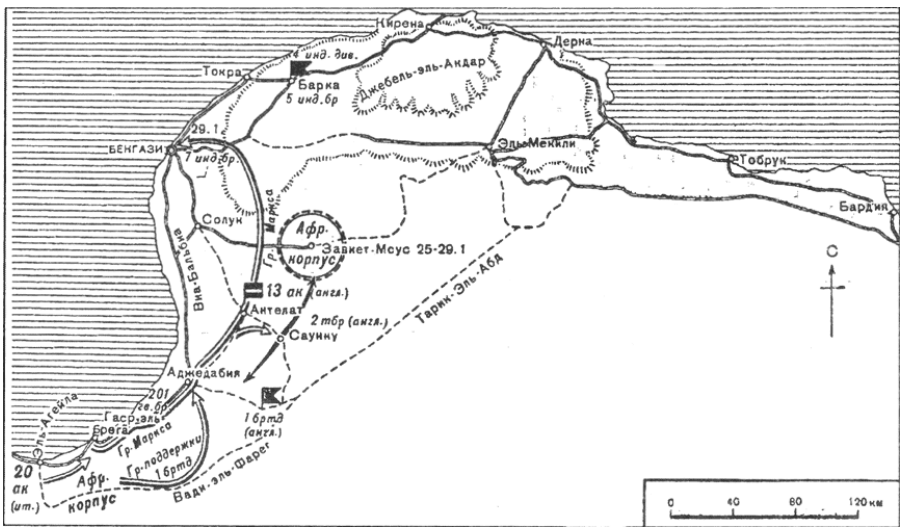
26 декабря англичане предприняли наступление на наши позиции у Аджедабии. Африканский корпус имел теперь семьдесят танков, и первые атаки противника были легко отбиты. Английские бронетанковые части пытались обойти с юго-востока позиции у Аджедабии, но 28 декабря Африканский корпус весьма успешно контратаковал, уничтожив большое количество танков, и англичане в беспорядке отступили. Положение со снабжением теперь значительно улучшилось, а масштабы воздушной поддержки все увеличивались. 7-я бронетанковая дивизия была в плачевном состоянии: она потеряла большинство своих опытных танковых экипажей и остро нуждалась в отдыхе и приведении в порядок своих частей. По существу, Роммеля ничто не вынуждало отходить из Аджедабии на Гаср-эль-Брега; тем не менее в ночь с 5 на 6 января он это сделал. Последующие события показали всю мудрость этого решения.

Контрудар Роммеля

11 января танковая группа сосредоточилась на позиции у Гаср-эль-Брега; несмотря на тяжелые потери, понесенные за

последние семь недель, теперь обстановку нельзя было назвать невыгодной для Роммеля. 2-й воздушный флот был переведен с русского фронта в Сицилию и на Апеннинский полуостров и мог оспаривать у англичан господство в воздухе, а также оказывать непосредственную поддержку войскам. Снабжение значительно улучшилось: 18 декабря и 5 января в Африку под охраной итальянских линкоров пришли два конвоя, которые доставили много горючего и боеприпасов. Вместе с тем прибытие четырех танковых рот значительно увеличило ударную силу Африканского корпуса. Кессельринг подверг Мальту жестокой бомбардировке с воздуха, действие которой сказалось в резком сокращении общего количества потопленных судов на морских путях в Триполи.

Схема 14



Контрудар Роммеля в январе 1942 г. (положение английских войск дано на 21 января)

В то же время коммуникации 8-й английской армии очень удлинились: ее части все еще вели бои за овладение нашими позициями на границе. Бардия пала только 2 января, а проход Хальфайя удерживался нашими войсками еще около двух недель. Эти действия отвлекли 2-ю южноафриканскую дивизию, а также английские подразделения тяжелых танков и артиллерии среднего калибра, а задержка в овладении проходом Хальфайя еще больше осложняла для англичан проблему снабжения своих войск.

12 января в штабе танковой группы обсуждалась обстановка, и меня попросили дать подробную оценку противника. Благодаря отличной работе нашей роты радиоперехвата мне удалось дать

ясную картину расположения и намерений английских войск и обратить внимание на возможность нанесения успешного контрудара. Закаленная в боях 7-я бронетанковая дивизия была настолько потрепана в предшествующие недели, что ее пришлось отвести в район южнее Тобрука, и ее место у Аджедабии заняла 1-я бронетанковая дивизия, лишь недавно прибывшая из Англии и совершенно не знакомая с ведением боевых действий в условиях пустыни. Было установлено, что 4-я индийская дивизия все еще находится в районе Бенгази, но отдельные подразделения ее продвинулись вплоть до Аджедабии[90]. Точных данных о 1-й южноафриканской, 2-й новозеландской и 70-й английской дивизиях мы не имели, но нам было хорошо известно, что в передовом районе их нет.

Мои расчеты показывали, что танковая группа будет сохранять известное превосходство в силах в восточной части Киренаики до 25 января, после чего снова наступит равновесие, а затем преимущество перейдет на сторону англичан[91]. Позиция у Гаср-эль-Брега имела ряд серьезных недостатков, что заметил сам Роммель, пролетая над линией фронта; да и вообще представлялось опасным оставаться в обороне и позволять противнику накапливать силы. Итальянские дивизии, конечно, не смогли бы выдержать напряжения еще одного жестокого оборонительного сражения.

Роммель вполне сознавал справедливость этих доводов; однако он отчасти сомневался, справится ли наш транспорт со своими задачами в наступлении. Успокоившись на этот счет, он со всей энергией приступил к подготовке наступления, но подчеркивал, что оно будет успешным лишь тогда, когда будет совершенно неожиданным для противника. Он решил не докладывать о своих намерениях итальянскому главному командованию в Северной Африке, а также не стал информировать и германское верховное командование. Короткими ночными маршами мы произвели перегруппировку своих войск; всякая разведка, особенно танковая, была запрещена, а танки, находившиеся за линией фронта, были замаскированы под грузовики. Было запрещено движение машин к фронту в светлое время[92]. Командир Африканского корпуса был информирован о плане наступления только 16 января, а его командирам дивизий задачи были поставлены устно 19 января. Наступление было назначено на 18 час 30 мин 21 января.

В ночь с 20 на 21 января мы подожгли деревню Гаср-эль-Брега и транспорт, сидевший на мели в бухте, чтобы создалось впечатление, что мы уничтожаем свои запасы перед дальнейшим отступлением.

Наступление мы начали двумя основными ударными группами. Группа Маркса, состоявшая из подвижных подразделений 90-й легкопехотной дивизии и части танков 21-й танковой дивизии, продвигалась вдоль Виа-Бальбиа, а Африканский корпус выступал через пустыню к северу от Вади-эль-Фарег. Сначала все шло хорошо, и Африканский корпус быстро продвигался по твердому грунту, но позднее, в то же утро, танковые дивизии попали в зыбучие пески; в результате они не только надолго задержались, но и израсходовали большое количество горючего. Тем не менее головным танкам удалось захватить несколько английских орудий и много автомашин, которые завязли в песке, пытаясь спастись от наших наступающих частей. На северном фланге группа Маркса потеснила слабые части прикрытия противника, но была задержана болотами по обеим сторонам дороги.

Вечером 21 января воздушной разведкой и радиоперехватом было установлено, что англичане отходят в северо-восточном направлении и что главные силы 1-й бронетанковой дивизии сосредоточиваются восточнее и юго-восточнее Аджедабии. Противник был полностью застигнут врасплох; но, с другой стороны, и наши танковые полки не могли дальше двигаться из-за недостатка горючего. Роммель решил встать во главе группы Маркса и всеми наличными силами наступать на Аджедабию; любой ценой надо было не дать противнику возможности привести себя в порядок, даже если бы для этого пришлось оставить позади большую часть танков. В этих боевых действиях проявились лучшие качества Роммеля: энергия, смелость и гибкость в управлении войсками.

Продвигаясь вдоль шоссе Виа-Бальбиа и преодолевая слабое сопротивление, группа Маркса в 11 час 00 мин 22 января вступила в Аджедабию. Роммель, лично возглавлявший колонну, приказал продолжать наступление на Антелат и Саунну. Авангард группы Маркса ворвался в самую гущу британских транспортных колонн, преградив им путь; возникла дикая паника, и мы захватили много автомашин без всякого сопротивления со стороны противника. В 15 час 30 мин наша колонна достигла Антелата и, не останавливаясь, двинулась на Саунну, несмотря на приближение ночи. В 19 час 30 мин этот пункт после короткой схватки был взят, а затем группа Маркса как могла расположилась биваком. Кругом был противник, и Маркс чувствовал себя очень неуверенно. Авангард 15-й дивизии достиг Антелата, после наступления темноты обе танковые дивизии пытались соединиться, но были задержаны пробками на дорогах.

В ночь с 22 на 23 января Роммель отдал распоряжения,

которые, как он надеялся, позволят нам окружить 1-ю английскую бронетанковую дивизию, оказавшуюся отрезанной восточнее Аджедабии. Итальянскому танковому корпусу поручалось удерживать район Аджедабии, Африканскому корпусу — создать отдельные заслоны на рубеже Аджедабия-Антелат-Саунну, а группа Маркса должна была, наступая к юго-востоку от Саунну, попытаться замкнуть кольцо окружения на восточном фланге.

Это был многообещающий план, но его удалось выполнить лишь частично. Вследствие серьезного недосмотра штаба Африканского корпуса Саунну не был занят 21-й танковой дивизией после ухода группы Маркса; противник воспользовался этим, и большая часть 1-й бронетанковой дивизии ушла. Правда, нам удалось вывести из строя значительное число английских танков и орудий, но все же эти действия еще раз показали, как трудно окружить танковое соединение в пустыне посредством отдельных заслонов. К несчастью, 24 января мы еще не знали, что большая часть сил противника ускользнула, и зря потратили много времени на прочесывание.

Вечером 24 января Роммель решил начать на следующий день наступление на Завиет-Мсус и завершить уничтожение 1-й бронетанковой дивизии. На правом фланге 21-я дивизия встретила слабое сопротивление, но в 6 милях северо-западнее Саунну 15-я дивизия столкнулась со значительно превосходящими танковыми силами. Они были разбиты 8-м танковым полком, непосредственно поддержанным противотанковыми орудиями и дивизионной артиллерией (уже вскоре после начала боя стало ясно, что английские танковые части не имеют боевого опыта и совершенно деморализованы энергичной атакой 15-й дивизии). Англичане стремительно откатывались по пустыне: временами преследующие их войска продвигались со скоростью 25 км/час. Это был один из самых величайших разгромов за время войны.

Покрыв восемьдесят километров менее чем за четыре часа, 15-я дивизия в 11.00 достигла аэродрома Завиет-Мсус, разгромив многочисленные транспортные колонны и захватив 12 готовых к взлету самолетов. Продолжать преследование было невозможно, так как дивизия израсходовала все горючее, но этот день принес богатые трофеи: 96 танков, 38 орудий и 190 грузовиков.

Эти действия решили исход боев в западной части Киренаики, и Роммель испытывал соблазн развить свой успех, продолжив наступление на Эль-Мекили и отрезав таким образом части 4-й индийской дивизии, расположенные в районе Бенгази и севернее. Наступление через открытую пустыню южнее «Зеленой горы» — Джебель-эль-Акдар — еще в 1941 году оказалось весьма

выгодным; кроме того, теперь бронетанковые части противника, потерпевшие сокрушительное поражение, вряд ли были в состоянии противостоять этому наступлению. Но у Роммеля просто не хватило горючего для массированного удара на Эль-Мекили, и он очень неохотно отказался от этой идеи. Тем временем Каваллеро, начальник итальянского генерального штаба, прибыл в Африку и попытался запретить всякое дальнейшее наступление; он даже лишил Роммеля права распоряжаться 10-м и 21-м итальянскими корпусами и приказал им оставаться в Гаср-эль-Брега.

Роммель настаивал на продвижении к Бенгази. Он приказал Африканскому корпусу демонстративно наступать в направлении Эль-Мекили — шаг, совершенно сбивший с толку Ритчи, который стянул на это направление свои танки. Затем, лично приняв командование группой Маркса, Роммель совершил блестящий марш под проливным дождем по очень трудной местности и атаковал Бенгази с востока. Опять англичане были застигнуты врасплох, и 29 января Роммель вступил в город, захватив 1000 пленных из состава 4-й индийской дивизии[93]. Этот успех принес Роммелю чин генерал-полковника. Интересно, что телеграмма Муссолини, разрешающая наступление на Бенгази, была получена Роммелем, когда он уже входил в город.

Генерал Ритчи, командующий 8-й английской армией, был теперь рад отвести свои войска к Эль-Газале и отказаться от всего Киренаикского выступа. Наша танковая армия была слишком слаба и могла лишь следовать за отходившим противником, а 6 февраля и совсем остановилась перед позицией у Эль-Газалы.

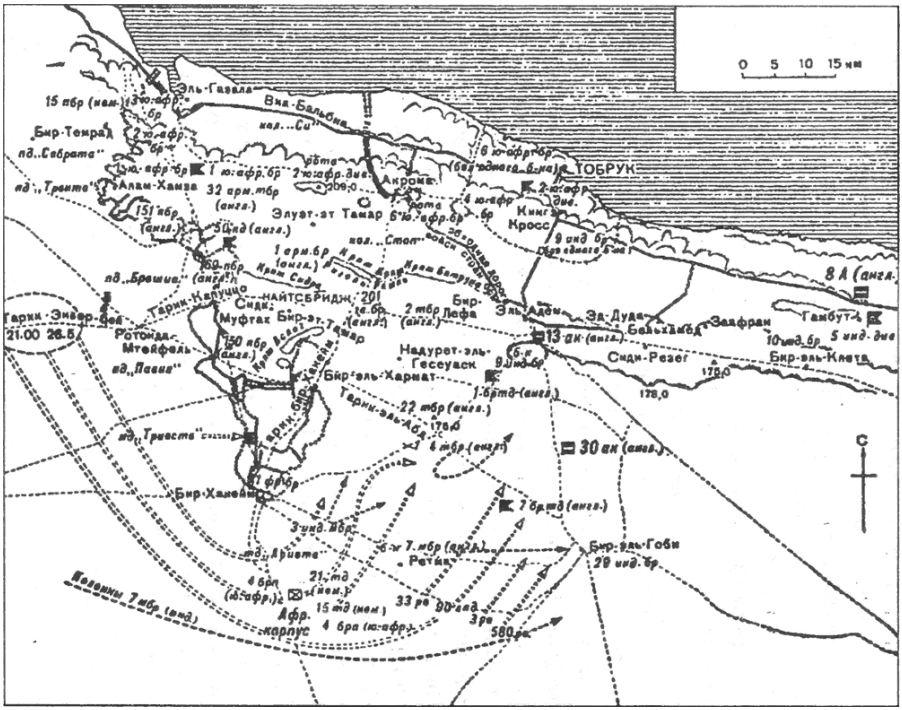
Глава VII
Сражение у Эль-Газалы

Подготовка наступления

В марте 1942 года Роммель вылетел в ставку Гитлера для обсуждения будущих операций на африканском театре. В общем он не был удовлетворен этой поездкой: верховное командование было поглощено подготовкой к летнему наступлению в России, и завоевание Египта занимало лишь незначительное место в его планах. В частности, Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных сил, неодобрительно отнесся к предложениям Роммеля. Гитлер был любезен, но недвусмысленно дал понять, что не следует ожидать посылки в Ливию крупных подкреплений.

Тем не менее германское верховное командование теперь поняло, что надо предпринять какие-то меры в отношении Мальты. Гросс-адмирал Редер всегда понимал ее значение, и теперь он убедил Гитлера во взаимодействии с итальянцами овладеть островом. Генерал Каваллеро решительно настаивал на объединенном итало-немецком наступлении, и Гитлер согласился предоставить в его распоряжение немецкую парашютную дивизию. Высадка десанта, получившая название операции «Геркулес», должна была состояться в июле, в период полнолуния; в качестве подготовительной меры фельдмаршал Кессельринг получил приказание путем непрерывных воздушных атак ослабить сопротивление Мальты. Свыше 2 тыс. тонн бомб было сброшено на Мальту в марте и около 7 тыс. в апреле; эти ожесточенные удары заставили англичан увести оттуда свои подводные лодки, а также устранили всякую угрозу со стороны базировавшейся на Мальту английской авиации. В то время значение Мальты как операционной базы было сведено к нулю, и снабжение танковой армии[94] было обеспечено.

Схема 15



Обстановка к 27 мая 1942 г.

В конце апреля Муссолини, Каваллеро и Кессельринг посетили Гитлера в Оберзальцберге; целью встречи было обсуждение стратегических вопросов, связанных с действиями в Африке. Роммель хотел в течение мая провести наступление против англичан в Киренаике и захватить Тобрук; он очень желал, чтобы верховное командование приняло решение захватить Мальту, но если невозможно было выполнить это ранее июня, то он предпочитал начать наступление на позиции у Эль-Газалы, не дожидаясь падения Мальты.

Судя по многим признакам, Ритчи готовился к наступлению, и, по своему обыкновению, Роммель стремился нанести удар первым. На совещании в Оберзальцберге Гитлер и Муссолини разрешили Роммелю наступать, но с одним важным условием: как только падет Тобрук, Роммель должен будет перейти к обороне, а тем временем страны оси направят свои главные усилия против Мальты.

Роммель уверенно говорил о взятии Тобрука, однако это было невероятно трудной задачей. Английская 8-я армия была хорошо обученной и отлично организованной; командиры ее корпусов и дивизий имели богатый опыт войны в пустыне; штаб прекрасно разбирался в вопросах маневренной войны, а служба связи и снабжения стояла на обычном для англичан высоком

уровне. Моральное состояние и боевой дух войск не оставляли желать ничего лучшего; вопросу взаимодействия с авиацией придавалось серьезное значение, и военно-воздушные силы были в состоянии оказывать сильную поддержку войскам[95]. Фронт 8-й армии от Эль-Газалы до Бир-Хакейма прикрывали огромные минные поля невиданных размеров и плотности, а в тылу находились сильно укрепленные опорные пункты Тобрук, Найтсбридж и Эль-Адем. Тот факт, что через три недели после начала наступления эта великолепная английская армия была почти полностью разгромлена, должен быть вписан как одно из величайших достижений в анналы германской военной истории.

Поражения англичан никак нельзя объяснить тем, что они уступали нам в живой силе и технике. Английские пехотные дивизии были значительно сильнее и лучше вооружены, чем пехотные дивизии 10-го и 21-го итальянских корпусов, и хотя они были менее подвижными, чем наша 90-я легкопехотная дивизия, зато значительно превосходили ее по численности и ударной силе. Окинлек признает, что англичане имели большое превосходство в полевой артиллерии, и говорит, что «в количественном отношении 8-я армия, несомненно, имела значительное превосходство» в танках и «могла привлечь значительно большие танковые резервы, чем противник». Против 333 немецких и 228 итальянских танков действовали 700 английских, а превосходство англичан в бронеавтомобилях выражалось соотношением примерно 10:1.

Более того, 8-я армия имела теперь до 200 американских танков «Грант», вооруженных 75-мм пушками.

Они намного превосходили 220 танков T-III, которые составляли основную часть наших бронетанковых сил, и соперничать с ними могли только 19 специальных T-III, вооруженных 50-мм пушками с большой начальной скоростью снаряда[96]. Даже в противотанковой артиллерии положение англичан значительно улучшилось с получением 6-фунтовых пушек, превосходивших наши 50-мм орудия, хотя и несколько уступавших русским 76-мм пушкам, которые теперь получал Роммель. В этом виде оружия, однако, мы имели заметный перевес благодаря 88-мм пушкам и нежеланию англичан использовать свои 3,7-дюймовые зенитные орудия для борьбы с танками.

Мы недооценивали силы англичан, и, вероятно, к счастью, потому что если бы мы имели полные данные, то даже Роммель вряд ли решился бы наступать на такие превосходящие силы противника[97].

Вследствие строгого соблюдения тайны англичанами при

радиопереговорах и их большого превосходства в бронеавтомобилях нам было очень трудно определить нумерацию и расположение их частей. Мы не знали, что 22-я бронетанковая бригада и 32-я армейская танковая бригада находились непосредственно за эль-газальским оборонительным рубежом, не было нам известно и о существовании опорного пункта в Найтсбридже, обороняемого 201-й гвардейской бригадой, 29-я индийская бригада в Бир-эль-Гоби и 3-я индийская моторизованная бригада юго-восточнее Бир-Хакейма также не были нами обнаружены, и мы не знали, что главный минный пояс перед оборонительным рубежом у Эль-Газала простирался от дороги Тарик-эль-Абд на юг до самого Бир-Хакейма. Недостаточность наших сведений является следствием хорошей оперативной маскировки 8-й английской армии.

Лишь в очень редких случаях можно получить полное представление о противнике до начала наступления, даже когда разведка проводится детально и тщательно. Прекращение работы радиостанциями противника, дезориентирующая информация его агентов, патрулирование на земле и в воздухе — все это затрудняет ведение разведки. Поэтому планы наступления должны быть гибкими и в ходе наступления командиры и войска должны уметь приспосабливаться к быстро меняющейся обстановке. Как правило, оценка противника остается в силе лишь до первого столкновения; как сказал великий Мольтке, после этого ни один план не остается неизменным.

Роммель принял смелое и сравнительно простое решение: 15-я немецкая пехотная бригада[98] и 10-й и 21-й итальянские корпуса должны были наступать фронтально на тот участок эль-газальского оборонительного рубежа, который оборонялся 1-й южноафриканской и 50-й английской дивизиями. Командование соединениями стран оси на этом участке фронта поручалось генералу Крювелю, и они получали название «группы Крювеля»; я был назначен первым офицером штаба этой группы. Главная ударная группа, которой должен был командовать сам Роммель, состояла из Африканского корпуса (его командиром теперь был генерал Вальтер Неринг), 20-го итальянского корпуса (танковая дивизия «Ариете» и моторизованная дивизия «Триесте») и 90-й легкопехотной дивизии. Эта ударная группа имела задачу совершить форсированный ночной марш в обход эль-газальских позиций с целью выйти в район Акромы и атаковать английские войска с тыла. 90-я дивизия и разведывательные отряды должны были наступать на Эль-Адем и перерезать английские пути снабжения.

Сначала Роммель думал, что можно будет захватить Бир-

Хакейм на начальном этапе наступления, поэтому направление главного удара Африканского корпуса проходило через этот населенный пункт. В окончательном варианте плана, известном под названием «Венеция», Африканский корпус и 90-я дивизия направлялись значительно южнее Бир-Хакейма, но дивизия «Ариете», действовавшая на левом фланге, должна была подойти вплотную к этому опорному пункту и попытаться овладеть им. Дальнейшие события показали, что мы недооценили значения Бир-Хакейма и что захват этого населенного пункта являлся sine qua non[99] успеха любых действий в тылу эль-газальской позиции. Поскольку наши главные танковые силы пошли в обход, Бир-Хакейм оказался удобной базой для нападения на наши транспортные колонны, и он действительно доставил нам много неприятностей. По моему мнению, в первый же день наступления 90-й дивизии и итальянскому бронетанковому корпусу при сильной поддержке авиации следовало атаковать и захватить Бир-Хакейм.

Возникает вопрос, не был ли план Роммеля ошибочным или чересчур дерзким. Говорят, что было бы лучше нанести удар в центре эль-газальского оборонительного рубежа, вдоль дороги Тарик-эль-Абд или дороги Тарик-Капуццо. Однако такой удар пришелся бы по 1-й и 7-й бронетанковым дивизиям, обороняющимся под прикрытием плотных минных полей и поддерживаемых артиллерией из хорошо защищенных опорных пунктов. Меня немало удивило, что такой выдающийся полководец, как фельдмаршал Окинлек, мог внушить Ритчи (в письме, датированном 20 мая) мысль о таком ударе, как о наиболее вероятном, ибо, по моему мнению, такое наступление не имело бы никаких шансов на успех. Для Роммеля единственная надежда на победу заключалась в маневренных действиях, так как отличная выучка наших войск и командиров позволила бы ему искусным маневрированием добиться преимущества над англичанами и сосредоточить превосходящие силы против отдельных изолированных групп. Однако, безусловно, можно говорить о том, что Роммелю следовало бы ограничить свое обходное движение выходом на рубеж Надурет-эль-Гесеуаск — Бир-эль-Хармат, вместо того чтобы ставить задачу своим танковым дивизиям выйти в район Акромы в первый же день наступления. Этот слишком широкий замысел заставил нашу ударную группу рассредоточить свои силы на большом пространстве и предоставил англичанам прекрасные возможности для контратак. Посылать 90-ю дивизию и наши разведывательные отряды до самого Эль-Адема было ошибочно; правда, их появление вызвало панику в английских тыловых районах, но они

были слишком слабы, чтобы достигнуть решающих результатов, и это лишь распылило силы нашей ударной группы.

8-я английская армия состояла из двух корпусов: 13-го под командованием генерала Готта и 30-го под командованием генерала Норри. 13-му корпусу подчинялись 1-я южноафриканская и 50-я английская дивизии, удерживавшие северный участок оборонительного рубежа, 2-я южноафриканская дивизия и 9-я индийская бригада в Тобруке и гарнизон опорного пункта Эль-Адем (батальон 9-й индийской бригады). Этому корпусу были приданы 1-я и 32-я армейские танковые бригады, расположенные непосредственно за северным участком фронта и поддерживавшие оборонявшиеся там войска. В подчинении 30-го корпуса находились 1-я бронетанковая дивизия (2-я и 22-я бронетанковые бригады и 21-я гвардейская бригада), 7-я бронетанковая дивизия (4-я бронетанковая бригада и 7-я моторизованная бригада), 1-я бригада войск Свободной Франции, оборонявшая Бир-Хакейм, 29-я индийская бригада, оборонявшая Бир-эль-Гоби, и 3-я индийская бригада, которая прибыла перед самым сражением для организации нового опорного пункта юго-восточнее Бир-Хакейма. 201-я гвардейская бригада имела задачу удерживать опорный пункт Найтсбридж, а 7-я моторизованная бригада в дополнение к организации заслона к западу от Бир-Хакейма имела задачу оборудовать опорный пункт в Ретма.

1-я бронетанковая дивизия седлала дорогу Тарик-Капуццо, а 7-я бронетанковая дивизия располагалась далее на юг в готовности к отражению удара в обход Бир-Хакейма. Такое построение войск соответствовало основному принципу боевого использования танков, а именно никогда не подчинять бронетанковые дивизии пехотным соединениям, занимающим оборонительные позиции, а сохранять их для массированного контрудара. Однако, к своему несчастью, англичане связали 201-ю гвардейскую бригаду обороной Найтсбриджа, и в течение всего сражения эта бригада была лишена всякой возможности поддержать 1-ю бронетанковую дивизию. 7-я моторизованная бригада была, безусловно, подвижным соединением, но ее ударная мощь была сведена к нулю тем, что бригада была разбита на отдельные самостоятельные колонны, которые не взаимодействовали с танковыми частями дивизии на поле боя. Моторизованная бригада является неотъемлемой частью бронетанковой дивизии, и ее существование оправдывается лишь тогда, когда она ведет бой в тесном взаимодействии с бронетанковыми бригадами.

В своем письме от 20 мая Окинлек указывал Ритчи, что наш удар, вероятно, будет нанесен вдоль дороги Тарик-Капуццо;

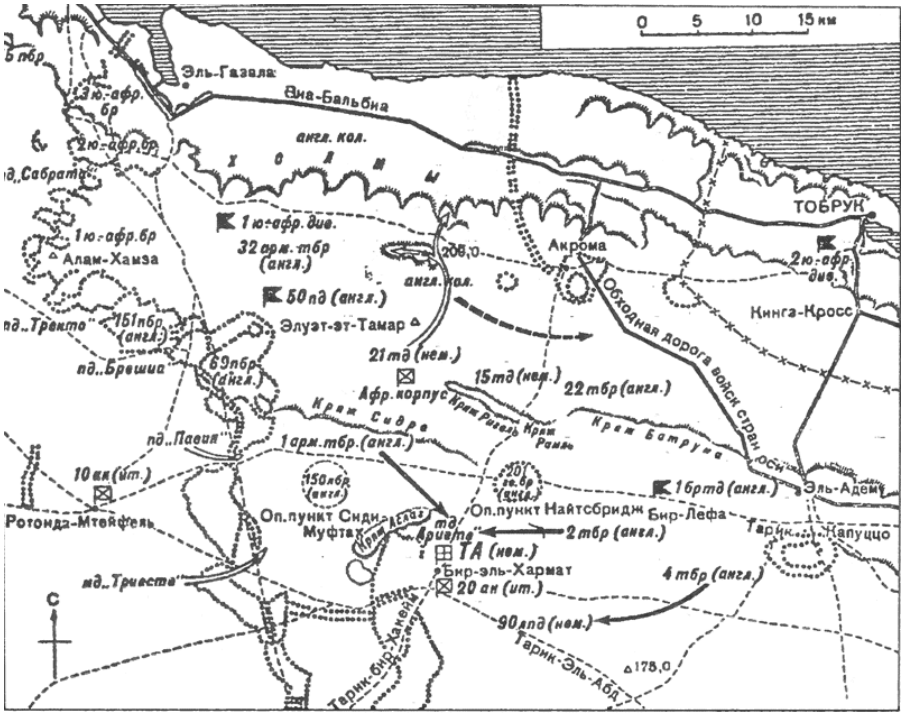
однако он не исключал возможности обходного движения вокруг Бир-Хакейма. Письмо содержало ряд ценных советов. Главнокомандующий предупреждал Ритчи о необходимости расположить бронетанковые дивизии по обе стороны дороги Тарик-Капуццо и говорил: «Судя по карте, нельзя сказать, что они будут слишком оттянуты к северу, если придется отражать главный удар в том случае, когда он будет нанесен в обход левого фланга… Я считаю чрезвычайно важным, чтобы Вы не нарушали организационной целостности ни одной из бронетанковых дивизий. Их обучали действовать как дивизии, и я полагаю, что как дивизии они и должны сражаться. Норри должен ими управлять как командир корпуса и, таким образом, использовать ту гибкость, которую обеспечивает ему обладание двумя соединениями»[100].

Можно многое сказать в защиту предложения Окинлека, потому что сосредоточение двух английских бронетанковых дивизий между Найтсбриджем и Бир-эль-Харматом позволило бы 30-му корпусу очень успешно действовать как в случае удара вдоль дороги Тарик-Капуццо, так и в случае обходного движения вокруг Бир-Хакейма. Можно было бы также расположить 7-ю бронетанковую дивизию у Бир-эль-Гоби в готовности ударить во фланг Африканскому корпусу при его обходном движении, в то время как 1-я бронетанковая дивизия вела бы подвижную оборону восточнее Бир-эль-Хармата. Это возможное решение выглядит заманчиво, но я склонен сомневаться, был ли уровень подготовки английских бронетанковых дивизий достаточным для этого маневра. При таких обстоятельствах 8-я армия поступила бы правильно, приняв простое и совершенно разумное решение, предложенное Окинлеком.

Ритчи, однако, не последовал этому совету. В результате 27 мая его бронетанковые бригады вводились в бой одна за другой, а штаб корпуса и штабы дивизий потеряли всякое управление своими соединениями.

Наступление

Схема 16



Боевые действия 26 мая 1942 г[101].

В течение 26 мая наши танковые части двигались в район сосредоточения восточнее Ротонда-Мтейфель. Моральный дух войск был необычайно высок, и они радовались даже густым облакам пыли, поднятом хамсином[102], потому что они помогали скрыть наши передвижения.

В тот день группа Крювеля наступала на эль-газальский оборонительный рубеж, и ее артиллерия вела интенсивный огонь по позициям южноафриканцев и англичан — мы хотели создать впечатление, что на этом участке готовится сильный удар.

С наступлением темноты Роммель стал во главе Африканского корпуса и, воспользовавшись ярким светом луны, начал марш. Движение этой колонны в несколько тысяч машин было подготовлено до мельчайших подробностей; направление, дистанции и скорость движения были тщательно рассчитаны; тусклые огоньки, горевшие в банках из-под бензина, указывали путь движения, и с плавностью хорошо смазанной машины полки Африканского корпуса двинулись к своему заправочному пункту, расположенному юго-восточнее Бир-Хакейма. Роммель говорит в своих мемуарах, что он находился в состоянии «крайнего напряжения», когда его машины тронулись с места, и, в самом деле, весь Африканский корпус рвался в бой и был исполнен уверенности в победе.

Командованию Африканского корпуса тогда казалось, что противник полностью застигнут врасплох, потому что не было никаких признаков ведения им разведки. Однако теперь мы знаем, что 4-й южноафриканский полк бронеавтомобилей все время внимательно следил за нашим продвижением и передавал подробные донесения 7-й моторизованной бригаде и штабу 7-й бронетанковой дивизии. Но эти донесения, видимо, особого действия не оказали, потому что, когда наши танки на рассвете атаковали противника, они не встретили организованного сопротивления.

На левом фланге дивизия «Ариете» разгромила 3-ю индийскую моторизованную бригаду, а на правом фланге 90-я дивизия и разведотряды с ходу овладели опорным пунктом Ретма, обороняемым лишь частью сил 7-й моторизованной бригады. В центре 15-я танковая дивизия застигла 4-ю бронетанковую бригаду врасплох, когда та еще развертывалась для боя; штаб 7-й бронетанковой дивизии был захвачен на марше[103], а тыловые части дивизии были уничтожены или рассеяны. Правда, 15-я дивизия понесла тяжелые потери в бою с 4-й бронетанковой бригадой и почувствовала большое облегчение, когда на левый фланг подошла 21-я дивизия; но и на английской стороне 8-й гусарский полк был фактически уничтожен, а 3-й танковый полк потерял шестнадцать «грантов». Мы нанесли поистине сокрушительное поражение знаменитой 7-й бронетанковой дивизии, которая стремительно покатилась к Бир-эль-Гоби и Эль-Адему. 90-я дивизия и разведотряды преследовали ее по пятам.

Поражение англичан объяснялось ни чем иным, как неспособностью их командования организовать массированное применение и взаимодействие моторизованных и бронетанковых бригад. Но и 1-я бронетанковая дивизия действовала не намного лучше. В 8 час 45 мин 22-я бронетанковая бригада (располагавшаяся в шестнадцати километрах южнее дороги Тарик-Капуццо) получила приказ продвинуться к югу, а было бы лучше, если бы она отошла к северу, чтобы соединиться со 2-й бронетанковой бригадой у дороги Тарик-Капуццо. 22-я бронетанковая бригада была захвачена Африканским корпусом на марше и подверглась жестокой атаке 15-й и 21-й танковых дивизий. Ее арьергард, однако, нанес тяжелые потери нашим танкам, и мы убедились, что танки «Грант» были значительно мощнее всех боевых машин, с которыми до сих пор приходилось встречаться Африканскому корпусу.

В этот момент Роммель считал, что сражение уже выиграно; он поздравил Неринга и приказал ему продолжать наступление.

Однако нас еще ожидал целый ряд неприятных неожиданностей. В полдень Африканский корпус при попытке перерезать дорогу Тарик-Капуццо восточнее Найтсбриджа был атакован 2-й бронетанковой бригадой; 1-я армейская танковая бригада вступила в бой западнее Найтсбриджа, и атака этих двух бригад, хотя между ними и не было взаимодействия, расстроила наше наступление и поставила Роммеля перед катастрофой.

«Гранты» и «матильды» действовали очень смело — наши танки подверглись жестокому обстрелу, один пехотный батальон понес такие потери, что его пришлось расформировать, а транспортные колонны были отрезаны от танковых дивизий. Правда, наши противотанковые пушки нанесли противнику большой урон, но кое-где английские танки прорвались к их позициям и уничтожили расчеты. Когда наступила ночь, 15-я и 21-я дивизии организовали круговую оборону между кряжем Ригель и Бир-Лефа; их положение было очень тяжелым, так как более трети танков вышло из строя, а 15-я дивизия израсходовала почти все боеприпасы и горючее. Дивизия «Ариете» не смогла взять Бир-Хакейм и расположилась биваком около Бир-эль-Хармата. 90-я легкопехотная дивизия, достигнув перекрестка дорог у Эль-Адема, была контратакована 4-й бронетанковой бригадой; в результате ей также пришлось занять круговую оборону южнее Эль-Адема.

Пути подвоза танковой армии оставались совершенно незащищенными от английских легких отрядов, действовавших из Бир-Хакейма и Бир-эль-Гоби, и, несмотря на первоначальные неудачи этого дня, 8-я армия могла одержать решающую победу.

Ритчи следовало бы 28 мая сосредоточить свои бронетанковые силы с тем, чтобы решительным контрударом уничтожить Африканский корпус. По общему признанию, английские бронетанковые войска 27 мая понесли тяжелые потери, но 32-я армейская танковая бригада со своими 100 тяжелыми пехотными танками еще не участвовала в боях, а при сложившейся обстановке ввод в сражение свежего и нетронутого танкового соединения мог бы сыграть решающую роль. Однако главное заключалось в том, чтобы согласовать действия бронетанковых бригад и направить их к общей цели. Любой ценой Ритчи следовало держать свои бронетанковые части на наших коммуникациях.

Боевые действия 28 мая являются разительным примером плохого управления английским командованием своими войсками. 22-я бронетанковая бригада целый день только «наблюдала» за 15-й дивизией на кряже Ригель, а 4-я бронетанковая бригада ограничивалась тем, что беспокоила 90-ю

дивизию, хотя делать этого не следовало, так как дивизия была хорошо обеспечена противотанковыми средствами. 1-я армейская танковая бригада и 2-я бронетанковая бригада действовали южнее Найтсбриджа и нанесли потери дивизии «Ариете»; 32-я армейская танковая бригада вовсе ничего не делала, оставаясь позади 1-й южноафриканской дивизии.

События 27 мая не поколебали решимости Роммеля, и 28-го он приказал Африканскому корпусу возобновить наступление на север. У 15-й дивизии не было горючего, и она не могла двигаться, но 21-я дивизия разгромила английскую колонну севернее кряжа Ригель и достигла высот южнее шоссе Виа-Бальбиа. Сам Роммель в тот день не был в Африканском корпусе; его штаб находился в Бир-эль-Хармате, и когда он пытался проехать к кряжу Ригель, оказалось, что дорога блокирована английскими танками. Пока он отсутствовал, штаб танковой армии был атакован английскими танками и рассеян, а транспортные колонны тщетно пытались найти безопасный путь через дорогу Тарик-Капуццо.

В это время я находился в штабе Крювеля западнее Эль-Газалы. Мы получили из танковой армии радиограмму с настойчивым требованием прорвать эль-газальский оборонительный рубеж и соединиться с 20-м итальянским корпусом около Бир-эль-Хармата. Упорное сопротивление, которое встретили наши атаки 27 и 28 мая, предпринятые с целью прощупать оборону противника, не предвещало успеха; тем не менее Крювель приказал дивизии «Сабрата» 29 мая начать наступление на позиции южноафриканцев. Ночью итальянцы выдвинулись на исходные позиции, а на рассвете решительно атаковали противника около Алам-Хамза. Они были встречены ураганным огнем, минные поля преодолеть не сумели, а 400 человек были отрезаны огнем южноафриканцев и взяты в плен.

Утром 29 мая положение Африканского корпуса стало отчаянным, но личное руководство Роммеля спасло положение. Приняв командование над транспортными колоннами, он провел их через разрыв, который обнаружил накануне вечером, к 15-й дивизии на кряж Ригель. Роммель теперь разместил свой командный пункт вместе с Африканским корпусом и нанес сильный удар по 2-й бронетанковой бригаде, которая двигалась от Найтсбриджа в западном направлении и пыталась вбить клин между дивизией «Ариете», расположенной южнее Тарик-Капуццо, и двумя танковыми дивизиями севернее этой дороги.

Этот день был одним из самых тяжелых за всю кампанию; один из английских источников[104] характеризует его как, «пожалуй, день наиболее ожесточенных боев» и продолжает:

«„Гранты“ стреляли великолепно, то и дело выводя из строя приземистые черные T-III и T-IV». На помощь 2-й бронетанковой бригаде прибыла 22-я бронетанковая бригада, но, к большому счастью для нас, 4-я бронетанковая бригада оставалась в корпусном резерве около Эль-Адема почти до самого вечера, когда она двинулась на Бир-эль-Хармат, чтобы вступить в бой с 90-й дивизией. Горячий ветер и крутящиеся песчаные смерчи изматывали силы и без того уставших от постоянного напряжения танковых экипажей, и к вечеру обе стороны были рады передышке. Несмотря на значительные потери танковых дивизий, этот день был для нас успешным: 90-я дивизия, «Ариете» и Африканский корпус находились теперь вместе.

Английские бронетанковые силы понесли большие потери — опять их командование не сумело организовать взаимодействия танковых бригад.

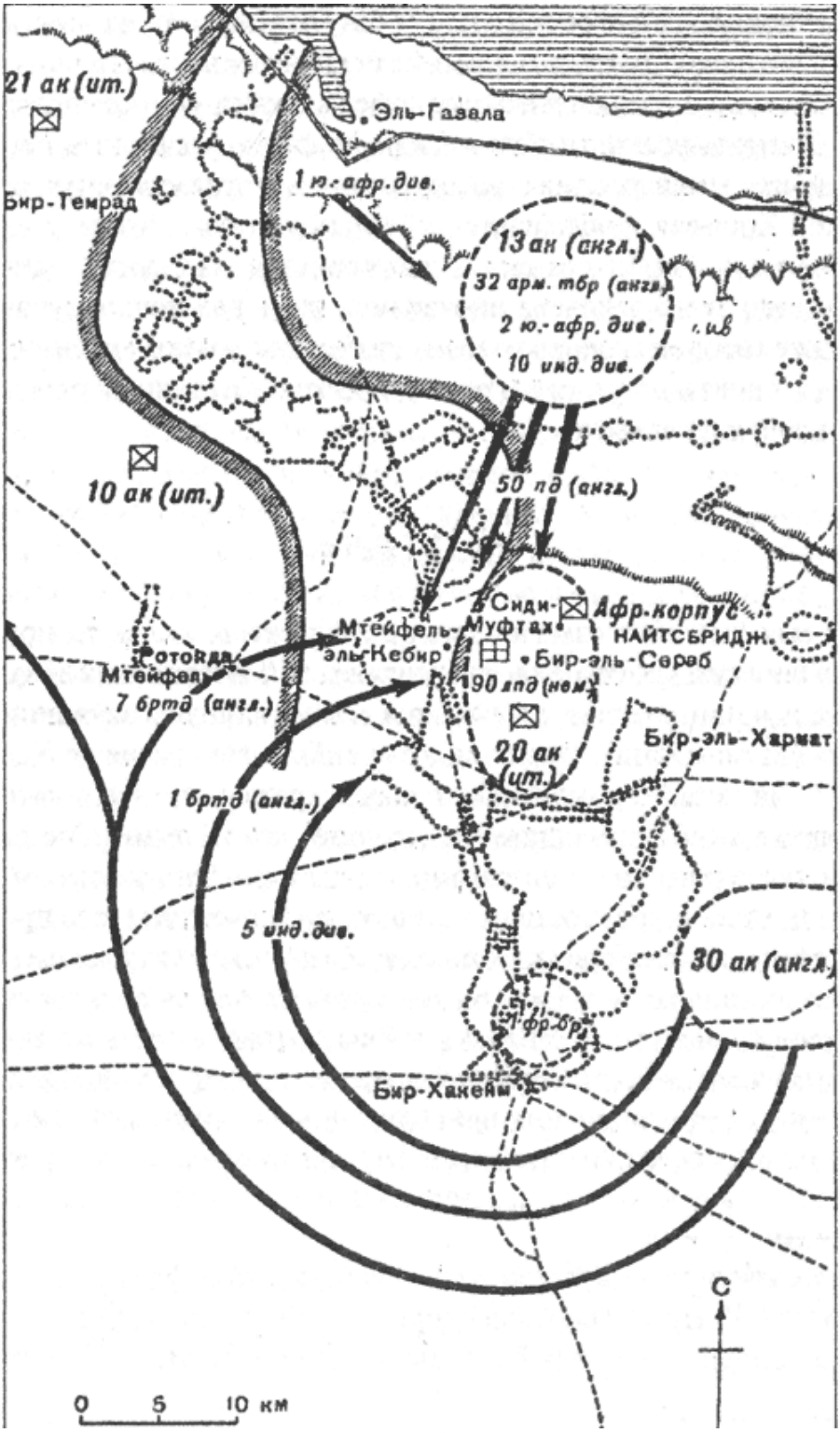
Однако решающим фактором по-прежнему оставалось снабжение. Хотя Роммель и провел колонны к Африканскому корпусу утром 29 мая, но было очевидно, что путь подвоза в обход Бир-Хакейма был слишком длинным и ненадежным. К вечеру 29 мая Африканский корпус остался почти без боеприпасов, а у многих машин были пустые баки; выполнение первоначального плана — атаки эль-газальского оборонительного рубежа с тыла — стало невозможным. Роммель решил отойти к Сиди-Муфтаху, расчистить проход в английских минных полях, восстановить непосредственную связь с группой Крювеля и обеспечить себе путь подвоза. Это не означало, что Роммель считал сражение проигранным. Напротив, упорство и мужество этого человека проявились здесь как нельзя лучше. Он был даже готов несколько отойти, чтобы, как только снабжение наладится, снова двинуться вперед и добиваться решающей победы над 8-й английской армией.

«Котел»

29 мая был сбит самолет генерала Крювеля, когда он пролетал над позициями противника, направляясь в 10-й итальянский корпус. Крювель попал в плен к англичанам, и мне пришлось временно возглавить штаб группы. Очень кстати прибыл фельдмаршал Кессельринг — он хотел ознакомиться с ходом сражения, — и я попросил его взять на себя командование группой, пока Роммель не сделает другое распоряжение. Кессельрингу это показалось забавным, и он заметил, что как фельдмаршал он вряд ли может получать приказания от генерал-полковника Роммеля. Но я указал, что в такой критической

обстановке нам было бы нежелательно иметь во главе группы Крювеля итальянского генерала, и Кессельринг согласился принять командование на несколько дней[105]. Это был один из немногих случаев за время войны, когда мне пришлось близко соприкасаться с этим выдающимся немецким полководцем, чье руководство итальянской кампанией всегда будет расцениваться как шедевр оборонительной стратегии.

Схема 17



План наступления на «котел» (вариант).

Хотя атаки группы Крювеля на позиции южноафриканцев и были отражены, 10-му итальянскому корпусу все же удалось проделать проходы в минных полях в районе дороги Тарик-Капуццо. 50-я английская пехотная дивизия оборонялась на слишком растянутом фронте, и между 150-й бригадой у Сиди-Муфтаха и французскими войсками у Бир-Хакейма был примерно двадцатипятикилометровый разрыв; таким образом, многие участки английских «минных болот» не были прикрыты огнем. Создавая эль-газальский рубеж, английское командование пренебрегло элементарным тактическим принципом, что «минное поле само по себе не имеет никакого значения; важен огонь, который его прикрывает». Проходам, проделанным итальянцами, предстояло сыграть важную роль при отступлении Роммеля в район Сиди-Муфтаха 30 мая.

Во второй половине дня 30 мая Роммель сам проехал через минное поле для встречи с Кессельрингом и личным адъютантом Гитлера майором фон Беловом. Положение танковой армии все еще было очень тяжелым, так как 150-я бригада прочно окопалась в Сиди-Муфтахе и держала проходы в минных полях под непрерывным артиллерийским огнем. Роммель считал, что англичане немедленно предпримут крупную танковую атаку, а учитывая острую нехватку боеприпасов в Африканском корпусе, нам было бы трудно ее отразить. Утром 30 мая генерал Ламсден, командир 1-й бронетанковой дивизии, действительно отдал приказ на наступление силами 2-й и 22-й бронетанковых бригад, но, понеся потери от огня 88-мм пушек и противотанковых орудий, англичане пали духом и больше не пытались нас атаковать[106].

30 мая Роммель окружил опорный пункт 150-й бригады в Сиди-Муфтахе, а на следующий день атаковал его частями 90-й дивизии, дивизии «Триесте» и сильными отрядами Африканского корпуса. Английская пехота оказала упорное сопротивление с искусно выбранных позиций; ее храбро поддерживали тяжелые «матильды» 44-го английского танкового полка. Прорывом обороны руководил лично Роммель. Когда пехота 21-й дивизии была остановлена, он сам принял командование продвинувшимся дальше остальных взводом. К 1 июня бригада израсходовала боеприпасы и прекратила сопротивление, мы взяли 3 тыс. пленных и 124 орудия разных калибров. Пока шла эта отчаянная борьба, 8-я армия не сделала ни малейшей попытки вмешаться, если не считать эпизодических воздушных налетов на проходы в минных полях.

Уничтожение 150-й бригады намного облегчило положение

Роммеля, и 2 июня он направил 90-ю дивизию и дивизию «Триесте» к югу с целью атаковать Бир-Хакейм. Учитывая неудачный опыт своей первой атаки, Роммель решил действовать методически, захватывая позиции 8-й армии одну за другой. В это время я получил приказание возвратиться в свой штаб и принять должность первого офицера от подполковника Вестфаля, который был ранен в бою под Сиди-Муфтахом[107].

Между 2 и 5 июня мы окружили Бир-Хакейм и приготовились к наступлению англичан, которое, как нам казалось, долго не начиналось. Прежде чем перейти к непосредственному описанию крупных боев в «котле», я намерен рассмотреть, какие действия могли предпринять англичане. Дело в том, что обстановка в районе Эль-Газалы в начале июня 1942 года была одной из самых интересных, с какой мне только приходилось встречаться.

2 июня после разгрома 150-й бригады генерал Ритчи доносил Окинлеку, что «весьма огорчен» этим событием, но считает свое положение «благополучным» и «улучшающимся с каждым днем». В ответ Окинлек заявил, что он «опасается» возможности Роммеля использовать для развития наступления «широкий и глубокий клин в центре вашей позиции». Главнокомандующий предупреждал Ритчи, что он теряет инициативу, и настаивал на необходимости широкого наступления на северном участке оборонительного рубежа с задачей прорвать фронт группы Крювеля и овладеть пунктом Бир-Темрад. Командование 8-й армии рассмотрело этот план и наметило вариант, при котором 5-я индийская дивизия должна была пройти через боевые порядки южноафриканцев и прорваться в западном направлении вдоль побережья. Если бы наступающие части достигли Тмими, это серьезно нарушило бы коммуникации танковой армии и могло бы заставить Роммеля отступить из «котла». Но с английской точки зрения этот план был рискованным, так как в ответ Роммель мог вырваться из «котла» в восточном направлении и прорваться к английским базам снабжения в Бельхамеде и Гамбуте; с другой стороны, он мог прорваться на север, пересечь шоссе и выйти в тыл эль-газальскому рубежу.

В общем, я склонен считать, что большое наступление англичан в направлении Тмими было бы слишком рискованным, учитывая выгодное положение Роммеля в «котле». Примерно такой же маневр привел к разгрому русско-австрийской армии под Аустерлицем.

Был также возможен и двусторонний охват наших позиций в «котле». Я считаю, что 1-я и 7-я бронетанковые дивизии с 5-й индийской дивизией, пройдя южнее Бир-Хакейма, могли бы атаковать «котел» с тыла, тогда как 13-й корпус атаковал бы с

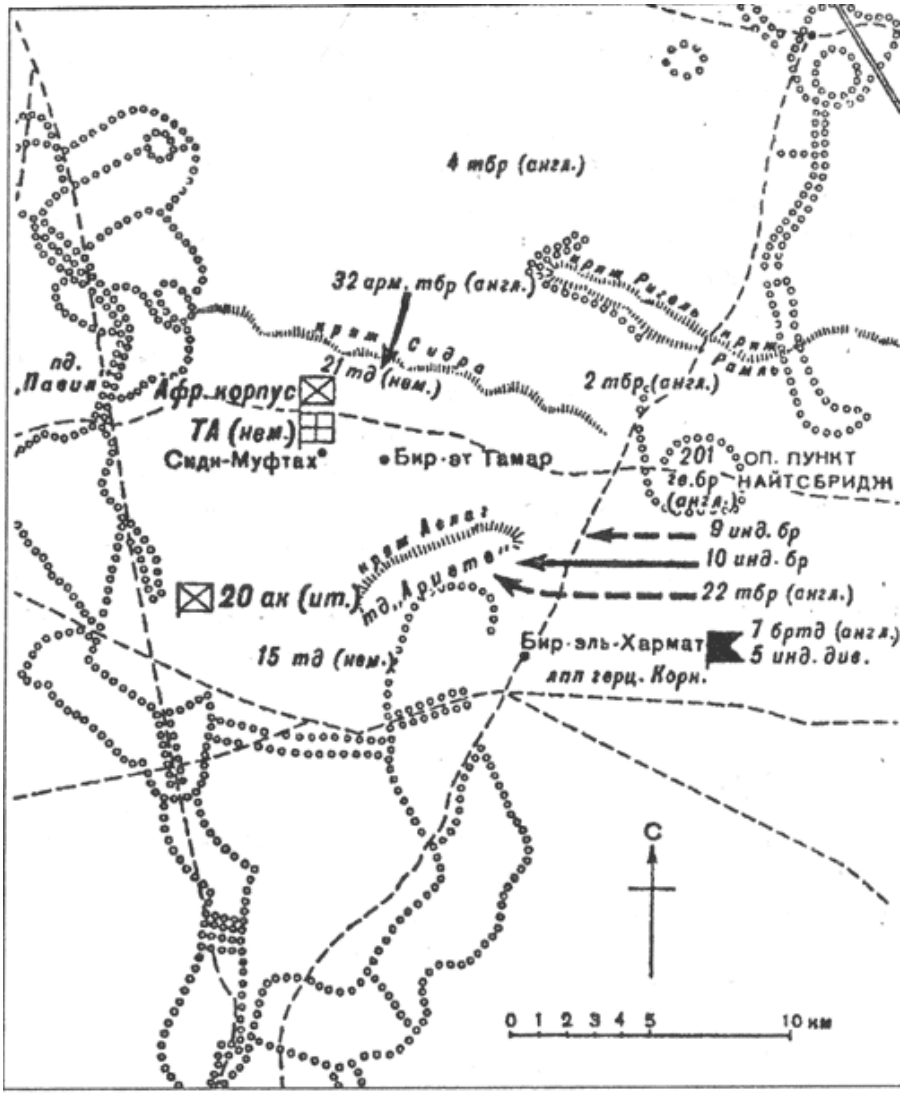
севера силами 32-й армейской танковой бригады, а также 2-й южноафриканской и 10-й индийской дивизии, снятой из района границы (схема 17). Правда, Африканский корпус мог бы предпринять ответное наступление на Тобрук или Бельхамед, но в этом случае танковая армия была бы окончательно расчленена, и 8-я армия могла бы уничтожить группу Крювеля, а затем повернуть назад, чтобы разгромить Африканский корпус.

Это один из тех планов, которые на бумаге выглядят очень рискованными, а потому осторожные генералы стараются их избегать; однако, будучи проведен смело и решительно, он привел бы, я думаю, к разгрому танковой армии. Предварительно надо было бы создать запасы горючего и боеприпасов в районе 50-й дивизии, которыми могли бы воспользоваться английские бронетанковые дивизии в случае, если бы Роммель, двигаясь на Тобрук или Бельхамед, перерезал их коммуникации. Таков план, который я рекомендовал бы немецкой армии, если бы она была на месте 8-й английской армии в июне 1942 года. Я должен, однако, признать, что в то время 8-я армия не обладала той гибкостью и способностью быстро перегруппировываться, какой потребовал бы такой план.

Наконец, третьей возможностью англичан было концентрическое наступление на «котел» с целью уничтожить Африканский корпус. Это был план, фактически принятый англичанами; он был бы совершенно правильным, если бы наступление проводилось достаточными силами. Но, вместо того чтобы ввести все танки и всю артиллерию, 8-я армия наступала примерно половиной своих наличных сил.

После длительного обсуждения со своими командирами корпусов и дивизий Ритчи решил атаковать северный участок нашего выступа 32-й армейской танковой бригадой, а восточный участок — силами 9-й и 10-й индийских бригад и 22-й бронетанковой бригады. 10-я индийская бригада должна была начать наступление в ночь с 4 на 5 июня и прорвать позиции, обороняемые дивизией «Ариете» на кряже Аслаг, 22-я бронетанковая бригада должна была войти в прорыв и овладеть Сиди-Муфтах, а 9-й индийской бригаде было приказано следовать за ними и закрепляться на захваченной местности[108].

Схема 18



Наступление на «котел» 5 июня 1942 г.

Организация управления английскими войсками была довольно странной. Командир 30-го корпуса руководил наступлением на кряж Асдаг, а 13-го корпуса — на кряж Сидра. В момент прорыва позиций дивизии «Ариете» наступающие части возглавлял командир 5-й индийской дивизии, с вводом в бой 22-й бронетанковой бригады командование принимал командир 7-й бронетанковой дивизии, а с началом движения 9-й индийской бригады командир 5-й индийской дивизии снова брал командование в свои руки. С этой целью генерал Мессерви (7-я бронетанковая дивизия) и генерал Бриггс (5-я индийская дивизия) создали объединенный штаб. Тактический план этого

штаба резко критикует Флетчер, бывший командир 9-й индийской бригады, который говорит:

«Намечалось, что батальоны будут продвигаться в темноте по незнакомой местности в район сосредоточения, центр которого обозначен бочкой; затем они следуют дальше в пункт восточнее тригонометрического знака 100, где к ним должен присоединиться дивизион неизвестного полка (прибывшего из Ирака два дня тому назад) и рота 4-го танкового полка, которая уже участвовала в ночном бою»[109].

Вообще говоря, англичане были совершенно правы, используя пехоту, чтобы проделать брешь для танков[110], но в данном случае командиру корпуса важно было крепко держать в руках управление двумя дивизиями, принимавшими участие в сражении. Кроме того, нельзя вводить в прорыв бронетанковые соединения слишком рано, ибо танки смешаются с пехотой, что приведет к нарушению боевых порядков и потере управления. Именно так и случилось 5 июня.

4 июня Роммель решил, чтобы Африканский корпус 5 июня предпринял действия по спасению танков, брошенных в районе Бир-эль-Хармат. Для этой цели 15-я танковая дивизия в ночь с 4 на 5 июня проделала проходы в минных полях юго-западнее Бир-эль-Хармата, которым суждено было сыграть важную роль в сражении.

Утверждая план атаки «котла», генерал Окинлек подчеркивал необходимость тесного взаимодействия пехоты с танками, а также тщательной разведки.

Ритчи отвечал ему, что «времени для разведки было вполне достаточно», а в ночь на 4 июня доносил, что участвующие в намеченных действиях командиры «полны энергии и чувствуют себя хорошо»[111].

В 2 часа 50 мин 5 июня четыре артиллерийских полка открыли огонь для поддержки 10-й индийской бригады; масса огня была весьма внушительной, и из штаба танковой армии можно было видеть, как небо на востоке озарялось вспышками. Итак, начиналось наступление англичан, и мы с некоторой тревогой ожидали первых донесений. Однако беспокоились мы напрасно. Дивизия «Ариете» доносила, что английские снаряды намного не долетают до ее позиций, и по существу вся артиллерийская подготовка была проведена совершенно напрасно по пустому месту. «Артиллерийская увертюра» оказалась подходящим вступлением к событиям этого дня.

На рассвете англичане обнаружили свою ошибку и предприняли решительную атаку против пехотных частей дивизии «Ариете», оборонявших кряж Аслаг. Итальянцы

отступили, кряж был очищен, и 9-я индийская бригада и 22-я бронетанковая бригада двинулись вперед, чтобы вытеснить нас из «котла». Английские танки были встречены ураганным огнем наших противотанковых орудий и полевой артиллерии и отошли за Бир-эт-Тамар, понеся значительные потери. Немецкие и итальянские танки контратаковали и нанесли тяжелые потери 2-му шотландскому легкопехотному полку и 2-му западнооркширскому полку, которые пытались создать опорные пункты в «котле». Английские танки не сделали ни малейшей попытки прикрыть или поддержать свою пехоту, и Флетчер замечает, что, «казалось, между 22-й бронетанковой бригадой и 9-й индийской пехотной бригадой существовало полнейшее непонимание взаимных возможностей и задач».

Тем временем 32-я армейская танковая бригада атаковала 21-ю танковую дивизию на кряже Сидра. Почему-то эту атаку поддерживали только двенадцать орудий, и англичане были остановлены, потеряв пятьдесят танков из семидесяти. Атака на кряж Сидра могла бы поставить нас в тяжелое положение, если бы она была проведена ночью крупными силами пехоты при поддержке всей артиллерии 13-го корпуса. Но получилось так, что тяжелые английские танки средь бела дня с грохотом поползли вперед, представляя собой отличные мишени для наших противотанковых орудий, и в заключение попали на минные поля, где и были уничтожены. С тактической точки зрения эта была одна из самых нелепых атак за всю кампанию.

К середине дня стало ясно, что наступление англичан остановлено и что атакующие понесли серьезные потери. Роммель был не таким человеком, чтобы удовлетвориться пассивной обороной, и во второй половине дня он предпринял один из своих самых блестящих контрударов. В то время как 21-я дивизия продвигалась в юго-восточном направлении на Бир-эт-Тамар, 15-я дивизия появилась из прохода в минном поле около Бир-эль-Хармата и ударила во фланг и тыл войскам противника, удерживавшим кряж Аслаг. Сам Роммель сопровождал части 15-й дивизии, которые разбили единственный батальон, обеспечивавший фланг англичан, и разгромили объединенный штаб генералов Мессерви и Бриггса. Смятение противника усилилось, когда наша авиация подвергла интенсивной бомбардировке район к западу от опорного пункта Найтсбридж.

В результате в ночь с 5 на 6 июня мы замкнули кольцо вокруг 10-й индийской бригады, находившейся на кряже Аслаг, группы поддержки 22-й бронетанковой бригады, расположенной к северу от нее, и четырех полков полевой артиллерии, занимавших позиции за индийцами. Единственной надеждой для англичан

была энергичная контратака силами 2-й, 4-й и 22-й бронетанковых бригад, но она так и не состоялась. Судя по английским источникам, их танки, выполняя противоречивые приказания, провели весь день 6 июня в бесполезных перемещениях и, конечно, не могли помешать нашим действиям в районе кряжа Аслаг. 10-я индийская бригада и английская артиллерия храбро сопротивлялись, но к исходу дня один лишь Африканский корпус захватил 3100 пленных, 96 орудий и 37 противотанковых пушек, 10-я индийская бригада была разгромлена, 9-я индийская бригада сильно потрепана, противник потерял более 100 танков. Четыре полка полевой артиллерии просто перестали существовать.

Несмотря на этот блестящий успех, Роммель решил освободить Бир-Хакейм, прежде чем вырваться из «котла» и окончательно разгромить 8-ю армию. 8 июня для поддержки 90-й дивизии и дивизии «Триесте», которые продвигались слишком медленно вследствие очень упорного сопротивления французов, был направлен сильный отряд из состава 15-й дивизии. 9 июня интенсивные налеты пикирующих бомбардировщиков расчистили пехоте 15-й дивизии путь для успешной атаки; она захватила высоту с отметкой 186,0, господствующую над главной французской позицией, и в ночь с 10 на 11 июня французский гарнизон был вынужден оставить опорный пункт. Некоторые английские офицеры ложно утверждали, что боевой дух французов упал; я должен сказать, что за все время войны в пустыне мы никогда не встречали более героической и стойкой обороны.

Теперь путь для решающего наступления в район Найтсбридж — Эль-Адем был расчищен.

Бои под Найтсбриджем

Несмотря на страшные удары, нанесенные Роммелем в «котле», соотношение сил по-прежнему оставалось в пользу Ритчи и, по мнению англичан, сражение далеко еще не было проиграно. К северу от «котла» была создана линия отдельных огневых точек, защищенных минными полями; 201-я гвардейская бригада прочно обосновалась в Найтсбриджском опорном пункте, а 29-я индийская бригада занимала сильную позицию в Эль-Адеме. 11 июня Ритчи все еще располагал 250 крейсерскими и 80 пехотными танками, тогда как Африканский корпус имел 160 танков, а дивизии «Ариете» и «Триесте» — около 70. Наши пехотные части понесли тяжелые потери в боях, в 90-й легкопехотной дивизии насчитывалось лишь 1000 человек.

Англичане все еще имели возможность остановить Роммеля, а затем восполнить свои потери. Английские легкие отряды и бронеавтомобили уже нападали на наши коммуникации западнее эль-газальских минных полей и добивались значительных успехов в борьбе с нашими транспортными колоннами.

План Роммеля был таков. В то время как 21-я дивизия проводила демонстративное наступление на английские позиции, окаймляющие «котел» с севера, 15-я дивизия должна была повернуть к северо-востоку на Эль-Адем, имея 90-ю дивизию справа и дивизию «Ариете» слева. Фактически это означало возврат к первоначальному плану от 27 мая, и он не имел бы успеха, если бы английское командование не допустило серьезных ошибок.

Новое наступление началось во второй половине дня 11 июня. К наступлению темноты 15-я дивизия вышла в район Надурет-эль-Гесеуаск; 90-я дивизия и два разведотряда на бронемашинах находились южнее опорного пункта Эль-Адем. Наша служба радиоперехвата — она сыграла немаловажную роль в победах Роммеля — донесла, что «4-я бронетанковая бригада отказалась от проведения атаки в юго-восточном направлении»[112]. Роммель был рад услышать, что англичане намереваются предпринять такой шаг, и приказал 15-й дивизии 12 июня перейти к обороне, а 21-й дивизии наступать южнее Найтсбриджа с целью ударить в тыл английским танковым частям.

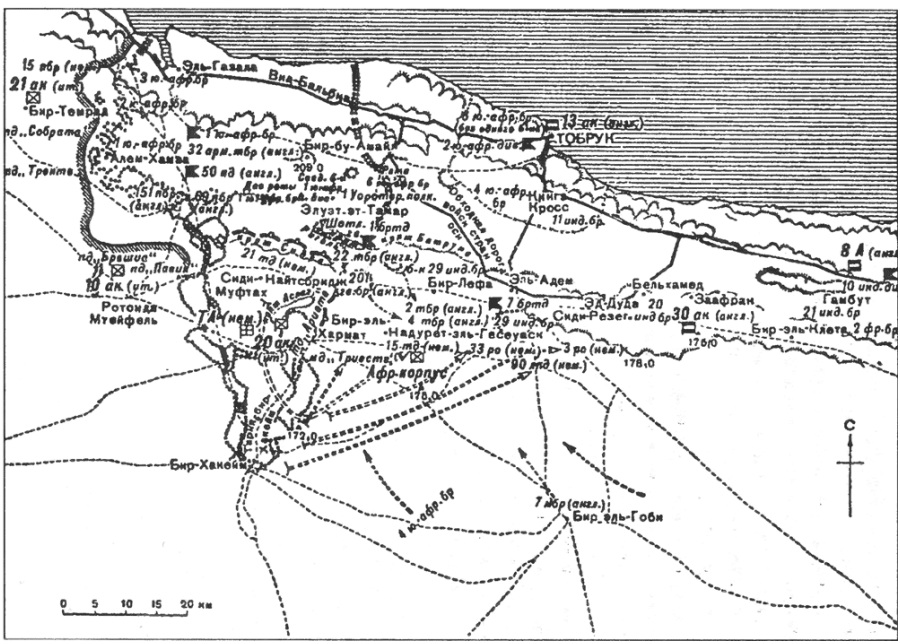
Боевые действия 12 июня развивались медленно, 15-я дивизия готовилась отразить атаку англичан, а на стороне противника 2-я и 4-я бронетанковые бригады ожидали точных распоряжений[113]. Наконец генерал Неринг приказал 15-й дивизии наступать, наша противотанковая артиллерия открыла губительный огонь по английским танкам. В полдень Роммель решил, что настал решающий момент, и приказал 21-й дивизии нанести удар по открытому флангу 7-й бронетанковой дивизии. Этот шаг сразу же принес успех, и вскоре наша служба радиоперехвата донесла, что английские танки «просят помощи».

С севера на выручку своим товарищам двинулась 22-я бронетанковая бригада, но 21-я танковая дивизия и дивизия «Триесте» нанесли ей тяжелые потери. 2-я и 4-я бронетанковые бригады не выдержали совместного нажима двух танковых дивизий, отступление же 4-й бронетанковой бригады превратилось в разгром, и к заходу солнца она, безостановочно откатываясь, очутилась за кряжем Рамль. 2-я и 22-я бронетанковые бригады под непрерывным нажимом наших танков отошли к опорному пункту Найтсбридж; в этом районе

ожесточенный бой продолжался до наступления темноты. В боях 12 июня англичане потеряли 120 танков — исход сражения при Эль-Газале был предрешен.

13 июня обе танковые дивизии наступали на кряж Ригель, который обороняли шотландские гвардейцы, поддерживаемые полевой и противотанковой артиллерией южноафриканцев. После очень упорной борьбы кряж был взят, а слабые атаки пришедших на помощь английских танков были легко отбиты. Найтсбриджский опорный пункт был теперь изолирован, и в ночь с 13 на 14 июня гвардейская бригада оставила его.

Схема 19



Обстановка к исходу дня 11 июня 1942 г.

Утром 14 июня Ритчи признал, что сражение проиграно, и решил оставить эль-газальский оборонительный рубеж. Роммель, еще до того как он узнал об этом отступлении, приказал Африканскому корпусу прорваться к шоссе Виа-Бальбиа и отрезать пути отхода обороняющим эль-газальский рубеж дивизиям. Днем разгорелся жестокий бой около Элуэт-эт-Тамар, где южноафриканской и английской пехоте[114], поддержанной оставшимися танками, удалось сдерживать наше наступление до самого вечера, когда 15-й дивизии, стремившейся овладеть Бу-Амайя, удалось прорваться. Но к этому времени стало темно, и отступление 1-й южноафриканской дивизии уже шло полным ходом.

В течение 14 июня наша разведывательная авиация доносила

об интенсивном движении по шоссе Виа-Бальбиа и о том, что, судя по всем признакам, противник поспешно отступает. Роммель хорошо понимал, что необходимо как можно скорее выйти на прибрежное шоссе[115], и отдал срочный приказ Африканскому корпусу в течение ночи спуститься с высот и отрезать отход южноафриканцам. Однако этот приказ, по существу, был оставлен без внимания. Дело в том, что беспрерывные ожесточенные бои в течение последних трех недель до предела измотали войска; люди просто валились с ног от усталости, и их невозможно было поднять. Утром 15 июня 15-я дивизия спустилась с высот и отрезала арьергард южноафриканцев, но их главные силы сумели уйти. Большей части 50-й английской дивизии удалось прорваться через фронт 10-го итальянского корпуса и, пройдя южнее Бир-Хакейма, выйти к границе.

Рассматривая сейчас боевые действия 11–15 июня, кажется странным, что после овладения Бир-Хакеймом Роммель, по существу, вновь обратился к своему первоначальному плану: веерообразному наступлению своим правым крылом в направлении Эль-Адема. Как и вначале, ему не удалось достигнуть цели — охвата войск, расположенных на эль-газальском оборонительном рубеже, — потому что его силы были развернуты на слишком широком фронте. 90-я легкопехотная дивизия была слишком слаба, чтобы овладеть опорным пунктом Эль-Адем, и не смогла поддержать Африканский корпус в решающий момент. После поражения 12 июня английских бронетанковых частей Африканскому корпусу было приказано прорваться на север и перерезать шоссе, тогда как 20-й итальянский корпус выполнял второстепенную задачу по прикрытию южнее Найтсбриджа. Если бы все пять немецко-итальянских танковых и моторизованных дивизий были использованы для прорыва к шоссе Виа-Бальбиа, они не позволили бы ускользнуть основной массе сил, расположенных у Эль-Газалы. После трех недель упорных боев ударной мощи только одного Африканского корпуса было недостаточно для выполнения поставленных задач.

Утром 15 июня Роммель приказал 21-й дивизии наступать на Эль-Адем и поддержать в этом районе 90-ю дивизию. Сражение при Эль-Газале было выиграно, и главные силы 8-й армии полным ходом отступали к границе; оставалось еще овладеть Тобруком, но Ритчи, казалось, был намерен удерживать крепость. Роммель решил не давать 8-й армии времени для перегруппировки; он решил прорваться к Гамбуту, изолировать Тобрук, а затем взять крепость штурмом. Он стоял на пороге своей самой блестящей победы.

Глава VIII
От Тобрука до Эль-Аламейна

Падение Тобрука

Можно сказать, что сражение при Эль-Газале окончилось около полудня 15 июня. 8-я армия быстро отступала к границе, а танковая армия подходила к внешнему обводу обороны Тобрука. Вечером 15 июня началось новое сражение, которое точнее всего характеризовать как борьбу за рубеж Тобрук-Эль-Адем.

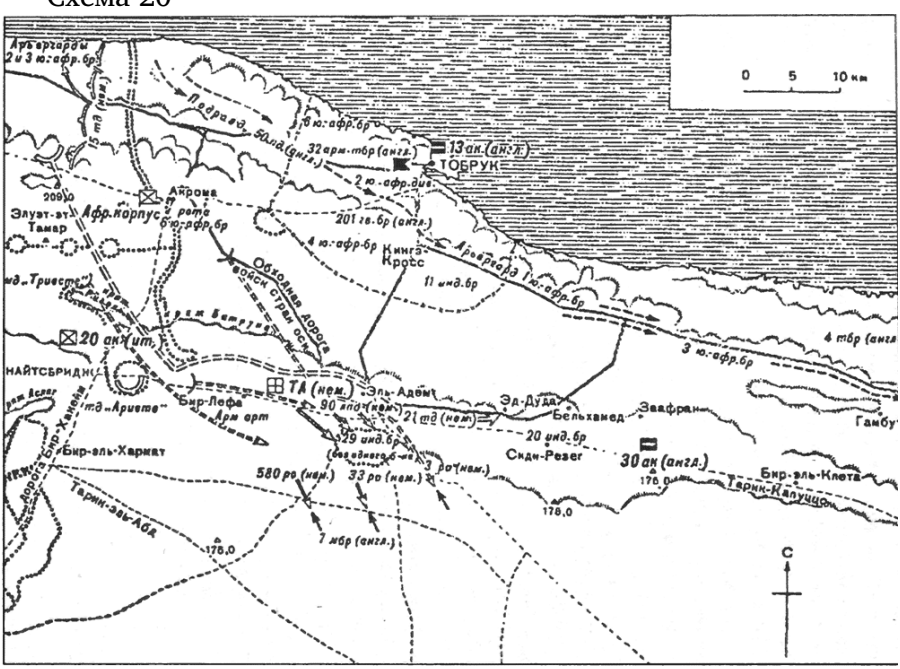
Южноафриканские военные историки, исследования которых нашли весьма полное освещение в книге «Crisis in the Desert», указывают, что генерал Окинлек решительно возражал против того, чтобы в случае новой осады оборона Тобрука проводилась с тех же позиций, что и в 1941 году. Он совершенно правильно оценивал коренным образом изменившиеся условия и учитывал, что оборонительные сооружения крепости были серьезно повреждены и что танковая армия могла теперь предпринять значительно более мощное наступление, чем в апреле-мае 1941 года[116]. Представители военно-морского флота дали понять, что флот будет не в состоянии снабжать Тобрук в случае новой осады. Поэтому когда Окинлек разрешил Ритчи оставить 14 июня Эль-Газалу, он одновременно приказал 8-й армии произвести перегруппировку на рубеже Тобрук-Эль-Адем; он особенно подчеркивал, что Эль-Адем является жизненно важным пунктом для успешной обороны Тобрука. Окинлек настаивал, чтобы Ритчи использовал в районе Эль-Адема максимум сил, и многозначительно добавлял: «Я надеюсь, что Вы ничего не пощадите для достижения этой цели. Мы должны превзойти противника в быстроте принятия решений и в быстроте действий, и я хочу, чтобы Вы как можно тверже внушили это всем командирам»[117].

Оценка обстановки Роммелем в точности совпадала с оценкой Окинлека. Когда утром 15 июня Роммель увидел с холмов, возвышающихся над прибрежным шоссе, что большая часть 1-й южноафриканской дивизии от него ускользнула, он тут же сообразил, что должен теперь направить главные усилия на Эль-Адем и выбить, как мы его называли, «краеугольный камень Тобрука». В действиях танков скорость имеет решающее значение — это прекрасно понимал и Окинлек, — и можно проследить, как в последующие два дня Роммель сосредоточивает в районе Эль-Адема превосходящие силы и намного упреждает медлительную

и неповоротливую 8-ю армию. События 15–17 июня решили судьбу Тобрука: как изолированная крепость он не мог устоять против мощи всей танковой армии, и это хорошо знал Окинлек[118].

15 июня 90-я легкопехотная дивизия начала наступление на Эль-Адем, который в то время обороняли два батальона 29-й индийской бригады. К вечеру из района Акромы прибыла 21-я танковая дивизия и разгромила опорный пункт у тригонометрического знака 650 на Ба-трунских высотах, где расположился оставшийся батальон 29-й бригады с целью блокировать обходную дорогу войск стран оси[119]. Такое начало нового сражения было многообещающим, и в своих распоряжениях на 16 июня Роммель приказал 21-й дивизии продвигаться вперед на Сиди-Резег и Бельхамед; 90-я дивизия при поддержке нашей армейской артиллерии должна была атаковать опорный пункт Эль-Адем; дивизия «Ариете» и три разведотряда имели задачу прикрыть южный фланг от идущих на выручку английских частей, и для поддержки их должна была подойти 15-я танковая дивизия. Таким образом, Роммель приказал всей своей ударной группе сосредоточиться в районе, который Окинлек называл «решающим местом».

Схема 20



Обстановка к исходу дня 15 июня 1942 г.

16 июня отдохнувшая и пополненная в Гамбуте 4-я бронетанковая бригада, численность которой Ритчи довел до 100

танков, двинулась к Сиди-Резег. Но дорога оказалась блокированной противотанковым заслоном 21-й дивизии; сама дивизия в это время атаковала опорный пункт Сиди-Резег, обороняемый 16 Раджпутанским стрелковым полком 20-й индийской бригады[120]. Сиди-Резег к вечеру 16 июня пал, но Эль-Адем упорно сопротивлялся, и командир 90-й дивизии доносил, что оборона была «необыкновенно упорной». Роммель не разрешил использовать против Эль-Адема танки, и во второй половине дня после довольно бурного разговора с полковником Марксом, решительным командиром 90-й дивизии, он согласился прекратить атаки. Днем мы перехватили разговор по радио между командиром 7-й бронетанковой дивизии генералом Мессерви и командиром 29-й индийской бригады Рейдом; они договаривались о возможном прорыве гарнизона Эль-Адема. Этот гарнизон действительно прорвался в ночь с 16 на 17 июня, и с этого момента оборона Тобрука утратила важное значение[121].

17 июня Роммель сосредоточил Африканский корпус и дивизию «Ариете» с целью разбить 4-ю бронетанковую бригаду и открыть путь на Гамбут. Во второй половине дня юго-восточнее Сиди-Резег произошел танковый бой; перевес сил в нашу пользу был слишком велик, и, несмотря на величайшую отвагу 9-го уланского полка, англичане вскоре были вынуждены отступить. 4-я бронетанковая бригада потеряла половину своего состава и откатилась далеко на юг; на следующий день она перешла египетскую границу. С наступлением темноты Роммель лично возглавил Африканский корпус, и вскоре после полуночи с 17 на 18 июня 21-я дивизия перерезала шоссе Виа-Бальбиа около Гамбута. Все английские войска, располагавшиеся в этом районе, бежали на восток; несмотря на отдельные попытки противника уничтожить склады, мы захватили огромное количество бензина и продовольствия, а также много автомашин[122].

20-я индийская бригада все еще находилась в Бельхамеде, и при подобных обстоятельствах рассудительный полководец приказал бы этому соединению спокойно отойти в Тобрук, где оно явилось бы весьма своевременным подкреплением для 11-й индийской бригады, оборонявшей юго-восточный сектор. Вместо этого Ритчи приказал 20-й индийской бригаде прорываться к границе; утром 18 июня она столкнулась с Африканским корпусом и «исчезла из боевого состава 8-й армии».

К вечеру 18 июня Тобрук был полностью окружен с запада 21-м итальянским корпусом, с юга — 10-м итальянским корпусом, а с юго-востока и востока — дивизией «Триесте» и немецкими разведотрядами. Африканский корпус и дивизия «Ариете» располагались в районе Гамбута, и Роммель решил подвести их

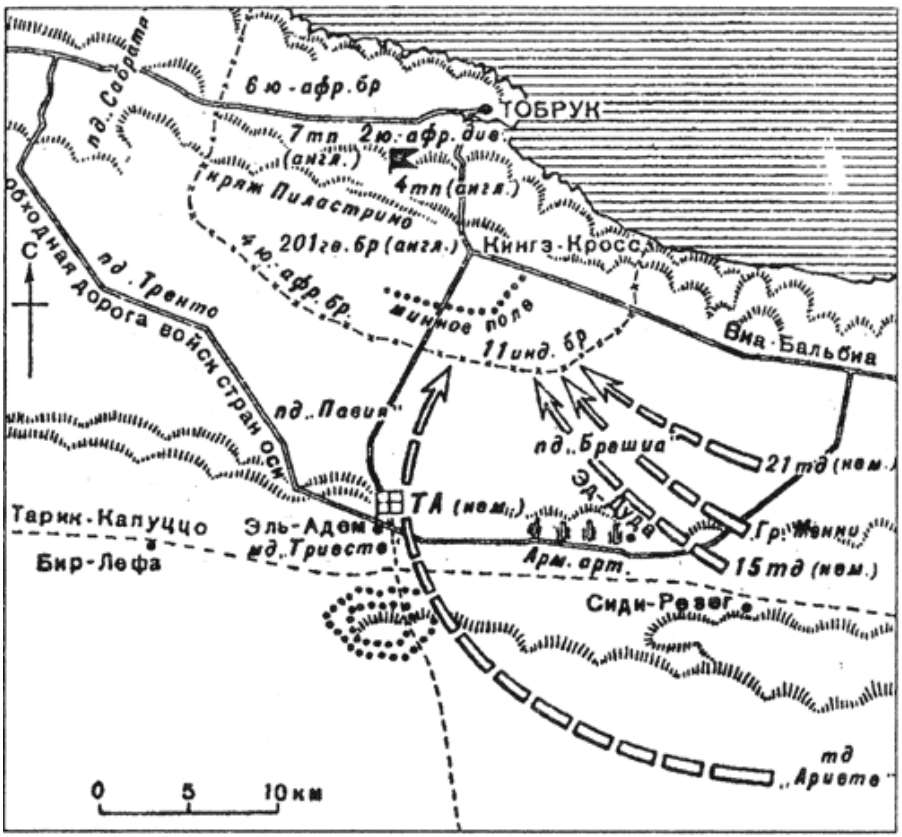
только в ночь накануне штурма. Приказ был отдан 18 июня; решение, которое в нём излагалось, было сравнительно простым. В 5 час 20 мин 20 июня пикирующие бомбардировщики и артиллерия должны были сосредоточить свой удар по участку 11-й бригады; группа Менни[123] должна была проникнуть через проходы, проделанные саперами в минных полях в течение предшествующей ночи, а затем прорвать на узком фронте линию долговременных оборонительных сооружений за противотанковым рвом[124]. Саперы устанавливают мосты для танков через ров, а танки через созданную брешь врываются в крепость. Этот план был очень гибким, какими и должны быть подобные планы, и мы не пытались установить точно разграничительные линии и объекты атаки. Был согласован вопрос о непосредственной авиационной поддержке, Кессельринг обещал прислать еще самолеты из Европы. Вся артиллерия танковой армии заняла позиции на высотах к востоку от Эль-Адема, и мы были изумлены, обнаружив, что англичане были настолько любезны, что оставили нетронутыми склады артиллерийских боеприпасов, которые мы создали здесь для той же самой цели в ноябре 1941 года[125].

19 июня 90-я легкопехотная дивизия продвинулась на восток и обнаружила, что противник оставил Бардию. Наши разведывательные подразделения действовали в обширном районе между Бардией и Бир-эль-Гоби; они встречали там только легкие английские отряды, и стало ясно, что Ритчи не намерен предпринять сколь-нибудь серьезной попытки помешать нашему наступлению на Тобрук. В тот вечер Африканский корпус выступил из Гамбута в свой район сосредоточения юго-восточнее крепости; марш был тщательно подготовлен и прошел без задоринки. В 3 часа 30 мин 20 июня командир 21-й танковой дивизии доложил, что дивизия «полностью готова к штурму Тобрука».

В 5 час я стоял вместе с Роммелем на высотах северо-восточнее Эль-Адема. Там был подготовлен наш командный пункт с прекрасным обзором, и когда рассвело, мы получили возможность наблюдать за полем боя вплоть до переднего края обороны Тобрука. Точно в 5 час 20 мин пролетели в плотных боевых порядках пикирующие бомбардировщики. Кессельринг сдержал свое слово и выслал сотни бомбардировщиков; они пикировали на передний край обороны — это была одна из самых эффектных воздушных атак, какие мне приходилось когда-либо видеть. Над районом атаки поднялось большое облако пыли и дыма, и в то время как наши бомбы с грохотом падали на оборонительные сооружения, к ним присоединился хорошо

спланированный огонь невероятной силы всей немецкой и итальянской армейской артиллерии. Совместный удар артиллерии и авиации был ужасен и, как мы вскоре убедились, оказал подавляющее воздействие на боевой дух Махратского батальона, оборонявшего этот район. Пикирующие бомбардировщики действовали в течение всего дня, возвращаясь на аэродромы в Эль-Газале и Эль-Адеме лишь для того, чтобы, взяв бомбы, снова вернуться к месту боя. Управление действиями бомбардировочной авиации осуществлялось через оперативный отдел штаба армии и дало весьма плодотворные результаты.

Схема 21



Штурм Тобрука 20 июня 1942 г.

Через некоторое время штурмовые группы саперов пустили оранжевый дым — сигнал для переноса огня в глубину, а в 6 час 35 мин поступило донесение, что перед опорным пунктом № 69 перерезана проволока. Группа Менни и пехота Африканского корпуса атаковали переднюю линию дотов и стали быстро продвигаться вперед, встречая слабое сопротивление. В 7 час 03 мин Менни донес, что взята в плен целая рота индийцев, а к 7 час 45 мин был осуществлен широкий прорыв и занято около

десяти опорных пунктов противника. Через противотанковый ров установили мосты, и путь для прохода танков через передний край обороны был открыт.

Слабое сопротивление обороняющихся объяснялось главным образом бомбардировкой и, как это ни парадоксально, прекрасными бетонированными убежищами, построенными итальянцами. Град бомб и снарядов загнал индийцев под землю, где они были в относительной безопасности, но не могли вести огонь по нашим атакующим войскам, следовавшим вплотную за огневым валом. Другим важным фактором была слабость артиллерийского огня обороняющихся. Казалось, не было никакого управления огнем отдельных дивизионов; во время прорыва вели огонь несколько орудий южноафриканцев, но 25-й английский полк полевой артиллерии, который осуществлял непосредственную поддержку 11-й индийской бригады, очевидно, не открывал огня до 7 час 45 мин. Орудия этого полка были использованы для противотанковой обороны, и, по-видимому, англичане надеялись на то, что огонь по проделанной бреши и накапливающимся позади нее немецким войскам будет вести среднекалиберная артиллерия. Но последняя хранила молчание, и лишь в 8 час 45 мин Африканский корпус донес, что огонь противника «усиливается», особенно огонь артиллерии «тяжелого калибра». Я хорошо помню, как мы, наблюдая в то утро за ходом боя, удивлялись, что артиллерия Тобрука ведет такой слабый огонь. Тем временем Роммель отправился вперед, чтобы непосредственно руководить прорывом.

Оборона Тобрука состояла из отдельных опорных пунктов и велась на фронте 56 км. Поэтому ее решительный штурм не мог не привести к прорыву[126]. Решающим испытанием должна была явиться организация противником контратаки, и оставалось посмотреть, что он будет делать. В апреле 1941 года часть наших танков очень глубоко вклинилась в оборону противника и вплотную подошла к важному узлу дорог Кингз-Кроссу; затем они были блестяще контратакованы английскими танками, поддержанными артиллерией сопровождения, и отброшены за передний край обороны с тяжелыми потерями. Теперь, в июне 1942 года, это вряд ли могло случиться, потому что у нас было свыше 200 танков, из них 125 немецких. Наши танки использовались массированно, а на головных машинах следовали авиационные и артиллерийские офицеры связи для обеспечения непосредственной поддержки. Даже при этих условиях хорошо организованная контратака могла бы причинить нам серьезные неприятности, хотя я не думаю, чтобы гарнизон мог обороняться продолжительное время, поскольку минные поля в глубине

обороны пришли в плохое состояние или вообще были разминированы и не являлись больше серьезным препятствием. Фактически контратака так и не состоялась, потому что силы англичан вводились в бой по частям и были лишены общего управления. План контратаки следовало наметить до нашего наступления и поставить во главе старшего командира[127].

К 9 час 30 мин немецкие танки пересекли противотанковый ров и стали веером продвигаться в глубь обороны. Генерал Неринг, командир Африканского корпуса, двигался с 15-й дивизией[128], а генерал фон Бисмарк, горячий командир 21-й дивизии, ехал в коляске мотоцикла среди головных танков. Он лично разведал минное поле и указал путь танкам. Сам Роммель также двигался вплотную за наступающими частями, готовый в критический момент принять командование. Я подчеркиваю этот элемент личного руководства, потому что английские и южноафриканские источники указывают, что ни один из старших офицеров 2-й южноафриканской дивизии, 32-й армейской танковой бригады или 201-й гвардейской бригады никогда не приближался к Кингз-Кроссу; обороняющиеся войска сражались с большой отвагой, но «без руководства и управления».

К 11 часам, по данным 15-й дивизии, было уничтожено 15 танков противника и захвачено 150 пленных; к полудню обе дивизии достигли линии минного поля южнее Кингз-Кросса, где встретили решительное сопротивление со стороны танков и артиллерии англичан[129]. Разгорелся жестокий бой, в ходе которого наши танки уничтожили артиллеристов противника пулеметным огнем, а затем пронеслись через их позиции. К 14 часам Африканский корпус вышел на гряду холмов севернее Кингз-Кросса, и Роммель лично отправился туда на своей большой штабной машине для руководства следующим ударом[130].

Фактически цель сражения при Тобруке была теперь достигнута, и оставалось лишь завершить победу и очистить отдельные участки крепости. Днем 21-я дивизия спустилась с холмов и двинулась к Тобрукской бухте; наибольшее сопротивление оказал английский тяжелый зенитный дивизион, но в конце концов и он был захвачен в плен солдатами наших зенитных батарей, которые вели бой под личным наблюдением Роммеля. Этот дивизион подбил несколько наших танков и показал, что могли бы сделать англичане, если бы они использовали свои 3,7-дюймовые зенитные пушки так же, как мы свои 88-миллиметровые. В наступающих сумерках 21-я дивизия пробилась в город Тобрук, окутанный густым дымом горящих складов, и открыла огонь с набережной по английским судам,

пытавшимся вырваться в открытое море. Несколько судов было потоплено и подожжено.

15-я танковая дивизия наступала на позиции гвардейской бригады на кряже Пиластрино; она разгромила 1-й Шервудский полк и большую часть 3-го Колдстримского гвардейского полка, а также захватила в плен штаб бригады. Взяв большое количество пленных, она отошла и расположилась на отдых вокруг Кингз-Кросса — мы достаточно сделали за этот день. К ночи стало ясно, что Тобрук доживает свои последние часы, и Роммель смог направить в Берлин сообщение о победе. Наши потери за день были очень малы и не шли ни в какое сравнение с потерями противника.

Единственное, что могло спасти гарнизон Тобрука в ночь с 20 на 21 июня, был прорыв из крепости, ставшей для англичан западней. Пусть мы захватили или уничтожили большое количество транспортных средств — их все равно оставалось еще достаточно, чтобы могла вырваться значительная часть войск. По-видимому, генерал Клоппер хотел уйти из окружения, но не смог добиться ясных указаний от штаба 8-й армии и, кроме того, встретил сильное противодействие со стороны некоторых своих подчиненных[131]. Так ничего и не было сделано, и на рассвете 21 июня в западном секторе Тобрука царил буквально хаос, причем обстановка еще более усложнялась наличием дезорганизованных тыловых частей, бежавших накануне из восточного сектора. Рано утром 21 июня над штабом генерала Клоппера был поднят белый флаг, и в наши руки сразу попали 33 тыс. пленных[132]. Многочисленные склады с продовольствием, бензином, обмундированием и боеприпасами, несмотря на разрушения, уцелели, а множество орудий, машин и танков увеличили трофеи танковой армии.

Вечером 21 июня Роммель услышал по радио, что он произведен в фельдмаршалы. Это была заслуженная награда, ибо, как говорится в официальном отчете южноафриканского командования, «взятие Тобрука увенчало целую серию, пожалуй, самых блестящих побед, когда-либо одержанных над английской армией»[133].

Вторжение в Египет

В 9 час 45 мин 21 июня Роммель отдал приказ по танковой армии: «Крепость Тобрук капитулировала. Всем частям сосредоточиться и подготовиться к дальнейшему наступлению». В тот же день 21-я дивизия устремилась к Гамбуту — первой ступени к вторжению в Египет.

Теперь предстояло принять важное решение. По первоначальному плану, согласованному между Гитлером и Муссолини в конце апреля, имелось в виду, что после взятия Роммелем Тобрука танковая армия должна занять оборону по египетской границе, а все наличные самолеты и корабли — переключиться на действия против Мальты. С падением этой базы наши коммуникации будут обеспечены и может последовать наступление к Нилу. 21 июня в Африку прилетел фельдмаршал Кессельринг; я присутствовал при его совещании с Роммелем в нашей штабной машине. Роммель настаивал на том, что должен энергично развивать свой успех, не ожидая захвата Мальты, но Кессельринг указал, что наступление на Египет не может быть успешным без полной поддержки военно-воздушных сил. Если же предоставить Роммелю эту поддержку, то военно-воздушные силы не смогут принять участие в действиях против Мальты, а в случае, если остров оправится от ударов, коммуникации Роммеля окажутся в большой опасности. Кессельринг утверждал, что единственным здравым решением будет придерживаться первоначального плана и отложить вторжение в Египет до падения Мальты.

Роммель с жаром возражал, разгорелся спор. Роммель признавал, что танковая армия понесла тяжелые потери в боях под Эль-Газалой, но утверждал, что 8-я армия находится в гораздо худшем состоянии, и нам представляется сейчас исключительная возможность прорваться к Суэцкому каналу. Отсрочка хотя бы на несколько недель позволит противнику перебросить новые части и не допустить дальнейшего продвижения. Оба командующих не смогли прийти к соглашению, и перед уходом Кессельринг сказал Роммелю о своем намерении отозвать авиационные части в Сицилию.

Роммель не был склонен изменять свое решение. Авангард Африканского корпуса уже двигался к границе, и вечером 21 июня Роммель, чтобы изложить свою точку зрения Гитлеру, отправил к нему своего офицера связи. Он также радировал в Рим и уверял дуче, что «состояние и боевой дух войск, существующее положение со снабжением в связи с захватом складов и слабость противника в настоящее время позволяют нам преследовать его в глубь Египта». У Гитлера Роммель одержал победу, несмотря на убедительные и веские возражения итальянского генерального штаба, германского морского штаба, фельдмаршала Кессельринга, а также генерала фон Ринтелена, германского военного атташе в Риме. Гитлер телеграфировал Муссолини, что «богиня Победы улыбается только раз в жизни», и было принято роковое решение отложить наступление на Мальту до сентября и

бросить все силы для вторжения Роммеля в Египет.

Было ли такое решение правильным? На этот вопрос нельзя дать категорического ответа[134]. Несомненно, мы были очень близки к завоеванию дельты Нила и уничтожению всех позиций Англии на Среднем Востоке, потому что мы нанесли противнику сокрушительный удар под Мерса-Матрух и, если бы нам немного повезло, могли бы, безусловно, отбросить 8-ю армию с позиций у Эль-Аламейна. Однако факт остается фактом — эта попытка провалилась со всеми вытекающими отсюда гибельными последствиями. Если мы оглянемся назад, как будто бы становится понятным стремление Роммеля преследовать по пятам бегущего противника. Но верховное командование — вернее, Гитлер — должно было оценить стратегическую важность Мальты и ее решающее значение на Средиземном море. Именно верховному командованию следовало занять твердую позицию в этом вопросе и не разрешать наступление к Суэцкому каналу, пока не будет взята Мальта. Таким образом, мы упустили прекрасную возможность захватить эту базу, которая была настолько подавлена ударами немецкой авиации, что наши шансы на успех были многообещающими.

Вечером 23 июня авангард Африканского корпуса пересек египетскую границу. Роммель стремился обойти большие минные поля и опорные пункты, созданные англичанами в районе границы, но Ритчи уже решил отступить к Мерса-Матрух. За последующие двадцать четыре часа наш авангард сделал сенсационный переход более чем в 160 км и вышел на прибрежную дорогу между Мерса-Матрух и Сиди-Баррани. Боевой дух войск был высок — победы прошедшего месяца воодушевляли их и заставляли забывать крайнюю усталость, которую они испытывали после беспрерывных напряженных боев в самый разгар африканского лета. Количество танков, однако, угрожающе снизилось, потому что во время марша много машин вышло из строя, и Африканский корпус вступил в Египет, имея только сорок четыре танка.

Наши части, наступавшие 24–25 июня, встретили слабое сопротивление со стороны английских наземных войск, но подверглись мощным и решительным атакам со стороны ВВС Пустыни. Темп наступления опережал возможности прикрытия нашими истребителями, и нам пришлось нести большие потери. В самом деле, с того момента, как мы вступили в Египет, нас не покидало предчувствие, что у нас больше никогда не будет хорошей авиационной поддержки. Роммелю не удалось снова завоевать превосходство в воздухе, а воздушные силы противника росли с ужасающей быстротой. Это было начало процесса,

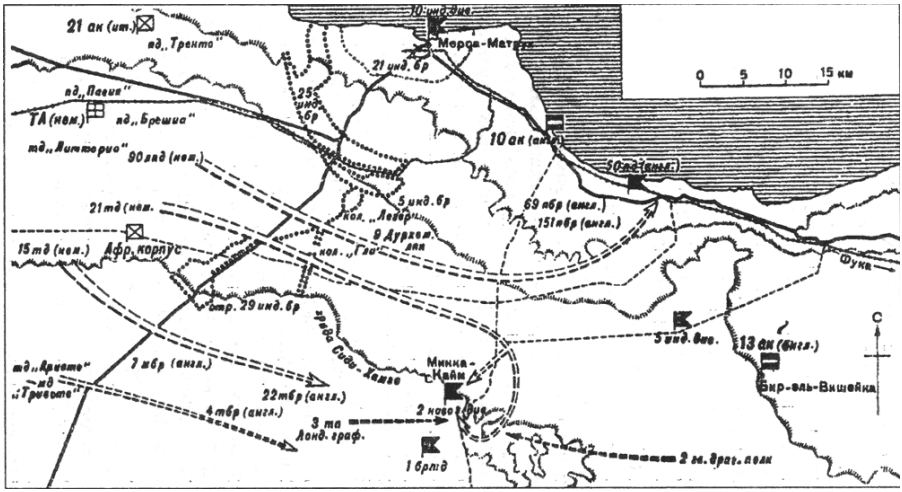
который достиг своей кульминационной точки в кровопролитных сражениях при Мортене и Фалезе и в конце концов изменил весь ход войны.

Вечером 25 июня наши разведывательные отряды подошли к оборонительным сооружениям Мерса-Матрух, и Роммель объявил о своем намерении начать наступление на этот пункт на следующий день. Для тщательной разведки не оставалось времени, и мы вступили в бой, имея лишь весьма туманное представление о расположении англичан.

Западные подступы к Мерса-Матрух были прикрыты плотными минными полями, которые начинались у самого моря и тянулись на 25 км в глубь пустыни. Мы предполагали, что 8-я армия в этом районе имеет четыре дивизии (50-я английская, 2-я новозеландская, 5-я и 10-я индийские) и что ее левый фланг прикрывает 1-я английская бронетанковая дивизия, занимающая позиции между главными минными полями и высотами Сиди-Хамза. Целью Роммеля было окружение пехотных дивизий в районе Мерса-Матрух, и в соответствии с этим он хотел прежде всего отбросить 1-ю бронетанковую дивизию. Выполнение этой задачи поручалось Африканскому корпусу; 21-я дивизия должна была наступать между грядой высот и главным минным полем, а 15-я дивизия — южнее высот; 90-я дивизия наносила удар на левом фланге 21-й дивизии с задачей перерезать прибрежную дорогу восточнее Мерса-Матрух; 10-й и 21-й корпуса итальянцев должны были блокировать крепость Мерса-Матрух с запада, а их бронетанковый корпус, который еще не подошел, имел задачу наступать южнее высот, поддерживая 15-ю дивизию.

Но в действительности британские войска располагались совсем не так, как думал Роммель. 10-й корпус в составе 50-й английской и 10-й индийской дивизий находился в районе Мерса-Матрух. 13-й корпус занимал позиции на южных склонах высот Сиди-Хамза; он включал 2-ю новозеландскую дивизию, только что прибывшую из Сирии, и 1-ю бронетанковую дивизию, которая насчитывала теперь 159 танков, в том числе 60 «грантов»[135]. Пятнадцатикилометровый разрыв между высотами Сиди-Хамза и главными минными полями Мерса-Матруха был прикрыт узким минным полем и оборонялся двумя слабыми колоннами «Гли» и «Лезер». Короче говоря, 8-я армия имела очень сильные фланги и слабый центр.

Схема 22



Сражение у Мерса-Матрух 26—27июня 1942 г.

Можно предположить, что такое построение 8-й армии было задумано как ловушка для Роммеля, но на самом деле это далеко не так. Очевидно, генерал Окинлек, принявший командование от Ритчи, не мог решить, оказать ли упорное сопротивление у Мерса-Матрух или нет, и поэтому оперативное построение его войск скорее отвечало намерению предотвратить охват армии, чем преследовало цель уничтожить противника. Правда, Окинлек говорил генералу Готту, командиру 13-го корпуса, и генералу Холмсу, командиру 10-го корпуса, что необходимо оказать «как можно более сильное сопротивление» и что если «один из корпусов или часть его будут вынуждены отступить, то другой должен немедленно… использовать это, чтобы быстро и смело контратаковать противника во фланг». Это была великолепная идея, но, к несчастью для англичан, у обоих командиров корпусов сложилось впечатление, что им следует лучше отойти, чем подвергаться риску охвата. Так воевать нельзя: если Окинлек не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы дать сражение у Мерса-Матрух, он должен был отступить к Эль-Аламейну. Но если он все же хотел дать сражение у Мерса-Матрух и имел достаточно сил для успешной обороны, тогда не надо было подавать своим подчиненным мысль, что это только сдерживающие действия. В результате колебаний Окинлека англичане не только упустили полную возможность уничтожить танковую армию, но и потерпели серьезное поражение, которое легко могло стать непоправимой катастрофой. Я подчеркиваю это обстоятельство, потому что для изучающего военное искусство немного найдется столь поучительных сражений, как у Мерса-Матрух.

Наше наступление началось во второй половине дня 26 июня,

и чисто случайно удар пришелся по самому слабому месту англичан — узкому минному полю между грядой Сиди-Хамза и главными минными полями Мерса-Матруха. 90-я дивизия легко преодолела минное поле и уничтожила колонну «Лезер», а 21-я дивизия наголову разбила колонну «Гли». Центр англичан был прорван одним ударом, и на следующий день мы могли начать развитие прорыва в глубину.

На рассвете 27 июня 90-я дивизия уничтожила 9-й Дурхемский легкопехотный полк, которому зачем-то было приказано занять позиции в 27 км к югу от Мерса-Матрух[136]. 90-я дивизия доложила о захвате 300 пленных, но была прижата к земле артиллерийским огнем и не могла продвинуться вперед до тех пор, пока с юга не подошел Африканский корпус. Утром 21-я дивизия прорвала фронт 2-й новозеландской дивизии у Минка-Кайм и под прикрытием начавшейся артиллерийской дуэли обошла новозеландцев и атаковала их с востока. Это был рискованный маневр при любых обстоятельствах, но он покажется еще более опасным, если учесть, что в 21-й дивизии было только 23 танка и около 600 крайне усталых пехотинцев. Сам Роммель следовал с 21-й дивизией; он не представлял, что вокруг Минка-Кайм располагался целый английский корпус, и думал, что ему придется иметь дело только с 1-й бронетанковой дивизией. К счастью для нас, английские танки не сумели организовать тесного взаимодействия с новозеландцами и в течение почти всего дня вполне удовлетворялись тем, что сдерживали наступление 15-й дивизии к югу от высот.

К вечеру 27 июня 21-я дивизия оказалась в чрезвычайно опасном положении: она не смогла добиться никакого успеха против новозеландцев (хотя и рассеяла большую часть их транспортного парка), и теперь ей угрожала опасность быть разрезанной надвое. Одна английская танковая часть — 2-й драгунский гвардейский полк — угрожала 21-й дивизии с востока, другая — 3-й территориальный танковый полк Лондонского графства — наступала с запада. Более того, 21-я дивизия была безнадежно отрезана от 15-й дивизии (наступление которой на восток было остановлено 22-й английской бронетанковой бригадой) и испытывала острый недостаток боеприпасов и горючего.

Во второй половине дня 27 июня Роммель выехал в 90-ю дивизию, и под его руководством она обошла левый фланг 10-го английского корпуса и вскоре после наступления темноты перерезала прибрежную дорогу примерно в 30 км восточнее Мерса-Матрух. Все это, несомненно, очень беспокоило английское командование, но если бы оно трезво оценило обстановку, то

поняло бы, что большая опасность быть уничтоженной грозит именно танковой армии. 90-я дивизия, насчитывающая всего около 1600 человек, седлала прибрежное шоссе почти в 25 км от ближайших частей Африканского корпуса и вряд ли была в состоянии противостоять 10-му английскому корпусу, который она так дерзко «отрезала», 21-я дивизия располагалась изолированно к востоку от Минка-Кайм и была целиком во власти 2-й новозеландской и 1-й бронетанковой дивизий, 15-я дивизия и итальянский бронетанковый корпус были слишком слабы, чтобы прорваться через боевые порядки 13-го корпуса на выручку 21-й дивизии, а 10-й и 21-й итальянские корпуса были разбросаны на большом пространстве к западу и югу от Мерса-Матрух. По-видимому, Роммель был в высшей степени уверен в победе, так как в 17 час 22 мин он отдал приказ 21-й дивизии «быть в готовности поздно вечером начать преследование противника в направлении Фуки». Все это говорит о том, что Роммель питал глубокое презрение к противнику и не имел представления об опасности своего положения.

Маршал Фош как-то заметил: «Если вы думаете, что проиграли сражение, то оно уже проиграно», и это выражение в точности можно применить к обстановке, сложившейся в районе Мерса-Матрух 27 июня. В тот день генерал Готт решил, что, «учитывая движение противника в южном направлении против восточного фланга новозеландцев, он считает небезопасным оставаться в районе Сиди-Хамза — Минка-Кайм», и в соответствии с этим приказал 2-й новозеландской и 1-й бронетанковой дивизиям отойти на оборонительный рубеж у Фуки. На Готта, несомненно, повлияли неоднократные напоминания Окинлека о том, что ни одна часть 8-й армии не должна быть отрезана и что нельзя давать решающего сражения в районе Мерса-Матрух. К несчастью для англичан, у них произошло серьезное нарушение связи, и до 4 час 30 мин 28 июня 10-й корпус в Мерса-Матрух не знал, что 13-й корпус вовсю отступает к Фуке[137].

В ночь с 27 на 28 июня 1-я английская бронетанковая дивизия отошла к югу от 21-й немецкой танковой дивизии, но новозеландцы прорвались прямо через боевые порядки этой попавшей в тяжелое положение дивизии и в жестоком рукопашном бою нанесли очень серьезные потери нашей пехоте[138].

Все же мы отделались очень легко, если учесть, что совместный удар значительно превосходящих сил англичан мог бы положить конец существованию танковой армии «Африка».

28 июня 90-я дивизия и итальянские дивизии окружили

Мерса-Матрух и готовились к штурму крепости, а Африканский корпус продолжал наступать в восточном направлении на Фуку. Вечером 28 июня 21-я дивизия достигла высот, командующих над Фукой, разгромила остатки 29-й индийской бригады и, кроме того, захватила две транспортные колонны с бомбами и много автомашин.

В ночь с 28 на 29 июня 10-й английский корпус выступил из Мерса-Матрух с целью выйти из окружения. Это привело к ожесточенным столкновениям в темноте между англичанами и нашими войсками, осаждающими крепость, и, хотя противник понес тяжелые потери, мы не смогли помешать прорыву основной массы его войск. Одна из английских колонн оказалась настолько невежливой, что выбрала себе путь прямо через командный пункт танковой армии. Конечно, такие вещи случаются в пустыне, и именно поэтому мы сформировали специальное подразделение для обороны штаба армии. Но бой был таким упорным, что пришлось вмешаться офицерам штаба, и я до сих пор отчетливо помню, как стрелял из автомата во время этой схватки. Роммель не преувеличивает, когда он говорит, что «беспорядок, царивший в ту ночь, трудно себе представить»[139].

Утром 29 июня 90-я дивизия вступила в Мерса-Матрух, а 21-я дивизия перехватила несколько английских колонн около Фуки и захватила еще 1600 пленных. В сражении при Мерса-Матрух мы взяли 8 тыс. пленных, а также много орудий, машин и большое количество военного имущества, 50-я дивизия англичан и 10-я индийская дивизия были настолько дезорганизованы, что не могли сыграть большой роли в первых серьезных боях под Эль-Аламейном; новозеландская дивизия тоже была сильно потрепана. Может быть, Роммелю и повезло, но сражение при Мерса-Матрух завершилось, безусловно, блестящей победой германского оружия и внушило нам большую надежду на то, что удастся выбить 8-ю армию с позиций у Эль-Аламейна.

Отпор у Эль-Аламейна

Штабные офицеры сколько угодно могут рассуждать о том, было ли разумно со стороны Роммеля спешить к Эль-Аламейну сразу же после победы под Мерса-Матрух. В принципе всегда нужно преследовать по пятам бегущего противника, и все же можно доказывать, что для нас было бы лучше, если бы Роммель остановился на несколько дней. Войска крайне нуждались в отдыхе, и короткая передышка в значительной мере восстановила бы их силы; наша авиация получила бы возможность перебазироваться ближе к наступающим войскам, можно было бы

отремонтировать танки и пополнить боеприпасы. Следовало помнить, что под Эль-Аламейном нам придется встретиться с соединениями, имевшими много времени для отдыха и приведения себя в порядок. 1-я южноафриканская дивизия стояла на позициях у Эль-Аламейна около недели, а 6-я новозеландская и 18-я индийская бригады еще не участвовали в боях. Африканский корпус и 90-я легкопехотная дивизия, понесшие большие потери и совершенно измученные, должны были действовать против находящихся в хорошем физическом состоянии войск противника, решительно оборонявших заранее подготовленный рубеж[140].

Днем 29 июня 90-я дивизия двинулась по прибрежному шоссе из Мерса-Матрух на Эль-Дабъа, а 21-й итальянский корпус и дивизия «Литторио», стараясь не отстать, следовали за ней. После наступления темноты 90-я дивизия заняла Эль-Дабъа и, пройдя среди горящих складов, расположилась биваком на ночь примерно в 25 км западнее опорного пункта Эль-Аламейн. Было бы хорошо, если бы Африканский корпус тоже пошел по сравнительно легкому пути вдоль прибрежного шоссе, но Роммель рассчитывал отрезать часть английских войск, отходящих из Мерса-Матрух, и направил корпус на Эль-Кусейр[141]. Вечером 29 июня Африканский корпус действительно вступил в соприкосновение с 1-й бронетанковой дивизией, поспешно отходившей к Эль-Аламейну, но серьезного боя не произошло (возможно, потому, что обе стороны до крайности устали). Этот марш по очень трудной местности вызвал дополнительный износ материальной части и расход дорогого горючего.

Утром 30 июня Роммель составил план прорыва оборонительного рубежа у Эль-Аламейна. Он решил, что Африканский корпус начнет ложное движение в направлении впадины Каттара, но в ночь с 30 июня на 1 июля займет позиции около 15 км юго-западнее станции Эль-Аламейн. Мы считали, что 10-й английский корпус в составе 50-й английской пехотной дивизии и 10-й индийской бригады обороняет опорный пункт Эль-Аламейн и позиции юго-западнее его, у Дейр-эль-Абьяд, а 13-й английский корпус в составе 1-й английской бронетанковой, 2-й новозеландской и 5-й индийской пехотных дивизий удерживает южный участок оборонительного рубежа между опорным пунктом Карет-эль-Абд и впадиной Каттара. Роммель решил повторить прием, принесший ему такой успех под Мерса-Матрух: под покровом темноты Африканский корпус должен был пройти между опорными пунктами Эль-Аламейн и Дейр-эль-Абьяд и выйти в тыл 13-му корпусу, а 90-я дивизия — обойти Эль-

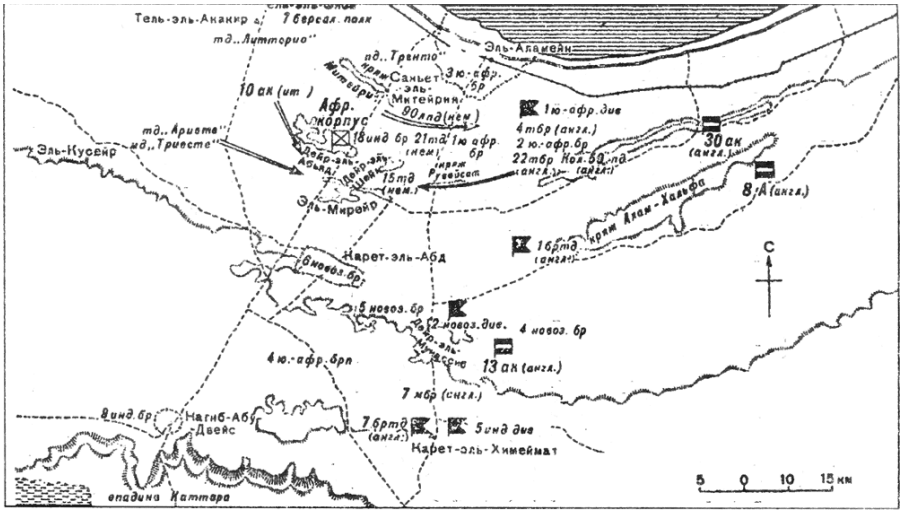
Аламейн с юга и перерезать прибрежную дорогу к востоку от него. Роммель был убежден, что, если только нам удастся вывести свои войска в тыл англичанам, их оборона рухнет[142].

В свете нашего опыта под Мерса-Матрух я думаю, что этот план действительно позволял надеяться на победу. Немецкие войска были слишком слабы, чтобы выдержать серьезное сражение, но они все еще были способны маневрировать. Вполне возможно, что если бы дивизии Роммеля прошли через тылы англичан, последние еще раз были бы обращены в беспорядочное бегство.

К несчастью, план Роммеля так и не был претворен в жизнь. Я уже отмечал, что направление главного удара Африканского корпуса должно было проходить между опорными пунктами Эль-Аламейн и Дейр-эль-Абьяд. Африканский корпус опоздал — ночной марш из Эль-Кусейра в район сосредоточения около Тель-эль-Акакира затянулся из-за сильно пересеченной местности, и когда утром 1 июля корпус перешел в наступление, то обнаружилось, что у Дейр-эль-Абьяда не было никакого опорного пункта, но зато противник оборонял опорный пункт в 5 км восточнее, у Дейр-эль-Шейна[143]. Африканский корпус мог бы обойти опорный пункт Дейр-эль-Шейн и продолжать движение в тыл 13-го корпуса, но в этом случае надо было овладеть другой позицией противника, севернее кряжа Рувейсат, обороняемой 1-й южноафриканской бригадой! Генерал Неринг решил атаковать Дейр-эль-Шейн, и когда несколько позже приехал Роммель, он одобрил это решение.

Днем 1 июля части Африканского корпуса ворвались в опорный пункт Дейр-эль-Шейн и после крайне ожесточенного боя разгромили 18-ю индийскую бригаду. Но мы потеряли восемнадцать танков из пятидесяти пяти, и острие удара Африканского корпуса притупилось. 90-я дивизия в течение второй половины дня еще продолжала наступать и пыталась обойти Эль-Аламейн, но попала под огонь 1-й, 2-й и 3-й южноафриканских бригад и поддерживающей их артиллерии. Людей охватило смятение, граничащее с паникой. Роммель лично направился в 90-ю дивизию, чтобы заставить ее двигаться вперед, однако огонь был настолько силен, что даже он был вынужден залечь.

Схема 23



Кризис (положение на 1 июля 1942 г.).

Мне кажется, что 1 июля мы потеряли все шансы на победу в сражении под Эль-Аламейном. Мы могли победить противника только умелым маневрированием, а в действительности оказались втянутыми в бои на истощение. 1-я бронетанковая дивизия получила лишний день для приведения себя в порядок, и, наступая 2 июля, Африканский корпус обнаружил, что английские танки занимают сильные позиции на кряже Рувейсат и вполне способны отбить любые атаки, которые мы в состоянии предпринять. Южноафриканцы также занимали сильные позиции, и 90-я дивизия не имела никакой возможности их прорвать. ВВС пустыни господствовали над полем сражения. 3 июля Роммель оставил надежду зайти в тыл 13-му английскому корпусу и попытался силами Африканского корпуса, 90-й дивизии и дивизии «Литторио» нанести удар в обход Эль-Аламейна. В то утро нас постигла серьезная неудача — новозеландцы из своего опорного пункта Карет-эль-Абд контратаковали дивизию «Ариете» и захватили всю ее артиллерию. Тем не менее Роммель приказал днем 3 июля начать наступление на главном направлении, и под прикрытием мощного артиллерийского огня Африканский корпус сделал решительную попытку продвинуться вперед. На кряже Рувейсат это ему отчасти удалось, но, имея только двадцать шесть танков, добиться прорыва было невозможно. С наступлением темноты Роммель приказал танковым дивизиям закрепиться там, где они остановились; каждому стало ясно, что наступлению, начавшемуся 26 мая и принесшему такие выдающиеся успехи, пришел конец.

В тот вечер Роммель сообщил Кессельрингу, что ему пришлось «временно» приостановить наступление. Эта остановка

была тем досаднее, что, по данным нашей воздушной разведки, английский флот ушел из Александрии, а на пути из Египта в Палестину отмечалось интенсивное движение. Более того, к нам прибыли на самолете вожди египетского освободительного движения и установили контакт с Роммелем. Но использовать все эти благоприятные возможности мы просто не сумели.

Глава IX
Прощай, Африка!

Тупик у Эль-Аламейна

Утром 4 июля 1942 года танковая армия «Африка» находилась в чрезвычайно опасном положении. Африканский корпус имел всего тридцать шесть исправных танков и несколько сот пехотинцев, измученных до последней степени. Артиллерии, правда, было очень много, потому что мы захватили большое количество английских орудий, но наши немецкие орудия остались почти без боеприпасов (15-я дивизия имела по два выстрела на орудие). К счастью, в Дейр-эль-Шейн оказалось 1500 выстрелов к 25-фунтовым орудиям, да у итальянцев еще был некоторый запас.

Однако, вне всякого сомнения, мы не могли противостоять решительному наступлению 8-й армии. Теперь нам известно, что 4 июля Окинлек отдал приказ на такое наступление, но, как это часто случалось в пустыне, он не смог заставить своих командиров корпусов действовать. 5-я новозеландская бригада завязала бой с дивизией «Брешиа» в Эль-Мирейрской впадине, а английские танки, начавшие продвижение на кряже Рувейсат, угрожали разрезать 15-ю дивизию на две части. Но в ударах англичан не чувствовалось ни силы, ни напора, и обычно достаточно было нескольких выстрелов из 88-мм пушек, чтобы остановить их танковую атаку. В общем, 4 июля нам пришлось только понервничать — серьезных потерь не было.

5 июля наше положение несколько улучшилось. Новозеландцы, правда, стали проявлять некоторую активность на южном участке фронта, но их 4-я пехотная бригада попала на марше под мощный удар пикирующих бомбардировщиков, которые, уничтожив штаб бригады, по-видимому, спасли нас от наступления противника в направлении Эль-Мирейр. На кряже Рувейсат 15-я дивизия имела около 15 танков против 100 танков 1-й бронетанковой дивизии, но никакой атаки со стороны противника не последовало. Пассивность англичан 5 июля особенно заслуживает упрека, поскольку Окинлек требовал от своих подчиненных нанести нам решающий удар, а на кряж Рувейсат прибыло совершенно свежее соединение — 24-я австралийская бригада.

6 июля Роммель продолжал перегруппировку своих сил и укрепление фронта; нам доставили мины и небольшое

пополнение для 90-й легкопехотной дивизии и танковых дивизий. Количество танков в Африканском корпусе увеличилось до сорока четырех, и мы приступили к созданию подвижного резерва. Англичане упустили благоприятный момент, и хотя Окинлек все еще мог нанести нам поражение, с каждым днем это становилось все труднее.

Утром 9 июля Роммелю стало известно, что противник оставил опорный пункт Карет-эль-Абд, он тут же приказал 21-й дивизии и дивизии «Литторио» занять его и перебросил 90-ю дивизию для наступления правее этих соединений. Нас несколько озадачило, что англичане оставили такую выгодную позицию, и даже сейчас меня удивляет, что Окинлек принял такое решение. Правда, благодаря этому он оттянул часть наших сил к югу и увеличил шансы на успех наступления, которое собирался предпринять у Тель-эль-Эйса, но все же сдача такой укрепленной позиции, как Карет-эль-Абд, была слишком дорогой ценой.

На рассвете 10 июля противник открыл сильный артиллерийский огонь по дивизии «Сабрата», располагавшейся против западного фаса опорного пункта Эль-Аламейн, а затем последовала ожесточенная атака 9-й австралийской дивизии вдоль прибрежного шоссе в направлении Тель-эль-Эйса. Штаб танковой армии находился на берегу всего в нескольких километрах от линии фронта, и рано утром я с изумлением увидел, как сотни итальянцев в панике бежали мимо штаба. Роммель был в опорном пункте Карет-эль-Абд, далеко на юге, и мне самому пришлось решать, что делать. Когда возникает угроза штабу, первое стремление всегда — бежать и спасать его ценнейшее имущество и документы. Я понял, что с дивизией «Сабрата» покончено — ее артиллерия уже была в «мешке», — и требовалось немедленно что-то предпринять, чтобы прикрыть дорогу на запад. Я собрал личный состав штаба и кое-как организовал оборону, усилив ее нашими зенитными пушками и случайно подошедшим пехотным подкреплением. В результате удалось сдержать австралийцев, которые уже захватили кладбище Тель-эль-Эйса и стремились прорваться вдоль прибрежного шоссе. К несчастью, в этом бою погибла большая часть нашего подразделения радиоперехвата вместе со своим прекрасным командиром лейтенантом Зеебомом[144].

10 июля подошли главные силы 382-го пехотного полка; они составляли часть 164-й пехотной дивизии — первого существенного подкрепления, полученного нами из Европы. Англичане опоздали со своей атакой на один день — без этого подкрепления северный фланг танковой армии мог бы быть прорван. В полдень прибыл с южного участка Роммель с

подразделением для обороны штаба и поспешно сформированной боевой группой из состава 15-й дивизии. Бросив в бой эти силы, он попытался срезать выступ, образованный австралийцами у Тель-эль-Эйса, атакой с юга, но артиллерийский огонь из Эль-Аламейна был слишком силен и не дал возможности достичь поставленной цели.

11 июля австралийцы возобновили свои атаки южнее прибрежного шоссе; они нанесли жестокие потери дивизии «Триесте» и были остановлены только сосредоточенным огнем нашей армейской артиллерии. Самой характерной чертой нового сражения было то, что итальянские войска не могли больше удерживать свои позиции.

12 июля австралийцы приостановили свои атаки; по-видимому, они закреплялись на занятой местности. Роммель перевел на северный участок 21-ю дивизию, решив 13 июля начать наступление непосредственно на опорный пункт Эль-Аламейн, захватить эту важнейшую позицию и отрезать австралийцев у Тель-эль-Эйса[145]. Это была бы настоящая победа, которая могла бы даже открыть путь к Нилу. Как говорит сам Роммель, «наступление должно было поддерживаться всеми орудиями и всеми самолетами, какие мы только могли собрать»[146].

21-я дивизия в полдень 13 июля атаковала опорный пункт Эль-Аламейн при мощной поддержке пикирующих бомбардировщиков и под прикрытием огня всей армейской артиллерии. К несчастью, пехота 21-й дивизии развернулась для атаки слишком далеко от переднего края; в результате эффект бомбардировки не был немедленно использован, и атакующие войска были остановлены артиллерией и пулеметами обороняющихся, не успев даже преодолеть проволочные заграждения. Авиации было приказано возобновить атаки, сосредоточив их на этот раз на артиллерийских позициях противника, а танки двинулись вперед, открыв огонь по бетонированным сооружениям опорного пункта. Однако все наши атаки потерпели неудачу из-за упорного сопротивления 3-й южноафриканской бригады[147].

14 июля Роммель переместил 21-ю дивизию дальше на запад; он приказал ей снова начать наступление, на этот раз на позиции австралийцев юго-восточнее Тель-эль-Эйса, и прорваться к морю. Вечером, используя ослеплявшее противника солнце, 21-я дивизия начала наступление под прикрытием мощной воздушной бомбардировки. И опять пехота поднялась в атаку слишком поздно, так что парализующее действие бомбардировки не было использовано. Тем не менее мы достигли прибрежной железной

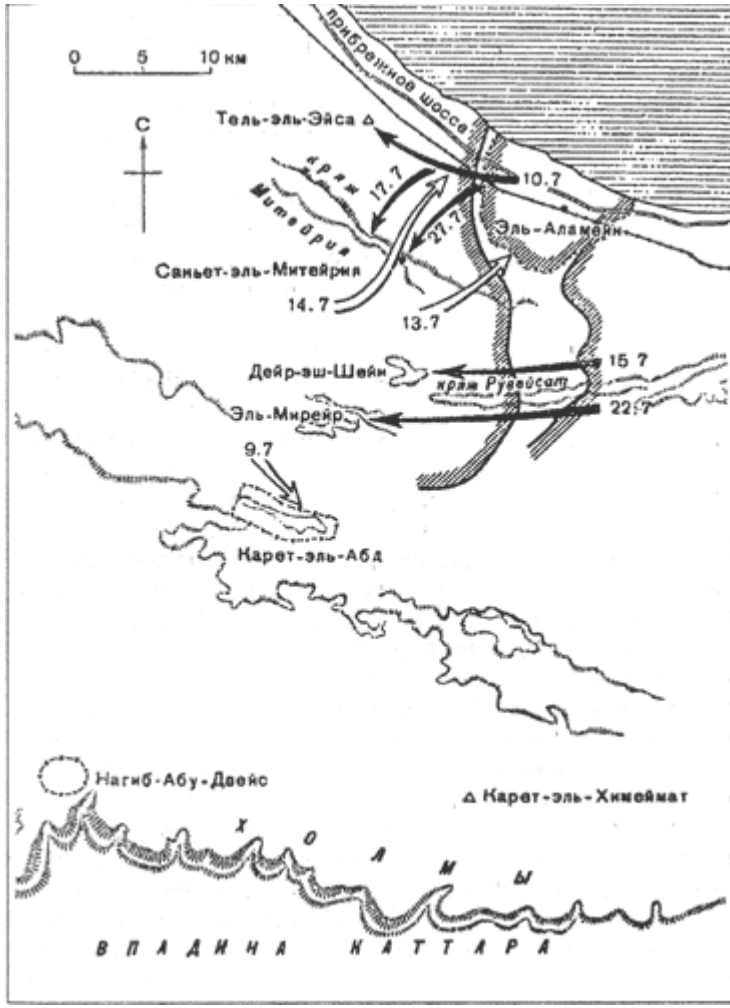
дороги и могли бы сделать еще больше, если бы не беспокоящий фланговый огонь из опорного пункта Эль-Аламейн. Бой продолжался еще долго после наступления темноты, и австралийская пехота показала, что она является тем же грозным противником, с которым мы встретились во время первой осады Тобрука.

Роммель намечал возобновить наступление на следующий день 15 июля, но 2-я новозеландская дивизия и 5-я индийская бригада ночью атаковали дивизию «Брешиа» на кряже Рувейсат и глубоко вклинились в ее расположение. Противник достиг опорного пункта Дейр-эш-Шейн и угрожал нарушить всю нашу линию обороны. Однако он не сумел развить свой успех, и вечером 15 июля 15-я дивизия с 3-м и 33-м разведотрядами предприняла решительную контратаку и захватила более 1200 пленных. Но и итальянцы потеряли 2 тыс. пленных, 12 драгоценных 88-мм пушек попали в руки новозеландцев. К тому же противник удержал важную позицию на кряже Рувейсат.

16 июля австралийцы возобновили свои атаки с выступа у Тель-эль-Эйса; они разбили остатки итальянской дивизии «Сабрата», но были остановлены 382-м немецким пехотным полком и сосредоточенным огнем всей наличной артиллерии. На рассвете 17 июля австралийцы вновь атаковали при сильной танковой поддержке в направлении кряжа Митейрия. Они прорвали фронт дивизий «Триесте» и «Тренто» и были остановлены лишь немецкими частями, переброшенными с центрального участка. Во второй половине дня были предприняты сильные контратаки при поддержке авиации; австралийцы были оттеснены назад, потеряв несколько сот пленными.

Сражение перерастало в борьбу на истощение, и, несмотря на тяжелые потери, нанесенные 8-й армии, наша танковая армия находилась в критическом положении. Только бросая в бой последние резервы, нам удавалось удерживать фронт; итальянские части буквально разваливались, и все бремя боев выносили на себе крайне усталые немецкие дивизии. Мы были вынуждены ввести немецкие части в полосы итальянских дивизий, чтобы придать их обороне необходимую прочность, и всеми средствами пытались усовершенствовать свои минные поля и оборонительные сооружения. В английских правящих кругах критиковали Окинлека за его настойчивые атаки в июле 1942 года, но надо сказать, что он несколько раз был очень близок к успеху.

Схема 24



Сражение у Эль-Аламейна в июле 1942 г.

Между 18 и 21 июля действия 8-й армии ограничивались поисками разведчиков и ведением беспокоящего огня, и мы использовали эту передышку для усиления своих позиций. 17 июля нас посетили Кессельринг и Каваллеро, и Роммель указал на то, что мы находимся на краю гибели и не сможем удержать свои позиции, если для разрешения проблемы снабжения ничего не будет предпринято.

Окинлек готовился к заключительному наступлению: на этот раз он намеревался захватить кряж Рувейсат в сочетании с ударами 9-й австралийской дивизии из Тель-эль-Эйса и 1-й южноафриканской дивизии в направлении кряжа Митейрия. В ночь с 21 на 22 июля 161-я индийская бригада и 6-я новозеландская бригада начали наступление на кряж Рувейсат и на Эль-Мирейр. Оно быстро увенчалось успехом, и утром 22 июля

после ожесточенного боя новозеландцы достигли впадины Эль-Мирейр. Английские танки должны были поддерживать 6-ю новозеландскую бригаду, но не прибыли вовремя; 15-я танковая дивизия контратаковала и взяла несколько сот пленных. Тогда двинулась вперед 23-я английская бронетанковая бригада, только что прибывшая из Англии, — это была, как впоследствии писали, «настоящая балаклавская атака»[148]. Танки шли под ураганным огнем противотанковых орудий, попали на минное поле и были разгромлены контратакой 21-й дивизии. Батальону 16-й индийской бригады удалось ворваться в Дейр-эш-Шейн, но и он был уничтожен контратакой. Таким образом, наступление англичан в центре закончилось катастрофой: вследствие полного отсутствия взаимодействия и управления они потеряли значительно больше сотни танков и 1400 человек пленными.

На северном участке фронта австралийцы и южноафриканцы немного продвинулись, но им не удалось осуществить сколько-нибудь значительного прорыва. Хотя мы понесли тяжелые потери, особенно среди немецкой пехоты, результат боев 22 июля был для нас весьма благоприятным и возродил надежду на то, что мы сумеем продержаться под Эль-Аламейном.

В течение 23–26 июля на фронте снова было затишье, но в ночь с 26 на 27 июля австралийцы энергично атаковали из Тель-эль-Эйса и захватили Саньет-эль-Митейрия. Согласно плану, южноафриканцы должны были южнее этого пункта проделать проходы в своем минном поле для 69-й английской пехотной бригады и 1-й бронетанковой дивизии. 69-я бригада глубоко вклинилась в наши позиции, но, к счастью для нас, командир 1-й бронетанковой дивизии[149] заявил, что проходы, проделанные южноафриканцами, слишком узки, и, пока не будут расширены, он не поведет через них свои танки. Таким образом, 69-я пехотная бригада осталась без поддержки и понесла огромные потери при контратаке боевой группы Африканского корпуса, поддержанной 200-м пехотным полком. Австралийцы также были контратакованы и оттеснены на свои исходные позиции с тяжелыми потерями.

Теперь бои у Эль-Аламейна прекратились: обе стороны были истощены, и ни одна из них не могла рассчитывать на решающий успех без существенных подкреплений. Танковой армии не удалось выйти к Нилу, но 15, 22 и 27 июля мы одержали важные победы в оборонительных боях, и потери у нас были гораздо меньше, чем у противника.

Сражение у Алам-Хальфы

В августе 1942 года командование немецко-итальянской танковой армией стояло перед необходимостью принять то или иное ответственное решение относительно дальнейших действий. Как удачно отметил Роммель, «большая летняя кампания закончилась опасным затишьем»[150]. Наше присутствие у Эль-Аламейна заставляло англо-американскую военную машину работать полным ходом: по Красному морю и Суэцкому каналу шел конвой за конвоем, и было ясно, что противник далеко опередил нас в создании запасов. Больше того, эти конвои были лишь началом огромного потока войск и военных материалов, направляемых на Средний Восток, и к середине сентября 8-я армия могла начать наступление подавляющими силами.

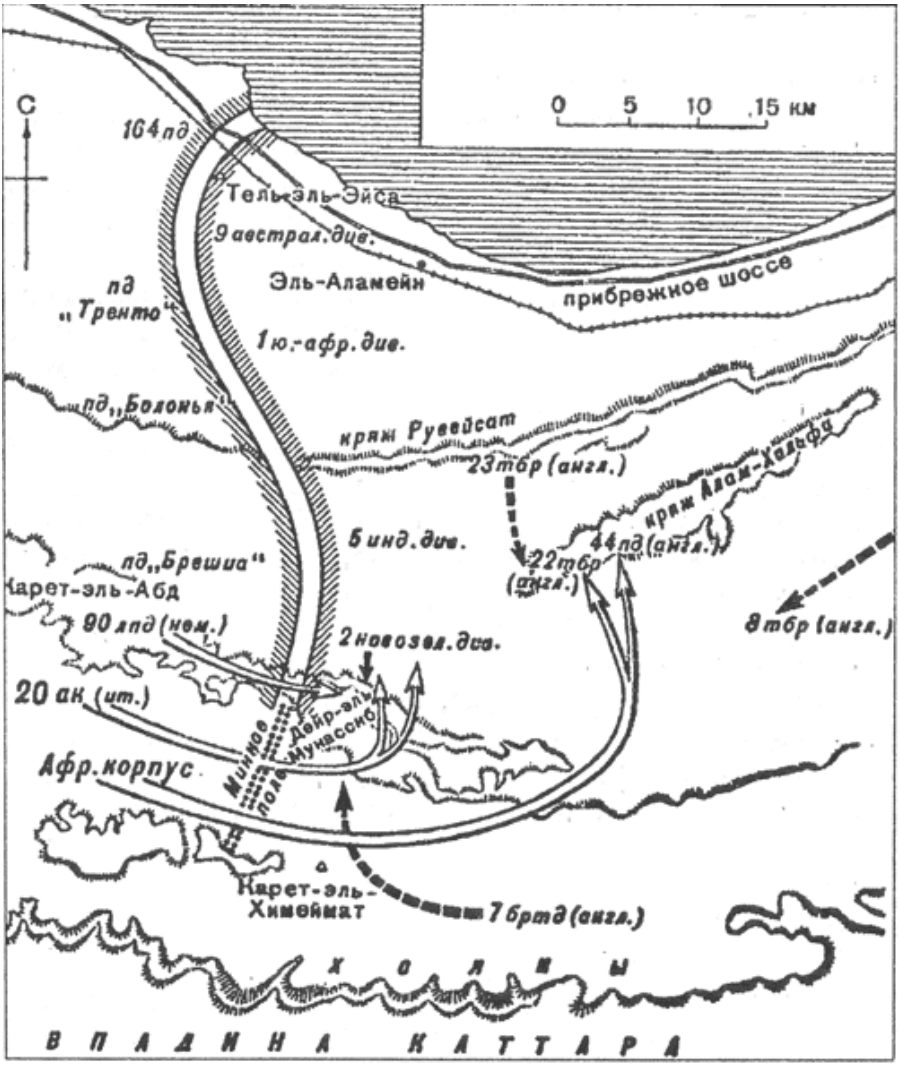
Состояние снабжения наших войск вызывало серьезное беспокойство. Мальта успешно восстанавливала свою мощь, и мы расплачивались теперь за то, что не сумели вовремя ее захватить. Внушали тревогу увеличение радиуса действия и рост численности английских бомбардировщиков дальнего действия; они атаковали суда в портах Киренаики и мешали сообщению вдоль побережья в направлении Бардии и Мерса-Матрух. В результате сильной бомбардировки Тобрука 8 августа его портовые сооружения были надолго выведены из строя. Бенгази и даже Тобрук отстояли очень далеко от фронта, и длинный путь подвоза между портами снабжения и Эль-Аламейном заставлял наш транспорт работать с невероятным напряжением. Из-за недостатка локомотивов мы могли лишь в ограниченной степени использовать железную дорогу между Тобруком и Эль-Дабъа, но и тут английские бомбардировщики находили заманчивые для них цели. Правда, мы захватили огромные склады в Киренаике и Египте, но и они не могли больше обеспечивать нас горючим и боеприпасами. В свете этих факторов в сочетании с некомпетентностью или вредительством итальянских ответственных лиц, ведающих наземным и морским транспортом, стало ясно, что мы не можем больше оставаться в неопределенном положении под Эль-Аламейном.

Штаб танковой армии внимательно изучил этот вопрос и подготовил подробный доклад командующему: Возможным решением было отвести все немоторизованные соединения в Ливию, оставив на фронте только танковые и моторизованные дивизии. Англичане имели преимущество в позиционной войне, тогда как Роммель доказал свое превосходство в искусстве маневра. Раз мы не были привязаны к определенной местности, можно было рассчитывать, что нам удастся в течение длительного времени не допускать вторжения англичан в Киренаику. Но Гитлер никогда не согласился бы с решением, связанным с

территориальными потерями, поэтому не оставалось иного выхода, как пытаться идти вперед к Нилу, поскольку мы еще были в силах осуществить такую попытку.

Такова была обстановка перед сражением у Алам-Хальфы — поворотным пунктом войны в пустыне и первым в длинном ряду поражений на всех фронтах, предвещавших крушение Германии. Я должен подчеркнуть, что, трезво оценивая военную обстановку, штаб танковой армии не надеялся, что нам удастся прорваться к Нилу, и еще до начала наступления мы указывали Роммелю, что превосходство англичан в танках выражается соотношением 3:1, а в авиации — 5:1. Позднейшие сведения показали, что мы преувеличивали превосходство англичан в танках — в танковой армии было 229 немецких и 243 итальянских танка против примерно 700 английских, но превосходство англичан в авиации не подлежало сомнению, и нельзя было возражать против нашего довода о том, что у нас не хватило бы горючего для крупного сражения. Артиллерии у англичан было значительно больше, а фронт 8-й армии был теперь хорошо прикрыт минными полями. Это означало, что мы не можем рассчитывать на успех, если нанесем фронтальный удар, а недостаток горючего являлся роковым препятствием для всякой попытки обойти с фланга 8-ю армию[151].

Схема 25



Сражение у Алам-Хальфы

На Роммеля произвели впечатление доводы его штаба, и он серьезно задумывался над тем, чтобы отказаться от наступления. Но в конце концов он поверил заверениям Кессельринга, что тот сможет доставлять по воздуху примерно 325 т бензина в день; кроме того, мы рассчитывали на прибытие в Тобрук в конце августа крупного танкера. Кессельринг действительно выполнил свое обещание, но большая часть горючего была израсходована во время длительного пути к фронту, а потопление драгоценного танкера подводной лодкой против Тобрукской бухты 31 августа убило всякую надежду на успешный исход сражения. Мы были вынуждены начать наступление в ночь с 30 на 31 августа, чтобы воспользоваться полнолунием. Всякая дальнейшая задержка

означала бы отсрочку на три недели, о чем в данных условиях не могло быть и речи.

В августе мы услышали о важных переменах в командовании английских войск. Генерал Александер заменил Окинлека, а генерал Монтгомери принял командование 8-й армией. Не подлежит сомнению, что под новым руководством боеспособность англичан значительно повысилась, а 8-я армия впервые получила командующего, который заставил войска почувствовать твердую руку.

Окинлек был прекрасным стратегом и обладал многими качествами выдающегося полководца, но он, по-видимому, обнаружил несостоятельность в тактических вопросах, а быть может, в способности заставить своих подчиненных исполнять его приказы. Он спас 8-ю армию в операции «Крузейдер» и вторично спас ее в начале июля; однако его последующие наступательные действия в том же месяце обходились британским войскам слишком дорого, не имели успеха и с тактической точки зрения были чрезвычайно беспорядочными. Я не могу сказать, в какой мере в этом был повинен Окинлек или его командиры корпусов — Рэмсден и Готг. Но, в свете июльских боев, я думаю, что Черчилль поступил разумно, заменив Окинлека[152].

Монтгомери является, несомненно, крупным тактиком, осмотрительным и старательным в разработке своих планов, совершенно безжалостным, когда речь идет об их выполнении. Он внес новый дух в 8-ю армию и лишний раз доказал огромную важность фактора личного руководства в войне.

Поскольку мы не могли прорвать фронта 8-й армии, приходилось искать пути для обхода, и Роммель решил действовать примерно так же, как и под Эль-Газалой. Итальянская пехота, усиленная 164-й пехотной дивизией и другими немецкими частями, должна была удерживать фронт от моря до пункта в пятнадцати километрах южнее кряжа Рувейсат; ударная группа в составе 90-й легкопехотной дивизии (на левом фланге), итальянского танкового корпуса и Африканского корпуса должна была обойти левый фланг англичан и продвигаться к кряжу Алам-Хальфа — ключевой позиции в тылу 8-й армии, захват которой решал судьбу сражения. В случае успеха 21-я дивизия должна была наступать на Александрию, а 15-я и 90-я дивизии — двигаться к Каиру.

Наступление началось в ночь с 30 на 31 августа. Вестфаль в то время уже вернулся из отпуска по болезни и приступил к своим обязанностям первого офицера штаба. Роммель взял Вестфаля с собой на командный пункт; я остался во втором эшелоне штаба около Сиди-Абд-эр-Рахман и поэтому могу

говорить о ходе сражения только на основании различных источников.

Чтобы обогнуть фронт 8-й армии южнее Карет-эль-Абд, необходимо было проникнуть через плотный минный пояс, который англичане создали вплоть до впадины Каттара. С самого начала наступления встретились трудности, так как минные поля оказались намного более совершенными, чем мы представляли, а английские прикрывающие подразделения нанесли большие потери группам разминирования. Это расстроило все наши планы, а Монтгомери получил достаточно времени для перегруппировки своих войск. Английская авиация бомбила проходы в минных полях; генерал Неринг, командир Африканского корпуса, был ранен во время воздушного налета, а генерал фон Бисмарк, талантливый командир 21-й дивизии, был убит при минометном обстреле. На рассвете 31 августа Африканский корпус все еще блуждал на минных полях, тогда как по расчетам Роммеля он уже должен был продвигаться на север к кряжу Алам-Хальфа.

Одно время Роммель начал было склоняться к тому, чтобы прекратить наступление, но когда Африканский корпус под решительным руководством Байерлейна преодолел минные поля и значительно продвинулся к востоку, он решил продолжать его. Весь день бушевала сильная песчаная буря, и хотя она затрудняла движение, но в то же время сильно препятствовала действиям английских бомбардировщиков. По пути к Алам-Хальфе Африканский корпус встретил очень зыбкие пески, что вызвало дальнейшую задержку и большой расход горючего. В своей книге «Operation Victory» (p. 148) генерал де Гинган рассказывает, как на ничейной земле английская разведка подсунула нам фальшивую карту местности; я могу подтвердить, что эта карта была принята за достоверную и выполнила свое назначение, заставив Африканский корпус пойти по неправильному пути[153].

Лишь к вечеру 31 августа Африканский корпус смог начать атаку Алам-Хальфы. Кряж обороняли 44-я пехотная дивизия и 22-я бронетанковая бригада; ее тяжелые танки «Грант» были вкопаны в землю и поддерживались мощным артиллерийским огнем. Африканский корпус предпринял решительную атаку при поддержке пикирующих бомбардировщиков; впереди шли новые танки T-IV. Их 75-мм пушки с большой начальной скоростью снаряда нанесли значительные потери английским танкам, но оборона была слишком сильна, и атака успеха не имела.

Транспортные автоколонны на пути через минные поля подвергались весьма чувствительным атакам 7-й бронетанковой дивизии с юга и востока, а в ночь с 31 августа на 1 сентября

биваки Африканского корпуса подверглись сильной бомбардировке. К утру 1 сентября осталось так мало горючего, что Роммелю пришлось атаковать Алам-Хальфу только одной 15-й танковой дивизией. Было ясно, что фронтальная атака имеет мало шансов на успех, а при других обстоятельствах Роммель, конечно, повернул бы к востоку и постарался при помощи маневра принудить англичан оставить свои позиции. Однако недостаток горючего исключал всякую подобную попытку.

Монтгомери сосредоточил у Алам-Хальфы 10-ю бронетанковую дивизию и имел в этом важном районе до 400 танков. Атака 15-й дивизии потерпела неудачу, английская артиллерия непрерывно била по Африканскому корпусу, а непрекращающиеся налеты авиации вызывали очень серьезные потери. Горючее было на исходе, а танковая дивизия без горючего немногим лучше груды металлического лома. Вопрос о захвате Алам-Хальфы и прорыве к берегу отпал, само существование Африканского корпуса было под угрозой. Весь день 1 сентября танки стояли неподвижно, не в состоянии ни наступать, ни отступать, подвергаясь непрерывному артиллерийскому обстрелу и воздушным бомбардировкам.

Утром 2 сентября Роммель решил начать отход, но недостаток горючего не позволил в течение дня отвести большее количество частей, и Африканскому корпусу пришлось оставаться на месте под непрекращающимися ударами бомб и снарядов. Обстоятельства были чрезвычайно благоприятными для контрудара англичан, но Монтгомери не предпринял никаких шагов, если не считать беспокоящих действий 7-й бронетанковой дивизии к северу и западу от Карет-эль-Химеймат.

3 сентября ударная группа Роммеля полным ходом отходила к западу: мы оставили 50 танков, 50 полевых и противотанковых орудий и около 400 поврежденных автомашин. Ночью новозеландская дивизия атаковала в южном направлении на Дейр-эль-Мунассиб, но после упорного боя была остановлена. К 6 сентября сражение закончилось; единственным утешением было то, что мы продолжали удерживать имеющие большое значение английские минные поля на южном участке фронта.

8-я армия имела все основания радоваться этой победе, уничтожившей нашу последнюю надежду достигнуть Нила и показавшей, что англичане значительно усовершенствовали свою тактику. Руководство сражением со стороны Монтгомери характеризуется весьма умелыми, хотя и чересчур осторожными действиями, которые следуют лучшим традициям английского военного искусства и во многом напоминают некоторые победы Веллингтона. Не подлежит сомнению, что он сознательно не

использовал блестящую возможность отрезать и уничтожить Африканский корпус, когда тот 1 и 2 сентября был не в состоянии двигаться. Монтгомери оправдывается ссылкой на общую обстановку и необходимость подготовки широкого наступления и замечает: «Уровень подготовки соединений 8-й армии был таков, что я не считал возможным опрометчиво бросить их на врага»[154]. Несомненно, это убедительные доводы, но чувствуется, что репутация Роммеля и его общепризнанное мастерство в нанесении контрударов имеют прямое отношение к проявленной Монтгомери осторожности.

Война в пустыне

Четыре месяца я болел тяжелой формой амебной дизентерии.

К началу сентября в штабе Роммеля без меня уже могли обойтись, и наш врач настойчиво рекомендовал мне улететь в Германию. Вестфаль, которого я замещал в должности первого офицера штаба с июня 1942 года, теперь вернулся, а кроме того, был назначен новый третий офицер штаба майор Цоллинг, уже два месяца занимавший эту должность.

Все же мне было трудно расставаться с Северной Африкой и с теми, с кем я делил невзгоды тяжелых, протекавших с переменным успехом сражений в пустыне, особенно с тех пор, как я понял, что положение немецко-итальянской танковой армии после нашего последнего усилия в конце августа стало, по существу, безнадежным.

9 сентября, когда я доложил Роммелю о сдаче должности, он вручил мне доклад для ОКХ (главного командования сухопутных сил), который я должен был вручить лично начальнику генерального штаба. В этом докладе он отмечал катастрофическое состояние снабжения танковой армии и настойчиво просил помощи. Документ заканчивался следующими словами:

«Если танковой армии не будут доставлены абсолютно необходимые предметы снабжения, она не сможет сопротивляться объединенным силам США и Британской империи, то есть силам двух мировых держав. Несмотря на свою отвагу, танковой армии рано или поздно придется разделить судьбу защитников Хальфайи».

В самом деле, на данном этапе единственным выходом из положения было, ведя маневренную оборону, отвести основную массу наших войск в Ливию. Отказ от подобных действий обрек танковую армию на гибель, подобно тому как такая же позиция решила судьбу 6-й армии Паулюса под Сталинградом[155].

Бесполезно гадать о том, что могло бы быть, если бы Роммель был в Африке, когда в октябре Монтгомери начал свое наступление. Роммель в это время был в отпуске по болезни; он тут же вылетел в Африку, но, прибыв на место, обнаружил, что положение является очень опасным, а резервы частично уже израсходованы. Принимая во внимание большое превосходство в силах, которое имел Монтгомери, и его твердую решимость победить во что бы то ни стало, я не вижу, как можно было избегнуть поражения.

В заключение я хотел бы сделать несколько замечаний о характере военных действий в пустыне.

Во-первых, что касается наших итальянских союзников, то я не разделяю взгляда тех, кто презрительно отзывается об итальянских солдатах, не давая себе труда подумать о неблагоприятных условиях, в которых им приходилось действовать. Вооружение итальянской армии далеко не отвечало современным требованиям; танки были слишком легкими и очень ненадежными с технической точки зрения. Дальность стрельбы большинства итальянских орудий не превышала 8 км, тогда как дальность действительного огня английских систем составляла от 8 до 25 км. Итальянские радиостанции совершенно не соответствовали условиям маневренной войны и не могли работать во время движения. Паек был недостаточным, не было полевых кухонь и существовало резкое различие в питании офицеров и солдат. Уровень подготовки и боевые качества младших офицеров были очень низкими, и тесной связи с солдатами офицеры не имели. Однако старшие командиры и штабные офицеры отличались довольно хорошей подготовкой и в общем справлялись со своими задачами.

Во время кампании в Северной Африке итальянские войска не раз доказывали свою отвагу и мужество; особенно это относится к тем, кто пришел из старых кавалерийских полков, а также к авиационным частям. Но, хотя они могли наступать с большим порывом, им не хватало хладнокровия и спокойствия, требующихся в критических обстоятельствах, и, вообще говоря, боевые качества итальянских соединений и 8-й армии не поддаются сравнению.

Дивизии 8-й армии, будь то английские, индийские, новозеландские, южноафриканские или австралийские, были совершенно иными — стойкими, обладавшими высоким боевым духом войсками. Особенно хороша была Группа дальнего действия в пустыне. За время моей службы в Африке я много раз имел возможность наблюдать невозмутимое хладнокровие англичан в любой боевой обстановке.

Я не намерен обсуждать здесь вопросы руководства операциями со стороны английского командования; англичане совершили много серьезных ошибок и потерпели ряд тяжелых поражений, которых они могли бы избежать. Даже лучшие их генералы не умели действовать так смело и гибко, как Роммель, и я не думаю, чтобы англичанам когда-либо удалось разрешить задачу ведения маневренной войны в открытой пустыне. В общем для английского метода ведения боевых действий характерны медлительность, отсутствие гибкости и методичность; англичане рассчитывают на свою морскую мощь и огромные ресурсы своей империи и доминионов. Весьма вероятно, что старшие офицеры английских военно-воздушных сил более инициативны и предприимчивы, чем офицеры армии, и, между прочим, могу отметить, что английский Средиземноморский флот дал ряд талантливых офицеров.

Бои в Северной Африке были тяжелыми для обеих сторон, но они велись честно. С военнопленными обращались хорошо, и у противников развивалось чувство взаимного уважения. Это чувство объединяет ветеранов войны в пустыне, независимо от того, на какой стороне они сражались, и мне много раз приходилось в этом убеждаться, когда я беседовал в Южно-Африканском Союзе с нашими бывшими противниками.

Одним из замечательных примеров рыцарского духа, который развивали и укрепляли сражения в Западной пустыне, является речь Уинстона Черчилля в палате общин 27 января 1942 года, когда он сказал о Роммеле: «Мы имеем перед собой очень смелого и искусного противника и — да будет мне позволено сказать, несмотря на угар войны, — выдающегося полководца». В своих мемуарах он пишет:

«Мое упоминание о Роммеле сошло в тот момент благополучно, но впоследствии я узнал, что некоторых оно покоробило. Они просто не представляли себе, как может быть какое-нибудь положительное качество у вражеского полководца. Эта предвзятость является хорошо известной чертой человеческой натуры, но она противоречит тому духу, благодаря которому выигрываются войны и устанавливается прочный мир».

Часть третья
Россия

Глава X
Знакомство с Россией

Октябрь и часть ноября 1942 года я пролежал в госпитале в Гармише (Баварские Альпы), стараясь отделаться от амебной дизентерии, которой заболел в Африке. Несомненно, это самая неприятная болезнь тех мест, она быстро может закончиться смертельным исходом. К счастью, Германский тропический институт располагал прекрасными средствами борьбы с отвратительными маленькими созданиями. Эти радикальные средства, а также самостоятельное «лечение» зимой 1942/43 года в России (при помощи частых и полезных для здоровья порций водки) позволили мне вскоре вновь почувствовать себя бодрым и здоровым.

В Западной пустыне я находился почти пятнадцать месяцев, и недели, проведенные в Баварских Альпах, были для меня раем. Здесь нас даже не беспокоила английская авиация, и вскоре мы почти забыли, как напряженно всматривались на фронте в африканское небо. На переднем крае и вблизи него каждый из нас был вынужден все время следить за воздухом, готовый одним прыжком укрыться в убежище при появлении вражеского самолета. Такой пристально устремленный в небо взгляд солдаты иронически называли «der deutsche Blick» по аналогии с «der deutsche Grub»[156].

Во время пребывания в госпитале с его спокойной и размеренной жизнью я вел долгие беседы с теми, кто сражался в России ужасной зимой 1941/42 года. Такая исключительно суровая зима явилась для немецких армий неожиданностью. Верховное командование рассчитывало на победоносное завершение войны в России к концу осени, поэтому заранее не было проведено какой-либо специальной подготовки для обеспечения действий войск в трудных условиях русской зимы, даже и не с такими жестокими морозами, как в 1941/42 году. Мне довелось также разговаривать с офицером, который за несколько недель до этого был ранен на Кавказе. Сначала казалось, что наше наступление на нефтяные районы развивается успешно, но затем оно было остановлено в горах. Радио передавало сообщения и об ожесточенных боях под Сталинградом, но и там немецким войскам не удавалось достигнуть успеха.

Сталинград и Эль-Аламейн — эти два слова говорят о тех огромных территориальных завоеваниях, которых добились немецкие армии за три года боевых действий. Несколько недель

назад я наблюдал за тем, как Роммель изучал военные карты, на которых были нанесены предполагаемые места переправ через Нил и Суэцкий канал. Составлялись планы решительных действий по завоеванию Среднего Востока: войска фон Клейста наступали на Кавказ, откуда они должны были двинуться в Персию. В Африке нас задержали у Эль-Аламейна — в начале сентября наше последнее наступление потерпело полную неудачу. Трезвая оценка обстановки, сложившейся в этом районе, приводила к выводу о возрастающей силе 8-й английской армии, и это означало, что рано или поздно мы потеряем Северную Африку. Слушая передаваемые по радио сообщения с фронта, я всегда мысленно переносился к своим товарищам в пустыне, которых я вынужден был покинуть несколько недель тому назад. С болью в сердце следил я за развитием наступления Монтгомери. Третьего ноября ему удалось прорвать нашу оборону под Эль-Аламейном, а 8 ноября американские и английские войска высадились в Марокко и Алжире. Обстановка стала катастрофической — немецкие и итальянские войска в Северной Африке были обречены.

После этого в конце ноября пришло страшное известие о том, что севернее и южнее Сталинграда русские прорвали фронт немецких и румынских войск. Это означало, что 6-я немецкая армия была окружена в районе Сталинграда, что мощное наступление 1942 года прекратилось и что над всем нашим фронтом на юге России нависла очень серьезная опасность.

Действия танков на Востоке

В последующих главах я буду касаться некоторых наиболее печальных событий в истории германского оружия: жестоких и кровопролитных сражений на истощение, отчаянных контрударов и длительных трагических отступлений. Эти боевые действия заслуживают тщательного изучения, так как, помимо их исторического интереса, они показывают, в чем сила русского солдата, а также помогают понять преимущества и недостатки военной машины русских. Однако, прежде чем перейти к анализу мрачных и тяжелых сражений 1943–1945 годов, я считаю целесообразным остановиться на некоторых особенностях наступательных действий немецких танковых войск в те дни, когда мы еще обладали высокой наступательной мощью.

Я не буду подробно рассматривать боевые действия 1941 года, поскольку они были с достаточной полнотой описаны в книге генерала Гудериана «Воспоминания солдата»[157]. Вообще говоря, наши наступательные операции 1941 года подтверждают

справедливость замечания Жомини относительно вторжения Наполеона: «Россия — страна, в которую легко проникнуть, но из которой трудно вернуться». В первые недели вторжения казалось, что стремительно наступающие немецкие войска все сметут на своем пути. В начале войны авиация русских, технически значительно уступавшая нашей, была подавлена германскими военно-воздушными силами, а танковые дивизии все дальше и дальше продвигались в глубь России. Для нас всегда останется открытым вопрос о том, могли ли мы добиться победы в критический 1941 год, если бы стратегия Гитлера была иной. Удар на Москву, сторонником которого был Гудериан и от которого мы в августе временно отказались, решив сначала захватить Украину, возможно, принес бы решающий успех, если бы его всегда рассматривали как главный удар, определяющий исход всей войны. Россия оказалась бы пораженной в самое сердце, ибо обстановка в 1941 году значительно отличалась от той, которая была в 1812 году. Москва уже не являлась столицей по существу бесформенного государства, стоящего на низкой ступени развития, а представляла собой звено административной машины Сталина, важный промышленный район, а также — что имело, пожалуй, решающее значение — была центром всей железнодорожной системы европейской части России.

Однако не следует забывать, что хотя германские вооруженные силы имели значительное качественное превосходство и располагали господством в воздухе, они все же испытывали большие трудности. Самым серьезным препятствием для нашего продвижения оказалась слаборазвитая дорожная сеть. По этому поводу у Лиддел Гарта есть заслуживающее внимания высказывание:

«Если бы за годы советской власти в России была создана примерно такая же дорожная сеть, какой располагают западные державы, то эта страна, возможно, была бы быстро завоевана. Плохие дороги задержали продвижение немецких механизированных войск.

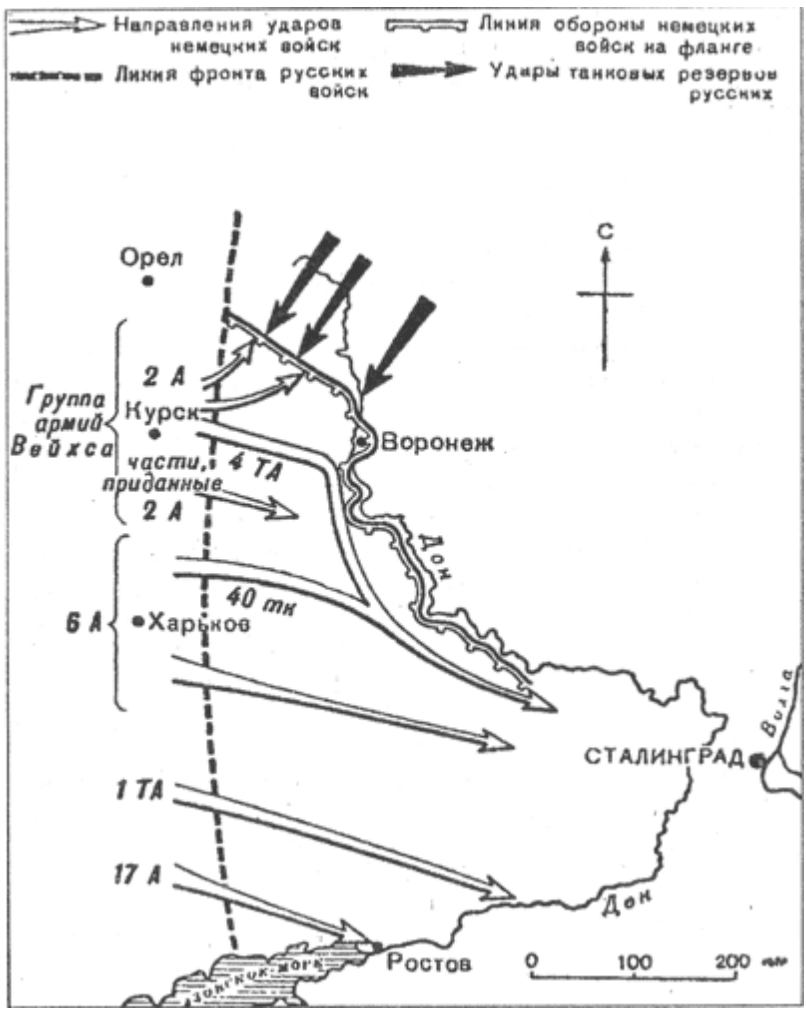
Но в этом есть и другая сторона: немцы упустили победу потому, что они основывали свою мобильность на использовании колесного, а не гусеничного транспорта. Колесные машины застревали в грязи, а танки могли продолжать движение. Несмотря на плохие дороги, танковые части с гусеничным транспортом могли бы овладеть жизненно важными центрами России задолго до наступления осени»[158].

Вторым фактором явились высокие качества русских танков. В 1941 году ни один из наших танков не мог сравниться с Т-34, имевшим 50-мм броню, 76-мм пушку с большой начальной

скоростью снаряда и обладавшим довольно высокой скоростью при прекрасной проходимости[159]. Эти танки не использовались в больших количествах до тех пор, пока наши передовые части не стали приближаться к Москве; здесь Т-34 сыграли большую роль в спасении русской столицы.

Гудериан описывает, как 11 октября 1941 года его 24-й танковый корпус подвергся ожесточенной контратаке северо-восточнее Орла, и отмечает: «Множество русских танков Т-34 приняли участие в бою и нанесли тяжелые потери немецким танкам. Качественное превосходство, которое мы имели до сих пор, отныне перешло к противнику»[160]. В результате доклада Гудериана были приняты меры, направленные на ускорение выпуска модернизированных образцов танков Т-III и Т-IV, а также на то, чтобы усилить броневую защиту существующих танков этих типов[161].

Схема 26



Наступление южного крыла немецких войск (лето 1942 г.).

Говоря о нашем летнем наступлении 1942 года, я считаю целесообразным остановиться на прорыве немецкими войсками русской обороны на юге с выходом на рубеж реки Дон, так как это дает возможность хорошо показать основные принципы, которыми мы руководствовались в боевом использовании танковых войск, и причины, позволившие нам достичь крупных тактических успехов. Немецкое наступление на юге России в июне и июле 1942 года еще раз подчеркивает большое значение маневра и убедительно доказывает, насколько прав Гудериан, заявляющий, что «двигатель танка не менее важное оружие, чем его пушка».

Во время этого наступления наши танки поддерживались господствующей в воздухе авиацией, однако надо заметить, что на восточном театре военных действий эта поддержка не имела такого значения, как во время боев во Франции или Африке. В то время как на Западе в 1940 и 1944–1945 годах огромное влияние на исход танковых боев оказывала авиация, на обширных равнинах России главным средством к достижению победы были танковые армии. Эффективная авиационная поддержка могла быть обеспечена только на отдельных участках и на короткий срок, причем никогда не удавалось добиться такого превосходства в воздухе, каким располагали на Западе немцы в 1940 году и англо-американцы в 1944–1945 годах.

Я вовсе не хочу этим сказать, что поддержка со стороны авиации в условиях России не так уж обязательна; я лишь подчеркиваю, что огромная протяженность фронтов в 1941 и 1942 годах и относительная слабость авиации, участвовавшей в боях, ограничивали эффективность поддержки с воздуха. Опыт боевых действий в России показывает, что чем шире авиация поддерживает и снабжает бронетанковые войска, тем больше их подвижность и реальнее шансы на успех.

На схеме 26 показана линия фронта на юге России в середине 1942 года и направления ударов немецких войск. В летнем наступлении 1942 года наши армии на юге имели своей задачей разгром войск маршала Тимошенко и ликвидацию противника в излучине реки Дон между Ростовом и Воронежем с тем, чтобы создать трамплин для последующего наступления на Сталинград и нефтяные районы Кавказа. Наступление на Сталинград и Кавказ планировалось начать значительно позже, возможно, не раньше 1943 года.

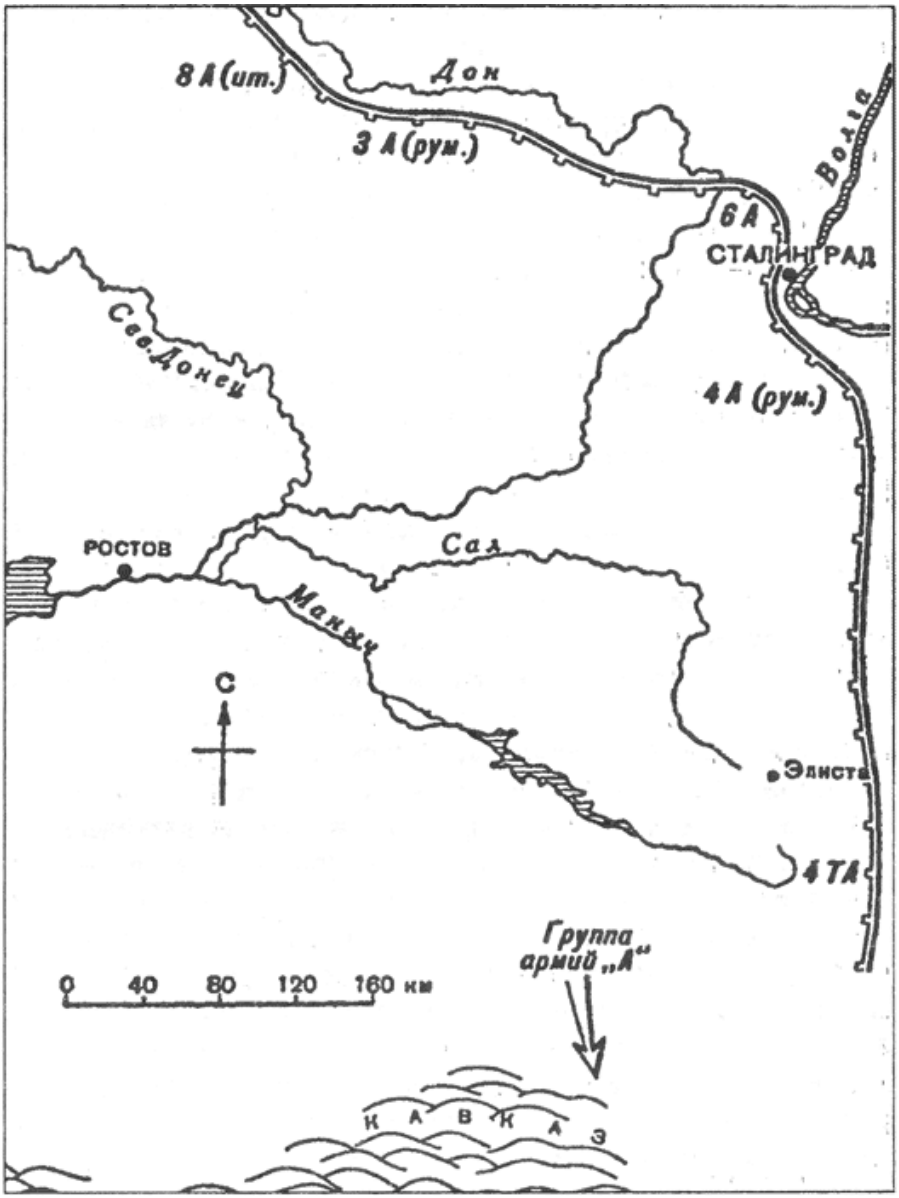
Основная роль в операции первоначально отводилась группе армий Вейхса, включавшей в свой состав три армии, в том числе

4-ю танковую армию. Группе армий Вейхса было приказано прорвать фронт русских на курском направлении. Вслед за этим 4-я танковая армия двумя танковыми корпусами должна была войти в прорыв и достичь Дона у Воронежа. Отсюда она поворачивала вправо и вместе с 40-м танковым корпусом 6-й армии, который переподчинялся на этом этапе командующему 4-й танковой армии, продвигалась вдоль Дона. Предполагалось, что в огромной излучине реки между Воронежем и Ростовом удастся окружить много русских дивизий[162].

Одновременно должны были перейти в наступление полевые армии. В их задачу входило обеспечение флангов и тыла танковых войск; особенно это касалось северного фланга, который оказался бы слишком растянутым и весьма уязвимым. Перед группой армий Вейхса лежала идеальная для танков местность — открытая, с небольшими холмами равнина обеспечивала нашим танкам полную свободу маневра.

Фронт маршала Тимошенко был ослаблен бесплодным майским наступлением южнее Харькова. Кроме того, русское Верховное Главнокомандование рассчитывало, что мы будем наступать на московском направлении, и соответственно с этим расположило свои стратегические резервы. Поэтому наступление немецких войск на участке между Курском и Харьковом, предпринятое 28 июня, было для противника полной неожиданностью. Русский фронт был прорван, и 4-я танковая армия устремилась к Дону.

Схема 27



Сталинградский фронт (осень 1942 г.)

Командующий 4-й танковой армией генерал Гот должен был выйти на Дон в районе Воронежа, а затем повернуть строго на юг. Ему удалось выполнить свою задачу за десять дней, в течение которых его войска с непрерывными боями прошли 190 км. Здесь нет необходимости подробно излагать ход боевых действий, поэтому я буду говорить только об основных факторах, определивших успех Гота. Их можно свести к следующему:

1. Приказ, отданный танковым частям командованием группы

армий Вейхса и группы армий «Юг», был предельно четок и ясен, и в него никогда не вносились ни поправки, ни тем более серьезные изменения. Поспешно подтянутые русскими резервы были сначала смяты танками, а затем разгромлены следовавшими за ними пехотными дивизиями. Командование смело принимало рискованные решения. У генерала Гота ни разу не возникла необходимость уклониться от достижения своей основной цели — выйти к Дону у Воронежа.

2. Немецкая авиация поддерживала только наступающие танковые части.

3. Звенья и эскадрильи воздушной разведки были непосредственно подчинены командованию 4-й танковой армии, что позволяло дивизиям и корпусам своевременно получать предупреждение о появлении в районе боев танковых резервов русских. В танковом бою у Городища, как раз посередине между Курском и Воронежем, передовые танковые части русских были встречены противотанковой артиллерией танкового корпуса и затем уничтожены нашими танками, атаковавшими противника с фланга и с тыла. Поскольку у наших командиров была возможность своевременно «заглянуть» в расположение противника и узнать, что он готовит, они могли организовать засады и отразить одну за другой контратаки противника. Подобно французам в 1940 году, русское командование растерялось и стало вводить в бой резервы по частям, а это было лишь на руку 4-й танковой армии.

4. Все старшие офицеры, в том числе и командиры корпусов, находились в боевых порядках передовых частей. Даже генерал Гот чаще бывал в передовых танковых частях, чем в своем штабе, хотя штаб армии всегда находился близко к фронту. Командиры дивизий двигались с передовыми отрядами в сопровождении бронированных подвижных средств связи, с помощью которых они управляли сложными передвижениями своих войск. Они видели, как развертывается бой, и могли быстро использовать всякий благоприятный момент. Многие офицеры 4-й танковой армии служили раньше в кавалерии и сохранили смелость и порыв, присущие кавалеристам.

Во время наступления 4-й танковой армии к Дону пехота 2-й немецкой армии заняла глубоко эшелонированную оборону на рубеже Воронеж-Орел, которую безуспешно пытались прорвать русские танковые части. Достигнув Воронежа, немецкие танковые дивизии развернулись фронтом на юг. Этот поворот совпал как раз с особенно ожесточенными атаками русских против 2-й армии, и нужно было иметь большое самообладание, чтобы не вернуть назад танки для поддержки пехоты. Один за другим

прибывали и вводились в бой корпуса русских на северном фланге, который был все еще слабо и неравномерно защищен. Но путь на юг был открыт, и командование двух немецких групп армий не захотело отказаться от поставленной цели. Опасения 2-й армии были оставлены без внимания, и все без исключения танковые части получили приказ наступать в южном направлении. Благодаря силе воли и решительности фон Вейхса и его коллеги фельдмаршала Листа была одержана крупная победа. Войска Тимошенко были охвачены с севера, и танкисты Гота устремились вперед на равнине между Северным Донцом и Доном. Жара и пыль изнуряли войска, но ничто не остановило их продвижения. 23 июня пал Ростов, и наше верховное командование объявило о захвате 240 тыс. пленных.

Глубина района боевых действий определялась наличием в тылу противника такой реки, как Дон, преграждавшей немецким войскам путь к бескрайним просторам. Однако авангард 4-й танковой армии сумел форсировать Дон и ворвался в Воронеж 3 июля, что вовсе не совпадало с первоначальным планом. Здесь следует прежде всего сказать, что высшему командованию вовсе не легко сдерживать отчаянно смелых, быстро и решительно действующих командиров, которые мчатся на противника в головных танках. В указанном мною случае командир танковой роты в азарте стремительного преследования ворвался со своими пятнадцатью-двадцатью машинами по захваченному у русских неповрежденному мосту прямо в Воронеж, увлекая следом за собой свой батальон, полк, а в конечном итоге и всю дивизию.

Выход к Дону у Воронежа и последующее развитие успеха в направлении Ростова и излучины Дона показывают, какой наступательной мощью обладали танковые войска при надлежащем управлении. Тактическое превосходство наших танковых дивизий было явным, но использование танков на обширной территории требует также и полководцев, в совершенстве владеющих искусством стратегии. У нас были такие полководцы, но у нас был и Адольф Гитлер.

Действительно, крупные успехи в июне и июле 1942 года были сведены на нет тем, что немецкое верховное командование не сумело проявить стратегической проницательности и развить успех, а кроме того, ему не хватило должной решительности в момент, когда решающие победы были почти в наших руках. Русские понесли огромные потери, их командование находилось в полной растерянности, и было очень важно не дать им возможности привести себя в порядок. Фельдмаршал фон Клейст, командующий 1-й танковой армией, уверяет, что Сталинград можно было взять в июле 1942 года. Он говорил Лиддел Гарту:

«4-я танковая армия наступала… левее моей армии. Она могла бы овладеть Сталинградом без боев в конце июля, но была повернута на юг с целью помочь моим войскам форсировать Дон. Мне не нужна была эта помощь, части 4-й армии лишь забили дороги, по которым двигались мои войска. Когда она спустя две недели вновь повернула на север, русские уже сосредоточили достаточное количество сил под Сталинградом, чтобы приостановить ее продвижение»[163].

После этого случилось одно из самых больших несчастий в истории германской армии — мы рассредоточили свои усилия между Сталинградом и Кавказом. По мнению фон Клейста, он мог бы выполнить поставленную перед ним задачу и овладеть важными нефтяными районами Кавказа, если бы его войска не перебрасывались по частям на помощь нашей 6-й армии под Сталинград. После того как попытка взять Сталинград с ходу окончилась неудачно, лучше было бы оставить у города заслон; Гитлер же, бросив все силы против одного крупного города и начав его осаду, играл тем самым на руку русскому командованию. В уличных боях немцы теряли все свое преимущество в маневре, в то время как недостаточно хорошо обученная, но необычайно стойкая русская пехота могла наносить им большие потери.

Осенью 1942 года Гитлер совершил грубейшую ошибку в руководстве военными действиями — он пренебрег давно известным принципом сосредоточения. Распыление сил между Кавказом и Сталинградом привело к краху всей кампании.

Окружение под Сталинградом

Мы не располагаем достаточным количеством достоверного материала о Сталинградской битве. В книге Пливьера[164] содержатся отдельные яркие и мрачные зарисовки, но она представляет собой главным образом беллетристическое произведение, автор которого не был участником изображаемых событий. К счастью, мне удалось воспользоваться помощью и советами одного старшего офицера, который находился в 6-й армии и прибыл оттуда за несколько дней до капитуляции, — полковника немецкого генерального штаба Г. Р. Дин-глера, служившего в 3-й моторизованной дивизии первым офицером штаба. Полковник Динглер предоставил в мое распоряжение подробное описание боевых действий.

Динглер указывает, что когда немецкие войска подошли к Сталинграду, их силы уже иссякали. Для завершения победы не хватало наступательной мощи, а возместить понесенные потери

не было возможности. Уже одно это обстоятельство не только оправдывало отступление, но и вынуждало его начать. Однако германское командование отказалось от такой идеи, игнорируя уроки истории и опыт предшествовавших войн. Результатом этого явилось полное уничтожение целой армии под Сталинградом.

В этой связи Динглер приводит выдержку из Клаузевица:

«Положение наступающего, находящегося в конце намеченного им себе пути, часто бывает таково, что даже выигранное сражение может побудить его к отступлению, ибо у него нет уже ни необходимого напора, чтобы завершить и использовать победу, ни возможности пополнить понесенные потери»[165].

Это изречение совпадает с замечанием Наполеона по поводу Бородинского сражения 1812 года: «Если бы я довел победу до конца, для достижения других побед у меня не осталось бы солдат». Подобная обстановка легко может сложиться при ведении операций в России с ее необъятной территорией, суровым климатом и огромными ресурсами.

Динглер рассказывает о том, что 21 августа 1942 года 15-я танковая дивизия и 3-я моторизованная дивизия 14-го танкового корпуса наступали на Дону с плацдарма у Песковатки, стремясь выйти к Волге севернее Сталинграда. 14-му танковому корпусу была поставлена задача прикрывать северное крыло главных немецких сил, продвигающихся между Волгой и Доном на Сталинград. Расстояние между двумя реками составляло примерно 70 км. 16-я танковая дивизия должна была организовать оборону фронтом на север, примыкая правым флангом к западному берегу Волги. Предполагалось, что левее 16-й дивизии расположится 3-я моторизованная дивизия, а промежуток между 3-й моторизованной дивизией и Доном займут пехотные дивизии.

Местность между Доном и Волгой представляет собой степь, напоминающую пустыню. Высота отметок над уровнем моря колеблется в пределах 70–150 метров, продвижению войск мешают многочисленные балки, перерезающие степь в разных направлениях, главным образом с севера на юг. Сопротивление, оказанное русскими между Доном и Волгой, было сравнительно слабым. Как правило, наши подвижные войска обходили узлы сопротивления противника, подавлением которых занималась шедшая следом пехота. 14-й танковый корпус без особого труда выполнил поставленную задачу, заняв оборонительные позиции фронтом на север. Однако в полосе 3-й моторизованной дивизии находились одна высота и одна балка, где русские не прекращали сопротивления и в течение нескольких недель доставляли немало

неприятностей немецким войскам.

Динглер указывает, что сперва этой высоте не придавали серьезного значения, полагая, что она будет занята, как только подтянется вся дивизия. Он говорит: «Если бы мы знали, сколько хлопот доставит нам эта самая высота и какие большие потери мы понесем из-за нее в последующие месяцы, мы бы атаковали более энергично». Динглер делает следующий вывод:

«Этот случай послужил нам полезным уроком. Если нам не удавалось выбить русских с их позиций, осуществить прорыв или окружение в момент, когда мы еще быстро продвигались вперед, то дальнейшие попытки сломить сопротивление противника обычно приводили к тяжелым потерям и требовали сосредоточения больших сил. Русские — мастера окапываться и строить полевые укрепления. Они безошибочно выбирают позиции, имеющие важное значение для предстоящих боевых действий. Так было и с этой высотой, где русские могли долго обороняться и держать под наблюдением наши тылы».

Балка, удерживаемая русскими, находилась в тылу 3-й моторизованной дивизии. Она была длинной, узкой и глубокой; проходили недели, а ее все никак не удавалось захватить. Изложение Динглером боевых действий показывает, какой стойкостью отличается русский солдат в обороне:

«Все наши попытки подавить сопротивление русских в балке пока оставались тщетными. Балку бомбили пикирующие бомбардировщики, обстреливала артиллерия. Мы посылали в атаку все новые и новые подразделения, но они неизменно откатывались назад с тяжелыми потерями — настолько прочно русские зарылись в землю. Мы предполагали, что у них было примерно 400 человек. В обычных условиях такой противник прекратил бы сопротивление после двухнедельных боев. В конце концов русские были полностью отрезаны от внешнего мира. Они не могли рассчитывать и на снабжение по воздуху, так как наша авиация в то время обладала полным превосходством. В ночное время одноместные открытые самолеты с большим риском часто прорывались к окруженным русским и сбрасывали незначительное количество продовольствия и боеприпасов.

Не следует забывать, что русские не похожи на обычных солдат, для которых снабжение всем необходимым имеет большое значение. Мы неоднократно имели возможность убедиться в том, как немного им нужно.

Балка мешала нам, словно бельмо на глазу, но нечего было и думать о том, чтобы заставить противника сдаться под угрозой голодной смерти.

Нужно было что-то придумать.

Истощив весь запас хитроумных уловок, которым нас, штабных офицеров, в свое время учили, мы пришли к выводу, что нужно обратиться за помощью к боевым командирам, непосредственно выполняющим задачу. Поэтому мы вызвали наших лейтенантов и попросили трех из них разобраться в обстановке и предложить что-либо полезное. Через три дня они представили свой план. По этому плану предполагалось разделить балку на несколько участков и расположить танки и противотанковые орудия прямо против окопов русских, после чего наши штурмовые подразделения должны были подползти к окопам и выбить оттуда противника.

Все произошло согласно плану — русские даже не ожидали, что к ним вот так просто придут и попросят из окопов, но несколько ручных гранат и орудийных выстрелов оказались убедительным приглашением. Мы были поражены, когда, сосчитав пленных, обнаружили, что вместо 400 человек их оказалось около тысячи. Почти четыре недели эти люди питались травой и листьями, утоляя жажду ничтожным количеством воды из вырытой ими в земле глубокой ямы. Однако они не только не умерли с голоду, но еще и вели ожесточенные бои до самого конца».

А в это время немецкие войска продолжали наступление на Сталинград, стремясь овладеть городом. Русские оказывали решительное сопротивление, и наступающим частям приходилось вести бои за каждую улицу, за каждый квартал, за каждый дом. Потери были огромны, боевой состав частей угрожающе сокращался.

Сталинград находится на западном берегу Волги, имеющей здесь ширину свыше 3 км, и тянется с севера на юг более чем на 30 км. В центральной части города расположены заводы, а на окраинах находятся, вернее находились, небольшие деревянные жилые дома. Крутой берег реки представляет прекрасную позицию для обороны, и небольшие очаги сопротивления держались здесь до тех пор, пока Сталинград вновь не перешел в руки русских. Русские умело использовали в своей обороне прочные заводские здания, и выбить их оттуда можно было лишь ценой огромных потерь. По личному приказу Гитлера в Сталинград были срочно переброшены по воздуху пять саперных батальонов, но через несколько дней от них почти ничего не осталось. Правда, все эти очаги сопротивления не оказывали никакого влияния на общую обстановку в районе Сталинграда, но Гитлер считал ликвидацию противника в городе вопросом политического престижа. Так были принесены в жертву многие лучшие соединения, и немецкие войска понесли невосполнимые

потери.

В ходе этих боев части 14-го танкового корпуса удерживали оборонительные позиции на северном участке Сталинградского фронта. Местность была ровной и открытой, слегка повышающейся к северу, но зато в полосе 3-й моторизованной дивизии было трудно выбрать позицию, которая не просматривалась бы русскими — они все еще удерживали упомянутую выше высоту. Штаб дивизии расположился в неглубокой балке, и Динглер в связи с этим отмечает: «Мы просидели там два месяца и пережили не один неприятный момент». И добавляет: «Наша балка обладала единственным преимуществом: ни один из старших начальников не рисковал появиться в нашем расположении».

В начале сентября русские с целью облегчить положение защитников Сталинграда стали предпринимать атаки на фронте 14-го танкового корпуса. Ежедневно свыше 100 танков в сопровождении крупных сил пехоты (массирование пехоты вообще было характерно для действий русских) атаковали позиции немецких войск. Наступление велось по принятому у русских принципу: уж если «Иван» решил что-то захватить, он бросает в бой крупные массы войск до тех пор, пока не достигнет поставленной цели или не исчерпает всех своих резервов. Атаки против северного участка продолжались до конца октября, и Динглер по этому поводу делает следующие замечания:

«Я не преувеличиваю, утверждая, что во время этих атак мы не раз оказывались в безнадежном положении. Тех пополнений в живой силе и технике, которые мы получали из Германии, было совершенно недостаточно. Необстрелянные солдаты не приносили в этих тяжелых боях никакой пользы. Потери, которые они несли с первого же дня пребывания на передовой, были огромны. Мы не могли постепенно „акклиматизировать“ этих людей, направив их на спокойные участки, потому что таких участков в то время не было. Невозможно было также и отозвать с фронта ветеранов, чтобы организовать должную подготовку новичков».

Огонь русской артиллерии действительно был очень сильным. Русские не только обстреливали наши передовые позиции, но и вели огонь из дальнобойных орудий по глубоким тылам. Пожалуй, следует хотя бы коротко сказать и об опыте, полученном нами в эти напряженные дни. Вскоре артиллерия заняла первостепенное место в системе нашей обороны. Поскольку потери росли и сила нашей пехоты истощалась, основная тяжесть в отражении русских атак легла на плечи артиллеристов. Без эффективного огня артиллерии было бы

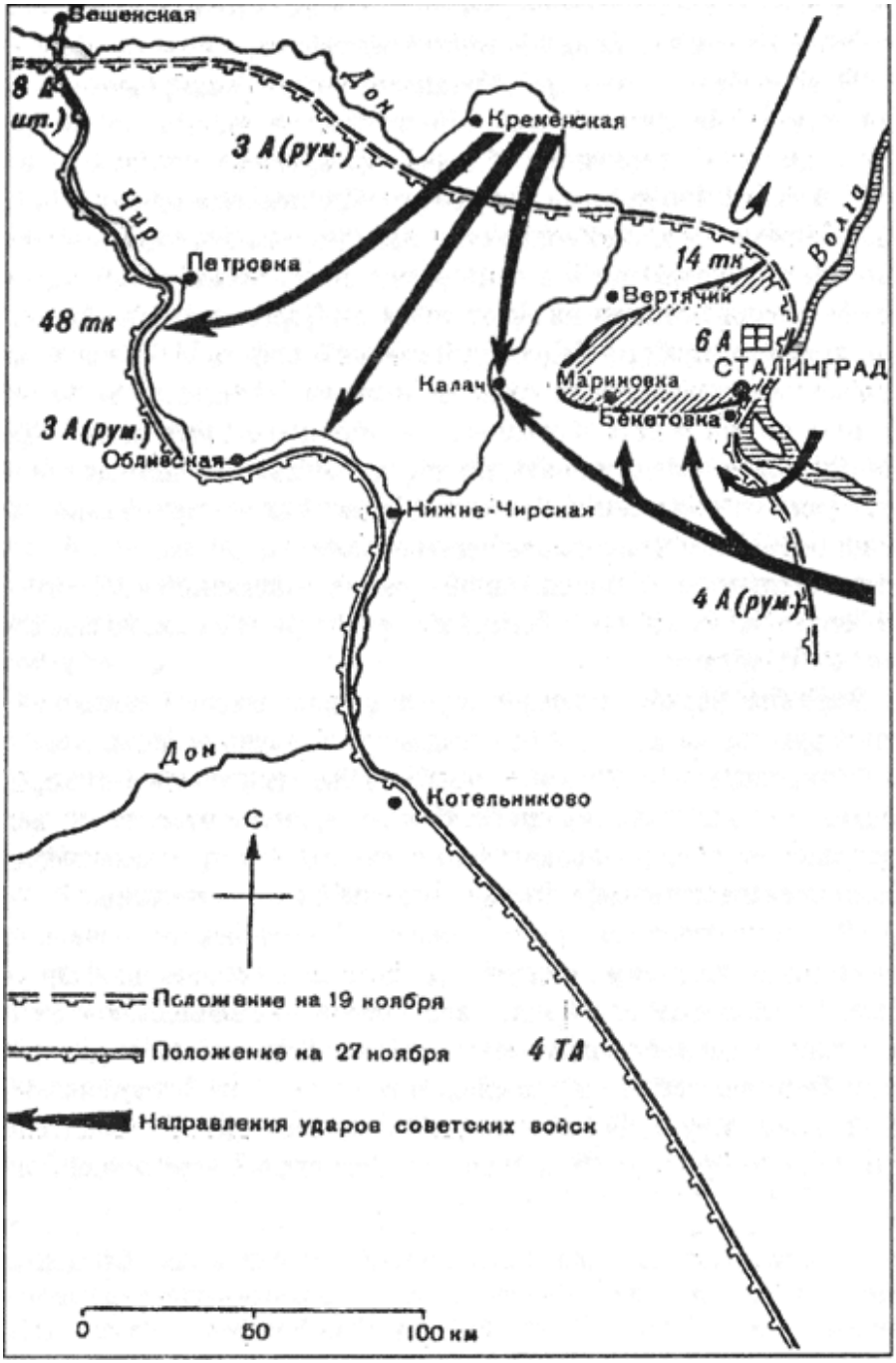
невозможно так долго противостоять настойчиво повторяющимся массированным атакам русских. Как правило, мы использовали только сосредоточенный огонь и старались нанести удар по исходным позициям русских до того, как они могли перейти в атаку. Интересно отметить, что русские ни к чему не были так чувствительны, как к артиллерийскому обстрелу.

Мы пришли также к выводу, что нецелесообразно оборудовать позиции на передних скатах, поскольку их нельзя было оборонять от танковых атак. Не следует забывать, что основу нашей противотанковой обороны составляли танки, и мы сосредоточивали все танки в низинах непосредственно у переднего края. С этих позиций они легко могли поражать русские танки, как только те достигали гребня высоты. В то же время наши танки были в состоянии оказать поддержку пехоте, обороняющейся на обратных скатах, при отражении танковых атак русских.

Эффективность нашей тактики доказывается тем фактом, что за два месяца боев наша дивизия вывела из строя свыше 200 русских танков.

Командир 14-го танкового корпуса генерал фон Витерсгейм понимал, что положение резко ухудшается. Его корпус с каждым днем слабеет, тогда как атаки русских становятся все более ожесточенными. Скоро должен был наступить такой момент, когда 14-й танковый корпус уже не смог бы больше обеспечивать северный фланг наступающих в районе Сталинграда войск. Генерал фон Витерсгейм доложил об этих соображениях и предложил отвести соединения, участвующие в рискованной сталинградской авантюре, на западный берег Дона в случае, если не будут получены достаточные подкрепления. Если бы его предложение было принято, катастрофы под Сталинградом не произошло бы. Но оно не было принято, так же как не были направлены на фронт и подкрепления. Единственным результатом доклада фон Витерсгейма явилось освобождение его от должности, так как наверху считали, что он слишком пессимистически смотрит на вещи[166]. В октябре русские ослабили свои атаки против 14-го танкового корпуса. Противник перегруппировывал войска и готовился к большому контрнаступлению.

Схема 28



Окружение 6-й немецкой армии под Сталинградом

Штабы дивизий и даже корпусов, действовавших в районе Сталинграда, очень мало знали об общей обстановке — по приказу Гитлера никому не полагалось знать больше того, что было абсолютно необходимо для выполнения поставленной ему

конкретной задачи. Неудивительно, что среди рядового состава распространялись фантастические слухи. Однако стратегическая обстановка в самом деле была очень серьезной. В десяти километрах южнее Сталинграда русские продолжали удерживать крупный плацдарм у Бекетовки, кроме того, они сохранили плацдармы на западном берегу Дона. Стало известно, что венгерская, итальянская и румынская армии заняли позиции на Дону на юг от Воронежа. Этот факт не мог, конечно, придать бодрости немецким войскам: боевые качества наших союзников никогда не переоценивались, а их жалкая техника не могла способствовать повышению их репутации. Кроме того, никто не мог понять, почему румынские соединения оставили участок в огромной излучине Дона. Они мотивировали свой отход необходимостью высвободить войска для других целей, но в действительности оставили такой участок, удержание которого не требовало особых усилий. Теперь же в руках русских оказался очень важный плацдарм.

В ноябре новый танковый корпус в составе одной немецкой и одной румынской дивизий был выдвинут в излучину Дона. Это был 48-й танковый корпус; в конце ноября я был назначен в этот корпус на должность начальника штаба. К этому времени русские уже вели наступление, обладая подавляющим численным превосходством и всеми преимуществами, которые дает внезапность действий.

19 ноября танковая армия генерала Рокоссовского[167] начала намного превосходящими силами наступление со своего плацдарма у Кременской в излучине Дона. Наступление проводилось во взаимодействии с ударом с плацдарма у Бекетовки южнее Сталинграда. Оба удара были нанесены по румынским войскам — их 3-я армия удерживала излучину Дона, а 4-я армия находилась южнее Сталинграда. Я не буду говорить о той панике, которую вызвало среди них новое русское наступление[168]. Русские быстро продвигались вперед, и вскоре их войска соединились у Калача на реке Дон.

Вот как были получены, по словам полковника Динглера, в 3-й моторизованной дивизии известия об этих событиях:

«20 ноября 16-я танковая дивизия, наш правый сосед, получила приказ немедленно оставить занимаемые позиции и переправиться на западный берег Дона у Калача. Видимо, случилось что-то очень серьезное.

21 ноября мы узнали от наших тыловых частей, которые располагались на восточном берегу Дона и южнее Калача, что русские танки приближаются к городу с юга. Из других тыловых частей, находившихся западнее Дона, нам по радио сообщили,

что русские подходят к Калачу с севера. Было ясно, что Сталинград вскоре будет окружен. Мы понимали, как трудно будет прорвать это кольцо имевшимися в нашем распоряжении силами — их слабость была совершенно очевидна.

Если русские решили перейти в наступление западнее Дона крупными силами, то вырваться из окружения будет очень тяжело. Однако, несмотря на эти опасения, не было никаких признаков паники — ведь большинство из нас имело за спиной опыт одного, а то и двух окружений. Мы думали, что и на этот раз все в конце концов обойдется.

На северном участке фронта все было спокойно. 24 ноября стало совершенно ясно, что мы окружены крупными силами русских. В ходе широкого наступления противник, наступавший с севера, прорвался в излучину Дона. У южной границы излучины он был на некоторое время задержан, но затем ему удалось продвинуться крупными танковыми силами в район Калача. Самым неприятным был тот факт, что противник, используя момент внезапности и замешательство немецких войск, сумел захватить неповрежденный мост через Дон[169]. В то же время русские, начавшие наступление с плацдарма у Бекетовки, легко преодолели степной район, в котором находились только немецкие тыловые части».

Противник теснил наши соединения, сражавшиеся на западном берегу Дона, в восточном направлении, и, переправившись через реку по еще исправному мосту около Вертячего, они соединились с окруженными у Сталинграда немецкими войсками. Штаб 6-й армии, располагавшийся на берегу Дона, оказался прямо на пути русских танков и был вынужден переместиться на некоторое время к реке Чир западнее Дона. Однако через несколько дней он был переброшен по воздуху в район Сталинграда и расположился около Гумрака.

Теперь 6-й армии было необходимо произвести перегруппировку, 14-й танковый корпус должен был оттянуть назад войска своего левого фланга, занимавшие позиции на Дону, а 3-я моторизованная дивизия получила приказ пробиться к Калачу. Однако противник оказался гораздо сильнее, чем предполагалось, и дивизия была остановлена западнее Мариновки.

В конце ноября генерал-полковник Паулюс, командующий 6-й армией, решил предпринять наступление в западном направлении с тем, чтобы прорвать кольцо окружения и соединиться с немецкими и румынскими частями, ведущими бои западнее Дона. Однако в это время был получен приказ Гитлера: «Держитесь! Помощь придет»[170].

Паулюс поверил этому обещанию и, к несчастью, верил слишком долго.

Глава XI
«Тихий Дон»

Высшее командование

Возвратившись в сентябре из Африки, я представился начальнику генерального штаба сухопутных сил генерал-полковнику Гальдеру и вручил ему письмо Роммеля, в котором последний подчеркивал серьезность обстановки в районе Эль-Аламейна. Гальдер принял меня с обычной для него любезностью и начал задавать различные вопросы в присущей ему академической и, я бы сказал, профессорской манере. Беседа происходила в ставке Гитлера в Восточной Пруссии под Растенбургом, и, хотя Гальдер проявил интерес к положению в пустыне, для меня было совершенно ясно, что его мысли и все внимание ОКВ были сосредоточены на действиях в России.

Теперь нам известно, что в сентябре 1942 года между Гальдером и Гитлером происходили резкие споры по вопросу о том, целесообразно ли продолжать наступление на Сталинград. Гальдер обратил внимание фюрера на опасности, связанные с обороной недостаточными силами растянутого фланга, против которого русские могли обрушить всю мощь своего контрнаступления. Он понимал, что в районе между Волгой и Доном назревает катастрофа, но все его настойчивые попытки предотвратить ее привели лишь к тому, что 25 сентября он был заменен генералом Цейтцлером. Говорят, что Гитлер заявил: «Я отстранил генерала Гальдера потому, что он не мог понять духа моих планов».

В ноябре я вышел из госпиталя и получил небольшой отпуск. Я слышал, что после выздоровления мне должны были дать «теплое местечко» где-то на побережье Ла-Манша. Однако этому не суждено было случиться. Мне приказали отправиться в Восточную Пруссию и явиться к генералу Цейтцлеру, и 27 ноября я снова стоял в той же самой комнате, где несколько недель тому назад разговаривал с генералом Гальдером.

Цейтцлер держал себя иначе, чем его предшественник. Он был строг и резок, но чувствовалось, что это очень знающий штабной офицер, вникающий в самое существо дела[171]. Он сообщил мне о моем назначении на должность начальника штаба 48-го танкового корпуса и дал свою оценку положения в районе Сталинграда. У меня создалось впечатление, что Цейтцлер не верил в возможность деблокады 6-й армии и считал, что у

Паулюса один выход — попытаться прорвать кольцо окружения. Как теперь известно, Цейтцлер советовал Гитлеру принять именно такое решение. Но фюрер, который поверил Герингу (Геринг заявлял, что сможет обеспечить по воздуху 6-ю армию всем необходимым), не пожелал прислушаться к советам Цейтцлера[172].

После беседы с Цейтцлером я получил более подробные данные об обстановке в так называемой «оперативной комнате». 19 ноября русские войска в составе трех танковых корпусов, двух кавалерийских корпусов и двадцати одной стрелковой дивизии перешли в наступление с плацдарма в районе Кременской. Они прорвали позиции румын и создали брешь шириной около тридцати километров. 48-й танковый корпус, расположенный за 3-й румынской армией, контратаковал силами 13-й танковой дивизии и находившимися в его подчинении румынскими танками, но был отброшен лавиной русских войск. Командир корпуса генерал Гейм и его начальник штаба полковник Фрибе были отстранены от должностей за нерешительность. Несколько дней спустя я узнал от полковника фон Оппельна из 13-й танковой дивизии, что его танковый полк не смог своевременно выступить из-за того, что мыши перегрызли провода наружного освещения на танках[173]. Однако в любом случае штаб корпуса нес ответственность за задержку, и этим объясняется мое назначение.

Русское наступление с плацдарма в районе Бекетовки осуществлялось двумя танковыми корпусами и девятью стрелковыми дивизиями, которые соединились с наступавшими из района Кременской войсками у Калача 22 ноября, тем самым замкнув кольцо вокруг 6-й армии[174]. Между Волгой и Доном шесть русских танковых бригад и двадцать стрелковых дивизий оказывали сильное давление на северный фланг 6-й армии.

Большая карта с нанесенной на ней обстановкой представляла собой малоприятное зрелище. Я попытался найти место расположения нашего 48-го танкового корпуса, но на карте было нанесено так много стрел, что это оказалось далеко не легким делом. Действительно, 27 ноября 48-й танковый корпус сам попал в так называемый «малый котел» северо-западнее Калача.

Таковы были мои впечатления о ставке фюрера. Утром 28 ноября я вылетел самолетом в Ростов, где должен был явиться во вновь созданный штаб группы армий «Дон». Перелет из Восточной Пруссии на старом испытанном Ю-52 показался мне бесконечно долгим. Мы пролетели над разрушенной Варшавой, затем пересекли бездорожный район Пинских болот и занесенные

снегом степи Украины и, сделав короткую посадку в Полтаве с ее зловещими памятниками, напоминающими о нашествии Карла XII, прибыли в Ростов во второй половине дня. Совершив перелет в 2400 км, я мог составить себе ясное представление о бескрайних просторах России и тех огромных расстояниях, на которых ведутся боевые действия.

В тот же вечер я явился к фельдмаршалу фон Манштейну и его начальнику штаба генералу Велеру. С момента посещения нашей дивизии в Польше в 1940 году Манштейн очень постарел, но его авторитет вырос, а подвиги, совершенные в начале войны с Россией и затем при завоевании Крыма, принесли ему такую славу, которой мог бы позавидовать любой командующий на Восточном фронте. Как специалист по ведению осадных боевых действий, он в свое время был направлен на ленинградский участок фронта для разработки плана по овладению старой русской столицей, а впоследствии был переброшен под Сталинград с задачей восстановить положение на Дону и организовать деблокаду окруженной в Сталинграде немецкой группировки. Манштейн, которого метко называли человеком, «скрывающим свои чувства под маской ледяного спокойствия»[175], направил меня к полковнику Буссе, первому офицеру штаба группы армий «Дон».

От Буссе я получил новые сведения об обстановке, дополнившие то, что мне сообщили в ОКВ. По этим данным, двадцать дивизий 6-й армии были окружены примерно шестьюдесятью дивизиями русских, 4-я румынская армия была разгромлена между Элистой и Сталинградом в результате русского наступления с Волги и больше не могла рассматриваться как боеспособная единица. Но оставался еще слабый заслон частей 4-й танковой армии генерал-полковника Гота на рубеже от Элисты до Котельникова. Эти части имели своей задачей обеспечить проходившие через Ростов коммуникации группы армий «А» фельдмаршала фон Клейста, которая действовала на Кавказе. Первые пополнения с Кавказского фронта для 4-й танковой армии находились уже в пути.

Главные силы противника восточнее Дона, очевидно, все еще находились перед фронтом 6-й армии. Это дало возможность личному составу тыловых служб и авиационных частей построить позиции западнее излучины Дона, однако войск для их обороны явно не хватало, 3-я румынская армия откатывалась на запад, и лишь благодаря энергичным мерам полковника Венка, который был прикомандирован к румынам в должности начальника штаба армии, отступление было приостановлено и войска организовали оборону в районе Обливская и дальше на север до станицы

Вешенская на Дону (см. схему 28). Здесь румынские части установили локтевую связь с восточным флангом 8-й итальянской армии, которой еще предстояло испытать на себе удары русских, 48-й танковый корпус со своей 13-й танковой дивизией и остатками румынской танковой дивизии прорвался с боями из окружения и занял позиции на реке Чир западнее Петровки.

Группа армий «Дон» сосредоточивала силы по обе стороны Котельниково. Подкрепления прибывали главным образом с Кавказского фронта; они должны были усилить 4-ю танковую армию Гота и дать ему возможность деблокировать Сталинград. Предполагалось, что, как только позволит обстановка, 48-й танковый корпус переместится южнее Дона и поддержит 4-ю танковую армию, которая наносила решающий контрудар.

На рассвете 29 ноября я вылетел на командный пункт 48-го танкового корпуса. Мы летели на «Шторхе» и вместе с пилотом очень внимательно смотрели вниз, боясь ошибиться и совершить посадку по ту сторону фронта. Самолет шел над самой землей, и я получил довольно полное представление о «матушке России». Местность по обоим берегам Дона представляет собой огромную бескрайнюю степь; лишь изредка попадаются глубокие лощины, в которых прячутся деревни. Пейзаж напоминал пустыню Северной Африки, только вместо песка внизу белым ковром лежал снег. Когда мы совершили посадку на небольшом фронтовом аэродроме, я понял, что начался новый и очень мрачный период моей службы в армии.

В 48-м танковом корпусе

Прибыв в штаб 48-го танкового корпуса, я увидел, что обстановка тут была не из приятных. После безуспешной контратаки корпуса его командира и начальника штаба отстранили от должностей, причем это было сделано настолько поспешно, что они даже не имели времени передать дела своим преемникам. Совершенно ясно, что так поступать нельзя, но такова уж была манера Гитлера. Единственным человеком, к которому я мог обратиться за советом в этой тревожной обстановке, был первый офицер штаба майор фон Олен, мой хороший друг. В доброе старое время мы не раз участвовали вместе в скачках с препятствиями.

С целью выяснить действительное положение вещей я отправился в танковый полк 13-й танковой дивизии, который готовился к контратаке с целью восстановить утраченное накануне ночью положение. Контратака оказалась успешной, две оставленные деревни вновь перешли в наши руки, а русские,

охваченные паникой, буквально бежали с поля боя. Успех был достигнут благодаря отличному взаимодействию артиллерии, мотопехоты и танков. В этом бою, как и во многих других, которые мне пришлось наблюдать в дальнейшем, отчетливо выявилось абсолютное превосходство немецких танковых войск над русскими. Но немецкие танковые соединения напоминали собой лишь отдельные островки в огромном океане русских полчищ, стремительно наступавших справа, слева и далеко в тылу.

Я побывал также в приданных нашему корпусу румынских частях, где мне, к сожалению, пришлось убедиться в том, что они не смогут выдержать мощного натиска русских. Румынская артиллерия не имела таких современных орудий, какими располагали немецкая и, к нашему несчастью, русская артиллерия. Средств связи не хватало для обеспечения быстрого и гибкого массирования огня, необходимого в условиях обороны. Вооружение противотанковых частей было также совершенно недостаточным, а их танки представляли собой машины устаревших типов, закупленные во Франции. Я вновь подумал о Северной Африке и о действовавших там итальянских дивизиях. Плохо обученные части, вроде итальянских, с устаревшим вооружением не способны выдержать серьезного испытания.

30 ноября командование 48-м танковым корпусом временно принял генерал Крамер (впоследствии Крамер был взят в плен англичанами в Тунисе, где он командовал Африканским корпусом; это был ветеран боевых действий в пустыне, отличившийся в боях под Сиди-Резег). В это время обстановка на фронте была чересчур серьезной и настоятельно требовала решительных действий. Хотя 3-я румынская армия, наиболее боеспособным соединением которой был 48-й танковый корпус, и сумела создать оборонительный рубеж по реке Чир, я, однако, серьезно опасался, что ей не удастся выдержать решительное наступление русских. Резервы были очень слабыми, а оборонительный рубеж занимали подразделения, сформированные из солдат, изъятых из тыловых служб и отставших от своих частей. В это время мы все еще удерживали небольшой плацдарм на левом берегу Дона у Нижне-Чирской, всего лишь в сорока километрах от ближайших частей 6-й армии, которые находились под Мариновкой. Но русские хорошо понимали, что необходимо оттеснить нас дальше на запад, и в начале декабря войска их 5-й танковой армии предприняли решительные атаки и в нескольких местах форсировали реку Чир.

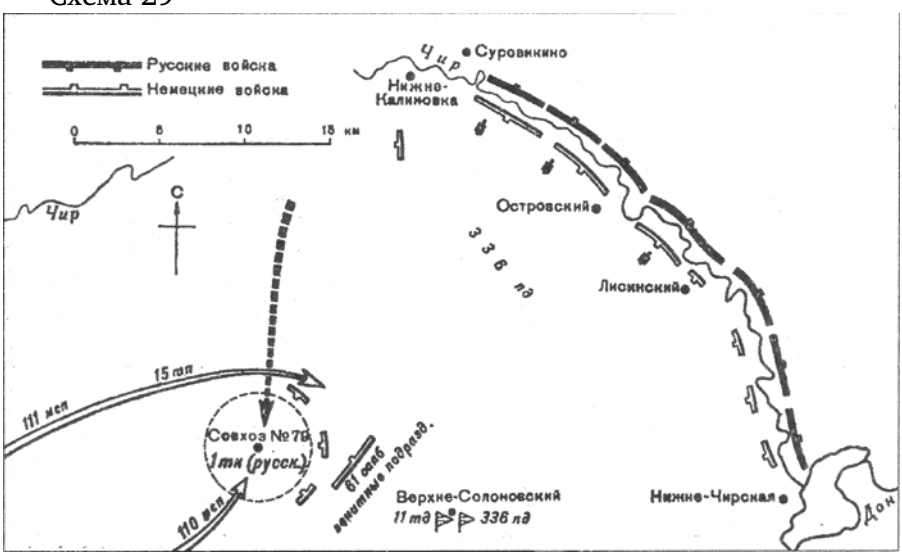
Когда русские развернули свое наступление, штаб 48-го танкового корпуса оставил Петровку и 4 декабря расположился в

районе Нижне-Чирской, где Чир впадает в Дон (13-я танковая дивизия и румынские танки были оставлены для поддержки 3-й румынской армии). Предполагалось, что 48-й танковый корпус объединит в своем составе 11-ю танковую, 336-ю пехотную и одну авиаполевую дивизии, которые 4 декабря все еще находились на пути к фронту.

Когда 4-я танковая армия Гота начнет наступление на Сталинград, 48-й танковый корпус переправится через Дон и соединится с ее левым флангом. Полковник Адам из штаба 6-й армии находился в Нижне-Чирской с импровизированными частями, которые ему удалось там собрать.

4 декабря в наш штаб прибыл вновь назначенный командир 48-го корпуса генерал фон Кнобельсдорф. Мне выпала честь быть у него начальником штаба во время почти непрерывных оборонительных и наступательных боев на реках Чир и Северный Донец, а затем под Харьковом и Курском. Это был человек, обладавший замечательными знаниями, гибким умом и широким кругозором, его высоко ценили все работники штаба. Новый командир сразу же оказался втянутым в водоворот переживаемых нами тревожных событий.

Схема 29



Бой за совхоз № 19

Бои на реке Чир

6 декабря 336-я пехотная дивизия заняла позиции на реке Чир между Нижне-Чирской и Суровикино. В этот же день в Нижне-Чирскую прибыл командир 11-й танковой дивизии генерал Бальк для изучения участка, на котором его дивизия должна была

переправиться через Дон и в дальнейшем наступать во взаимодействии с дивизиями 4-й танковой армии Гота. Однако нам не довелось сыграть никакой роли в попытке освободить войска под Сталинградом. 7 декабря 1-й танковый корпус русских форсировал реку Чир на левом фланге 336-й дивизии и устремился к совхозу № 79, находившемуся глубоко в тылу наших оборонительных позиций на берегу реки. Частям 11-й танковой дивизии, которые подтягивались из района Ростова, было приказано немедленно наступать на совхоз и восстановить положение. Днем 7 декабря 15-й танковый полк вступил в бой с крупными танковыми силами противника в районе совхоза и приостановил их дальнейшее продвижение.

Было совершенно очевидно, что мы не могли позволить русским остаться в совхозе, и генерал Бальк получил приказ выбить их оттуда. Прежде всего он развернул свой командный пункт рядом с командным пунктом 336-й дивизии у Верхне-Солоновского — это было сделано с целью установить наиболее тесное взаимодействие между двумя дивизиями.

Командир 336-й дивизии хотел, чтобы Бальк атаковал совхоз с фронта с целью как можно скорее облегчить положение 336-й дивизии. Бальк не согласился — местность не благоприятствовала действию танков и, кроме того, фронтальной атакой можно было лишь отбросить противника назад, но не уничтожить его. Он решил наступать вначале вдоль высот западнее и севернее совхоза, где легко могли пройти танки, а затем отрезать русским пути отхода (см. схему 29). Главный удар должен был наноситься 15-м танковым полком при поддержке 111-го мотострелкового полка, а с целью сковать противника с юго-запада наступал 110-й мотострелковый полк. Бальк расположил свои зенитные орудия и саперный батальон южнее совхоза, с тем чтобы воспрепятствовать прорыву русских в этом направлении. Артиллерия 336-й дивизии должна была оказать поддержку войскам, наступавшим с северо-востока.

В ночь с 7 на 8 декабря 11-я танковая дивизия перегруппировалась в соответствии с приказом Балька, части заняли исходное положение и на рассвете 8 декабря начали наступление. Русские в этот момент как раз готовились нанести удар в тыл 336-й дивизии в полной уверенности, что теперь немцы находятся в их власти, 15-й танковый полк натолкнулся на большую колонну русской мотопехоты, двигавшуюся в южном направлении, и атаковал ее. Внезапность была полной. Танки врезались в колонну, поджигая один грузовик за другим; началась невообразимая паника. Колонна была уничтожена, и танковый полк дивизии Балька при тесной поддержке

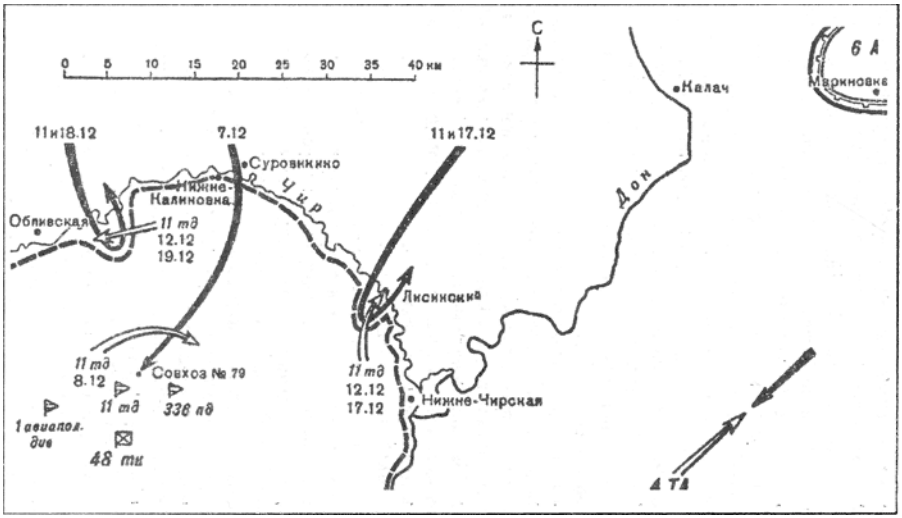
мотострелкового полка и артиллерии вышел в тыл танковых частей русских в районе совхоза. Русские дрались храбро, но их танки попали в огненное кольцо, и все усилия вырваться из этого кольца оказались тщетными. Когда короткий зимний день подходил к концу, 1-й русский танковый корпус, потерявший 53 танка, находился уже в безнадежном положении.

Между 9 и 13 декабря Бальк вел непрерывные бои по ликвидации плацдармов противника на реке Чир. Авиаполевая дивизия заняла оборону левее 336-й дивизии, и оба этих пехотных соединения делали все возможное, чтобы удержать проходивший по берегу реки фронт 48-го танкового корпуса, растянувшийся на 65 км между Обливской и Нижне-Чирской. Русские оказывали сильное давление, и 11-й танковой дивизии не раз приходилось вступать в бой, чтобы восстановить линию фронта.

Вечером 11 декабря генерал Бальк получил следующее сообщение: «Противник прорвался под Лисинским и у Нижне-Калиновки, расстояние между участками прорыва по прямой 22 км». Командир 11-й танковой дивизии решил сперва контратаковать противника у Лисинского. Совершив ночной марш, танковый полк прибыл к Лисинскому на рассвете 12 декабря и уничтожил прорвавшуюся русскую часть. Бальк принял указанное выше решение потому, что считал позиции 336-й дивизии исключительно важными для последующих действий 11-й танковой дивизии и хотел удержать эти позиции любой ценой. 336-я дивизия понимала всю важность поставленной задачи. Ее личный состав проявлял железную стойкость, стремясь всякий раз обойтись своими собственными силами, чтобы, когда вмешательство танков становилось абсолютно необходимым, Бальк мог контратаковать всей танковой дивизией. Командир 336-й дивизии генерал Лухт ни разу не терял самообладания и никогда, даже в минуты самой серьезной опасности, не обращался за помощью к танкистам 11-й дивизии. Такие действия были бы невозможны, не будь самого тесного сотрудничества в работе двух штабов этих дивизий, чему в немалой степени способствовало их совместное расположение. Кроме того, каждый вечер командир корпуса встречался с генералом Бальком для тщательного обсуждения создавшейся обстановки.

Разгромив 12 декабря русских под Лисинским, 11-я танковая дивизия совершила марш в 25 км на северо-запад и в тот же день нанесла удар по плацдарму русских у Нижне-Калиновки и значительно сократила его.

Схема 30



Бои на реке Чир (декабрь 1942 г.).

На рассвете 13 декабря, когда эта дивизия готовилась предпринять решительную атаку на Нижне-Калиновку, на ее правый фланг обрушился мощный удар русских, временно поставивший дивизию в критическое положение. Один батальон даже оказался в окружении. Дивизия прекратила атаки против плацдарма и развернулась против наступающих русских частей. Вскоре окруженный батальон был освобожден, бой закончился, бесспорно, в пользу оборонявшихся немецких частей. К сожалению, полностью ликвидировать плацдарм русских у Нижне-Калиновки не удалось, и позднее это привело к серьезным последствиям. 11-я танковая дивизия ночью шла, а днем вела бои; так продолжалось уже восемь суток, и теперь она настоятельно нуждалась в отдыхе.

10 декабря 4-я танковая армия начала наступление, с таким нетерпением ожидаемое 6-й армией. В это время на наш командный пункт прибыл генерал-полковник фон Рихтгофен, который отвечал за снабжение окруженной армии с воздуха. По его мнению, положение со снабжением немецких войск под Сталинградом с начала декабря никак нельзя было считать благополучным: вместо 500 т минимально потребного суточного количества боеприпасов, продовольствия и горючего авиация доставляла окруженным войскам не более 100 т. Транспортных самолетов Ю-52 было совершенно недостаточно, поэтому пришлось использовать бомбардировщики Хе-111. Но они могли поднимать всего 1,5 т груза, кроме того, были крайне необходимы на фронте для поддержки наземных войск.

Тем временем наступление Гота к Сталинграду шло полным ходом, и 48-й танковый корпус, несмотря на критическую

обстановку на реке Чир, должен был тоже принять в нем участие. К сожалению, наш плацдарм у Нижне-Чирской в результате непрерывных атак русских был оставлен, и для того, чтобы мы могли выполнить нашу задачу и соединиться с 4-й танковой армией, нам нужно было сначала овладеть этим утраченным плацдармом. 14 декабря на реке Чир все было спокойно, и 15 декабря 11-я танковая дивизия отошла со своих позиций вокруг русского плацдарма у Нижне-Калиновки и передвинулась к Нижне-Чирской, чтобы переправиться через полузамерзший Дон и соединиться с деблокирующей группировкой Гота. Позиции 11-й танковой дивизии у Нижне-Калиновки заняли подразделения «Alarmeinheiten»[176] из состава авиаполевой дивизии.

К 16 декабря передовые отряды Гота вышли к реке Аксай-Есауловский. Теперь их отделяло от 6-й армии расстояние менее 65 км, и мы поставили 11-й танковой дивизии задачу форсировать 17 декабря Дон и наступать в юго-восточном направлении для поддержки войск левого фланга армии Гота (на действиях армии Гота я остановлюсь подробно в следующей главе). В этой критической обстановке русское командование проявило глубокую стратегическую проницательность — в то время руководство действиями русских войск на Волге и на Дону осуществлял маршал Жуков, а начальником штаба у него был генерал Василевский[177]. Вместо того чтобы сконцентрировать свои резервы для отражения удара Гота, они предприняли новое наступление на Среднем Дону против несчастной 8-й итальянской армии; наступление велось крупными силами и на широком фронте вплоть до позиций оперативной группы Холлидт (которая сменила 3-ю румынскую армию) и 48-го танкового корпуса, оборонявшегося на реке Чир. Кризис на нашем собственном участке фронта и разгром итальянцев не только вынудили отказаться от наступления 11-й танковой дивизии через Дон, но и заставили фон Манштейна срочно задержать 4-ю танковую армию Гота, для того чтобы создать оборону на новом рубеже и прикрыть Ростов. Это решило судьбу 6-й армии под Сталинградом.

16 декабря обстановка на фронте 48-го танкового корпуса была далеко не ясной. 5-я танковая армия русских прекратила атаки немецких позиций на реке Чир, и казалось вполне возможным, что она предпримет попытку форсировать Дон, чтобы встретить армию Гота. Плохая погода препятствовала ведению воздушной разведки. Но 17 декабря обстановка прояснилась: в тот момент, когда 11-я танковая дивизия собиралась форсировать Дон, русские мощным ударом прорвали позиции 336-й дивизии в 100 м севернее Нижне-Чирской. Не оставалось иного выхода, как

ввести в действие 11-ю танковую дивизию, которая отбросила русских назад к берегу реки. 18 декабря 11-я танковая дивизия продолжала вести бои по ликвидации этого плацдарма русских на реке Чир и, безусловно, выполнила бы свою задачу, если бы не было получено сообщение о новом наступлении русских с плацдарма у Нижне-Калиновки, примерно в 30 км к северо-западу. Там русскому моторизованному корпусу удалось сломить сопротивление частей «Alarmeinheiten» и прорвать на широком фронте немецкую оборону. Генерал фон Кнобельсдорф был вынужден направить 11-ю танковую дивизию, чтобы закрыть брешь, хотя Бальк возражал против такого решения, считая необходимым сперва уничтожить противника в полосе 336-й дивизии.

Получив приказ, генерал Бальк решил немедленно выступить, чтобы на рассвете неожиданно нанести удар по противнику. В соответствии с таким планом 110-й мотострелковый полк должен был сковывать противника с фронта, 15-й танковый полк — атаковать восточный фланг русских, а 111-й мотострелковый полк, находившийся в резерве, — следовать непосредственно за 15-м полком и обеспечивать правый фланг (см. схему 31).

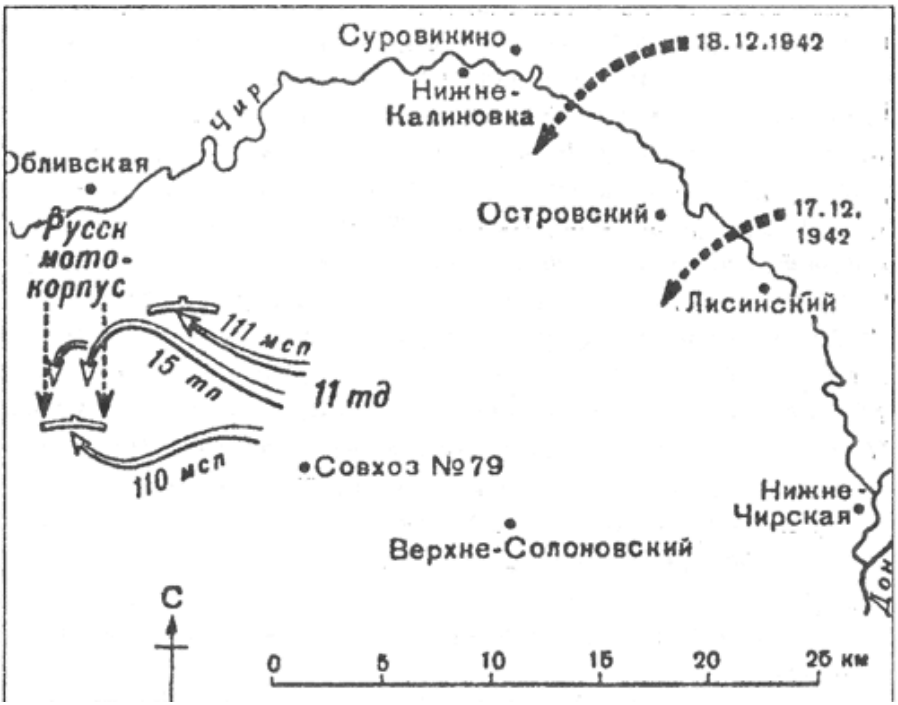
К 5.00 19 декабря войска заняли исходные позиции. Как только рассвело, передовые подразделения 15-го танкового полка увидели танковые части русских, которые двигались в боевых порядках в южном направлении. Так как немецкому полку удалось скрытно подойти, его двадцать пять танков последовали за русскими танками, и, прежде чем противник понял, что двигающиеся за ним второй волной танки являются не русскими, а немецкими, последние вывели из строя сорок две машины. Господствующая высота 148,8 была захвачена. По другую сторону этой высоты была замечена еще группа танков, двигавшихся в том же направлении, что и первая. Вновь немецкие танки под умелым командованием капитана Лестмана атаковали русские танки с тыла и уничтожили их прежде, чем последние поняли, что происходит. Так за поразительно короткое время, не потеряв ни одной машины, двадцать пять немецких танков уничтожили шестьдесят пять боевых машин русских. Этот бой привел к срыву русского наступления. Оставшиеся части бежали перед нашими танками, не оказывая какого-либо серьезного сопротивления[178].

Вечером 19 декабря 3-я механизированная бригада русских предприняла отвлекающее наступление против левого фланга 11-й танковой дивизии и захватила позиции 1-го батальона 110-го мотострелкового полка. Однако 15-му танковому полку вскоре удалось восстановить положение.

20 декабря 11-я танковая дивизия возобновила свои действия

с целью отбросить русских за Чир. Вначале наступление развивалось успешно, но к вечеру русские нанесли сильный удар по правому флангу дивизии и зашли в тыл 111-му мотострелковому полку. Создавшееся опасное положение было ликвидировано силами танкового полка; при этом русские потеряли десять танков.

Схема 31



Контратака Балька (декабрь 1942 г.)

Вследствие сильного удара русских генерал Бальк решил 21 декабря перейти к обороне и отдал приказ своим полкам о проведении под прикрытием темноты перегруппировки. В 2 часа ночи оба мотострелковых полка сообщили о прорыве их позиций русскими. Ночь была светлая, полная луна хорошо освещала путь русским танкам и пехоте, которые ворвались в расположение наших частей в тот момент, когда последние были заняты своей перегруппировкой. 15-й танковый полк немедленно перешёл в контратаку, и вскоре из мотострелковых полков поступили благоприятные сообщения. Бальк бросил 61-й мотоциклетный батальон в контратаку на стыке 110-го и 111-го мотострелковых полков, где, по-видимому, наступали главные силы противника. Когда рассвело, стало ясно, что 11-я танковая дивизия добилась в оборонительном бою большого успеха: сотни русских лежали перед нашими позициями. Однако и немцы также понесли очень

большие потери. 22 декабря на фронте 48-го танкового корпуса все было спокойно; фактически наши тяжелые оборонительные бои на рубеже реки Чир закончились. Зато разгром 8-й итальянской армии создал ужасную брешь на нашем левом фланге, в которую устремились части 1-й гвардейской армии русских. 22 декабря наш корпус получил приказ оставить рубеж реки Чир и вместе с 11-й танковой дивизией передвинуться на 145 км к западу, в район Тацинской. Если бы мы не совершили быстро этого марша, ничто не спасло бы Ростов.

Перед тем как закончить описание боев на реке Чир, я должен отдать должное генералу Бальку, прирожденному командиру-танкисту. В течение всего периода боев его танковая дивизия выполняла роль «пожарной бригады»; маневрируя позади боевых порядков двух пехотных дивизий, она ликвидировала один за другим опасные прорывы русских. Когда пехота оказывалась бессильной против превосходящих сил русских на плацдармах, в бой вступал Бальк, который, действуя по известному принципу «Klotzen, nicht Kleckern» («бить так бить!»), наваливался на противника всей мощью своих танков. Его замечательные успехи были результатом полной согласованности действий с двумя пехотными дивизиями и штабом 48-го танкового корпуса. Он никогда не оставлял одиночных танков для непосредственной поддержки пехоты, так как считал это бесполезным делом и ненужной потерей столь необходимых машин. Гибкая тактика такого рода много раз позволяла исправлять критическое положение и наносить огромные потери противнику. За указанный период в полосе 48-го танкового корпуса было уничтожено свыше 700 танков противника.

Вот что пишет сам Бальк об этих боевых действиях:

«Успех обороны на реке Чир был достигнут благодаря героическим действиям 11-й танковой дивизии. Если бы на этом участке фронта оборона была прорвана и если бы русским позволили продвинуться к Ростову, немецкая группа армий на Кавказе оказалась бы отрезанной и ее постигла бы судьба немецкой армии под Сталинградом. Обстановка складывалась так, что от 11-й танковой дивизии требовалось сделать все возможное для выполнения поставленной задачи.

К счастью, все командиры, у которых нервы не выдержали испытаний прошедших боев, были заменены более крепкими людьми. Не осталось ни одного офицера, на которого нельзя было бы полностью положиться. В течение нескольких недель дивизия каждую ночь совершала марши, перед рассветом всегда оказываясь в наиболее уязвимом для противника месте и нанося удар за час до наступления русских. Эта тактика требовала от

войск невероятного напряжения, но зато у нас было мало потерь, потому что мы всегда достигали полной внезапности. В дивизии считалось аксиомой, что „ночные марши сохраняют жизнь“, но справедливость требует отметить, что никто в то время не мог бы вам толком сказать, когда же спали наши солдаты.

Приказы отдавались только в устной форме. Вечером командир дивизии принимал решение относительно действий на следующий день, а все необходимые распоряжения отдавал командирам полков уже непосредственно на местности. Затем он возвращался в свой штаб и обсуждал предполагаемые действия с начальником штаба 48-го танкового корпуса. Если его план получал одобрение, в полки передавали по радио „изменений нет“, и все передвижения совершались согласно ранее полученным указаниям. Если же требовалось внести серьезные поправки, командир дивизии посещал ночью все полки и отдавал, снова в устной форме, необходимые приказания.

В бою командир дивизии находился в передовых подразделениях, действующих на направлении главного удара; в полках он бывал по нескольку раз в день. Штаб дивизии размещался недалеко в тылу и не менял своего расположения в ходе боевых действий. Здесь собирались и обрабатывались все полученные данные, отсюда руководили снабжением частей и направлялись подкрепления. Связь между командиром дивизии и его штабом поддерживалась по радио и только в редких случаях по телефону.

336-я дивизия, которой удивительно умело и хладнокровно командовал генерал-лейтенант Лухт, испытывала серьезный недостаток в вооружении. Дивизия не оказывалась бы столько раз в критическом положении, если бы располагала большим количеством противотанковых пушек. В этом отношении наша организация не отвечала предъявляемым к ней требованиям».

С обеих сторон в бой вводились вновь созданные и плохо оснащенные соединения. Так, у немцев действовали авиаполевые дивизии, которые через несколько дней боев, как правило, теряли боеспособность: несмотря на хорошее техническое оснащение, их подготовка оставляла желать много лучшего, а кроме того, у них не было опытных командиров. Создание авиаполевых дивизий было делом рук Германа Геринга, причем не имело под собой никакой здоровой основы. И за эту нелепость солдаты расплачивались своими жизнями.

У русских экипажи танков, особенно в механизированном корпусе, вряд ли вообще проходили какую-либо подготовку. Этот недостаток являлся одной из главных причин, способствовавших победе немцев 19 декабря.

Выше мало говорилось об артиллерии, которая не играла основной роли в этих высокоманевренных и протекавших с переменным успехом боевых действиях. Однако в ночное время артиллерия часто использовалась для огневых налетов по районам расположения войск противника. У нас нет достаточных данных, чтобы судить об эффективности такого тактического приема, но поскольку русские были вынуждены во время сильных морозов укрываться в деревнях, можно предположить, что достигались определенные результаты.

Ведение боевых действий на реке Чир облегчалось тем, что командование 5-й танковой армией русских бросало в бой корпуса, не согласовав по времени начало их действий и не организовав взаимодействия между многочисленными стрелковыми дивизиями. Таким образом, 11-я танковая дивизия имела возможность наносить удары поочередно то по одному, то по другому корпусу. В конце концов наступательная сила 5-й танковой армии была ослаблена до такой степени, что 11-я дивизия смогла совершить отход и начать подобные же действия против другой русской танковой армии.

Первые впечатления о тактике русских

Я собираюсь закончить эту главу изложением моих первых впечатлений о тактике русских. Впоследствии я неоднократно убеждался, что эти первые впечатления, сложившиеся у меня в ходе боев на реке Чир, оказались совершенно правильными.

По существу, каждому наступлению русских предшествовало широко применяемое просачивание через линию фронта небольших подразделений и отдельных групп. В такого рода боевых действиях никто еще не превзошел русских. Как бы тщательно ни было организовано наблюдение на переднем крае, русские совершенно неожиданно оказывались в самом центре нашего расположения, причем никто никогда не знал, как им удалось туда проникнуть.

В самых невероятных местах, где продвижение было особенно затруднено, они появлялись значительными группами и немедленно окапывались. Правда, для одиночных солдат такое просачивание не представляло собой трудности, так как живой силы на наших оборонительных рубежах было очень мало, а немногочисленные опорные пункты находились на большом удалении друг от друга. Дивизия обычно оборонялась на фронте около 20 км. Самым поразительным было то, что, хотя все находились в состоянии полной боевой готовности и не смыкали глаз всю ночь, наутро можно было обнаружить прочно

окопавшиеся глубоко в нашем тылу целые подразделения русских со всем вооружением и боеприпасами. Такое просачивание обычно проводилось с величайшим искусством, почти бесшумно и без единого выстрела. Такой тактический прием применялся русскими сотни раз и обеспечивал им значительный успех. Против подобных действий существует одно средство: создать глубоко эшелонированную оборону, занять ее многочисленными войсками, организовать круглосуточное патрулирование и, что самое главное, создать достаточные местные резервы, готовые в любой момент вступить в бой и заставить противника отступить.

Другой характерной особенностью действий русских является стремление создавать плацдармы как базы для будущих наступательных действий. Действительно, наличие в руках русских войск плацдармов всегда создавало серьезную опасность. Глубоко ошибается тот, кто благодушно относится к существующим плацдармам и затягивает их ликвидацию. Русские плацдармы, какими бы маленькими и безвредными они ни казались, могут в короткое время стать мощными и опасными очагами сопротивления, а затем превратиться в неприступные укрепленные районы. Любой русский плацдарм, захваченный вечером ротой, утром уже обязательно удерживается по меньшей мере полком, а за следующую ночь превращается в грозную крепость, хорошо обеспеченную тяжелым оружием и всем необходимым для того, чтобы сделать ее почти неприступной. Никакой, даже ураганный артиллерийский огонь не вынудит русских оставить созданный за ночь плацдарм. Успех может принести лишь хорошо подготовленное наступление. Этот принцип русских «иметь повсюду плацдармы» представляет очень серьезную опасность, и его нельзя недооценивать. И опять-таки против него есть лишь одно радикальное средство, которое должно применяться во всех случаях обязательно: если русские создают плацдарм или оборудуют выдвинутую вперед позицию, необходимо атаковать, атаковать немедленно и решительно. Отсутствие решительности всегда сказывается самым пагубным образом. Опоздание на один час может привести к неудаче любой атаки, опоздание на несколько часов обязательно приведет к такой неудаче, опоздание на день может повлечь за собой серьезную катастрофу. Даже если у вас всего один взвод пехоты и один-единственный танк, все равно нужно атаковать! Атаковать, пока русские еще не зарылись в землю, пока их еще можно видеть, пока они не имеют времени для организации своей обороны, пока они не располагают тяжелым оружием. Через несколько часов будет уже слишком поздно. Задержка ведет к поражению, решительные и немедленные действия приносят

успех.

Тактика русских представляла собой странную смесь: наряду с великолепным умением просачиваться в расположение противника и исключительным мастерством в использовании полевой фортификации существовала ставшая почти нарицательной негибкость русских атак (хотя в отдельных случаях действия танковых соединений, частей и даже подразделений являлись заметным исключением). Безрассудное повторение атак на одном и том же участке, отсутствие гибкости в действиях артиллерии и неудачный выбор района наступления с точки зрения местности свидетельствовали о неумении творчески подходить к решению задач и своевременно реагировать на изменения в обстановке. Только немногие командиры среднего звена проявляли самостоятельность в решениях, когда обстановка неожиданно изменялась. Во многих случаях успешная атака, прорыв или окружение не использовались русскими просто потому, что никто из вышестоящего командования об этом не знал.

Однако, несмотря на эту неповоротливость командования, русские быстро и часто производили смену войск на переднем крае. Как только дивизия несла тяжелые потери, она отводилась ночью в тыл и, пополненная и отдохнувшая, вновь появлялась через несколько дней на каком-либо другом участке фронта.

Глава XII
Сталинградская катастрофа

Тяжелое испытание

Пока на обоих берегах Дона шли ожесточенные бои танковых масс, положение 6-й армии Паулюса становилось все более отчаянным. В районе между Волгой и Доном на карту была поставлена очень крупная ставка, и русские прекрасно это понимали. Если учесть, какие силы были окружены под Сталинградом, станет ясно, что Гитлер поступил в высшей степени необдуманно, запретив всякую попытку прорвать кольцо окружения. Надо сказать, что 6-я армия не была обычной армией; она представляла собой острие ударного клина вермахта и предназначалась для осуществления решающей операции всей войны. Под Сталинградом были окружены следующие части:

— штаб и все командование 6-й армии;

— штабы пяти корпусов (4, 8,11,51-го армейских и 14-го танкового);

— тринадцать пехотных дивизий (44,71,76,79,94,100-я егерская, 113, 295, 305, 371, 376, 389 и 397-я);

— три танковые дивизии (14,16,24-я);

— три моторизованные дивизии (3,29,60-я);

— одна дивизия противовоздушной обороны (9-я).

Итого 20 немецких дивизий.

Кроме того, в окружение попали остатки двух румынских дивизий (1-й кавалерийской и 20-й пехотной) с полком хорват, тыловыми частями и подразделениями организации Тодта.

По данным службы генерал-квартирмейстера, 24 ноября 1942 года в окружении оказались 270 тысяч человек. Ликвидация этой группировки вела к изменению в соотношении сил на всем Восточном фронте.

Такова была армия, которую рейхсмаршал Геринг столь опрометчиво взялся обеспечить всем необходимым по воздуху в середине зимы, в то время когда по всему тысячекилометровому фронту шли ожесточенные бои. Над Сталинградом, словно стаи зловещих черных птиц, предвещавших неминуемую гибель, появились отряды Ю-52, и когда спустя два месяца была подписана неизбежная капитуляция, около 500 этих самолетов уже стали жертвами либо неблагоприятных метеорологических условий, либо скоростных истребителей русских. Несмотря на принесенные жертвы, такие тяжелые для немецкой авиации на

этом критическом этапе воздушной войны, тоннаж доставляемых грузов был значительно ниже минимальных потребностей несчастной армии Паулюса. Я уже упоминал о мрачных предчувствиях генерал-полковника фон Рихтгофена, высказанных им во время посещения в начале декабря штаба 48-го танкового корпуса: он никак не разделял оптимистических взглядов своего командующего. В самом деле, для доставки минимально необходимых 500 т различных предметов снабжения в день требовалось 250 машин Ю-52, а если учесть потери, необходимость ремонта и обязательный отдых для летного состава, то ежедневно нужно было около тысячи самолетов такого типа. Таким количеством самолетов мы никогда не располагали, поэтому только один раз за все время было доставлено 300 т грузов в день, в среднем же окруженные ежедневно получали примерно до 100 т продовольствия, боеприпасов и горючего.

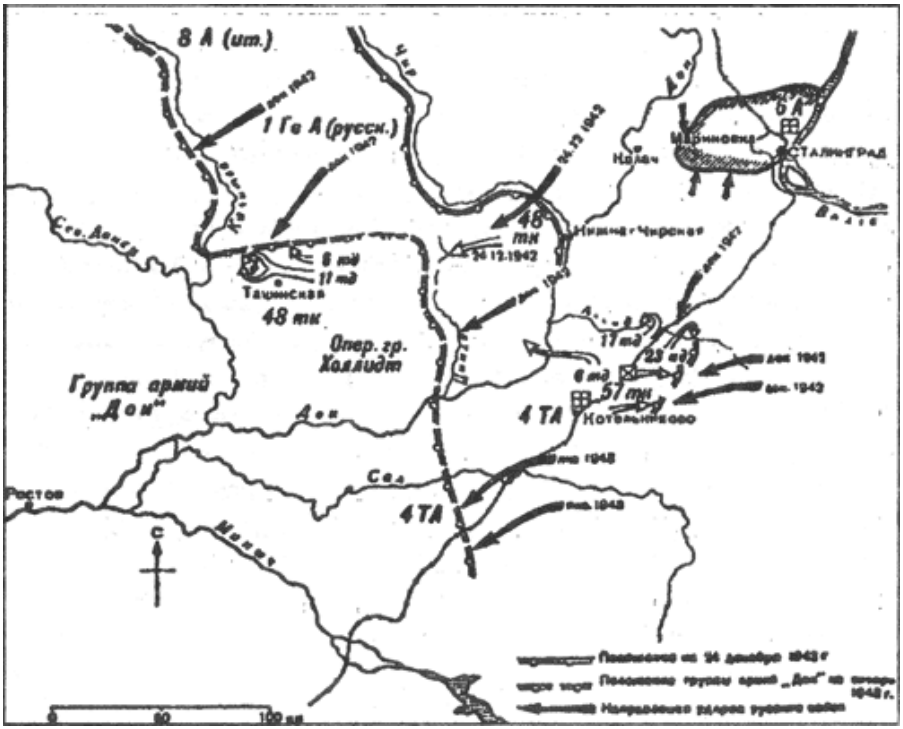
Вот как, по словам моего друга полковника Динглера, сказалось это на 6-й армии:

«Каждую ночь, сидя в землянках, мы вслушивались в рокот моторов и старались угадать, сколько же немецких самолетов на этот раз прилетит и что они нам доставят. С продовольствием было очень трудно с самого начала, но никто из нас не предполагал, что скоро мы постоянно будем испытывать муки голода.

Нам не хватало всего: не хватало хлеба, снарядов, а главное — горючего. Пока было горючее, мы не могли замерзнуть, а наше снабжение, пусть даже в таких ограниченных масштабах, было обеспечено. Дрова приходилось доставлять из Сталинграда на автомашинах, но поскольку мы испытывали острый недостаток в бензине, поездки в город за топливом совершались очень редко, и в наших землянках было очень холодно.

До Рождества 1942 года войскам выдавалось по 100 граммов хлеба в день на человека, а после Рождества этот паек был сокращен до 50 граммов. Позднее по 50 граммов хлеба получали лишь те части, которые непосредственно вели боевые действия; в штабах, начиная от полка и выше, хлеба совсем не выдавали. Остальные питались только жидким супом, который старались сделать более крепким, вываривая лошадиные кости. На Рождество командование армии разрешило зарезать 4 тыс. лошадей. Моя дивизия, будучи моторизованным соединением, не имела лошадей и поэтому оказалась в очень невыгодном положении — мы получили конину строго по норме. Пехотным частям было легче: ведь они всегда могли „незаконно“ зарезать несколько лошадей».

Схема 32



Решающий этап Сталинградской битвы

В первый период окружения русские не вели активных действий против 6-й армии, так как у них было много хлопот в других местах, и немецкие части делали все возможное для улучшения своих позиций в ожидании неминуемого наступления противника. Надо сказать, что, несмотря на большое количество окруженных войск, численность боевых частей была чрезвычайно низкой. Например, 3-я моторизованная дивизия в «мариновском выступе» располагала двумя пехотными полками трехбатальонного состава. На первый взгляд это значительная сила, но на самом деле в каждом батальоне насчитывалось всего лишь до 80 солдат, то есть дивизия для обороны фронта в 16 км имела только 500 солдат. Артиллерийский полк в 36 стволов был полностью укомплектован, зато танковый батальон имел лишь 25 танков вместо положенных 60. Резерв состоял из саперного батальона в 150 человек.

Безусловно, недостаток горючего не мог не отразиться самым серьезным образом на использовании танков. Как я уже говорил при описании боев на реке Чир, возможность маневрирования танковыми частями является важным условием для отражения русских атак. Однако из-за нехватки горючего командование 6-й армии вынуждено было не раз задумываться, прежде чем принять решение о переброске хоть одной боевой машины. Поэтому

большинство танков было расположено сразу за передним краем для оказания непосредственной поддержки пехоте. В результате наши контрудары по русским, вклинившимся в наше расположение — а это им позднее удалось сделать, — были лишены необходимой силы.

О погоде Динглер говорит следующее:

«В первые дни декабря погода была сравнительно сносной. Затем выпало много снега и наступило резкое похолодание. Жизнь стала сплошным мучением. Закапываться в мерзлую землю уже было невозможно, и если нам приходилось оставлять прежние рубежи, это означало, что на новых позициях у нас не будет ни землянок, ни траншей. Снегопад еще больше ухудшал и без того плохое снабжение горючим. Автомашины застревали в снегу, буксовали, а это приводило к большому расходу горючего. Мороз все крепчал. Термометр все время показывал 20–30 градусов ниже нуля, и нашей авиации стало невероятно трудно снабжать окруженные части».

9 декабря 6-я армия была официально извещена о том, что на следующий день 4-я танковая армия начинает деблокирующее наступление. Всю неделю окруженные войска жили возросшей надеждой, а когда 16 декабря они услышали далекую канонаду, все поверили, что час освобождения близок. Предполагалось, что 6-я армия предпримет изнутри прорыв кольца окружения и соединится с передовыми частями армии Гота, но генерал Паулюс принял решение не делать этого до тех пор, пока продвигающиеся с юга части не приблизятся на расстояние до 30 км. Недостаток горючего и общая ослабленность частей ограничивали ударную силу дивизий Паулюса, и им оставалось лишь с нетерпением ожидать благоприятного исхода боев на юге.

Деблокирующий удар

В начале декабря для участия в предстоящем наступлении по освобождению частей в Сталинграде с Кавказа и из района Орла в распоряжение командующего 4-й танковой армией прибыли три танковые, одна пехотная и три авиаполевые дивизии. Они сосредоточились в районе Котельниково и были прикрыты остатками 4-й румынской армии и несколькими немецкими боевыми группами.

Находившиеся в этом районе немецкие войска были оттеснены русскими более чем на 100 км от Сталинграда, в то время как 48-й танковый корпус, располагавшийся на реке Чир у Нижне-Чирской, был отделен от окруженных частей расстоянием всего в 40 км. Стоявшая перед немецкими войсками задача была

тщательно изучена знатоком стратегии фельдмаршалом Манштейном, на которого была возложена огромная ответственность. Он отказался от форсирования Дона, как от рискованной и трудной операции, а выбрал для своих действий район Котельниково юго-восточнее Дона: по его мнению, именно отсюда было выгоднее всего начинать наступление.

И вот 10 декабря 1942 года командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Гот, полководец с большим и заслуженным авторитетом, бросил свои войска в наступление, которого так долго ждали окруженные под Сталинградом. Как я уже говорил, 6-я армия не должна была предпринимать никаких попыток прорвать кольцо окружения до тех пор, пока части Гота не приблизятся к ней примерно на 30 км. 48-й танковый корпус должен был форсировать Дон и оказать поддержку войскам Гота после выхода их на реку Аксай-Есауловский. Принимая во внимание сложившуюся обстановку в декабре 1942 года, трудно было бы предложить более удачный план. Однако представляется спорным утверждение, что Паулюс слишком пессимистически смотрел на вещи, и кажется, что следовало бы разработать план прорыва кольца окружения 6-й армией на более раннем этапе.

Главный удар наносил 57-й танковый корпус 4-й танковой армии. Справа от него наступала 23-я гренадерская моторизованная дивизия, слева — 17-я танковая дивизия, а 6-я танковая дивизия была в резерве. Войска Гота сразу же встретили ожесточенное сопротивление со стороны крупных сил танков и пехоты генерала Ватутина, одного из выдающихся русских полководцев. Сопротивление русских было настолько упорным и решительным, что потребовалась целая неделя, чтобы преодолеть расстояние в 50 км между Котельниково и рекой Аксай-Есауловский. Но утром 17 декабря 23-й гренадерской моторизованной дивизии удалось смелым ударом овладеть двумя переправами через реку Аксай-Есауловский. Таким образом последнее серьезное препятствие, разделявшее две армии, было преодолено и расстояние между ними сократилось до 70 км.

Но, как я указывал в предыдущей главе, именно этот момент был выбран маршалом Жуковым для начала нового крупного наступления против 8-й итальянской армии в среднем течении Дона в сочетании с сильными атаками против 48-го танкового корпуса на реке Чир[179]. Многочисленные танковые и пехотные соединения русских прорвали оборону итальянских войск на фронте почти 100 км и устремились через эту брешь на юг в направлении Ростова. Манштейн обладал железной выдержкой, и если бы можно было не трогать 4-ю танковую армию, он бы так и сделал. Но это было невозможно: потеря Ростова явилась бы

роковым событием для 48-го танкового корпуса, для армии Гота и для группы армий фельдмаршала фон Клейста на Кавказе. Вполне возможно, что Жуков со свойственной ему стратегической прозорливостью сознательно откладывал наступление на фронте 8-й итальянской армии до тех пор, пока не убедился, что все силы Гота оказались втянутыми в боевые действия. Тем самым Жуков, видимо, надеялся отрезать пути отхода всем нашим войскам на юге.

С болью в душе Манштейн был вынужден изъять 6-ю танковую дивизию из армии Гота и направить ее форсированным маршем на северо-запад с задачей воспрепятствовать развитию прорыва русскими войсками. Это была лучшая и пока еще незадействованная дивизия, и вполне возможно, что, если бы она осталась в составе 4-й армии, Готу удалось бы прорваться к Паулюсу. Кроме того, восточный фланг 4-й танковой армии подвергался непрерывным атакам русских. Пехотные дивизии Гота, состоявшие главным образом из слабых наземных частей ВВС, были связаны обороной железной дороги, которая шла от Котельниково к реке Аксай-Есауловский.

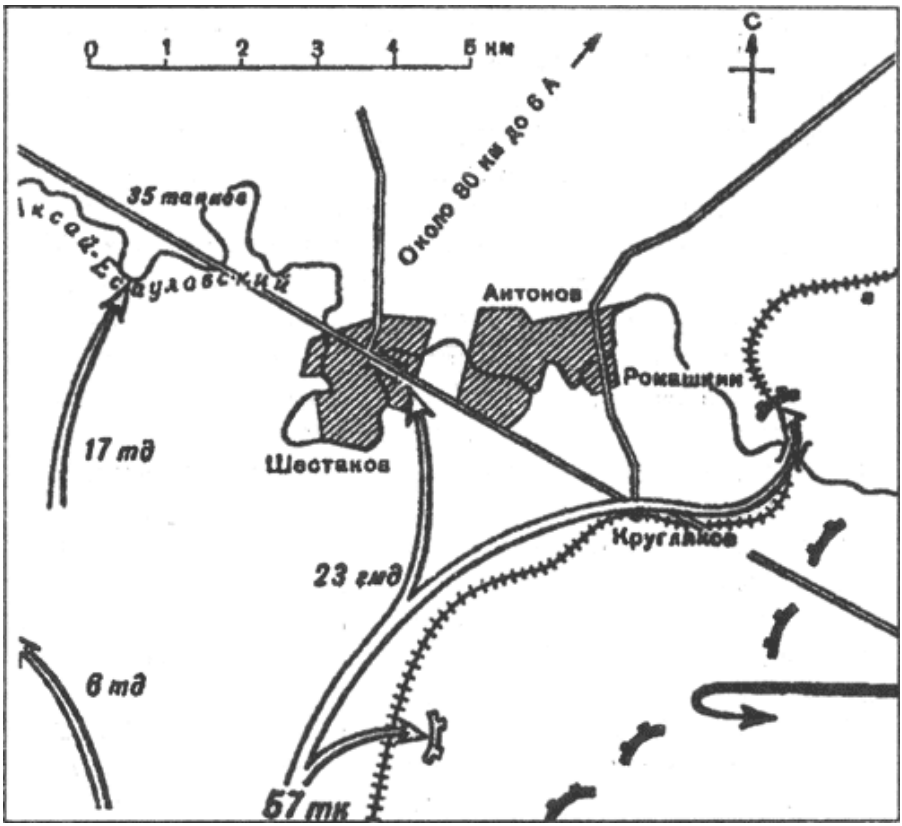
Несмотря на это очень чувствительное ослабление 57-го танкового корпуса, наступление продолжалось с большим упорством и настойчивостью; все солдаты горели желанием принести освобождение войскам в Сталинграде, для которых они оставались единственной надеждой. В основу приводимого ниже описания боевых действий положен рассказ офицера генерального штаба, принимавшего непосредственное участие в этих трагических боях. По моему мнению, этот рассказ заслуживает особого внимания, так как, хотя он и подтверждает, что в целом русские командиры частей и соединений в своих действиях медлительны и не энергичны, в нем признается, что ряд командиров, главным образом в танковых частях, способны принимать быстрые и смелые решения.

В двух танковых дивизиях, оставшихся в составе 4-й армии, насчитывалось всего до тридцати пяти танков; большинство машин вышло из строя из-за бездорожья или было потеряно в непрерывных тяжелых боях. Чтобы не распылять эти и без того слабые танковые силы, все тридцать пять танков были переданы в распоряжение 17-й танковой дивизии.

Местность, хотя и перерезанная бесчисленными узкими лощинами, была очень ровной: куда ни глянешь — ни одной возвышенности, кругом только степь, покрытая гладкой ледяной коркой. Река Аксай-Есауловский, возле которой развернулись бои, имела двадцать пять метров в ширину и глубокое ложе. Снега было очень мало, а морозы стояли сильные.

В этот период произошли полные трагизма события, историческое значение которых трудно переоценить. Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки привела к кризису Третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии.

Схема 33



Бои на реке Аксай-Есауловский (1)

Утром 17 декабря 128-й мотострелковый полк 23-й гренадерской моторизованной дивизии удерживал оборонительные позиции на северном берегу реки Аксай-Есауловский между Кругляковом, расположенным на ведущей к Сталинграду железнодорожной магистрали, и Шестаковом, где находился шоссейный мост через реку (железнодорожный и шоссейный мосты через Аксай-Есауловский были захвачены в полной исправности), 17-я танковая дивизия со своими тридцатью пятью танками сосредоточилась на левом фланге у Климовки (см. схемы 33 и 34). В этот день русская пехота при поддержке танков продолжала атаковать немецкий плацдарм у Круглякова, а пятнадцать русских танков были брошены в бой под

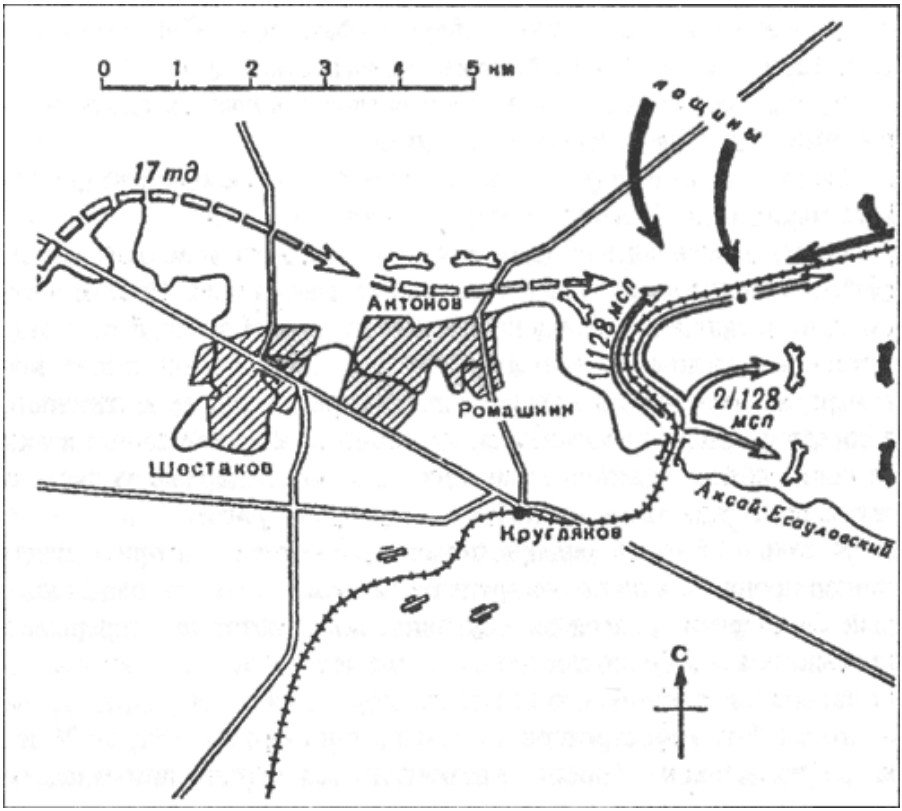
Шестаковом, который удерживался саперным батальоном 23-й гренадерской моторизованной дивизии. Атаки были отбиты с большими потерями, причем удалось установить участие в бою на стороне русских 87-й стрелковой дивизии и 13-й танковой бригады.

В ночь с 17 на 18 декабря 128-й мотострелковый полк произвел успешную атаку на правом фланге и расширил плацдарм до железнодорожной будки. В связи с этим генерал Гот счел возможным начать подготовку к продолжению своего наступления.

В 8.00 19 декабря 17-я танковая дивизия на левом фланге форсировала реку и продвинулась к Антонову. По сообщению разведки, русские за прошедшие сутки подтянули новые войска. В середине дня они силою до полка при энергичной поддержке авиации и танков контратаковали немецкие войска в районе железнодорожной будки, в то время как другая русская часть контратаковала мотопехоту из глубоких лощин северо-западнее будки. Вслед за пехотой у русских двигалось примерно до семидесяти танков, большинство из них поддерживало подразделения, контратаковавшие в районе будки. Тогда немецкие части, продвигавшиеся из района Антонова, вступили в бой. Сильный огонь зенитных орудий, полевой артиллерии и танков препятствовал маневру русских, и после девятичасового ожесточенного боя они вынуждены были отступить.

20 декабря 57-й танковый корпус предпринял попытку возобновить наступление, однако сопротивление русских было настолько упорным, а их огонь настолько сильным, что продвинуться не удалось. В течение двух последующих дней в районе железнодорожной будки шли ожесточенные бои, в ходе которых обе стороны несли большие потери. Правда, все атаки русских были отбиты, но они могли восполнить свои потери, немцы же такой возможности не имели. Силы немецких частей таяли, а на подкрепления не было никакой надежды. 23 декабря немецкие танки, наступавшие вдоль железной дороги, встретились с 80 русскими танками и после четырехчасового напряженного боя заставили их повернуть назад.

Схема 34



Бои на реке Аксай-Есауловский (2)

В канун Рождества русские крупными силами перешли в наступление. Будка на железной дороге была оставлена, 128-й мотострелковый полк оттеснен назад к железнодорожному мосту. На левом фланге сводный танковый полк понес такие тяжелые потери, что его пришлось отвести за реку Аксай-Есауловский в район населенного пункта Ромашкин. С наступлением темноты двадцать русских танков предприняли атаку на Шестаков, в то время как другие танки вели огонь с берега реки по Ромашкину. Началась ожесточенная артиллерийская дуэль. Наконец русские, видимо, не выдержали и отошли. Однако этот отход был предпринят лишь с целью ввести немцев в заблуждение: на рассвете тридцать русских танков ринулись на Шестаков и сломили сопротивление саперного батальона. При поддержке артиллерийского огня из района Антонова русские танки сделали попытку переправиться по мосту. Одному танку удалось проскочить, но под тяжестью второго танка мост рухнул.

Было ясно, что русские не удовлетворились ликвидацией немецкого плацдарма. Они хотели использовать сложившуюся обстановку, чтобы переправиться через реку и уничтожить

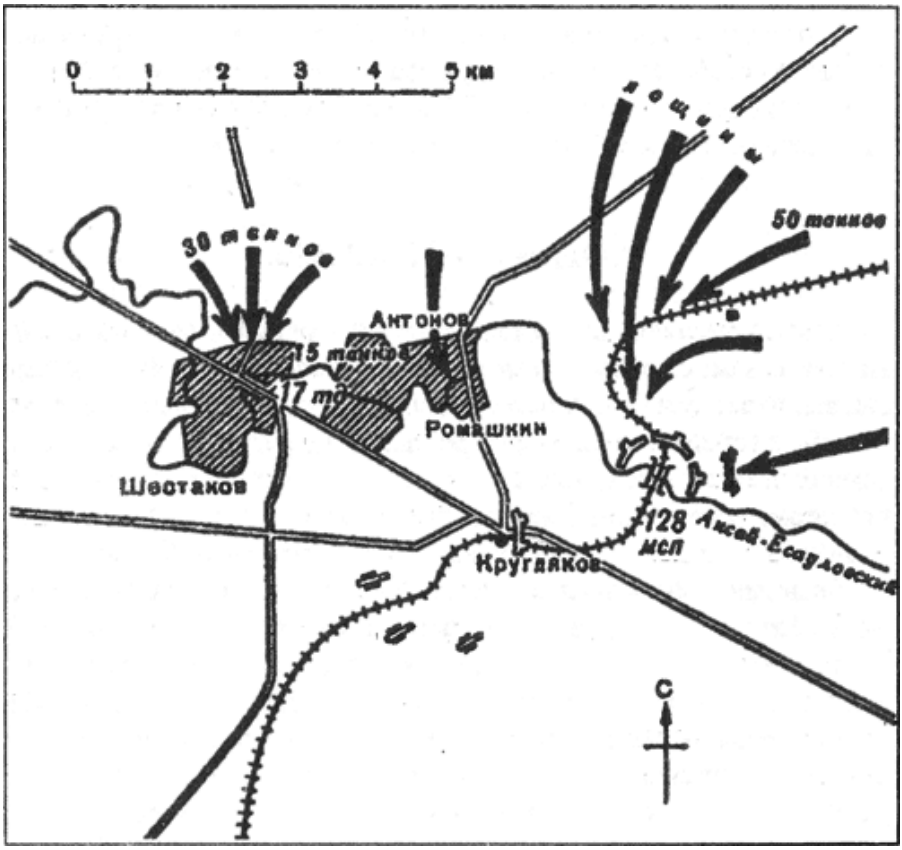
немецкие части, слабость которых выявилась в ходе непрерывных боев. Однако в тот тяжелый рождественский день все попытки русских овладеть плацдармом на южном берегу реки Аксай-Есауловский окончились неудачей, 88-мм пушки в этих боях подтвердили свою эффективность в борьбе с танками противника; несмотря на массированные атаки русской пехоты, предпринятые при сильной поддержке авиации и артиллерии, железнодорожный мост удалось удержать.

В ночь с 25 на 26 декабря пехота противника под прикрытием танков прорвалась по полуразрушенному мосту у Шестакова на южный берег реки. Благодаря подкреплениям, которые непрерывно подходили к наступавшим войскам, последние сумели ворваться в Ромашкин. В ночном бою за железнодорожный мост у Круглякова остатки 128-го мотострелкового полка были разбиты, и утром 26 декабря, когда русские бросили в атаку пятьдесят танков, они овладели мостом.

За утро русские соорудили импровизированный мост в Шестакове на двух танках — одном немецком и одном русском, которые упали в реку. Русские танки переправились по этому мосту на другой берег, и вскоре сопротивление немцев было сломлено. Остатки 57-го танкового корпуса отступили на юг.

Характерными особенностями этих трагических боев были высокая подвижность, быстрая реакция и необычайная стойкость обеих сторон. Основным боевым средством были танки, причем каждая из сторон понимала, что главной задачей танков является борьба с танками противника.

Схема 35



Бои на реке Аксай-Есауловский (3)

Русские не прекращали своих атак с наступлением темноты и стремились немедленно и решительно развить любой наметившийся успех. Иногда атаки проводились танками, мчавшимися на предельной скорости, и следует признать, что высокий темп наступления и сосредоточение сил были основными причинами успеха русских. В зависимости от сложившейся обстановки направления танковых ударов быстро изменялись. Я не могу с уверенностью сказать, что это объяснялось влиянием генерала Ватутина, но руководство боевыми действиями было на высоком уровне.

Что касается героизма, проявленного 57-м корпусом во время этой попытки освободить своих товарищей в Сталинграде, то на нем нет нужды больше останавливаться. К 26 декабря от 57-го корпуса почти ничего не осталось: он буквально «скоропостижно скончался».

Конец 6-й армии

Шестая армия была обречена, и теперь уже ничто не могло спасти Паулюса. Даже если бы каким-то чудом и удалось добиться от Гитлера согласия на попытку прорваться из окружения и измученные и полуголодные войска сумели бы разорвать кольцо русских, у них не было транспортных средств, чтобы отступить к Ростову по покрытой ледяной коркой степи. Армия погибла бы во время марша, подобно солдатам Наполеона в период отступления от Москвы к реке Березине.

Боевыми действиями в районе Сталинграда теперь руководил лично Гитлер: этот район стал именоваться «театром военных действий верховного командования». Гитлер взял на себя ответственность за все, что касалось Сталинграда. Он отдавал самые подробные приказы сталинградской группировке, находясь за 2000 км от нее, в Восточной Пруссии.

В результате наступления русских на Дону ими были захвачены два наиболее близко расположенных к 6-й армии аэродрома — у Морозовска и Тацинской. С этих аэродромов можно было делать по три рейса в день, что обеспечивало почти регулярное снабжение окруженных войск. Теперь, когда линия фронта отодвинулась на сотни километров, до Сталинграда требовалось уже лететь два-три часа, иными словами, за день можно было сделать только один рейс. Кроме того, погода ухудшилась, что еще более осложнило проблему снабжения немецких войск по воздуху.

Трудноразрешимой была также и проблема оказания помощи раненым, потому что у войск не было для этого самых необходимых вещей. До тех пор пока войска располагали кое-какими транспортными средствами, раненых отвозили на аэродром Питомник, откуда они эвакуировались на самолетах. Но затем из-за недостатка горючего и автомашин от этого пришлось отказаться. Число раненых и обмороженных росло так быстро, что было совершенно невозможно обеспечить эвакуацию даже в самых серьезных случаях. Большинство самолетов, число которых с каждым днем становилось все меньше, предпочитало сбрасывать груз, так как посадка была сопряжена с большими трудностями. Иногда за всю ночь не совершал посадки ни один самолет.

Полковник Динглер говорит:

«Я должен подчеркнуть, что летный состав выполнял работу, которую можно смело назвать нечеловеческой. Уж кого-кого, а летчиков никак нельзя винить за недостаточное снабжение окруженных частей.

Хотя все мы понимали безвыходность нашего положения, нигде не было и признаков паники. Моральное состояние солдат

было выше всяких похвал. Как правило, каждый был готов в любой момент помочь своему товарищу.

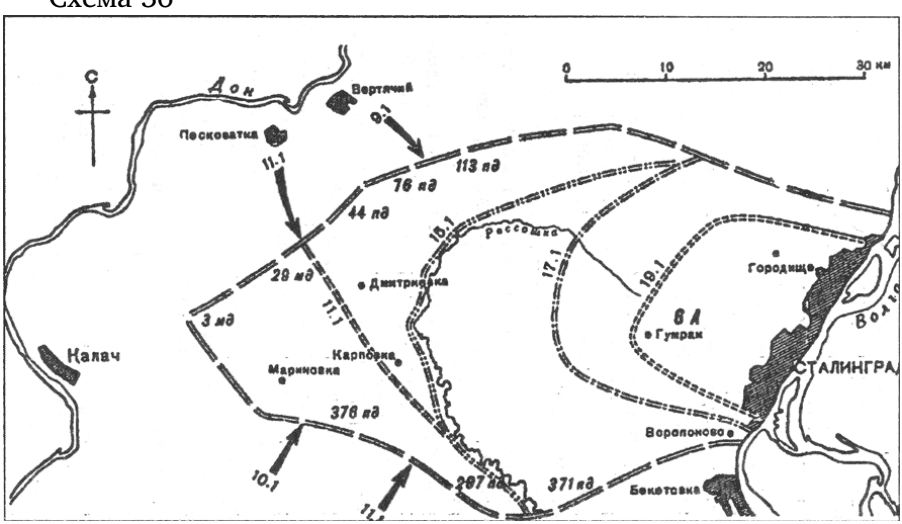
Примерно в это время мы начали обсуждать, что же делать, если произойдет самое худшее. Мы говорили о возможности сдаться в плен, о самоубийстве, о необходимости защищаться до конца, оставив себе последнюю пулю. Безусловно, сколько было людей, столько было и мнений, но надо подчеркнуть, что сверху в этом отношении никакого давления не оказывалось. Все эти вопросы должны были решаться каждым самостоятельно».

8 января русский парламентер вручил условия капитуляции, подписанные генерал-полковником Рокоссовским и маршалом артиллерии Вороновым. Эти условия предлагали «почетную сдачу, обеспечение нормального питания, оказание помощи раненым, сохранение оружия офицерскому составу, репатриацию после войны в Германию или любую другую страну». Основным условием ультиматума была передача в руки русских всего вооружения и техники в исправном состоянии. Немецкие войска узнавали об условиях капитуляции из листовок, которые в огромном количестве разбрасывали русские самолеты.

Динглер пишет:

«Предложение русских было отвергнуто. Оно было отвергнуто единодушно всем личным составом, потому что никто не верил обещаниям русских. Подсознательно наши солдаты, возможно, еще надеялись, что кто-то придет и вовремя выведет нас из плотного кольца окружения.

Схема 36



Последний этап Сталинградской битвы

Но была еще одна причина, заставившая наше командование отвергнуть ультиматум. Оно располагало данными о том, что

наши войска на Кавказе должны были начать отход. Под Сталинградом нас окружали три русские армии, и в случае нашей капитуляции они высвободились бы для действий на других фронтах. Если бы нам удалось продержаться, наша армия на Кавказе, возможно, сумела бы организованно осуществить намеченный отход».

10 января русские перешли в наступление под Сталинградом, бросив на город все имеющиеся в их распоряжении силы и средства. Главные удары наносились на южном и западном участках фронта. Если на южном участке противнику не удалось прорвать наши позиции, то «мариновский выступ», обороняемый 3-й моторизованной дивизией, пришлось оставить, и войска были вынуждены отступить на новую «линию обороны». В действительности же никаких оборудованных позиций там не было, и войска, понесшие большие потери, изнуренные, истощенные и обмороженные, лежали прямо на снегу. Тяжелую боевую технику и танки из-за отсутствия горючего пришлось бросить. С самого начала было ясно, что на таких «позициях» долго не продержаться.

Несколько солдат, попавших в плен, были отпущены русскими обратно после того, как им дали хлеба и сала. Противник, вероятно, думал, что они будут уговаривать и других сдаваться, но он просчитался: вернувшиеся солдаты заняли место рядом со своими товарищами без единого слова недовольства.

11 января русские вновь начали наступление на западный выступ. Им повезло: в этот момент наши части как раз совершали перегруппировку, 29-я моторизованная дивизия и 376-я дивизия были фактически уничтожены, остальные войска отошли и заняли оборону вдоль реки Россошка (см. схему 36). Новый рубеж проходил в глубоком снегу, окопов и блиндажей не было. Штаб 6-й армии определил этот рубеж как «передовую позицию».

16 января русские возобновили свои атаки с запада и с юга и стали неудержимо продвигаться в направлении Гумрака, последнего аэродрома, остававшегося у окруженных войск. Как только русские встречали упорное сопротивление, они останавливались и переходили в атаку на другом участке. К 19 января кольцо вокруг 6-й армии сильно сжалось. Паулюс созвал совещание командиров корпусов, на котором было выдвинуто предложение, чтобы все окруженные войска выступили одновременно 22 января и попытались мелкими группами пробиться к немецким позициям на Дону. Как замечает Динглер, «такой план можно было выдвинуть только в состоянии полного отчаяния», и он был отвергнут.

В этот период многие старшие командиры и офицеры штабов

получили приказ вылететь на самолете из сталинградского кольца. Среди них был и полковник Динглер. В то время разбитые части 3-й моторизованной дивизии, в которой служил полковник, оборонялись около водокачки в Воропоново. Вместе с генералом Хубе, командиром 14-го танкового корпуса, полковник Динглер должен был вылететь из Сталинграда и попытаться улучшить снабжение окруженных частей. С тяжелым сердцем оставлял он своих солдат.

Предварительно он посоветовался относительно своего отъезда с командиром дивизии и другими офицерами — они надеялись, что ему, возможно, удастся как-то облегчить их положение. На мотоцикле с коляской — единственном средстве транспорта, оставшемся в дивизии, — он поехал на аэродром в Гумрак. На дороге валялись трупы солдат, то и дело попадались сгоревшие танки, брошенные орудия — все свидетельствовало о том, что армия доживала свои последние дни. Аэродром являл собой ту же печальную картину: это была снежная пустыня с разбросанными по ней в беспорядке самолетами и автомашинами. Повсюду лежали трупы: слишком измученные, чтобы двигаться, солдаты умирали прямо на снегу.

На аэродроме поддерживался строгий порядок, никто не мог сесть в самолет без письменного разрешения начальника штаба армии. Предпочтение оказывалось раненым, хотя к этому времени до аэродрома могли добраться лишь те, кто был в состоянии идти или ползти. За ночь с 19 на 20 января на аэродроме в Гумраке совершили посадку только четыре самолета. Поскольку русские находились не больше чем в трех километрах, аэродром непрерывно обстреливался огнем артиллерии.

23 января Гумрак оказался в руках русских; последний аэродром был потерян, и с этого момента все грузы для окруженных войск приходилось только сбрасывать с самолетов.

В такой обстановке 6-я армия просуществовала еще одну неделю. 30 января русские овладели южной частью Сталинграда и захватили в плен Паулюса вместе с его штабом. Два дня спустя было ликвидировано сопротивление в северной части Сталинграда, и 3 февраля германское верховное командование передало следующее сообщение:

«Сражение за Сталинград закончилось. Верная своему долгу сражаться до последнего вздоха, 6-я армия под образцовым руководством фельдмаршала Паулюса была побеждена в неблагоприятно сложившихся условиях превосходящими силами противника».

Официальное сообщение вовсе не отражало подлинного отношения Гитлера к случившемуся. Данные, полученные после

войны, свидетельствуют о том, что сдача Паулюса в плен привела его в ярость: он ожидал, что вновь произведенный фельдмаршал покончит жизнь самоубийством. Гитлер заявил в своей ставке:

«Самым неприятным для меня лично является то, что я произвел его в фельдмаршалы. Я полагал, что он получил полное удовлетворение… И такой человек в последнюю минуту осквернил героические дела стольких людей! Он мог бы освободить себя от всех душевных страданий и уйти в вечность, став национальным героем, но он предпочитает отправиться в Москву»[180].

Русские захватили в плен 90 тыс. человек. 40 тыс. были эвакуированы по воздуху, следовательно, 140 тыс. солдат погибли в боях. Немецкая армия потерпела катастрофическое поражение.

Глава XIII
Крупный успех Манштейна

Отступление к Северному Донцу

Напомним, что 22 декабря штаб 48-го танкового корпуса и 11-я танковая дивизия получили приказ оставить рубеж реки Чир и как можно быстрее передвинуться в район Тацинской, примерно на 140 км к западу. Манштейн был вынужден предпринять этот шаг в связи с тем, что итальянская армия на Среднем Дону была разгромлена и к Рождеству передовые отряды 1-й гвардейской армии русских находились уже в 130 км от Ростова (см. схему 32).

Мы имели приказ объединить под своим командованием 6-ю и 11-ю танковые дивизии и восстановить фронт севернее и западнее Тацинской, где гвардейский танковый корпус русских наступал в направлении реки Северный Донец. Вместе с оперативной группой штаба корпуса я быстро прибыл в Тацинскую и развернул там командный пункт. В канун Рождества русские овладели крупным аэродромом западнее станицы, на котором базировались самолеты, доставлявшие грузы окруженным войскам.

6-я танковая дивизия имела задачу контратаковать севернее Тацинской и закрыть брешь в линии фронта, тем самым отрезав пути отхода прорвавшемуся гвардейскому корпусу, 11-й танковой дивизии поручалось уничтожить отрезанные русские войска. Совершенно ровная, покрытая снегом степь представляла собой идеальную местность для действий танков, и две танковые дивизии отлично выполнили свою задачу. Гвардейский корпус русских, окруженный 11-й танковой дивизией, посылал по радио отчаянные просьбы о помощи, причем большинство из них открытым текстом. Однако все было напрасно. Генерал Бальк и его части неплохо потрудились, и все окруженные войска были либо уничтожены, либо захвачены в плен.

В результате этой победы непосредственная угроза Ростову с северо-востока была устранена, но уже новая опасность надвигалась на нас на других участках огромного фронта. После ухода 11-й танковой дивизии оборонять позиции на реке Чир стало невозможно, и в последних числах декабря сопротивление немецких частей на этом рубеже было сломлено. Против оперативной группы Холлидт, оборонявшейся на реке Цимля в 50 км западнее Чира, русские бросили три армии. Южнее Дона

остатки 4-й танковой армии генерала Гота были выбиты из Котельниково и отброшены к реке Сал. В результате продвижения русских на этом направлении создавалась угроза Ростову с юга и возникала реальная опасность того, что будут перерезаны пути отхода группе армий фельдмаршала фон Клейста, пытавшейся в это время выйти с Кавказа.

Перед Манштейном стояла исключительно сложная стратегическая проблема, и он сумел ее разрешить. С присущим ему хладнокровием и рассудительностью он мастерски руководил боевыми действиями, вовремя идя на риск и умело перебрасывая, в зависимости от обстановки, свои небольшие резервы с одного участка на другой. Примером подобного рода оборонительной стратегии могут служить действия генерала Ли в Виргинии летом 1864 года.

В январе положение армий на Кавказе продолжало оставаться критическим. 17-я армия отходила на кубанский плацдарм, а 1-я танковая армия двигалась к Ростову. В это же время 48-й танковый корпус и оперативная группа Холлидт были оттеснены русскими к реке Северный Донец юго-восточнее Ворошиловграда. В состав 48-го танкового корпуса входили 6-я и 7-я танковые дивизии и 302-я пехотная дивизия, которая только что прибыла из Франции, где получила боевое крещение под Дьеппом. С этими соединениями мы успешно сдерживали яростные атаки русских на Северном Донце во второй половине января.

11-я танковая дивизия была выведена из состава 48-го танкового корпуса и с целью оказать помощь 4-й танковой армии в обеспечении отхода немецких войск с Кавказа переброшена южнее реки Дон. В этом районе произошел бой, заслуживающий подробного описания.

Бой под Манычской

В январе 4-я танковая армия была выбита со своих позиций на реке Сал и отброшена на реку Маныч юго-восточнее Ростова. Русские части под командованием генерала Еременко продвинулись вниз по реке до впадения Маныча в Дон (примерно в 30 км к востоку от Ростова). Кроме того, русские форсировали Маныч около Манычской и овладели этой станицей, расположенной на западном берегу реки. После этого они совершили смелый бросок в направлении Ростова и отрезали 1-й танковой армии пути отхода.

Было совершенно необходимо восстановить положение, и 22 января Манштейн переправил 11-ю танковую дивизию на южный берег Дона для поддержки контрудара 4-й танковой армии. Вот

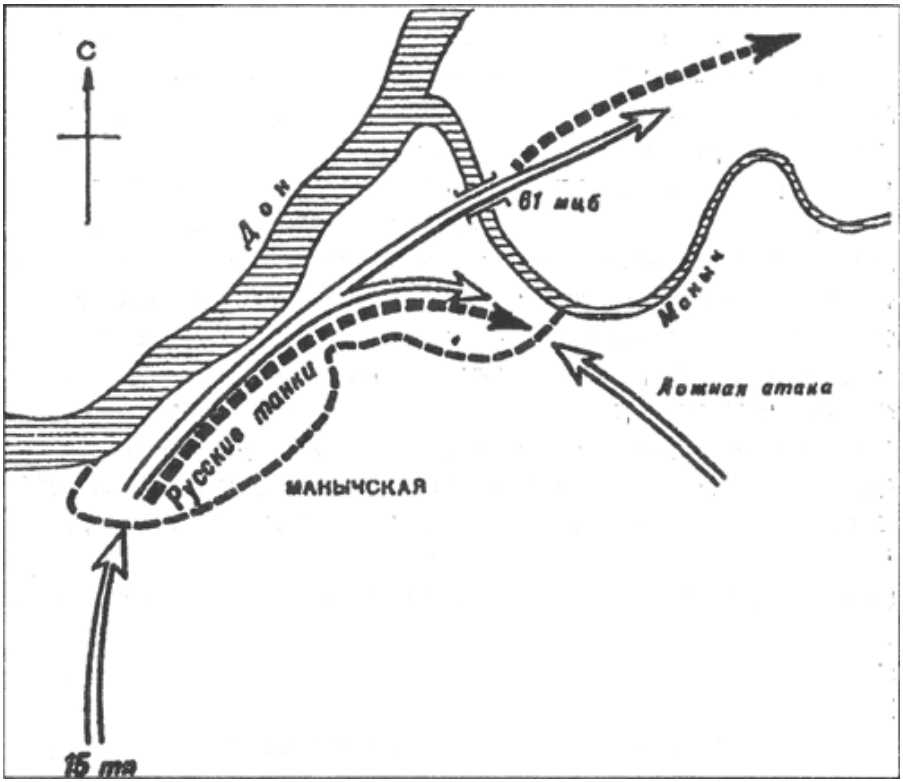
как, по словам генерала Балька, протекали боевые действия.

23 января 11-я танковая дивизия во взаимодействии с 16-й пехотной дивизией нанесла удар по наступавшим русским частям и отбросила их назад на плацдарм у Манычской. 24 января немцы атаковали станицу, но были отбиты. Важно было захватить станицу с ее большим мостом через реку Маныч, так как наличие этого моста в руках русских давало им возможность в любое время возобновить наступление на Ростов. 25 января 11-я танковая дивизия получила приказ ликвидировать плацдарм русских любой ценой: командование хотело как можно скорее перебросить эту дивизию на правый фланг 4-й танковой армии, где вновь создалось опасное положение.

Противник сильно укрепил станицу; многочисленные неподвижные танковые точки, расположенные между домами, было трудно не только подавить, но и обнаружить. Поэтому первая атака захлебнулась под огнем танков — правда, наши войска отделались довольно легко благодаря тому, что сумели вовремя отойти.

Для успеха второй атаки было важно заставить танки, укрытые главным образом в южной части станицы, выйти из своих убежищ. Чтобы добиться этого, вся наша артиллерия сосредоточила огонь на северо-восточной окраине станицы, и под прикрытием дымовой завесы здесь была предпринята ложная атака с использованием бронеавтомобилей и бронетранспортеров. Затем огонь дивизионной артиллерии был неожиданно перенесен на южную окраину и сосредоточен на участке предполагаемого прорыва: темп стрельбы был доведен до максимального. Только одна батарея продолжала поддерживать дымовыми снарядами ложную атаку.

Схема 37



Бой под Манычской 25 января 1943 г.

Артиллерийский обстрел еще продолжался, когда танки 15-го танкового полка атаковали станицу с юга и захватили оборонительные сооружения. Русские танки, перемещавшиеся в северную часть станицы, были атакованы с тыла и после ожесточенного боя уничтожены нашими танками. Пехота русских бежала за реку, даже не успев разрушить мост. В станице еще шел танковый бой, а 61-й мотоциклетный батальон уже преследовал русских на правом берегу Маныча.

Сперва штаб дивизии руководил боем с высоты южнее Манычской, но позднее выдвинулся вперед в боевые порядки первого эшелона. Немцы понесли незначительные потери: один человек был убит, четырнадцать ранено; русские потеряли двадцать танков и 500–600 человек убитыми и ранеными. Этот бой совершенно ясно показал, что можно с минимальными потерями добиться успеха, если существует хорошее взаимодействие между атакующими частями и они умело используют обстановку. В данном случае генерал Бальк решил осуществить прорыв именно в том самом месте, где была безуспешно предпринята предшествующая атака. Таким образом его ложная атака ввела русских в заблуждение.

Оценивая действия русских, следует сказать, что для них было бы лучше не создавать неподвижные танковые точки на переднем крае, а сосредоточить танки в резерве для проведения контратак.

Эта хорошо подготовленная атака 11-й танковой дивизии имела решающее значение для ликвидации наступления русских на Ростов с юга.

Контрудар Манштейна

15 января русское верховное командование нанесло еще один из своих сокрушительных ударов, на этот раз направленный против 2-й венгерской армии, которая оборонялась южнее Воронежа. Эти действия координировались маршалом Василевским; на этот участок фронта был также направлен маршал[181] Ватутин. Венгерские части по своим боевым качествам превосходили итальянцев и румын, но и они не могли сдержать лавину русских войск. Русские создали брешь до 280 км шириной и, развивая наступление, к концу января овладели Курском, а также переправились через Северный Донец юго-восточнее Харькова. Несмотря на успешный отход немецких армий с Кавказа, над Манштейном нависала угроза нового Сталинграда. Стрелы русских ударов зловеще тянулись к переправе через Днепр под Запорожьем — городом, служившим основной базой снабжения группы армий «Дон» (см. схему 38).

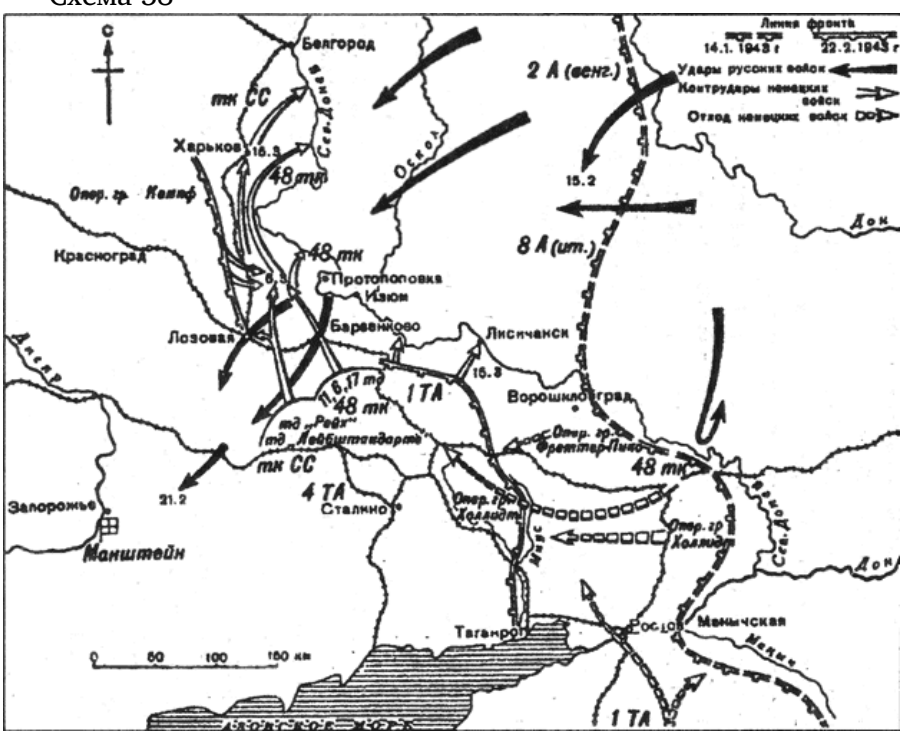
Манштейн имел все основания для беспокойства, но он знал, что сумеет найти правильное решение в сложившейся обстановке, если ему будет предоставлено право маневрировать и даже отходить там, где это будет необходимо. Но как раз в этом вопросе Гитлер был непреклонен. Он представлял себе оборонительные действия такими, какими они были на западноевропейском театре в 1914–1918 годах при сплошном фронте и упорных боях за каждый метр земли, и успехи его стратегии в России зимой 1941/42 года только укрепили в нем эти взгляды. В декабре 1941 года Гитлер отклонил выдвинутые предложения о широком отступлении. События показали, что он был прав. Сейчас 1-я и 4-я танковые армии Манштейна находились на северном берегу реки Дон. Манштейн был уверен, что, располагая такой ударной силой, он сумеет остановить наступление русских, если ему разрешат отойти с Северного Донца, оставить Ростов и занять оборону на значительно меньшем фронте по реке Миус — исходному рубежу, с которого началось наступление 1942 года. Гитлер категорически отказал в таком разрешении, но обстановка была слишком серьезной, и

Манштейн потребовал личной встречи с фюрером. 6 февраля Гитлер прибыл в штаб Манштейна близ Запорожья. Начались длительные и напряженные переговоры.

Возможно, сдача Паулюса за шесть дней до этой встречи повлияла на фюрера так, что он больше стал прислушиваться к даваемым ему советам; как бы то ни было, он уступил доводам Манштейна. Самое трудное препятствие на пути к победе было теперь преодолено, и Манштейн мог спокойно приступить к разработке своего плана.

В первой половине февраля все, казалось, складывалось для русских благоприятно. Оперативная группа Холлидт оставила свои позиции в нижнем течении Северного Донца и отступила через Ростов и Таганрог на оборонительные укрепления вдоль реки Миус. 10 февраля 48-й танковый корпус, который до этого отражал все атаки, отошел с рубежа реки Северный Донец и сосредоточился для новых действий севернее Сталино в центре Донецкого промышленного района.

Схема 38



Сражение на реке Северный Донец

16 февраля оперативная группа Кемпф была вынуждена эвакуировать Харьков, так как русские стали обходить ее северный фланг с направления Белгорода. Между группой Кемпф и левым флангом оперативной группы Фреттер-Пико у Изюма на

Северном Донце образовался разрыв. Русские воспользовались сложившейся обстановкой и устремились на юг из района Барвенково и на юго-запад через Лозовую. 21 февраля русские танки достигли Днепра, и их уже можно было наблюдать из расположения штаба Манштейна у Запорожья.

Манштейн сохранял полное спокойствие, он даже с удовлетворением наблюдал за продвижением русских.

17 февраля Гитлер вновь прибыл к Манштейну и потребовал, чтобы он немедленно захватил Харьков обратно. Манштейн объяснил, что чем дальше на запад и юго-запад продвинутся русские, тем больший эффект даст его контрудар. Он втягивал русских в крайне опасный для них котел, так как оперативная группа Кемпф благодаря полученным подкреплениям, в том числе гренадерской моторизованной дивизии «Великая Германия»[182], прочно удерживала оборону под Красноградом.

21 февраля оперативная группа Холлидт и 1-я танковая армия прочно удерживали фронт по берегу реки Миус и северо-восточнее Сталино. Северо-западнее этого города 4-я танковая армия была готова нанести контрудар; справа находился 48-й корпус в составе 6, 11 и 17-й танковых дивизий, а слева располагался танковый корпус СС в составе двух танковых дивизий — «Лейбштандарт» и «Рейх»[183].

22 февраля эти пять танковых дивизий начали свое наступление в северо-западном направлении. Удар наносился по сходящимся направлениям и осуществлялся при тесном взаимодействии всех соединений, 48-й танковый корпус наносил удар на Барвенково, и его стремительное продвижение явилось для русских полной неожиданностью. Через несколько дней 17-я танковая дивизия, наступавшая на правом фланге, вышла к Северному Донцу на участке Изюм — Протопоповка, а танковый корпус СС овладел Лозовой и установил контакт с оперативной группой Кемпф, которая наступала с запада.

Местность была почти вся открытая, слегка холмистая, со множеством замерзших ручьев. Она напоминала район западнее Сталинграда и очень походила на пустыню в Северной Африке. Русские войска, откатывавшиеся назад на север, были видны за 13–20 км, и артиллерия могла успешно вести по ним свой губительный огонь. Некоторым русским соединениям удалось избежать ловушки, но 1-я гвардейская армия и танковая группа Попова понесли огромные потери в живой силе и технике. К 6 марта несколько крупных танковых соединений и один кавалерийский корпус русских были полностью отрезаны 4-й танковой армией и оперативной группой Кемпф. Русские потеряли 615 танков и свыше 1000 орудий, 48-й танковый корпус

продвигался к этому времени уже восточнее Харькова, и к середине марта немецкие части вновь прочно удерживали Северный Донец фронтом на восток. Танковый корпус СС также продолжал успешное наступление: 15 марта немецкий флаг вновь развевался над главной площадью Харькова.

На фронте 1-й танковой армии между Лисичанском и Изюмом русские тоже были разбиты и отброшены за Северный Донец. Таким образом, Манштейн за несколько недель сумел осуществить успешный отход, провести контрудар, ликвидировать угрозу окружения, нанести большие потери победоносному противнику и восстановить сплошной фронт на юге от Таганрога до Белгорода. Хотя по количеству дивизий соотношение доходило до 8:1 в пользу русских[184], эти боевые действия еще раз показали, что могли сделать немецкие войска, руководимые опытными командирами по здоровым тактическим принципам, когда их не сковывали требованием «держаться любой ценой».

Учитывая сложность проблем, стоявших перед Манштейном в декабре 1942 — феврале 1943 года, можно сказать, что вряд ли кому-нибудь из полководцев периода Второй мировой войны удалось достигнуть такого успеха, каким являлся вывод немецких армий с Кавказа и последующий контрудар на Харьков. Немецкий военный публицист Риттер фон Шрамм говорил о «чуде на Северном Донце», но никакого чуда не было. Победа была достигнута мастерским анализом и расчетом.

Для контрудара 4-й танковой армии в феврале и марте было характерно следующее.

1. Вышестоящие командиры не ограничивали маневра танковых соединений, а ставили перед ними задачи на большую глубину.

2. Танковые соединения не беспокоились о своих флангах, так как высшее командование располагало, хотя и сравнительно небольшими, силами пехоты для обеспечения флангов.

3. Все командиры танковых соединений, до корпуса включительно, во время боя находились непосредственно в боевых порядках своих войск.

4. Атака предпринималась неожиданно для противника как по времени, так и по месту.

Фельдмаршал фон Манштейн доказал этой операцией, что массированным атакам русских нужно противопоставлять маневр, а не позиционную оборону. Слабость русского солдата — в его неспособности преодолевать встречающиеся неожиданности, и в этих условиях его легче всего победить[185]. Манштейн знал эту слабую сторону русских. Он также отдавал себе отчет в том, что

его сила заключается в лучшей подготовке подчиненных ему командиров, в их способности к самостоятельным действиям и умелому руководству. Поэтому он мог позволить своим дивизиям отступить на сотни километров, чтобы затем неожиданно нанести сокрушительный удар.

Политические проблемы

После контрнаступления на Харьков наступило сравнительное затишье, длившееся около трех месяцев, и я использовал представившуюся возможность для изучения прежде всего политических проблем России.

Когда у меня было время, я посещал заводы в Сталино и Харькове и старался как можно больше узнать об условиях жизни городского и сельского населения. Это имело и свою занимательную сторону: я научился многим веселым и живым украинским народным танцам.

Мне, к счастью, не пришлось близко познакомиться с партизанами, которые иногда действовали в непосредственной близости к фронту. Надо сказать, что открытые степи Украины не благоприятствовали действиям партизан, зато обширные лесные районы центральной и северной части России были в этом отношении идеальными. Что касается партизан, то мы, военные, придерживались принципа, который, по-моему, признан всякой армией: хорошо любое средство, пусть даже очень жестокое, если оно способствует защите войск от действий партизан, франтиреров и т. п.[186]

Начиная с семнадцатого века создавались законы и заключались соглашения по ведению боевых действий, но они не могут применяться к деятельности партизан, и на те правительства, которые сознательно организуют и поддерживают эту страшную форму ведения войны, ложится тяжелая ответственность. В Советском Союзе партизанские силы тщательно готовились и организовывались еще до войны. Однако успех этих сил зависит в значительной степени от поддержки местного населения.

Гитлер освободил русских от коммунистов-комиссаров, но поставил над ними своих рейхскомиссаров. Так, например, над украинцами был поставлен гаулейтер Кох, которого все ненавидели. Колхозы остались, их лишь переименовали в общины. Никакой русской армии создано не было, так как ее создание вынудило бы Гитлера к определенным обязательствам, а это шло вразрез с его политическими планами. С большой неохотой разрешили сформировать несколько местных казачьих и

украинских дивизий. Русским в виде снисхождения разрешалось только быть «Hiwi»[187] — это не накладывало на наших политических руководителей никаких обязательств. Вместо того чтобы оказаться в Сибири, тысячи русских мужчин и женщин оказывались в Германии, где их называли «остарбейтер» (рабочие с Востока). Фактически они были рабами.

Советская пропаганда не замедлила использовать в своих интересах огромные психологические ошибки, допущенные Гитлером и его рейхскомиссарами. Были восстановлены все традиции бывшей царской армии. Скоро перед нами появились гвардейские дивизии и бригады. Офицеры с гордостью носили золотые погоны, которые старые большевики считали раньше символом реакции. Было заключено соглашение даже с церковью.

Немецкая политика явилась одной из основных причин расширения партизанской войны, а от этого должен был страдать немецкий солдат. Большое число патриотически настроенных русских из-за безжалостного отношения к ним со стороны немецкой военной администрации уходило к партизанам. В конце войны, в сентябре 1944 года, когда на русской земле уже не оставалось ни одного немецкого солдата, генералу Власову разрешили формирование русской армии, но было слишком поздно.

Глава XIV
Курская битва

«Неудачи не должно быть»

В конце марта 1943 года на Восточном фронте наступила оттепель. «Маршал Зима» уступил свои права еще более властному «маршалу Грязи», и активные действия сами по себе прекратились. Все танковые дивизии и ряд пехотных дивизий были отведены с переднего края; в районе Харькова танковые соединения — 3, 6 и 11-я танковые дивизии, а также гренадерская моторизованная дивизия «Великая Германия» — были сосредоточены в руках командира 48-го танкового корпуса. Передышка была использована нами для обучения войск по тщательно составленному плану.

Сначала проводились занятия в масштабе взвода, а затем постепенно они были расширены до уровня дивизионных учений. Тренировка войск осуществлялась в условиях, приближенных к боевым, регулярно проводились боевые стрельбы. Я поставил перед собой задачу овладеть вождением танка «Тигр» и вскоре научился управлять этой массивной машиной и вести огонь из 88-мм орудия. Имея такое мощное орудие и очень прочную броню, «Тигр» до конца войны оставался лучшим из всех типов существующих танков. Уже во время контрнаступления на Харьков он показал отличные боевые качества. Русский танк «ИС» образца 1944 года был очень грозным противником, но я не считаю его равным «Тигру».

31 марта к нам приехал знаменитый генерал Гудериан. После неудачной попытки овладеть Москвой в 1941 году он впал в немилость, но долго игнорировать его замечательные способности было нельзя, и Гитлер назначил его генерал-инспектором бронетанковых войск. Гудериана особенно интересовали результаты боевого применения в недавнем наступлении батальона «тигров» дивизии «Великая Германия», и граф Штрахвиц, самый бесстрашный командир танкового полка, рассказал ему много интересных подробностей о новом танке. После посещения нашего корпуса Гудериан приказал ускорить выпуск «тигров» и «пантер»[188].

Все наши мысли были заняты предстоящими действиями, на которых не могла не отразиться общая стратегическая обстановка. К весне 1943 года военное положение Германии очень сильно ухудшилось. Моральное удовлетворение от

последней победы Манштейна в России не могло скрыть того факта, что общее соотношение сил изменилось и что перед нами стоит безжалостный противник, располагающий огромными и даже, по-видимому, неисчерпаемыми резервами. Надежда добиться быстрого окончания войны в России была похоронена навсегда осенью и зимой 1942 года. Нам оставалось теперь надеяться только на то, что противник не сумеет добиться победы и получится нечто вроде пата в шахматах; но даже и эта перспектива омрачалась крупными неудачами на других театрах военных действий. Подводная война давала все меньшие результаты. Тунис грозил стать новым Сталинградом, а англо-американские стратегические бомбардировки держали в постоянном напряжении население и промышленность рейха. Япония бездействовала, положение Италии было отчаянным.

Теперь Германия была вынуждена все время держать крупные силы в Италии и Западной Европе для отражения возможного или уже ставшего фактом вторжения. Кроме того, значительная часть нашей истребительной авиации была переброшена из России на Запад для борьбы с бомбардировочной авиацией союзников, активность которых возросла. Красный военно-воздушный флот становился грозной силой: помощь англичан и американцев начинала сказываться, и над полями боев появлялось все больше и больше русских самолетов. К счастью, эффективность их действий никак не соответствовала их численности, и мы все еще могли на отдельных участках фронта создавать на ограниченный период превосходство в воздухе. Тем не менее было ясно, что мы потеряли одно из наших важных преимуществ.

В этих условиях перед германским верховным командованием встала серьезная дилемма: либо перейти на Востоке целиком к обороне, либо предпринять наступление с ограниченной целью и попытаться уменьшить наступательную мощь русских. Скоро я был вовлечен в обсуждение этого вопроса в высших сферах, так как в начале апреля я получил краткосрочный отпуск и мне приказали явиться к начальнику генерального штаба генералу Цейтцлеру. Ставка ОКХ в то время находилась в Восточной Пруссии, в крепости Лётцен, в районе Мазурских озер — районе, который воскрешает в памяти победы Гинденбурга в 1914 году. Я доложил Цейтцлеру о роли 48-го танкового корпуса в недавних боях и узнал, что он готовил большое наступление, в котором нам отводилась очень важная задача.

Конечно, принимая во внимание потери, понесенные за предыдущие годы, не могло быть и речи о решающем наступлении. Цель, которую ставил перед собой Цейтцлер,

носила ограниченный характер: он предполагал срезать большой русский выступ, который включал Курск и вклинивался в наши позиции на 120 км. Успешное наступление в этом районе привело бы к уничтожению нескольких советских дивизий и к значительному ослаблению наступательной мощи Красной армии. 48-й танковый корпус, входивший в состав 4-й танковой армии, должен был явиться острием главного удара, наносимого с юга. Я мог только приветствовать такое решение: наши закаленные и испытанные в боях танковые дивизии в недавнем наступлении на Харьков не понесли больших потерь и были готовы принять участие в новом сражении, как только позволит состояние дорог. Кроме того, в этот период оборонительные сооружения русских вокруг Курска никак не могли выдержать решительного наступления.

Затем Цейтцлер добавил, что Гитлер хочет добиться более крупного успеха и поэтому предлагает отложить начало наступления до прибытия бригады танков типа «Пантера». Я сомневался в правильности такого соображения и доложил, что, согласно последним разведывательным данным, русские еще не оправились от наших недавних ударов и не успели восполнить потери, понесенные в ходе быстрого и тяжелого отступления от Харькова; поэтому задержка на один-два месяца сделала бы осуществление нашей задачи значительно более трудным.

Таково было мое первое знакомство с роковой Курской битвой — последним крупным наступлением немцев на Востоке.

Цейтцлер изложил в общих чертах план новой операции (кодовое наименование «Цитадель»). Для образования огромных клещей сосредоточивались все имеющиеся в наличии танковые силы. Генерал-полковник Модель со своей 9-й армией наносил удар с севера, а 4-я танковая армия генерала Гота должна была наступать с юга. Предполагалось, что в первом эшелоне Гот будет иметь восемь танковых дивизий, а Модель — пять. Планировалось участие в наступлении и пехотных дивизий: их хотели перебросить с соседних участков фронта, которые, таким образом, были бы оголены сверх всякой меры. Со стратегической точки зрения «Цитадель» являлась крайне опасной операцией, так как в это огромное наступление должны были бросить фактически все оперативные резервы.

На карту было поставлено очень многое, поэтому не могли не появиться сомнения. Вначале идею наступления горячо поддерживал фельдмаршал Манштейн, который полагал, что, если мы быстро нанесем удар, может быть одержана значительная победа[189]. Однако Гитлер продолжал откладывать наступление, отчасти для сосредоточения более крупных сил, а

отчасти и потому, что очень сомневался в возможности нашего успеха. В начале мая он созвал в Мюнхене совещание, чтобы выслушать мнение командующих, на которых возлагалось проведение операции. Фельдмаршал фон Клюге, командующий группой армий «Центр», был полностью за наступление, Манштейн теперь уже колебался, а Модель предъявил аэрофотоснимки, которые говорили о том, что русские заняты сооружением мощных оборонительных позиций у северного и южного фасов выступа и что они отвели свои подвижные войска из района западнее Курска. Это показывало, что русские знали о предполагаемом наступлении и принимали соответствующие меры.

Генерал-полковник Гудериан заявил, что наступление под Курском «бессмысленно»: тяжелые танки неминуемо понесут большие потери, а это сорвет его планы реорганизации танковых войск. Он предостерег от переоценки «пантер», так как у этих танков, на которые «начальник генерального штаба возлагает такие большие надежды, обнаружено много недостатков, свойственных каждой новой конструкции, и трудно надеяться на их устранение до начала наступления». Но генерал Цейтцлер все еще верил в победу, а Гитлер, сбитый с толку высказанными на совещании различными мнениями, отложил принятие решения на более поздний срок.

Схема 39

Операция «Цитадель»

На этом совещании Гитлер сделал важное и совершенно правильное замечание: «Неудачи не должно быть!» 10 мая Гудериан вновь виделся с Гитлером и убеждал его отказаться от наступления. Гитлер ответил: «Вы совершенно правы. Как только я начинаю думать об этой операции, мне становится нехорошо». Однако под нажимом Кейтеля и Цейтцлера он в конце концов уступил и согласился на операцию грандиозного масштаба. Удар с юга должен был наноситься десятью танковыми, одной гренадерской моторизованной и семью пехотными дивизиями. В наступлении с севера должны были принимать участие семь танковых, две гренадерские моторизованные и девять пехотных

дивизий[190].

Этой операции суждено было стать величайшей танковой битвой в истории войн.

Подготовка

Два месяца огромная тень «Цитадели» покрывала Восточный фронт, и все наши мысли были заняты только этой операцией. Нас тревожило, что после всей проделанной нами работы по боевой подготовке войск германский генеральный штаб, не желая учитывать горький опыт прошлого года, так неосторожно пускается в опасную авантюру, в которой на карту ставится судьба последних резервов. С каждой неделей становилось все яснее, что выиграть в этой операции мы можем мало, но зато, возможно, очень многое потеряем. Гитлер продолжал откладывать начало наступления под предлогом того, что не были готовы «пантеры», однако из мемуаров Гудериана явствует, что фюрер сомневался в самом замысле операции «Цитадель». На этот раз предчувствие не обмануло его.

Всем известно, что планы и подготовительные мероприятия операций такого масштаба невозможно долго держать в тайне. Русские реагировали на наши действия как раз так, как мы предполагали. Они совершенствовали оборону на вероятных направлениях нашего прорыва, строили несколько оборонительных рубежей и превращали в мощные узлы сопротивления важные в тактическом отношении населенные пункты. Весь район был буквально усеян минами, а у основания выступа сосредоточили очень сильные резервы пехоты и танков. Если бы операция «Цитадель» была начата в апреле или мае, она, вероятно, дала бы значительные результаты, но к июню обстановка коренным образом изменилась. Русские знали, что их ждет, и превратили Курскую дугу в новый Верден. Если бы даже мы и преодолели минные поля и срезали Курский выступ, мы не многого бы добились. Потери с нашей стороны, конечно, были бы огромными, и мы вряд ли смогли бы что-либо сделать с окруженными в котле многочисленными русскими дивизиями. Что касается резервов русских и упреждения их летнего наступления, то, пожалуй, было более вероятным, что наши собственные резервы перестанут существовать. Вспомните, что заявил генерал Мессими перед наступлением Нивеля в апреле 1917 года: «Орудия вы захватите, пленных и территорию тоже, но понесете огромные потери и не достигнете стратегических результатов»[191].

Германское верховное командование совершало точно такую

же ошибку, что и за год до этого. Тогда мы штурмовали Сталинград, теперь мы должны были брать превращенный в крепость Курский выступ. В обоих случаях немецкая армия лишалась всех своих преимуществ, связанных с ведением маневренных действий, и должна была вести бои с русскими на выбранных ими позициях. А ведь кампания 1941 и 1942 годов доказала, что наши танковые войска фактически не знали поражений, если они получали возможность свободно маневрировать на огромных просторах России. Вместо того чтобы попытаться создать условия для маневра посредством стратегического отступления и внезапных ударов на спокойных участках фронта, германское командование не придумало ничего лучшего, как бросить наши замечательные танковые дивизии на Курский выступ, ставший к этому времени сильнейшей крепостью в мире.

К середине июня фельдмаршал фон Манштейн и все без исключения его командиры соединений пришли к выводу, что осуществление операции «Цитадель» является безумием. Манштейн решительно настаивал на отказе от наступления, но его не пожелали слушать. Наступление в конце концов было назначено на 4 июля. Для Соединенных Штатов это был праздник Дня Независимости, а для Германии — начало конца.

Вообще говоря, план был очень прост: 4-я танковая армия с юга и 9-я армия с севера должны были наступать навстречу друг другу и соединиться восточнее Курска, 4-я армия наносила главный удар по обе стороны Томаровки, имея слева 48-й танковый корпус, а справа танковый корпус СС. В состав танкового корпуса СС входили три танковые дивизии: «Лейбштандарт», «Мертвая голова» и «Рейх». Оперативная группа Кемпф (один танковый и два пехотных корпуса) должна была наступать из района Белгорода в северо-восточном направлении, обеспечивая правый фланг войск, наносящих главный удар. В составе 48-го танкового корпуса мы имели 3-ю и 11-ю танковые дивизии и гренадерскую моторизованную дивизию «Великая Германия».

«Великая Германия» была очень сильной дивизией и имела особую организацию. Она располагала примерно 180 танками, 80 из которых составляли батальон «пантер» под командованием подполковника фон Лаухерта, а остальные входили в состав танкового полка. В дивизии было, кроме того, два полка мотопехоты — гренадерский и мотострелковый. Имелся также артиллерийский полк четырехдивизионного состава[192], дивизион самоходных орудий, противотанковый дивизион, саперный батальон и обычные подразделения связи и

обслуживания. В первый и последний раз за всю войну в России дивизии получили перед наступлением отдых в течение нескольких недель и были полностью укомплектованы личным составом и материальной частью, 11-я и 3-я танковые дивизии имели по танковому полку с 80 танками и всю положенную артиллерию.

Таким образом, 48-й танковый корпус располагал примерно 60 самоходными орудиями и более чем 300 танками — такой ударной силы у него уже никогда больше не было.

Местность, на которой должно было развернуться наступление, представляла собой пересеченную множеством речек, ручейков и оврагов широкую равнину с разбросанными по ней в беспорядке населенными пунктами и рощами. Река Пена, протекавшая по этой равнине, имела быстрое течение и крутые берега. К северу местность несколько повышалась, что создавало благоприятные условия для обороны. Проселочные дороги во время дождя становились непроходимыми для всех видов автотранспорта. Густые хлеба затрудняли наблюдение. В общем, если эту местность и нельзя было назвать вполне «танкодоступной», то уж считать ее «танконедоступной» было совершенно неверно. Несколько недель пехота находилась на позициях, откуда должно было начаться наступление. Начиная от командиров рот все офицеры, командовавшие наступающими войсками, целые дни проводили на этих позициях с целью изучить местность и систему обороны противника. Были приняты все меры предосторожности; чтобы противник не обнаружил танковых частей и не догадался о подготовке наступления, никто из танкистов не носил своей черной формы. План огня и взаимодействие между артиллерией и пехотой были тщательно разработаны. Каждый квадратный метр Курского выступа был сфотографирован с воздуха. Но, хотя эти снимки и давали представление о расположении русских позиций, их длине по фронту и глубине, они не могли вскрыть систему обороны во всех деталях или дать указание на силу оборонявшихся войск, так как русские — большие мастера маскировки. Мы, безусловно, в значительной степени недооценивали их силы[193].

Особенно серьезная подготовка велась для обеспечения самого тесного взаимодействия между авиацией и наземными войсками. Действительно, ни одно наступление не было так тщательно подготовлено, как это. В дневное время не разрешалось никаких передвижений. Сосредоточение такого большого количества танков и мотопехоты было нелегкой задачей, особенно если учесть, что удобных дорог было мало. Целые ночи напролет штабные офицеры, ответственные за

передвижения войск, стояли у дорог и перекрестков для обеспечения безостановочного движения частей. Дожди не позволяли строго выдерживать график, но сосредоточение войск все-таки было закончено вовремя и без какого-либо противодействия со стороны русских.

В отличие от обычной практики мы должны были начать наступление не на рассвете, а в середине дня. День 4 июля выдался жарким и душным, во всем чувствовалась какая-то напряженность. Моральный дух наступающих войск был необычайно высок: они готовы были понести любые потери, но выполнить все поставленные перед ними задачи. К несчастью, задачи им ставились не те, которые нужно было ставить.

Наступление

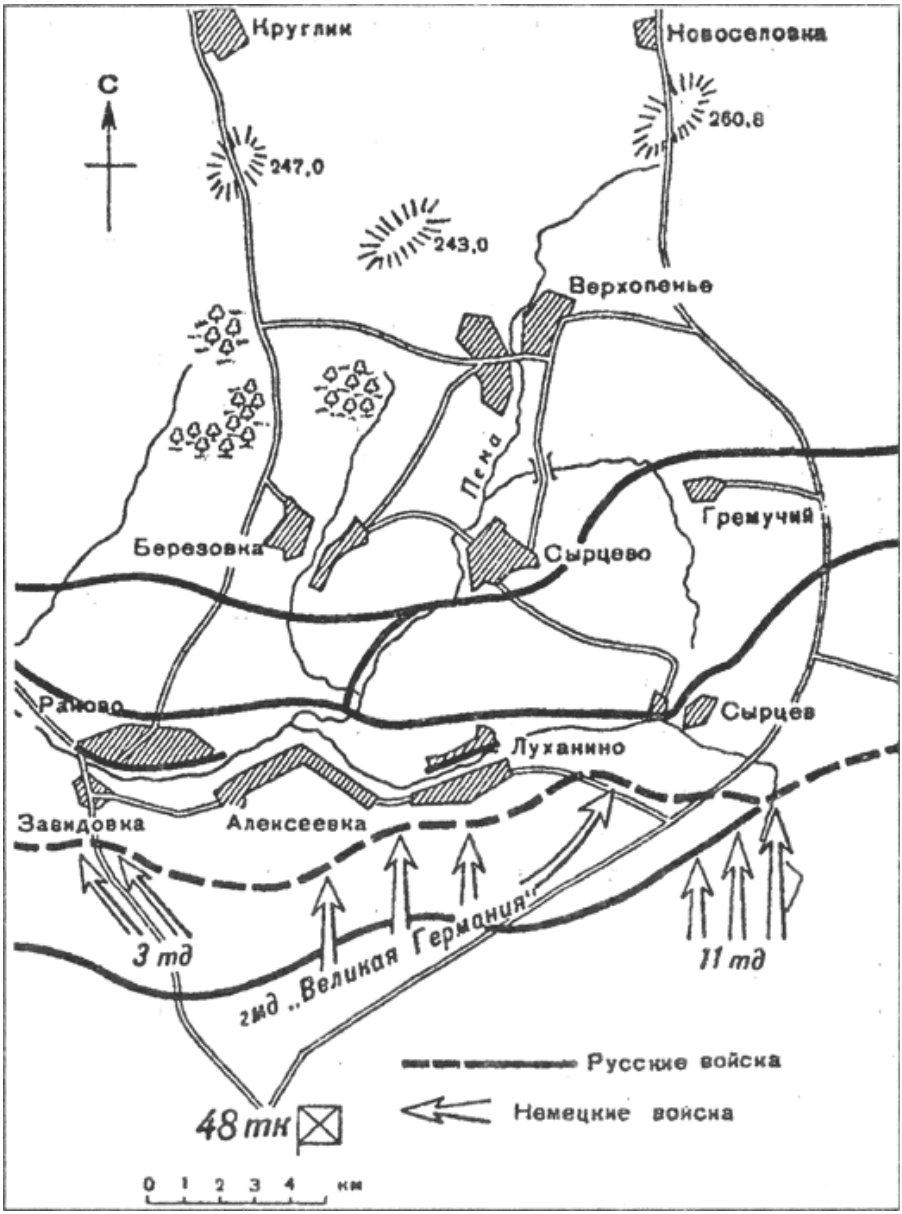
Курская битва началась ровно в 15 час 4 июля, когда после короткой, но сильной артиллерийской и авиационной подготовки немецкие войска атаковали позиции русских войск. В полосе 48-го танкового корпуса передний край обороны русских проходил в 5 км южнее деревень Луханино, Алексеевка и Завидовка. Гренадерам и стрелкам при поддержке самоходных орудий и саперных подразделений к вечеру удалось вклиниться в оборону противника. Ночью подошли танки, и гренадерская моторизованная дивизия «Великая Германия» получила приказ начать на следующее утро наступление на участке между населенными пунктами Сырцево и Луханино (схема 40). Справа и слева от нее должны были наступать 11-я и 3-я танковые дивизии. Но, как назло, прошедшей ночью сильный дождь превратил местность по берегам ручья между Сырцевом и Завидовкой в сплошное болото, что очень сильно затрудняло овладение вторым оборонительным рубежом русских севернее ручья.

На второй день наступления мы встретили ожесточенное сопротивление, и, несмотря на все усилия наших войск, им не удалось продвинуться вперед.

Перед дивизией «Великая Германия» находилось болото, а по ее плотным боевым порядкам вела сильный огонь русская артиллерия. Саперы не смогли навести необходимых переправ, в результате многие танки стали жертвой советской авиации — в ходе этого сражения русские летчики, несмотря на превосходство в воздухе немецкой авиации, проявляли исключительную смелость. В районе, занятом немецкими войсками, в первый день боев откуда-то появлялись русские, и разведподразделения дивизии «Великая Германия» вынуждены были вести с ними борьбу. Невозможно было преодолеть ручей и болото также и в

ночь с 5 на 6 июля. На левом фланге все попытки 3-й танковой дивизии овладеть Завидовкой не дали никаких результатов, так же как и атаки «Великой Германии» на Алексеевку и Луханино. Войскам приходилось наступать по сплошному минному полю; действия обороняющихся по всему фронту поддерживались танками, использовавшими все преимущества расположенных на возвышенности позиций. Наши части несли значительные потери, а 3-я танковая дивизия была даже вынуждена отражать контратаки противника. Несмотря на неоднократные массированные удары нашей авиации по позициям русской артиллерии, ее огонь не ослабевал.

Схема 40



Курская битва (положение на 4 июля 1943 г.)

7 июля, на четвертый день операции «Цитадель», мы наконец добились некоторого успеха. Дивизия «Великая Германия» сумела прорваться по обе стороны хутора Сырцев, и русские отошли к Гремучему и деревне Сырцево. Откатывающиеся массы противника попали под обстрел немецкой артиллерии и понесли очень тяжелые потери. Наши танки, наращивая удар, начали продвижение на северо-запад, но в тот же день были остановлены сильным огнем под Сырцево, а затем контратакованы русскими

танками. Зато на правом фланге мы, казалось, вот-вот одержим крупную победу: было получено сообщение, что гренадерский полк дивизии «Великая Германия» достиг населенного пункта Верхопенье (схема 41). На правом фланге этой дивизии была создана боевая группа для развития достигнутого успеха. Она состояла из разведотряда и дивизиона штурмовых орудий. Эта группа получила задачу продвинуться до высоты 260,8 южнее Новоселовки. Когда эта боевая группа достигла Гремучего, там уже находились подразделения гренадерского полка. Гренадеры были уверены, что они в Новоселовке, и никак не хотели поверить, что были лишь в Гремучем. Таким образом, сообщение об успехе гренадеров оказалось ложным. Подобные случаи на войне не редкость, и надо сказать, что в России их было особенно много.

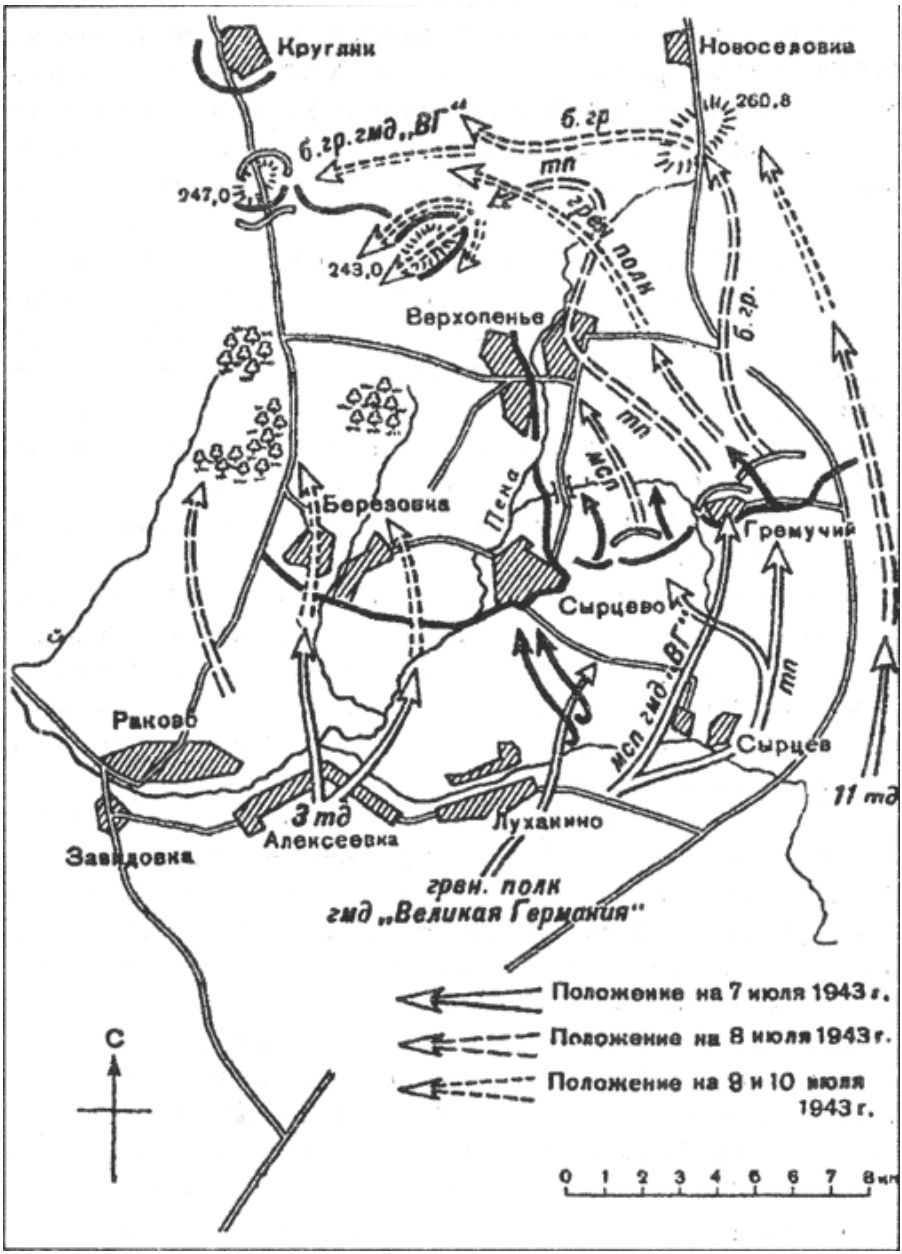
Высота севернее Гремучего, несмотря на упорное сопротивление, была вечером взята, а танковый полк выбил русские танки с высоты 230,1. Наступившая темнота прервала бой. Войска были измучены, 3-я танковая дивизия не смогла далеко продвинуться. 11-я танковая дивизия вышла на уровень передовых подразделений дивизии «Великая Германия», чье дальнейшее продвижение было приостановлено огнем и контратаками на левом фланге, где была задержана и 3-я танковая дивизия.

8 июля боевая группа в составе разведотряда и дивизиона штурмовых орудий дивизии «Великая Германия» вышла на большак и достигла высоты 260,8, затем эта группа повернула на запад, с тем чтобы оказать поддержку танковому полку дивизии и мотострелковому полку, которые обошли Верхопенье с востока. Однако село все еще удерживалось значительными силами противника, поэтому мотострелковый полк атаковал его с юга. На высоте 243,0 севернее села находились русские танки, имевшие прекрасный обзор и обстрел, и перед этой высотой атака танков и мотопехоты захлебнулась. Казалось, повсюду находятся русские танки, наносящие непрерывные удары по передовым частям дивизии «Великая Германия».

За день боевая группа, действовавшая на правом фланге этой дивизии, отбила семь танковых контратак русских и уничтожила двадцать один танк Т-34. Командир 48-го танкового корпуса приказал дивизии «Великая Германия» наступать в западном направлении, с тем чтобы оказать помощь 3-й танковой дивизии, на левом фланге которой создалась очень тяжелая обстановка. Ни высота 243,0, ни западная окраина Верхопенья в этот день не были взяты — больше не оставалось никаких сомнений в том, что наступательный порыв немецких войск иссяк, наступление

провалилось.

Схема 41



Курская битва (7—10 июля 1943 г.)

Все же 9 июля 3-й танковой дивизии удалось, наконец, продвинуться левее дороги Раково — Круглик и подготовиться для нанесения флангового удара на Березовку. В ночь с 9 на 10 июля танки этой дивизии ворвались в Березовку с запада, но общее продвижение на север было вновь остановлено перед

небольшим лесом севернее деревни.

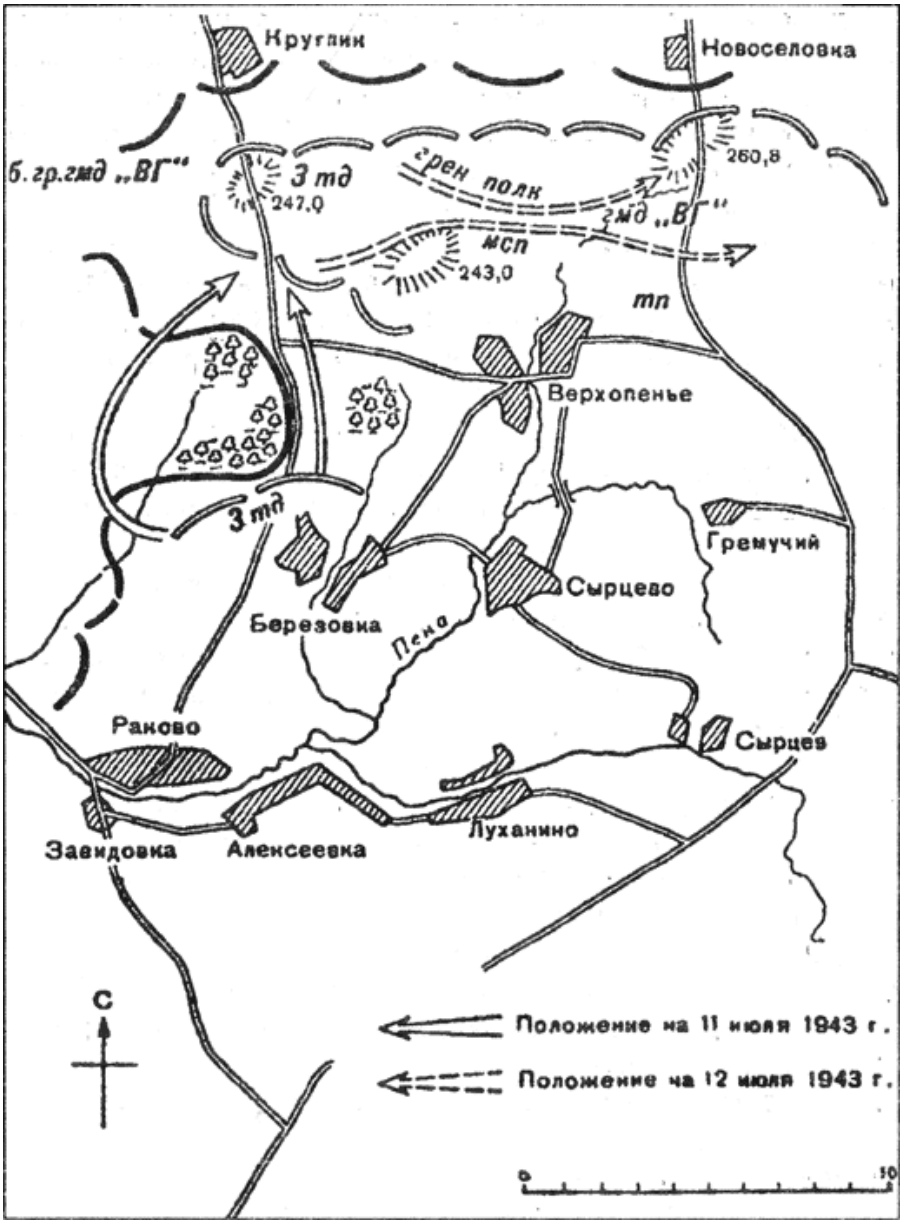
11-й танковой дивизии не удалось далеко продвинуться, а танковый корпус СС, действовавший правее нашего корпуса, был вынужден отбивать сильные контратаки танков по всему фронту. Так же как и нам, ему не удалось добиться большого территориального успеха.

Правда, 4-я танковая армия продвигалась слишком медленно, но все-таки мы добились значительно большего, чем наши товарищи на северном фасе, выступа. Генерал Гудериан пишет о своем посещении наступавшей там 9-й армии:

«…90 танков „Тигр“ фирмы „Порше“, использовавшихся в армии Моделя, показали, что они не соответствуют требованиям ближнего боя; эти танки, как оказалось, не имели даже достаточного количества боеприпасов. Положение обострялось еще и тем, что у них не было пулеметов, и поэтому, врываясь на оборонительные позиции противника, они должны были буквально стрелять из пушек по воробьям. Им не удалось ни уничтожить, ни подавить противника, чтобы дать возможность продвигаться своей пехоте. К русским артиллерийским позициям они вышли одни, без пехоты. Несмотря на исключительную храбрость и неслыханные потери, пехота дивизии Вейдлинга не смогла использовать успеха танков. Продвинувшись примерно на 10 км, войска Моделя были остановлены».

После недели упорных и почти беспрерывных боев в частях дивизии «Великая Германия» появились признаки усталости; надо сказать, что к тому времени дивизия уже понесла значительные потери в людях. 10 июля она получила приказ повернуть на юг и юго-запад и уничтожить противника на левом фланге. Танковый полк, разведотряд и гренадерский полк имели задачу наступать в направлении высоты 243,0 и севернее от нее; в последующем они должны были захватить высоту 247,0 южнее Круглик и продвигаться на юг к роще севернее Березовки, где русские сдерживали продвижение 3-й танковой дивизии. Предполагалось, что эти действия будут поддержаны крупными силами авиации.

Схема 42



Курская битва (11–12 июля 1943 г.)

Удары с воздуха давали исключительный эффект, о чем свидетельствует следующая запись в журнале боевых действий разведотряда:

«Мы с восхищением следили за действиями пикирующих бомбардировщиков, непрерывно атаковывавших русские танки. Одна за другой появлялись эскадрильи пикирующих бомбардировщиков и сбрасывали свой смертоносный груз на русские машины. Ослепительная вспышка показывала, что еще

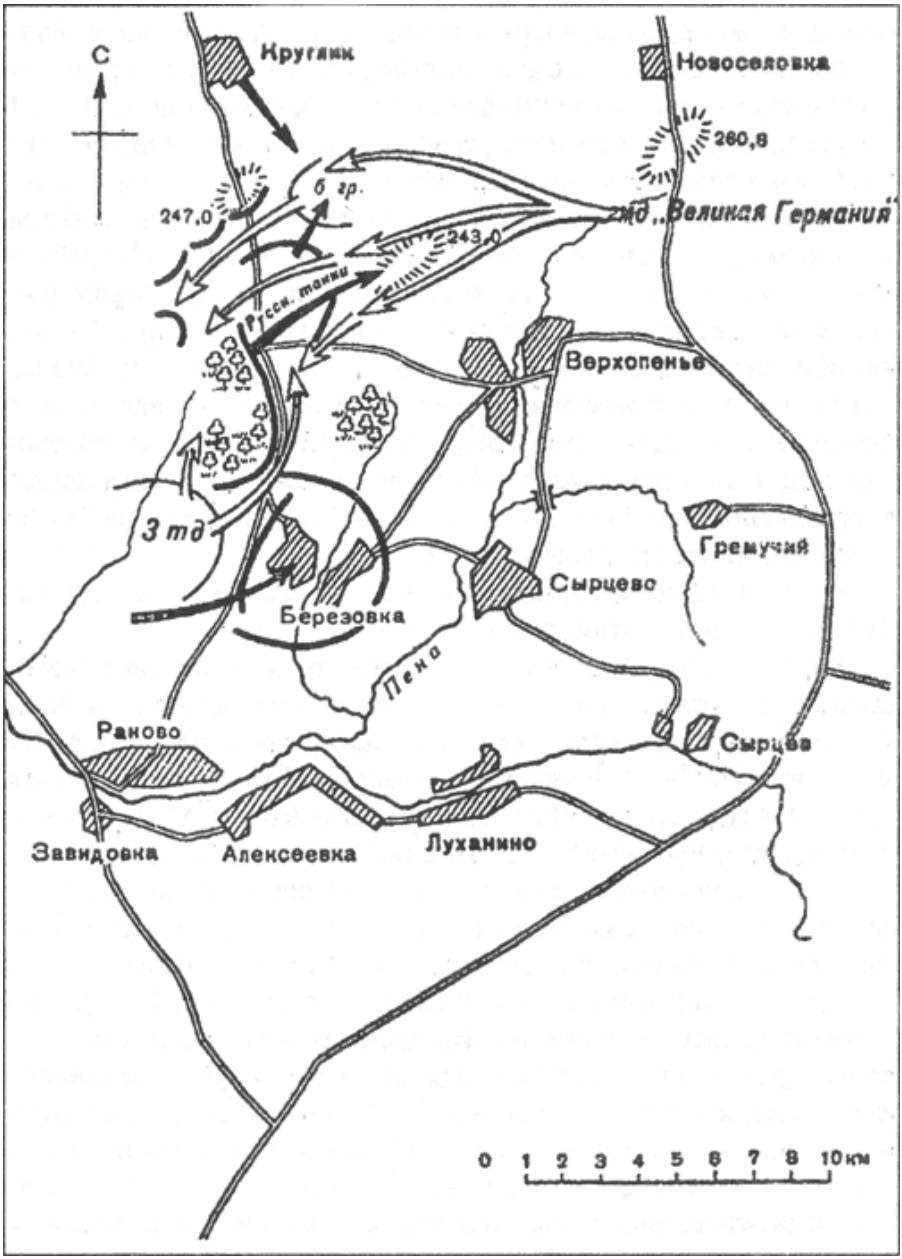
один танк противника „готов“. Это повторялось снова и снова».

При замечательной поддержке авиации дивизия «Великая Германия» добилась большого успеха: две высоты — 243,0 и 247,0 — были взяты, а пехота и танки русских отступили в лес севернее Березовки и оказались зажатыми между дивизией «Великая Германия» и 3-й танковой дивизией. Казалось, что противник на левом фланге, наконец, ликвидирован и можно возобновить наступление на север. 11 июля командир 48-го танкового корпуса отдал приказ 3-й танковой дивизии сменить ночью дивизию «Великая Германия», которая должна была сосредоточиться по обе стороны дороги южнее высоты 260,8 и быть в готовности наступать на север. Поскольку наступление Моделя оказалось неудачным, нам оставалось надеяться лишь на успешное продвижение в этом районе.

В ночь с 11 на 12 июля части дивизии «Великая Германия» были сменены в соответствии с планом 3-й танковой дивизии. Последние подразделения сменялись уже под интенсивным огнем противника, и солдаты «Великой Германии» с чувством беспокойства оставляли свои окопы. Их опасения, увы, оправдались — в эту самую ночь 3-я танковая дивизия была выбита со своих позиций.

Утром 12 июля дивизия «Великая Германия» сосредоточилась по обе стороны дороги южнее Новоселовки в готовности предпринять решительное наступление на север на рассвете 13 июля (см. схему 42). Это был первый день, когда она не вела боевых действий. Передышка была использована для пополнения боеприпасами и горючим, а также для небольшого ремонта, который мог быть произведен непосредственно на позициях. По данным разведки, высланной на север, предположение о том, что Новоселовку занимают незначительные силы противника, не соответствовало действительности. С запада доносились звуки канонады, сообщения 3-й танковой дивизии были неутешительны.

Схема 43



Курская битва (положение на 14 июля 1943 г.)

13 июля были усилены действия разведчиков в северном направлении, но предполагаемого приказа на наступление не поступило — вместо него были получены малоприятные сообщения от соседних соединений. Против танкового корпуса СС и 11-й танковой дивизии русские предпринимали сильные контратаки. Правда, потери русских в танках по всему фронту были огромны, но они восполнялись новыми частями. Верные

своему принципу, русские продолжали вводить в бой свежие части, и казалось, что они располагают неистощимыми резервами. Днем 13 июля на командный пункт дивизии «Великая Германия» прибыл командир корпуса генерал фон Кнобельсдорф и отдал приказ, который не оставлял никакой надежды на возможность наступления на север: фактически дивизия должна была вновь наступать в западном направлении. Это наступление, назначенное на 14 июля, являлось, по существу, повторением действий дивизии 10 и 11 июля: нужно было выйти на дорогу Раково — Круглик. Действительно, обстановка на левом фланге настолько ухудшилась, что не могло быть больше и речи о наступлении на север. 12 и 13 июля части 3-й танковой дивизии оставили Березовку, были оттеснены с дороги Раково — Круглик и вынуждены под сильным натиском русских танков отойти с высоты 247,0. Противник все время получал подкрепления, а 3-я танковая дивизия была слишком слаба, чтобы задержать наступление русских с запада.

В 6.00 14 июля дивизия «Великая Германия» во второй раз начала наступление в западном направлении. На правом фланге для захвата высоты 247,0 была создана боевая группа в составе разведотряда, дивизиона самоходных орудий, мотострелковой роты и роты танков. В центре танковый полк и пехота должны были наступать на высоту 243,0, а на левом фланге гренадерский полк должен был наносить удар севернее Верхопенье с задачей овладеть небольшой рощей севернее Березовки (схема 43). Когда дивизия начала движение, по ней уже вела сильный огонь русская артиллерия; за утро было отбито несколько контратак с севера и запада. Хотя ничего не было известно о 3-й танковой дивизии, наступление развивалось по плану, и высота 243,0 была вновь захвачена. На правом фланге боевая группа продвигалась медленно, так как ей пришлось отражать яростные контратаки русских. В центре и на левом фланге было уничтожено много русских танков и нанесены очень большие потери пехоте, которая откатилась на запад, но попала под огонь немецкой артиллерии и была рассеяна.

Днем удалось, наконец, установить связь с 3-й танковой дивизией у Березовки и совместными усилиями захватить рощу севернее этой деревни. Однако выбить танки русских с высоты южнее Круглик оказалось невозможно, и в этом районе противник предпринимал сильные контратаки. К исходу дня стало ясно, что русским нанесены серьезные потери, а нами вновь захвачены важные участки местности. Все это, конечно, свидетельствовало об определенном успехе: напряженная обстановка на левом фланге разрядилась, и 3-я танковая дивизия получила поддержку.

Зато дивизия «Великая Германия» после десяти дней тяжелых боев была очень ослаблена, в то время как ударная сила русских не только не уменьшилась, а, пожалуй, даже возросла.

К концу дня 14 июля стало совершенно очевидно, что немецкое наступление провалилось. Прорыв в самом начале наступления русских позиций, прикрытых мощными минными полями, оказался для нас более трудным, чем мы предполагали. Неприятной неожиданностью для нас явились и ужасные контратаки, в которых принимали участие крупные массы живой силы и техники — их бросали в бой, невзирая на потери. С немецкой стороны потери в личном составе были не так уж велики, зато потери в танках были потрясающими. Танки типа «Пантера» не оправдали возлагаемых на них надежд: их легко можно было поджечь, системы смазки и питания не были должным образом защищены, экипажи не имели достаточной подготовки. Из всех «пантер», принимавших участие в боях, к 14 июля осталось только несколько машин. Не лучше обстояло дело в танковом корпусе СС, а 9-й танковой армии, наступавшей с севера, так и не удалось вклиниться в расположение русских больше чем на 11 км. Правда, 4-я танковая армия продвинулась на глубину до 20 км, но чтобы соединиться с армией Моделя, ей нужно было преодолеть еще 100 км.

13 июля фельдмаршалы фон Манштейн и Клюге были вызваны в Восточную Пруссию, и Гитлер сообщил им, что операцию «Цитадель» нужно немедленно прекратить, так как союзники высадились в Сицилии и туда должны быть срочно переброшены войска с Восточного фронта. Манштейн, который не ввел в сражение все свои силы, высказался за продолжение наступления с целью измотать противника. Уничтожив танковые резервы русских на Курской дуге, мы смогли бы предотвратить крупные наступления на других участках фронта. Такую обстановку следовало бы предвидеть еще до того, как была начата операция «Цитадель»; теперь же мы напоминали человека, который схватил за уши волка и боится его отпустить. Тем не менее Гитлер потребовал немедленно прекратить наступление.

Русское Верховное Главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий при помощи сложной системы минных полей и противотанковых заграждений. Не довольствуясь контрударами внутри Курского выступа, русские нанесли мощные удары на участке между Орлом и Брянском и добились значительного вклинивания. В связи с решением Гитлера о переходе к оборонительным действиям положение на Восточном фронте стало критическим, 4-я танковая

армия получила сообщение о немедленном отводе танкового корпуса СС для переброски его в Италию, а 48-му танковому корпусу было приказано направить дивизию «Великая Германия» для оказания поддержки группе армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге. При таких обстоятельствах было невозможно удержать занятые рубежи внутри Курского выступа, и к 23 июля 4-я танковая армия была отброшена на свои исходные позиции.

Операция «Цитадель» закончилась полным провалом. Правда, потери русских были больше, чем немцев; надо также отметить, что с тактической точки зрения ни одной из сторон не удалось достигнуть решающего успеха. 4-я танковая армия взяла в плен 32 тыс. человек, захватила и уничтожила свыше 2 тыс. танков и около 2 тыс. орудий. Но наши танковые дивизии, находившиеся в таком прекрасном состоянии в начале битвы, были теперь обескровлены, а русские, имея помощь англичан и американцев, могли быстро восполнить свои огромные потери.

После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским.

Тактика танковых войск в операции «Цитадель»

Легкие и средние танки, которые использовались в первые три года войны, сыграли важную роль в боевых действиях того периода. Но поскольку средства противотанковой обороны русских стали более эффективными, а их танки — более тяжелыми и мощными, наши прежние типы танков оказались устаревшими. На поле боя появились тяжелые и сверхтяжелые танки; соответственно должна была меняться и тактика танковых войск. Руководители танковых войск лучше всех могли видеть эти изменения, так как им приходилось приспосабливать существующие тактические принципы к новой технике.

Методы борьбы с танками, применявшиеся немцами в 1941 году, не годились в новых условиях, когда русские начали использовать крупные массы танков. Вскоре стало ясно, что одно противотанковое орудие или несколько орудий, действовавших самостоятельно, быстро обнаруживались противником и уничтожались. Поэтому стал применяться новый метод, получивший в немецких танковых войсках название Pakfront — «фронт ПТО». Группы до десяти орудий в каждой подчинялись одному командиру, который мог сосредоточить их огонь на какой-нибудь отдельной цели. Эти группы противотанковых орудий распределялись по всей полосе обороны. Идея такой организации противотанковой обороны заключалась в том, чтобы

встретить наступающие танки фланговым огнем. Дисциплина огня имела первостепенное значение — его преждевременное открытие могло привести к самым тяжелым последствиям.

Русские переняли этот тактический метод и вскоре полностью им овладели, в чем нам пришлось убедиться на собственном опыте в ходе операции «Цитадель». Русские, как никто, умели укреплять свои ПТОРы при помощи минных полей и противотанковых препятствий, а также разбросанных в беспорядке мин в промежутках между минными полями. Быстрота, с которой русские устанавливали мины, была поразительной. За двое-трое суток они успевали поставить свыше 30 тыс. мин. Бывали случаи, когда нам приходилось за сутки обезвреживать в полосе наступления корпуса до 40 тыс. мин. Несмотря на то что мы продвигались в глубь обороны русских до 20 км, вокруг нас все еще находились минные поля, а дальнейшему продвижению препятствовали противотанковые районы обороны. В этой связи следует еще раз подчеркнуть искуснейшую маскировку русских. Ни одного минного поля, ни одного противотанкового района не удавалось обнаружить до тех пор, пока не подрывался на мине первый танк или не открывало огонь первое русское противотанковое орудие. Трудно прямо ответить на вопрос, каким образом немецким танкам удавалось преодолевать всю эту мощную противотанковую оборону; в основном их действия определялись конкретными условиями обстановки и наличными силами. В значительной степени достигнутые успехи, безусловно, объяснялись тщательной подготовкой к операции и исключительно тесным взаимодействием между авиацией и наземными войсками. В операции «Цитадель» немецкие танковые части действовали, имея боевой порядок «клином» (Panzerkeil)[194], который до этого полностью себя оправдывал. Острие клина образовывали самые тяжелые танки, и «тигры» успешно боролись с глубокой противотанковой обороной русских. Русские ничего не могли противопоставить 88-мм пушке «Тигра», что же касается «пантер», то я уже отмечал их несовершенство и неэффективность. Наши танки T-IV не могли полностью обеспечить прорыва глубокой противотанковой обороны, и во многих случаях захват русских позиций объяснялся прежде всего отличным взаимодействием всех видов тяжелого оружия.

«Цитадель» и другие операции показали, что огонь противотанковой обороны можно подавить сосредоточенным и умело управляемым огнем наступающих танков. Осуществление этого положения на практике потребовало изменения принятых боевых порядков и тактических методов использования танков.

Panzerkeil — «танковый клин» — был заменен Panzerglocke — «танковым колоколом». Такой «танковый колокол» со сверхтяжелыми танками в центре, двигавшимися за ними в готовности к преследованию легкими танками и, наконец, наступавшими широкой дугой позади этих машин средними танками, был лучшим боевым порядком для борьбы с широким фронтом огня противника. Старший танковый начальник вместе с наблюдателями от всех видов тяжелого оружия следовал в боевых порядках «колокола» непосредственно за головными средними танками. Он должен был поддерживать радиосвязь с авиационным командиром, руководившим действиями истребителей-бомбардировщиков и самолетов других типов, поддерживающих наземные войска. Саперы на бронетранспортерах двигались сразу за головными танками «колокола» в готовности проделать проходы в минных полях. Наступление в таком боевом порядке обычно приносило успех, если атакующим удавалось осуществлять тесное взаимодействие всех родов войск.

При наступлении в ночных условиях, которого всегда ожидали с неприятным чувством, для прорыва глубокоэшелонированной противотанковой обороны применялся другой метод. Местность выбиралась танкодоступная, наступление проводилось при благоприятной погоде и по возможности в лунную ночь. Командиры наступающих войск обязаны были в светлое время произвести тщательную разведку местности. Поскольку у нас не было для танков подходящих компасов, для ориентирования использовались хорошо видимые ночью шоссейные и проселочные дороги. Даже в условиях ночных действий боевой порядок «колоколом» оправдал себя; как правило, дистанции между танками при наступлении ночью сокращались. Темнота сильно затрудняла действия артиллерии обороняющихся, и обычно хорошо подготовленная ночная атака проходила без серьезных потерь. Правда, для такой атаки необходимо было иметь хорошо подготовленных офицеров и опытных водителей танков.

Успех танковых атак против глубокоэшелонированной противотанковой обороны, видимо, зависит от следующих условий[195].

1. Для ведения воздушной и наземной разведки следует использовать любую возможность.

2. Наступающее танковое соединение должно иметь как можно больше сверхтяжелых танков для действий на направлении главного удара.

3. Сосредоточение огня танками должно осуществляться

быстро и давать максимальный эффект. Танки должны непрерывно двигаться, делая остановки только для ведения огня.

4. Наблюдатели от всех поддерживающих наступление частей должны передвигаться с танками. Наиболее целесообразным видом связи между танками и авиацией является радиосвязь.

5. Саперы на бронетранспортерах должны следовать за танками.

6. Легкие танки должны быть готовы развить достигнутый успех.

7. Обеспечение танков в бою горючим и боеприпасами должно осуществляться при помощи специальных бронированных машин. Это очень трудная задача, для ее успешного выполнения нужен большой опыт.

8. Танки должны быть обеспечены приборами дымопуска для ослепления противотанковых средств противника, а командиры подразделений и частей должны иметь дымовые ракеты различных цветов для целеуказания.

9. Для наступления ночью танки должны быть снабжены радиосредствами.

Реакция русских на бомбардировку

Опыт показывает, что русский солдат обладает почти невероятной способностью выдерживать сильнейший артиллерийский огонь и мощные удары авиации; в то же время русское командование не обращает никакого внимания на огромные потери от бомбардировок и артогня и неуклонно следует ранее намеченным планам. Нечувствительность русских даже к самому сильному обстрелу была еще раз подтверждена в ходе операции «Цитадель». Возможно, что это в какой-то мере объясняется следующими причинами.

Стоицизм большинства русских солдат и их замедленная реакция делают их почти нечувствительными к потерям. Русский солдат дорожит своей жизнью не больше, чем жизнью своих товарищей. На него не действуют ни разрывы бомб, ни разрывы снарядов.

Естественно, что среди русских солдат есть люди, обладающие более чувствительной натурой, но они приучены выполнять приказы точно и без малейшего колебания.

В русской армии существует железная дисциплина; наказания, налагаемые командирами и политическими комиссарами, отличаются суровостью, и поэтому беспрекословное подчинение стало характерной чертой военной системы русских.

Нечувствительность русских к артиллерийскому огню не

является каким-то новым их качеством — оно проявилось еще в ходе Первой мировой войны. Мы находим указание об этом и у Коленкура в его описании Бородинского сражения 1812 года[196]. Он говорит, что «противник, испытывающий натиск со всех сторон, собрал свои войска и стойко держался, несмотря на колоссальные потери от огня артиллерии». Далее он пишет, что было совершенно непонятно, почему на захваченных редутах и позициях, которые русские защищали с таким упорством, взято так мало пленных. В этой связи Коленкур приводит следующее замечание императора: «Эти русские живыми не сдаются. Мы ничего не можем поделать».

Что касается русских военачальников, то хорошо известно, что:

а) они почти в любой обстановке и в любом случае строго и неуклонно придерживаются приказов или ранее принятых решений, не считаются с изменениями в обстановке, ответными действиями противника и потерями своих собственных войск. Естественно, в этом много отрицательных моментов, но вместе с тем есть и известные положительные стороны;

б) они имели в своем распоряжении почти неисчерпаемые резервы живой силы для восполнения потерь. Русское командование может идти на большие жертвы и поэтому не останавливается перед ними.

В подготовке к операции следует обязательно учитывать реакцию или, вернее, отсутствие реакции русских войск и их командования. От этого фактора в значительной степени зависит взаимодействие по времени, оценка возможного успеха и количество потребной боевой техники.

Следует, однако, указать, что были случаи, когда закаленные в боях соединения русских поддавались панике и проявляли нервозность при сравнительно небольшом артиллерийском обстреле. Но такие случаи встречались очень редко, поэтому рассчитывать на них было бы грубой ошибкой. Гораздо полезнее переоценивать упорство русских и никогда нельзя рассчитывать на то, что они не выдержат.

Глава XV
Отступление к Днепру

Летнее наступление русских

Военные историки, исследовавшие причины неожиданного поражения Германии в 1918 году, пришли к выводу, что оно явилось результатом провала крупного наступления Людендорфа. Указывалось на «падение боевого духа, которое испытывает любая армия, понявшая, что она израсходовала свои последние силы и израсходовала их напрасно».

В 1943 году в Курской битве, где войска наступали с отчаянной решимостью победить или умереть, тоже погибли лучшие части германской армии. Они шли в бой с не меньшей решительностью, чем наши войска в 1918 году, и можно было предполагать, что после отступления от злополучной Курской дуги боевой дух наших войск ослабнет. Однако в действительности ничего подобного не случилось. Наши ряды сильно поредели, но непоколебимая решимость наших войск осталась неизменной. Здесь не место для подробного анализа этого вопроса, но ясно одно — несгибаемый дух наших войск доставлял противнику немало неприятностей. Выдвинутое Черчиллем и Рузвельтом требование «безоговорочной капитуляции» не оставляло нам на Западе никакой надежды. В то же время наши солдаты, воюющие на русском фронте, хорошо знали, какая горькая участь ждет Восточную Германию, если красные полчища хлынут на территорию нашей страны. Итак, какими бы ни были стратегические последствия Курской битвы — а они были достаточно серьезными, — они все же не привели к ослаблению решимости или упадку боевого духа немцев.

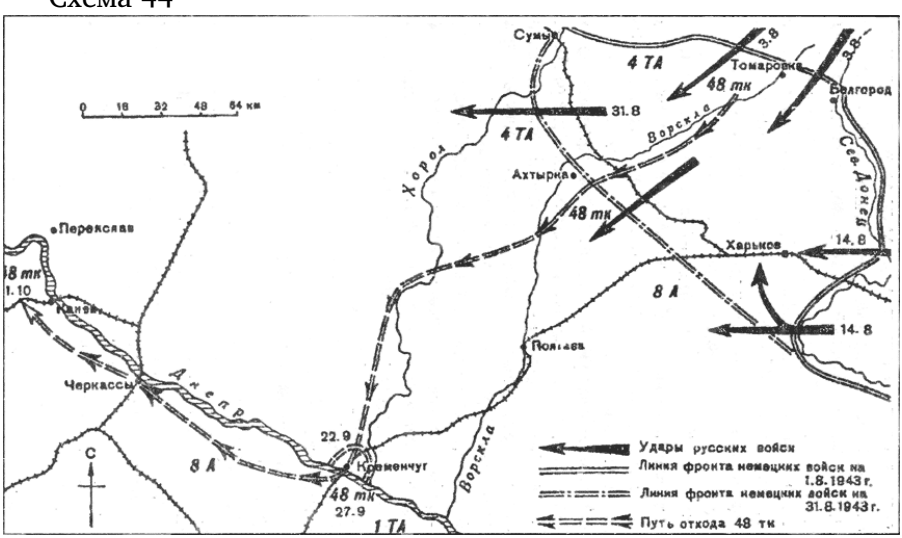
Еще в то время, когда шло наступление немецких войск на Курской дуге, русские нанесли сильный удар между Орлом и Брянском. Теперь они развернули здесь широкие наступательные действия. В ходе операции «Цитадель» 9-я армия была сильно ослаблена и не могла больше удерживать Орловский выступ. Довольно неожиданно Гитлер не только согласился на крупное отступление 9-й армии, но даже потребовал его ускорить[197]. Причиной такого необычного для Гитлера решения была тревога за положение в Италии; он хотел вывести из России как можно больше войск с тем, чтобы восстановить положение на юге Европы. В результате 9-я армия 5 августа оставила Орел и отступила за Десну. Русские продолжали решительное

наступление и теснили группу армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге в направлении Смоленска. К сожалению, Гитлер все еще настаивал на том, чтобы группа армий «Юг» удерживала свои выдвинутые вперед позиции и оказывала сопротивление наступлению русских на Харьков и Белгород, которое началось 3 августа.

Фронт был ослаблен нашим неудавшимся наступлением и отправкой танкового корпуса СС в Италию; кроме того, резервы были переброшены на юг для отражения наступления русских на Сталино во второй половине июля.

Юго-восточнее Томаровки русские полностью прорвали фронт 52-го пехотного корпуса и 4 августа овладели Белгородом. Штаб корпуса был разгромлен русскими танками, и 48-й танковый корпус получил приказ воспрепятствовать продвижению противника на угрожаемом направлении. В течение последующих двух недель наш фронт упорно оттеснялся назад к железной дороге Сумы-Харьков. Русское наступление отличалось большим размахом, поэтому гренадерская моторизованная дивизия «Великая Германия» была возвращена нам из группы армий «Центр» с тем, чтобы мы могли противостоять крупным массам живой силы и техники русских. Оборонявшаяся правее нас 8-я армия испытывала сильнейшее давление, однако несмотря на то что русские форсировали Северный Донец и достигли 14 августа пригородов Харькова, город продержался еще одну неделю.

Схема 44



Отступление 48-го танкового корпуса к Днепру (осень 1943 г.)

В этот период были предприняты действия, которые еще раз продемонстрировали наше превосходство в маневре. 20 августа

танковый корпус и стрелковая дивизия русских прорвали фронт 8-й армии правее дивизии «Великая Германия», оборонявшейся в районе Ахтырки. Дивизии было приказано немедленно вступить в бой и восстановить положение. Под командованием полковника фон Натцмера, первого офицера штаба дивизии «Великая Германия», была создана ударная группа в составе:

— танкового батальона (около 20 танков), роты разведчиков;

— батальона пехоты на бронетранспортерах, батареи самоходных установок.

Эта группа была неизмеримо слабее русских, которых нужно было отбросить, но тем не менее она выполнила свою задачу за двенадцать часов. Успех объяснялся главным образом внезапностью действий и умелым использованием имевшихся в распоряжении танков. Русские предполагали, что 48-й танковый корпус скован в районе Ахтырки, поэтому появление наших танков и их фланговая атака явились для противника полной неожиданностью. Первоначально сопротивление русских было незначительным. Бросая снаряжение, они в панике отступали, почти без боя оставляя занятые рубежи. Допрос пленных показал, что русские намного преувеличили наши силы.

Поведение русских было, конечно, необычным, но оно говорит о том, что русские чувствуют себя неуверенно при атаке во фланг, особенно если эта атака является внезапной и проводится танками. В ходе Второй мировой войны такие случаи происходили довольно часто, и мы убедились, что умелое использование для атаки противника даже небольшого числа танков или смелые танковые рейды нередко приводят к лучшим результатам, чем сильный артиллерийский огонь или массированные налеты авиации. Когда имеешь дело с русскими, рапира оказывается гораздо полезнее дубины.

Однако действия полковника Натцмера были единственным успехом немецких войск на всем 160-километровом фронте от Сум до Северного Донца. Армии генерала Конева продолжали решительное наступление и 22 августа овладели Харьковом. Нам все же удалось задержать русские войска на полтавском направлении, и в конце августа их атаки на фронте 8-й армии и 4-й танковой армии прекратились. Наступившая пауза была использована нами для отвода танковых дивизий в тыл, чтобы дать им необходимый отдых и восполнить потери.

Однако южнее генералу Малиновскому и генералу Толбухину удалось прорвать оборону немецких войск на Северном Донце и Миусе. В конце августа 29-й немецкий корпус был окружен в Таганроге и не имел возможности выйти из окружения. 3 сентября фон Манштейн вылетел в ставку Гитлера с тем, чтобы

поставить его в известность о катастрофическом положении группы армий «Юг» и потребовать изменения в руководстве операциями. Встреча носила бурный характер, но никакого результата не дала. Тем временем обстановка на фронте становилась все более угрожающей, так как в начале сентября русские заняли Сталино и наступали уже на территории Донбасса. Кроме того, Конев возобновил свое наступление против 4-й танковой армии. Сильный удар пришелся по 48-му танковому корпусу, и на левом фланге русским удалось вклиниться в нашу оборону; в то же время они оказывали сильнейшее давление на северный фланг 8-й армии, оборонявшейся правее нашего корпуса.

Схема 45

Сражение за Днепр (октябрь 1943 г.)

Только после того как над группой армий «Юг» нависла угроза расчленения на изолированные части, Гитлер разрешил

отойти за Днепр[198]. Но он отказался дать согласие на строительство каких-либо оборонительных сооружений на берегу реки на том основании, что если его генералы узнают о существовании подготовленного рубежа, они немедленно туда отступят. Поэтому было очень сомнительно, что нам удастся остановить русских на Днепре. Обстановка осложнялась еще и тем, что мы располагали всего лишь пятью переправами. Поэтому выполнить свою задачу мы могли только в том случае, если бы удалось замедлить продвижение русских войск.

Как известно, у русских мало транспортных средств подвоза, и для снабжения своих войск они используют главным образом местные ресурсы. Такой способ не нов. Примерно так же поступали монголы Чингисхана и войска Наполеона. Единственным средством замедлить продвижение таких армий является уничтожение всего, что может быть использовано противником для размещения войск и их снабжения. Осенью 1943 года немецкая армия намеренно прибегала к таким действиям, и по этому поводу автор книги «Манштейн» довольно справедливо замечает:

«Хотя прошло уже пять лет, правоведы часами спорят относительно законности реквизиций и разрушений, которые производились немецкой армией во время ее отступления. Я лично не уверен, что какой-либо закон, идущий вразрез со стремлением армии уцелеть, будет когда-нибудь соблюдаться»[199].

Сама по себе мысль об уничтожении всех запасов продовольствия и создания «зоны пустыни» между нами и наступающими русскими войсками не вызывала у нас восторга. Но на карту была поставлена судьба целой группы армий, и если бы мы не приняли таких мер, многим тысячам солдат никогда не удалось бы достичь Днепра и организовать под защитой этого водного рубежа прочную оборону. У меня нет никаких сомнений в том, что в противном случае группа армий была бы разбита и потеряна для будущих операций. Во всяком случае, лишения, которые мы принесли гражданскому населению на Украине, не могли идти ни в какое сравнение с несчастной судьбой сотен тысяч убитых и искалеченных мирных жителей во время воздушных налетов союзников на немецкие города. Поэтому осуждение в 1949 году фельдмаршала фон Манштейна за осуществление тактики «зон пустыни», применявшейся верховным командованием, является ярким примером старого принципа «Vae victis»[200].

В сентябре 4-я танковая армия отступала на запад через Прилуки в направлении Киева, а 1-я танковая армия отходила в

большую излучину Днепра у Днепропетровска. Эти отступления осуществлялись методически и прикрывались большими пожарами, которые уничтожали посевы на обширных площадях. 48-му танковому корпусу, входившему в то время в 8-ю армию, не повезло: за нами все время следовали отряды русских подвижных войск. Это сильно затруднило наше сосредоточение на предмостном укреплении под Кременчугом, где мы в течение нескольких дней обеспечивали переправу 8-й армии через Днепр.

В конце сентября 4-я танковая армия создала непрочную оборону по обе стороны Киева, а 8-я армия и 1-я танковая армия растянулись вдоль Днепра до самого Запорожья. Манштейн все еще удерживал Мелитополь и прикрывал подступы к Крыму. Севернее русские развивали свое крупное наступление против группы армий «Центр». 17 сентября ими был взят Брянск, 23 сентября пал Смоленск. Фон Клюге еще продолжал удерживать плацдарм в районе Гомеля, но в целом немецкие армии были оттеснены к Днепру на большей части фронта протяженностью 2200 км. Теперь мы оборонялись на последнем крупном естественном препятствии перед Днестром, Карпатами и внешними оборонительными рубежами рейха.

Проблемы отступления

Из всех видов боевых действий отступление под сильным давлением противника, возможно, является самым трудным и опасным. Когда знаменитого Мольтке хвалили за его руководство Франко-прусской войной и один из поклонников его таланта сказал, что его можно поставить в один ряд с такими великими полководцами, как Наполеон, Фридрих и Тюренн, то Мольтке ответил: «Нет, ибо я никогда не руководил отступлением».

В ходе Второй мировой войны ни разу не было случая, чтобы германское верховное командование прибегло к отходу, пока все обстояло хорошо. В результате такое решение принималось либо слишком поздно, либо тогда, когда наши армии были вынуждены самостоятельно начать отступление, и оно шло полным ходом. Последствия такого упрямства были обычно катастрофическими и для командующих, и для войск. В этом разделе я хочу рассмотреть несколько проблем, с которыми мы столкнулись во время отступлений на Восточном фронте.

Образцом планомерного и удачного отступления могут служить действия в марте 1943 года, когда Гитлера убедили в необходимости вывести войска группы армий «Центр» из опасного выступа в районе Вязьма-Ржев.

Эта операция, известная под условным названием «Бюффель»

(«Буйвол»), заслуживает подробного описания, так как может служить поучительным примером для штабных офицеров, которые хотят овладеть сложным искусством отступления.

Прежде всего была проведена тщательная подготовка. Улучшались дороги, мосты, переправы, были выбраны и замаскированы районы сосредоточения войск, определено количество техники и снаряжения, которое надлежало вывезти, а также произведен расчет потребных транспортных средств. Все телефонные линии были сняты — важная мера предосторожности, — а в тылу еще до начала отвода войск были развернуты командные и наблюдательные пункты. Разрушения, заграждения на дорогах и минные поля должны были способствовать ведению сдерживающих действий на выбранных рубежах сопротивления.

Самой сложной проблемой оказалась эвакуация местных жителей. Конечно, немецкие военные власти не могли предвидеть такой массовой эвакуации, и для того чтобы справиться с подобной задачей, необходимо было принять особые меры. Прежде всего требовалось так организовать движение населения, чтобы оно не мешало отходу войск. Саперные и строительные подразделения были направлены на строительство мостов и дорог с целью дать возможность этим массам людей следовать без задержек и в полном порядке. Были организованы пункты питания и снабжения, не были забыты и посты медицинской и ветеринарной помощи. Самым важным моментом было регулирование движения этих людских масс. Пока они были недалеко от линии фронта, их передвижение совершалось в ночное время, а если нужно было идти обязательно днем, то беженцев инструктировали, как избегать скопления и двигаться рассредоточеннее. Обширные поля и огромные леса способствовали успешному завершению этой массовой эвакуации населения. Она прошла без больших потерь и не очень помешала боевым действиям войск. Но надо все же сказать, что такая эвакуация была рискованным делом. В современной войне заранее должны предусматриваться и подробно разрабатываться меры по оказанию помощи гражданскому населению в его эвакуации, ибо в противном случае все передвижения войск будут парализованы.

Важность этой проблемы была доказана во время событий во Франции, когда французское правительство в мае 1940 года объявило об эвакуации всей северо-восточной части страны. В движение были приведены огромные массы людей. Несмотря на наличие густой сети дорог, которые могли бы обеспечить планомерную эвакуацию населения, если бы она была должным

образом организована, панически настроенные толпы людей забивали шоссе и дороги и полностью дезорганизовывали работу средств подвоза французской армии и передвижение ее резервов.

Однако вернемся к действиям войск. Прежде всего нужно подчеркнуть важность сохранения в тайне намерения осуществить отход; важно также как можно дольше скрывать от противника отступление и после того, как оно началось. Отвод резервов несложен — им сравнительно нетрудно занять отведенные в тылу позиции в ночное время. Настоящие трудности начинаются, когда с переднего края отводятся войска первого эшелона. Они должны начинать свой отход с наступлением темноты и действовать совершенно бесшумно. Их «первый переход» должен быть как можно длиннее. Нельзя двигаться колоннами больше батальона, причем каждая рота следует так, как если бы она совершала марш самостоятельно. Разведывательная авиация может обнаружить колонны, и поэтому, как только самолеты сбросили осветительные бомбы, всякое движение следует немедленно прекратить. Никаких перебежек к укрытиям — все должно замереть на своих местах. Необходимо, чтобы к рассвету все части уже находились на новых позициях.

Нужно любой ценой воспрепятствовать захвату противником аэродромов и посадочных площадок, но в то же время наша авиация должна иметь возможность пользоваться ими до самого последнего момента, после чего их необходимо полностью разрушить. Это касается не столько зданий, сколько взлетно-посадочных полос. Обычно в распоряжении подрывных групп имеется достаточное количество тяжелых бомб (от 500 кг и более). Подготовка к взрыву требует времени, особенно для закапывания бомб, поэтому в последние часы перед разрушением, когда аэродром заминирован, взлет и посадка самолетов сопряжены с большим риском. После взлета последнего самолета бомбы взрывают, и аэродром, изрытый огромными воронками, напоминает фотографию лунной поверхности с ее кратерами.

Конечно, часто бывало так, что нам не удавалось осуществить планомерного отхода — невозможно хорошо подготовиться к нему, когда после проигранного боя войска думают только о том, чтобы оторваться от преследующего их противника. Так, например, в сентябре 1943 года 48-й танковый корпус оказался в опаснейшем положении: сплошного фронта больше не существовало, и подвижные части русских уже действовали в нашем глубоком тылу. Мы должны были как можно быстрее отойти к Днепру и поэтому шли на большой риск и возможные тяжелые жертвы. Мы не могли прекращать нашего отхода в

дневное время, так как положение было слишком серьезным, и те, кто отставал или попадал под удары авиации, были предоставлены самим себе.

В таком отступлении, проводимом при постоянном нажиме противника и в страшной спешке, с командиров не снималась ответственность за сохранение порядка и дисциплины. Частично это зависело от личного примера офицеров и их умения управлять людьми, а частично — от их способности сохранять спокойствие и действовать по какому-то плану. Даже в ходе поспешного отступления можно сделать многое.

Саперы должны охранять и сохранять в исправности все мосты, подготовив их к взрыву; строительные подразделения должны быть в готовности для восстановления дорог. Ремонтно-восстановительные группы с тракторами следует располагать вдоль всего пути отхода, с тем чтобы обеспечить ремонт или буксировку машин, а также очищать дороги от разбитой техники и транспорта. Зенитная артиллерия должна прикрывать перекрестки дорог, важные мосты и дефиле. Если имеется возможность, то для прикрытия главных путей отхода должна быть использована истребительная авиация. Необходимо иметь многочисленные контрольные пункты, установленные на перекрестках дорог, у мостов и узостей. Нужно иметь группу офицеров, в том числе и старших, которые бы отвечали за работу контрольных пунктов. Это важно, так как сержантский состав на контрольных постах не будет иметь достаточного авторитета во время такого отступления.

Возможны, однако, случаи, когда войска не успевают эвакуировать всю технику, автомашины и снаряжение, и тогда каждый командир должен думать о сохранении людей и их личного оружия. Для избежания неразберихи старшие начальники обязаны дать четкие указания о том, какие подразделения должны уничтожить свое тяжелое оружие и транспорт. Именно в подобных условиях большое значение имеет отличная подготовка штабов.

В ходе наших отступлений на Востоке мы не раз подвергались нападениям партизан, хотя такие нападения чаще происходили на центральном и северном участках фронта. К счастью, авиация русских не обладала достаточной гибкостью и хорошей наземной организацией, которая необходима для быстрого использования новых аэродромов и взлетных площадок. Поэтому крупным группам наших войск, быстро двигавшимся в перерывах между налетами авиации, часто удавалось ускользать, хотя эти группы представляют собой прекрасную цель для ударов с воздуха. Плохие дороги, сильные дожди и глубокая грязь, а

иногда и глубокий снег сильно затрудняли движение.

В целом, однако, бескрайние просторы России благоприятствовали проведению хорошо подготовленных отступлений. Если войска обладают хорошей дисциплиной и подготовкой, то стратегическое отступление может стать прекрасным средством для того, чтобы нанести внезапный удар по противнику и вновь овладеть инициативой.

Оборона Днепра

27 сентября 48-й танковый корпус оставил плацдарм у Кременчуга и благополучно переправился на правый берег Днепра. Река сама по себе была серьезным препятствием для противника — она имела в этом месте ширину около 400 м, а правый берег был намного выше левого. Но в то же время густые прибрежные камыши позволяли русским сравнительно легко укрывать лодки и маскировать свою подготовку к форсированию реки. Кроме того, в свое время было очень мудро сказано, что «история знает немного случаев, когда водный рубеж оказывался эффективной преградой на пути превосходящих сил противника, ведущего наступление»[201].

И действительно, 27 сентября нам стало известно, что русские уже форсировали Днепр южнее Киева, в районе Переяслава. Мы получили приказ немедленно ликвидировать созданный противником плацдарм, и с этой целью в наше распоряжение были переданы 7-я танковая и 20-я гренадерская моторизованная дивизия. Двигаясь вверх по реке к русскому плацдарму, мы столкнулись с войсками противника, наступающими в южном направлении. Наши танки, не развертываясь, прямо с ходу вступили в бой, русские в беспорядке отступили к излучине реки и там так прочно закрепились, что выбить их оттуда уже не удалось.

Следующие две недели на нашем фронте было совсем спокойно. Тактика создания «зон пустыни» приносила свои плоды, и русские были еще не в состоянии на этом участке предпринять широкое наступление. 48-й танковый корпус входил в 8-ю армию, которая оборонялась на фронте свыше 300 км от Кременчуга до района южнее Киева. Этой армией командовал генерал Вёлер, а начальником штаба у него был очень способный генерал Шпейдель. В полосе 8-й армии русские имели только один плацдарм южнее Переяслава, против которого и действовал 48-й танковый корпус. Не могло быть сомнений в том, что русские вновь попытаются наступать в этом районе. По данным войсковой и агентурной разведки, на плацдарм непрерывно

прибывали подкрепления. Русские навели через Днепр несколько переправ, причем проявили настолько большое искусство в этой области, что сумели построить мосты для переправы войск и лошадей с настилом ниже уровня воды.

Немецкие войска лихорадочно готовились к отражению предстоящего наступления русских; 7-я танковая дивизия была изъята из состава нашего корпуса, но у нас еще оставалась 20-я гренадерская моторизованная дивизия, а 19-я танковая и 1-я пехотная дивизии были на подходе. Под руководством командующего артиллерией 48-го танкового корпуса был составлен план огня, предусматривавший сосредоточение огня артиллерии всех дивизий по любому угрожаемому участку или исходному положению противника.

В общем плане огня важная роль отводилась зенитной артиллерии. Мы пришли к выводу, что борьба с танками входит в задачу всех боевых средств и каждого отдельного солдата. Противотанковые рвы, заграждения на дорогах, всевозможные препятствия на местности, минные поля — все было направлено на то, чтобы заставить русские танки двигаться по заранее подготовленным коридорам. Все препятствия прикрывались огнем — обычная тактическая мера предосторожности, которой, к сожалению, слишком часто пренебрегали.

О готовящемся наступлении ясно свидетельствовало то обстоятельство, что противник неоднократно проводил значительными силами разведку боем. Русские прорыли траншеи от своего рубежа по направлению к нашим позициям с тем, чтобы пехота могла одним броском достичь нашего переднего края. Кроме того, увеличилось число перебежчиков. Ночная воздушная разведка установила интенсивное движение моторизованных колонн в направлении плацдарма, а аэрофотосъемка позволила выявить большое количество новых артиллерийских позиций. Самым лучшим и надежным источником информации была наша радиоразведка, а на последнем этапе подготовки, накануне наступления, когда русская артиллерия начала пристрелку, мы получили ценные данные и от подразделений АИР[202].

В 6 час 30 мин 16 октября русские атаковали позиции 48-го танкового корпуса. В это время я находился на одном из передовых наблюдательных пунктов 19-й танковой дивизии и был вынужден оставаться там в течение целых двух часов. Артиллерийская подготовка была действительно очень сильной. Передвигаться было совершенно невозможно, так как по участку в один километр вели огонь до 290 орудий, причем за два часа русские израсходовали полуторадневную норму снарядов. В глубину артиллерия подавляла оборону до командных пунктов

дивизий включительно. Боевые порядки двух дивизий, оборонявшихся в первом эшелоне, обстреливались с такой интенсивностью, что было совершенно невозможно определить направление главного удара русских. Некоторые орудия вели огонь прямой наводкой с открытых огневых позиций. После двухчасовой артиллерийской обработки местность, на которой оборонялись наши войска, напоминала собой перепаханное поле; многие огневые средства оказались выведенными из строя, несмотря на то что они были хорошо укрыты в окопах. Внезапно русская пехота с танками, двигаясь плотными цепями за огневым валом, атаковала на узком фронте наши позиции.

Многочисленные самолеты русских на бреющем полете атаковали уцелевшие опорные пункты. Атака русской пехоты представляет собой страшное зрелище: на вас надвигаются длинные серые цепи дико кричащих солдат, и чтобы выдержать это испытание, обороняющимся нужны стальные нервы. В отражении таких атак огромное значение имеет дисциплина огня. Вначале русским удалось вклиниться в нашу оборону, но во второй половине дня танки, которые держались нами в резерве, сумели до некоторой степени восстановить положение. В результате мы отошли всего километра на полтора.

В последующие дни атаки русских повторялись с неослабевающей силой. Дивизии, пострадавшие от нашего огня, были отведены, и в бой брошены свежие соединения. И снова волна за волной русская пехота упрямо бросалась в атаку, но каждый раз откатывалась назад, понеся огромные потери. На нашей стороне основную тяжесть боя выносили на своих плечах артиллерия и танки. Мы обладали гибкой системой огня, позволяющей нам обеспечить сосредоточенный огонь там, где это было наиболее необходимо, а также наносить удары по скоплениям русской пехоты на исходных рубежах. Где бы русским ни удавалось совершить глубокое вклинение, оно быстро локализовалось, а через несколько часов наши танки контратаковали фланги образовавшегося выступа. Сражение длилось больше недели, и 48-й танковый корпус начал ослабевать. Тогда армия подтянула на угрожаемый участок свой последний резерв — 3-ю танковую дивизию.

В это время командир 48-го танкового корпуса генерал фон Кнобельсдорф находился в отпуске, и его замещал генерал Хольтиц. Почти все свое время он проводил на передовых позициях и лично руководил боевыми действиями на тех участках, где складывалась наиболее опасная обстановка. Однажды вечером он беседовал со мной о ходе боевых действий и выразил беспокойство по поводу страшного нажима русских на

нашем фронте. Затем он занялся прогнозами на будущее. Он видел, как массы советских войск надвигаются на нас, словно гигантские волны океана. Опрокидывая на своем пути все преграды, они будут продвигаться все дальше и дальше и в конце концов поглотят Германию. Он хотел поехать к самому Гитлеру и рассказать ему всю правду о неравной борьбе и безвыходном положении на фронте. Он заявил, что подаст в отставку — может быть, его уход явится тревожным сигналом, который заставит Гитлера принять новые решения.

Я постарался сделать все возможное, чтобы на цифрах доказать генералу, что даже русские резервы должны иссякнуть. Я указал на чрезвычайно высокие потери, которые они понесли от действий его собственного корпуса, сражавшегося с непревзойденной храбростью и мужеством, и высказал мысль, что наступит день, когда даже наступление русских выдохнется. Но все мои доводы мало повлияли на него, и он остался тверд в своем решении. Он не верил, что наши войска могут продержаться еще хоть один день, и хотел избавить их от такого тяжелого испытания. Войска становились все слабее, а надежды на смену или на подкрепления не было абсолютно никакой. На следующее утро он уехал из штаба корпуса, полный решимости изложить свои взгляды перед Гитлером.

Через два дня после отъезда генерала фон Хольтица русские атаки на фронте 48-го танкового корпуса прекратились. На первый взгляд казалось, что генерал был чересчур пессимистически настроен, но зимой 1945 года, когда советские войска ворвались на территорию моей страны, я часто вспоминал об этой памятной беседе.

Глава XVI
Киевский выступ

Победа под Житомиром

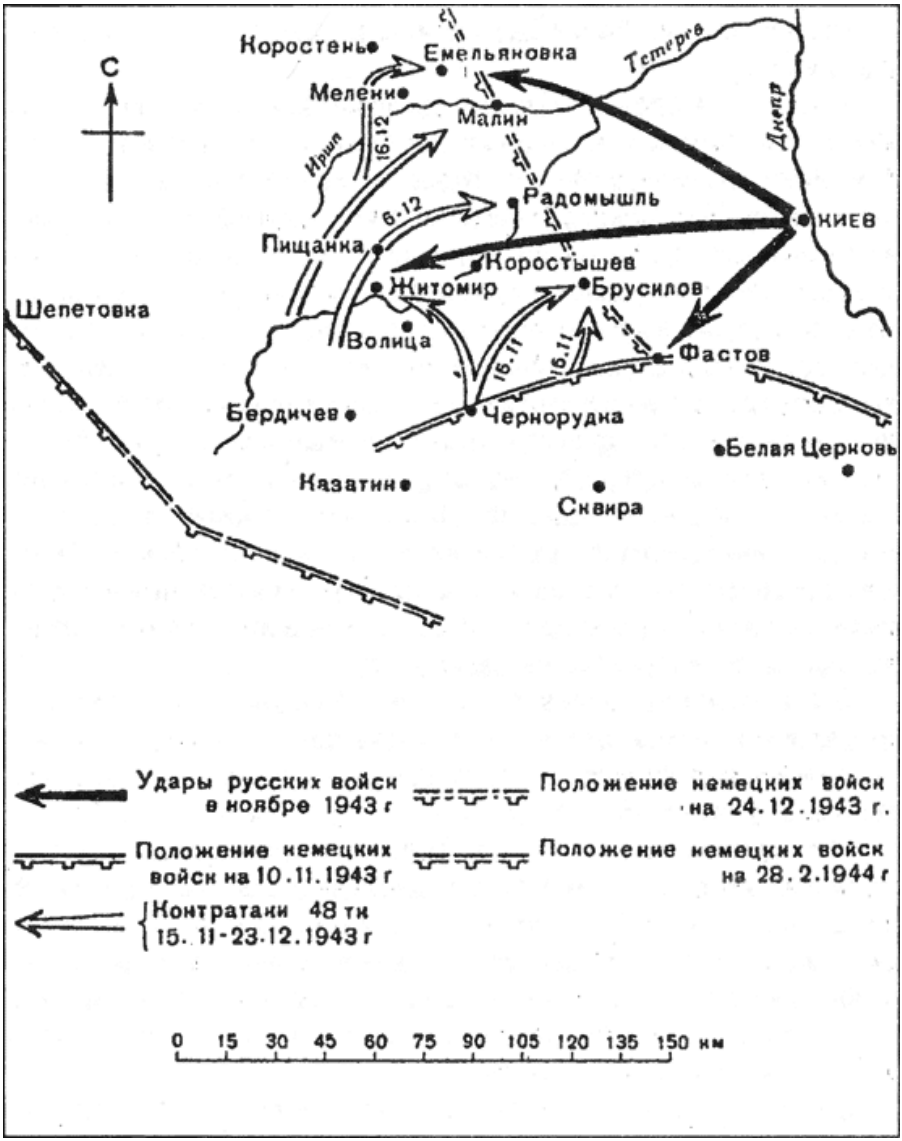
Крупное наступление русских на Днепре теперь шло полным ходом. Южнее Переяслава 48-й танковый корпус успешно отразил все атаки, но на остальном фронте дело обстояло не так благополучно. К середине октября генерал Конев захватил три плацдарма восточнее Кременчуга, а затем нанес сильный удар в направлении Кривого Рога, не менее известного своей железной рудой, чем Никополь марганцем. 25 октября был сдан Днепропетровск, и, видимо, дело шло к тому, что мы скоро потеряем всю излучину Днепра. Надо сказать, что если бы мы в тот период оставили этот район, отход принес бы нам только пользу. Однако настойчивые требования Гитлера удержать Никополь и Кривой Рог как важные для германской промышленности центры привели к тому, что группа армий «Юг» была вынуждена занять крайне невыгодные со стратегической точки зрения позиции.

Южнее Запорожья генерал Толбухин овладел Мелитополем и наступал мимо Перекопского перешейка к устью Днепра. Манштейн высказывался за эвакуацию войск из большой излучины реки, но Гитлер настаивал на контрударе для спасения Никополя и Кривого Рога. 2 ноября Манштейн выполнил требование Гитлера и добился тактического успеха. Удар был нанесен во фланг войскам Конева, которые в результате были вынуждены отступить назад к Днепру. Но в 500 км северо-западнее войска маршала Ватутина крупными силами форсировали Днепр севернее и южнее Киева. 3 ноября с занятых плацдармов в наступление перешли тридцать стрелковых дивизий, двадцать четыре танковые бригады и десять бригад мотопехоты. Немецкая оборона была смята, и 6 ноября специальный приказ маршала Сталина возвестил о взятии Киева.

Русские стремительно развивали достигнутый успех. 7 ноября их передовые части достигли Фастова, расположенного в 65 км юго-западнее Киева, 11 ноября они были под Радомышлем, в 90 км западнее Днепра, а еще через два дня их танки ворвались в предместье крупного города Житомир. Широкий и глубокий клин, вбитый русскими в немецкую оборону, грозил отсечь группу армий «Юг» от группы армий «Центр», поэтому необходимо было принимать срочные контрмеры (см. схему 46).

6 ноября Манштейн решил сосредоточить все наличные танковые дивизии в районе Фастов-Житомир с целью нанесения удара на Киев, и 48-му танковому корпусу было приказано без задержки переместить свой командный пункт южнее Фастова. 7 ноября я развернул наш командный пункт у Белой Церкви, примерно в 25 км южнее Фастова. Теперь мы были подчинены 4-й танковой армии. В нашу задачу входило создание проходящего через Фастов оборонительного рубежа с целью прикрыть сосредоточение танковых дивизий. Но русские не дали нам времени этого сделать. Фастов, гарнизон которого состоял из двух батальонов войск охраны тыла[203] и одного батальона, сформированного из возвращающихся из отпуска солдат, был захвачен противником вечером 7 ноября. К сожалению, в бой под Фастовом преждевременно была введена 25-я танковая дивизия. История этой дивизии очень печальна. Она была сформирована в Норвегии и с августа 1943 года проходила подготовку во Франции. Дивизия была совершенно не готова к боевым действиям, но, несмотря на совет генерала Гудериана, генерал-инспектора бронетанковых войск, была переброшена на Украину и введена в бой. Положение усложнялось еще и тем, что по указанию группы армий «Юг» весь колесный транспорт дивизии должен был выгрузиться в районе Бердичева, а танки — в Кировограде, то есть почти в 200 км юго-восточнее. Учитывая создавшуюся критическую обстановку западнее Киева, командование группы армий «Юг» решило сразу после выгрузки направить всю технику на колесном ходу в район боевых действий. Вечером 6 ноября дивизия получила приказ командующего 4-й танковой армией с максимальной быстротой совершить марш к Фастову и удержать его «любой ценой» совместными усилиями с полком танковой дивизии СС «Рейх», причем танковый полк 25-й дивизии мог прибыть лишь через несколько дней.

Схема 46



Киевский выступ (15 ноября — 23 декабря 1943 г.)

Подобные приказы и распоряжения потребовали бы даже от очень опытной дивизии и ее штаба чрезмерного напряжения сил, а для неподготовленных частей они были просто пагубными. Днем 7 ноября передовой отряд 146-го мотострелкового полка встретил южнее Фастова русские танки Т-34 и обратился в паническое бегство. В страшном беспорядке эти необстрелянные части бежали, и хотя командир дивизии генерал Шелл лично навел порядок и собрал свои части, им с большим трудом удалось оторваться от русских, уничтоживших почти весь их транспорт. Днем 8 ноября фон Шелл прибыл в наш штаб под Белой

Церковью, а его дивизия перешла в наше подчинение.

9 ноября танковый полк этой дивизии прибыл из Кировограда вместе с первым офицером штаба дивизии майором графом Пюклером, моим старым другом, с которым я служил еще в 7-м кавалерийском полку. 25-я танковая дивизия получила теперь приказ сделать все возможное, чтобы задержать русских, наступающих на юг и юго-запад. Благодаря умелому руководству генерала фон Шелла дивизия продвинулась до восточной окраины Фастова, где была остановлена намного превосходящими силами русских. Эти действия позволили выиграть время для сосредоточения танков и подготовки решительной контратаки. К сожалению, 25-я танковая дивизия понесла настолько тяжелые потери в личном составе и технике, что в течение нескольких недель не могла использоваться ни в каких наступательных действиях. Опыт 25-й танковой дивизии еще раз показал, что в боях против русских закаленные части могут добиться преимущества искусным маневрированием, в то время как плохо подготовленные войска имеют небольшие шансы на успех[204].

В это время верховное командование изучало создавшееся в районе Киева положение и поспешно подтягивало подкрепления из Италии и с Запада. Генерал Гудериан очень хорошо излагает стратегическую обстановку:

«Гитлер решил начать контрнаступление. Следуя своей скверной привычке, он хотел проводить его весьма слабыми силами. С согласия начальника генерального штаба сухопутных сил я использовал свой доклад Гитлеру 9 ноября 1943 года о бронетанковых войсках, чтобы предложить ему отказаться от нанесения отдельных, распыленных по месту и времени контрударов и сосредоточить все находящиеся южнее Киева танковые дивизии для планируемого наступления через Бердичев на Киев. Я предложил также подтянуть сюда танковую дивизию из района никопольского плацдарма, который удерживался генералом Шёрнером, и танковые дивизии группы армий Клейста, оборонявшиеся по Днепру у Херсона. Я привел мое любимое выражение: „Klotzen, nicht Kleckern!“ (примерно: „Бить так бить!“). Гитлер обратил внимание на то, что я сказал, но поступил все же по-своему»[205].

В период с 8 по 15 ноября 48-й танковый корпус сосредоточивал значительные силы танков южнее киевского выступа, и, к моей огромной радости, командование корпусом как раз перед самым началом наступления принял генерал Бальк. Он был одним из самых выдающихся полководцев танковых войск, и если Манштейн во время Второй мировой войны был лучшим

стратегом Германии, то я думаю, что генерал Бальк имел все основания считаться самым лучшим боевым командиром. Он великолепно знал тактику и обладал замечательными качествами руководителя; эти способности он проявлял на всех этапах своей военной карьеры.

Когда Бальк командовал 11-й танковой дивизией во время боев на реке Чир, мне посчастливилось выполнять полезную и в высшей степени приятную обязанность — работать вместе с ним в качестве начальника штаба 48-го танкового корпуса. В дальнейшем я с удовольствием служил под его командованием в 48-м танковом корпусе, в 4-й танковой армии, а затем и в группе армий «Г» на Западном фронте. Между нами всегда существовало такое замечательное, основанное на полном доверии друг к другу взаимопонимание, какого можно только желать между командиром и начальником штаба. Совместно мы оценивали создавшуюся обстановку и приходили к общим выводам — бывшие кавалеристы, мы имели одинаковые взгляды на боевое использование бронетанковых войск. Бальк всегда принимал окончательное решение, и было неважно, чье мнение легло в его основу. Надо отметить, что Бальк никогда не вмешивался в штабную работу — для этого существовал начальник штаба, который должен был нести за нее полную ответственность. Я особенно признателен генералу Бальку, известному всей армии своей храбростью, за то, что он разрешал мне как начальнику штаба каждые два-три дня бывать на передовых позициях и тем самым поддерживать тесную связь, которая должна существовать между штабом и боевыми частями[206].

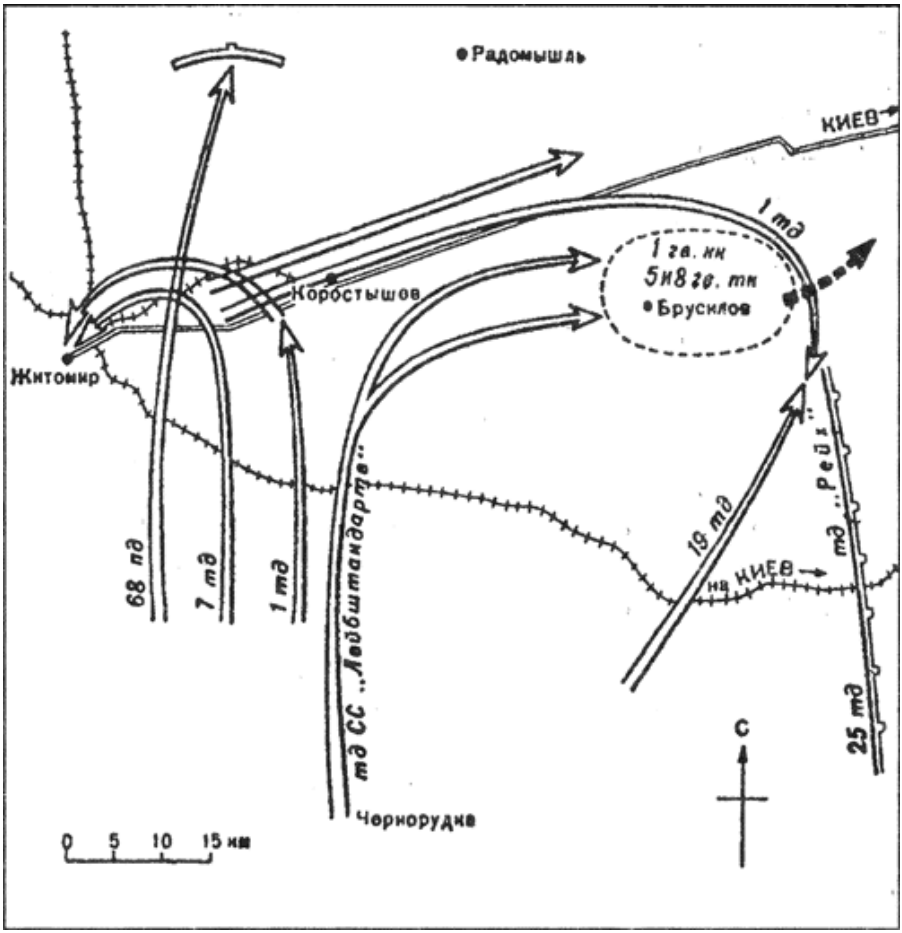
Для контрудара 48-й танковый корпус располагал шестью танковыми и одной пехотной дивизиями. Я с гордостью узнал, что нашему корпусу как одному из лучших доверялись наиболее трудные и важные задания. Нам подчинялись: 1-я танковая дивизия, 7-я танковая дивизия, танковая дивизия СС «Лейбпггандарт Адольф Гитлер», 19-я танковая дивизия (прибыла 18 ноября), 25-я танковая дивизия (ослаблена в результате понесенных потерь), танковая дивизия СС «Рейх» (равная по силе примерно небольшой боевой группе), 68-я пехотная дивизия.

Наш план предусматривал использование этого мощного кулака для наступления из района Фастова прямо на Киев, чтобы сделать для русских невозможным всякое дальнейшее продвижение на запад и, в случае успеха, окружить и уничтожить крупные силы противника. К сожалению, генерал-полковник Раус, командующий 4-й танковой армией, счел этот план чересчур смелым и решил, что сначала нужно вернуть оставленный Житомир и уничтожить находившиеся в этом районе русские

войска, а уже затем повернуть на Киев. Наш замысел нанесения молниеносного удара глубоко в тыл русским войскам был принесен в жертву слишком осторожной по своему характеру операции. Раус был прекрасным командиром, но события последующих недель показали, что, несмотря на серьезные успехи тактического порядка, уничтожить огромный киевский плацдарм фронтальным ударом с запада было невозможно. На этот факт следует обратить внимание, ибо история боевого применения танковых войск, а до этого кавалерии показывает, что крупной победы можно добиться только быстротой, смелостью и маневром. Принцип «игры наверняка», свойственный немецкой военной школе, полностью оправдывал себя на Западном фронте в 1914–1918 годах, но не годился в наш век крупных масс танков и самолетов[207].

Изменив свой план наступления в соответствии с приказом командующего 4-й танковой армией, 48-й корпус расположил свои силы следующим образом: 25-я танковая дивизия и танковая дивизия СС «Рейх» должны были обеспечивать правый фланг корпуса, а 68-я пехотная дивизия и 7-я танковая дивизия должны были наступать на левом фланге. Главный удар наносился в центре, где испытанные в боях и полностью укомплектованные 1-я танковая дивизия и танковая дивизия «Лейбштандарт» имели задачу наступать из района Чернорудки к железнодорожной линии Киев-Житомир. 15 ноября они неожиданно для русских нанесли удар по их левому флангу. 17 ноября 1-я танковая дивизия и дивизия «Лейбштандарт» вышли на железную дорогу и оттеснили русских на северо-восток (см. схему 47).

Схема 47



Бои у Брусилова (15–24 ноября 1943 г.)

Связанные полученным приказом, мы должны были теперь повернуть на Житомир. Дивизия «Лейбштандарт» заняла оборону, чтобы прикрыть наши войска с востока, а 1-я танковая дивизия совместно с 7-й танковой и 68-й пехотной дивизиями (оба эти соединения уже испытывали известную усталость, но зато сохраняли высокий боевой дух и прекрасно управлялись своими командирами) начали наступление на Житомир. Ночью с 17 на 18 ноября 1-я и 7-я танковые дивизии ворвались в Житомир — типичный старый русский город с древними церквями.

Между тем русское командование оправилось от неожиданного удара и сосредоточило в районе Брусилова крупные силы. 17 и 18 ноября русские попытались нанести контрудар в районе Коростышев — Брусилов силами 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 5-го и 8-го гвардейских танковых корпусов. Однако успеха они не имели, и генерал Бальк решил взять в клещи и уничтожить эту танковую армию русских.

Только что прибывшая 19-я танковая дивизия должна была наступать с юга, дивизия «Лейбштандарт» — наносить удар на Брусилов с запада, 1-я танковая дивизия — наступать вдоль шоссе Житомир-Киев, а 7-я танковая дивизия должна была обойти Радомышль и организовать оборону фронтом на север. Хотя подготовка велась очень энергично, наступление не могло быть начато раньше 20 ноября.

Фронтальный удар дивизии «Лейбштандарт» на Брусилов провалился; впервые за все время войны эта знаменитая дивизия не сумела выполнить поставленной задачи. Зато на флангах события развивались успешно. 7-я танковая дивизия прекрасно справилась со своей ролью, 1-я танковая дивизия глубоко вклинилась в тыл русских частей, а 19-я танковая дивизия, несмотря на свою усталость от предыдущих боев, прорвалась на правом фланге и уничтожила шестнадцать танков и тридцать шесть противотанковых орудий, потеряв в этом бою всего четырех человек убитыми.

Было ясно, что 1-й и 19-й танковым дивизиям следовало бы продолжать свое наступление и замкнуть кольцо окружения вокруг трех гвардейских корпусов русских; к сожалению, они не развили своего замечательного успеха и остались на тех рубежах, которых они достигли в ночь с 20 на 21 ноября. Бальк пришел в ярость, когда узнал об этой задержке, — ведь теперь русские имели возможность организовать оборону. Не считаясь ни с какими возражениями, он приказал двум дивизиям перейти вечером 21 ноября в наступление, и в 21.00 их передовые подразделения соединились и замкнули кольцо вокруг русских. Теперь оставалось уничтожить русские силы внутри кольца. К 24 ноября мы захватили много пленных, а также 153 танка, 70 орудий и 250 противотанковых пушек. На поле боя осталось 3000 убитых русских солдат.

Успех ни в коем случае нельзя было считать полным, так как русские сумели очень искусно вывести из окружения значительную часть своих сил. Практически в эти долгие и темные зимние ночи было невозможно помешать выходу даже крупных подразделений противника из кольца окружения, потому что в нем было много разрывов. Как принято у русских, из окружения были выведены прежде всего штабы, офицерский состав и некоторые специальные подразделения, а основная масса солдат была оставлена на произвол судьбы. Во всем районе Брусилова не было захвачено ни одного штаба, а среди убитых не оказалось ни одного старшего офицера. Таким путем русские сохраняли кадры для новых соединений. Их отправляли в тыл, где они получали свежие войска из неисчерпаемых резервов

Красной армии.

Наша победа была одержана как раз вовремя: 26 ноября наступила оттепель, и распутица сделала всякое передвижение войск практически невозможным. В связи с этим наше предполагаемое наступление на Киев пришлось отменить. Потери возрастали, так как никто не хотел ложиться в страшную грязь от пуль и снарядов противника.

Наши тактические успехи у Брусилова были значительными, но нам не удалось добиться решительной победы, на которую мы имели все основания рассчитывать. Слишком много времени было потеряно в результате поворота к Житомиру. Мы предоставили русским передышку, и это оказалось непоправимой ошибкой[208].

Победа у Радомышля

После нашей победы 24 ноября обстановка сложилась следующая. Русские создали мощный оборонительный рубеж восточнее Брусилова, который мы не могли атаковать раньше, чем прекратится распутица; кроме того, в этом районе русские сосредоточивали крупные резервы. Несколько севернее дороги Житомир-Радомышль русские части, выбитые из Житомира, заняли новые позиции, откуда они легко могли нанести нам удар во фланг, если бы мы попытались наступать от Брусилова прямо на Киев. Было установлено, что в этом районе расположился штаб 60-й армии русских.

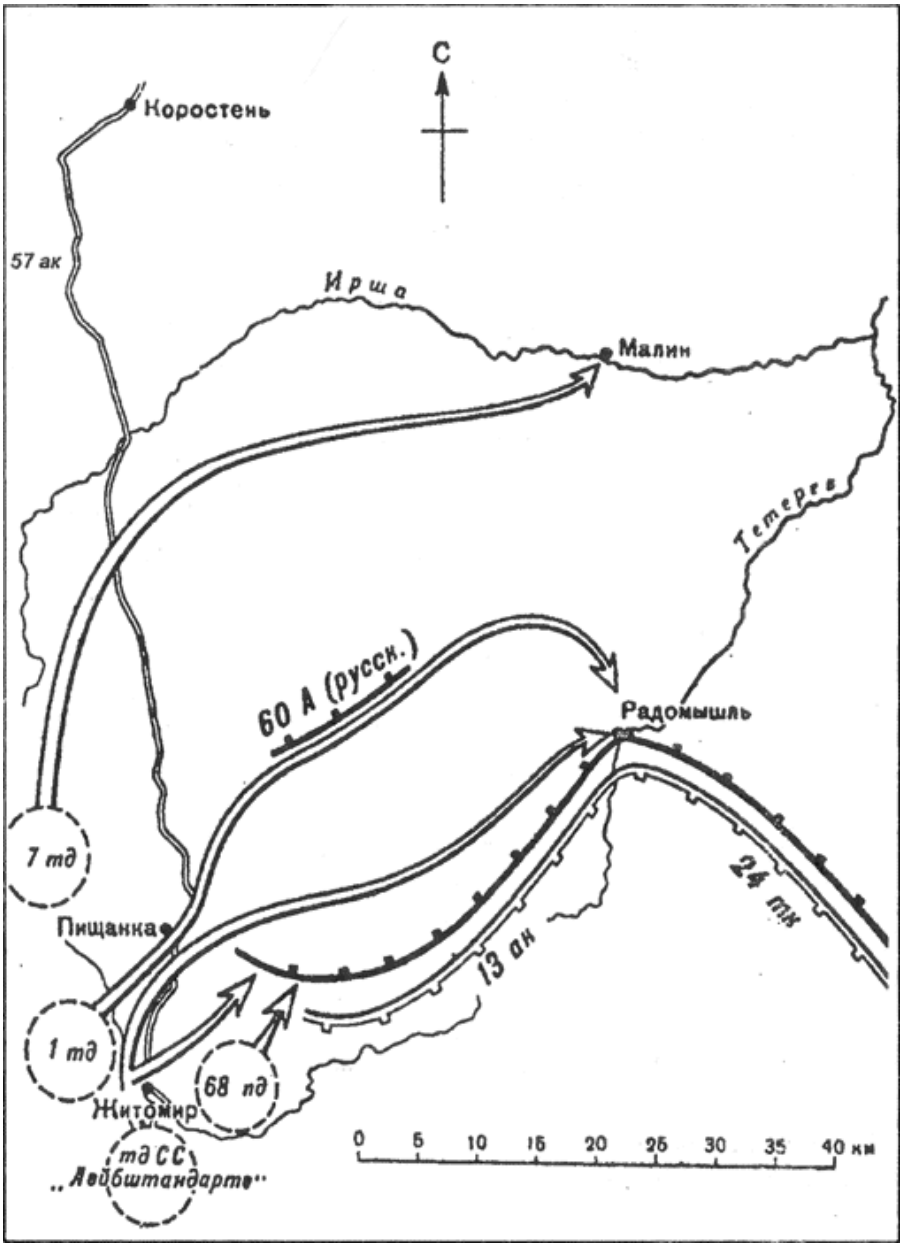
Командование группой армии «Юг» приняло решение ликвидировать нависшую угрозу. 30 ноября 48-й танковый корпус получил приказ перейти в наступление, пробив правый фланг русских на участке Житомир-Радомышль, и захватить их позиции внезапным ударом с запада на восток. На бумаге все выглядело очень просто, но на практике оказалось значительно сложнее. Если обстановка на фронте Житомир — Радомышль, где оборонялся 13-й корпус в составе нескольких усталых пехотных и охранных дивизий, была достаточно ясной, то о районе севернее и западнее Житомира этого сказать было нельзя.

Никто не знал, где заканчивается правый фланг русских. Представлялось вполне возможным, что разрыва не существовало и что линия фронта просто поворачивала на север. Было вполне вероятно и то, что разрыв в линии фронта прикрывался партизанами. Воздушная разведка не сумела дать каких-либо сведений на этот счет, наземную разведку мы решили не проводить, чтобы русские не догадались о готовящемся наступлении. Наши трудности увеличивались еще и тем, что все

мосты на участке Коростень-Житомир были уничтожены.

До начала внезапных действий командование 48-го танкового корпуса решило оставить все части на прежних местах, 68-я пехотная дивизия получила задачу наступать от Житомира прямо на правый фланг русских; левее ее во фланг противнику должна была наносить удар танковая дивизия «Лейбштандарт», а располагавшаяся еще левее 1-я танковая дивизия имела задачу выйти в тыл русской обороны, 13-й корпус должен был также принять участие в наступлении, нанося главный удар своим левым флангом. В день наступления передовые отряды двух танковых дивизий должны были пересечь в 6.00 дорогу Житомир-Коростень. Ведение разведки было запрещено; дивизии должны были занять исходные позиции ночью.

Схема 48



Бои за Радомышль (6—15 декабря 1943 г.)

Главным нашим козырем являлась 7-я танковая дивизия, которая была доукомплектована до полного состава людьми и техникой. Командование 48-го танкового корпуса предполагало направить 7-ю танковую дивизию для широкого обхода русских позиций левее 1-й танковой дивизии и последующего глубокого удара в тыл. Для успешного осуществления такого сложного плана была совершенно необходима полная внезапность.

Добиться этого было нелегко: местность не благоприятствовала действиям танков, не было ни одного моста, все время приходилось опасаться нападения партизан. Тем не менее смелый маневр 7-й дивизии должен был, по мнению генерала Балька, обеспечить успех всего наступления.

За день до начала наступления бронемашины и саперы были направлены северо-западнее Житомира для восстановления мостов и ремонта дорог, по которым должна была следовать 7-я танковая дивизия. Они получили строгие указания не приближаться к дороге Житомир-Коростень и двигаться одни, без боевых подразделений. Ремонт дорог и мостов имел большое значение, и мы надеялись, что движение саперов не привлечет особого внимания русских, 7-я танковая дивизия должна была совершить по этим дорогам ночной марш с расчетом в 6 часов 6 декабря пересечь дорогу Житомир-Коростень.

«Тигры» танкового батальона 7-й танковой дивизии были слишком тяжелы, чтобы сопровождать дивизию на марше, поэтому танковый батальон был вначале переподчинен дивизии «Лейбштандарте». Этот батальон имел задачу следовать по дороге Житомир-Коростень и, прорвав оборону противника, идти на соединение с 7-й танковой дивизией. Для выполнения задачи от этой дивизии требовалось большое искусство, инициатива и энергия. Командовал дивизией генерал Хассо фон Мантейфель — командир, обладавший в избытке требуемыми качествами, а кроме того, отличавшийся отвагой и самообладанием, необходимыми, чтобы вдохновить своих солдат на выполнение такой трудной и опасной задачи.

Ожидалось, что ночь будет лунная, с легким морозом. Все приказы были отданы в устной форме и подробно разъяснены на командных пунктах дивизий. В целях предосторожности командиров дивизий и штабных офицеров вместе не собирали, так как если бы о таком совещании узнали русские, они могли бы сделать соответствующие выводы. Вечером перед наступлением мы перевели командный пункт корпуса в Пищанку, сразу за передним краем.

Ровно в 6 часов 6 декабря передовые подразделения всех трех танковых дивизий пересекли дорогу Житомир-Коростень. Неожиданно мы обнаружили, что вдоль дороги тянется оборонительный рубеж русских, оборудование которого еще не было закончено. Крупные силы противника, не заметившего нашего охватывающего маневра, были застигнуты врасплох. Русские стойко защищались, но их действия были плохо согласованы, поэтому сопротивление вскоре было сломлено, в первую очередь в полосе 7-й танковой дивизии. В дальнейшем

наступление развивалось по плану, наши войска глубоко вклинились на территорию противника. Критического положения ни разу не создавалось.

В эти дни мы действительно получили большую пользу от подслушивания радиопереговоров противника. Донесения русских быстро расшифровывались и вовремя поступали в штаб корпуса для принятия соответствующих решений.

Мы располагали постоянной информацией о реакции русских на действия наших войск и тех мерах, которые они предполагали предпринять. Поэтому мы имели возможность своевременно изменять наши планы[209]. Вначале русские недооценивали значение немецкого удара, затем в бой были введены несколько противотанковых орудий; постепенно командование русских начало проявлять беспокойство. Переговоры по радио приняли бурный характер. «Немедленно доложите, откуда наступает противник. Ваше донесение неправдоподобно». Ответ: «Спросите чертову бабушку. Почем я знаю, откуда он наступает?» (Как только в переговорах русские начинают упоминать черта и его ближайших родственников, это означает, что дела у них идут плохо.) К середине дня 60-я армия русских была отброшена, и вскоре наши танки вышли в район расположения штаба армии.

К вечеру русский фронт был обойден на глубину до 30 км. Наступление развивалось при эффективной поддержке авиационных частей генерала Зейдемана, который расположил свой штаб рядом со штабом 48-го танкового корпуса[210]. Офицер связи с наземными войсками от 8-го авиационного корпуса передвигался на бронемашине вместе с головными танками и поддерживал постоянную связь непосредственно с воздушными эскадрильями.

Наступление успешно продолжалось. В ночь с 7 на 8 декабря дивизия «Лейбштандарт» глубоко вклинилась в оборону противника. Успех нельзя было развить, так как у танков кончилось горючее, и дивизия потратила целый день на оказание помощи остановившимся танкам. 1-я танковая дивизия, преодолев сопротивление русских, продвинулась до реки Тетерев, 7-я танковая дивизия после упорных боев ликвидировала малинский плацдарм на реке Ирша, и 9 декабря район между двумя реками был очищен от противника.

До сих пор достигнутые результаты можно было считать удовлетворительными. Войска 60-й армии были полностью дезорганизованы, а огромные запасы боеприпасов и созданная русскими разветвленная дорожная сеть позволяли сделать вывод о том, что мы предотвратили крупнейшее наступление.

На командном пункте 48-го танкового корпуса все пришли к

выводу, что большего добиться в настоящее время невозможно, и мы предложили командованию 4-й танковой армии отвести все танковые части для перегруппировки и подготовки к следующему удару. Мы предлагали повернуть на Коростень, с тем чтобы обойти русские войска у Малина.

До получения новой задачи 48-й танковый корпус должен был организовать прикрытие 13-го корпуса, пока тот закреплялся на новых позициях, и командир 48-го корпуса Бальк решил предпринять с этой целью наступательные действия. К западу от реки Тетерев у русских оставался довольно значительный плацдарм в районе Радомышля. Ударом 1-й танковой дивизии и дивизии «Лейбштандарт» этот плацдарм был ликвидирован, причем действия дивизий были хорошо согласованы и осуществлялись при постоянном контроле штаба корпуса. Русские войска силой до трех с половиной дивизий были окружены и на следующий день уничтожены. Тяжелые потери были также нанесены войскам, пытавшимся деблокировать окруженную группировку. Трофеи составляли 36 танков и 204 противотанковых орудия.

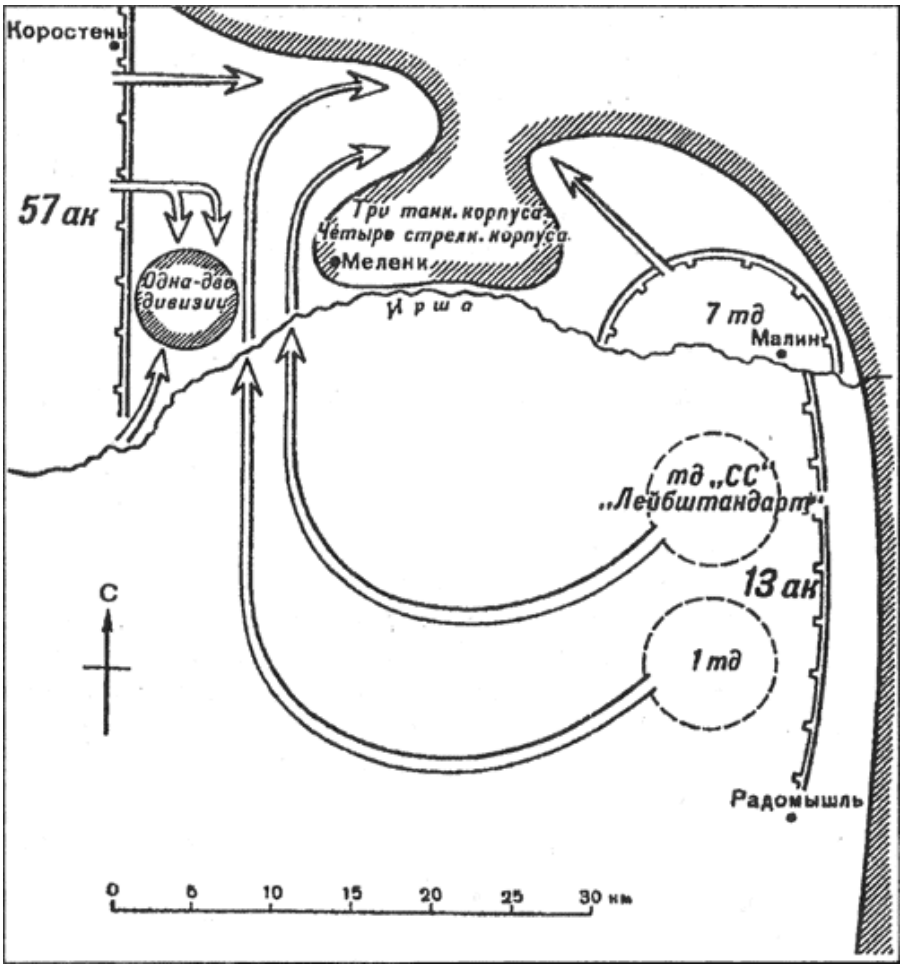
14 декабря был нанесен удар в противоположном направлении, и мы ликвидировали еще один плацдарм русских, на этот раз севернее Радомышля. После этих боев танковые части были выведены в резерв, а пехота 13-го корпуса заняла новые оборонительные позиции по рекам Тетерев и Ирша. Русские были буквально ошеломлены этими ударами. Они не могли понять, откуда появляются наши части, а их переговоры по радио свидетельствовали о замешательстве и тревоге. К 15 декабря мы стабилизировали фронт, и 48-й корпус был готов к новым боям.

Окружение у Мелени

Тем временем 57-й корпус захватил Коростень и продвигался на восток. Были все основания предполагать, что русские готовят удар на стыке 13-го и 57-го корпусов, и поэтому мы получили задачу упредить их наступление. Бальк принял решение прибегнуть еще раз к обходному маневру, который оказывался до этого роковым для многих дивизий и корпусов русских и проводился нами с большим искусством. С этой целью 7-й танковой дивизии был дан приказ переправиться через реку Ирша севернее Малина и захватить большой плацдарм. После выполнения этой задачи, по замыслу Балька, 1-я танковая дивизия и дивизия «Лейбштандарт» за два ночных перехода должны были сосредоточиться южнее Коростеня, откуда предполагалось нанести внезапный удар севернее Мелени.

Одновременно должна была перейти в наступление с плацдарма у Малина и 7-я танковая дивизия. В случае осуществления такого маневра в котле оказались бы значительные силы русских, сосредоточенные около Мелени (см. схему 49).

Схема 49



Котел у Мелени (16–23 декабря 1943 г.)

Сосредоточение 1-й танковой дивизии и дивизии «Лейбштандарт» проводилось с соблюдением всех мер предосторожности. Ведение разведки было запрещено. Мы полностью полагались на боевую выучку этих двух дивизий и надеялись, что они сумеют осуществить внезапный прорыв фронта русских западнее Мелени. Начало наступления было назначено на 9.00 16 декабря, и дивизии заняли исходное положение почти вовремя.

Наступление проводилось с сильной артиллерийской подготовкой. Тридцать артиллерийских батарей и минометная

бригада сосредоточили свой огонь перед фронтом дивизии «Лейбштандарт», которая наступала при поддержке приданных ей танков 1-й танковой дивизии. Как только дивизия «Лейбштандарт» добилась некоторого успеха, артиллерия и минометы перенесли свой огонь в полосу 1-й танковой дивизии. Мотопехота этой дивизии наступала на противника с фронта, а танки, которые действовали вместе с дивизией «Лейбштандарт», повернули на запад и нанесли удар во фланг и тыл русским частям. Такой сложный вариант наступления мог быть осуществлен только войсками, обладающими высокими боевыми качествами. Две участвующие в наступлении дивизии как раз были одними из лучших дивизий германской армии; они прорвали оборону противника и, развивая прорыв, продвинулись на значительную глубину. 7-я танковая дивизия Мантейфеля также имела успех, и к исходу дня 16 декабря мы надеялись, что в районе Мелени создастся положение, напоминающее Танненбергскую битву в миниатюре.

В последующие дни мы прилагали все усилия, стремясь сомкнуть клещи вокруг значительных, но не известных нам сил русских в районе Мелени. 7-я танковая дивизия вела тяжелые бои, а дивизия «Лейбштандарт» уничтожила сорок шесть танков. Сопротивление русских становилось все более решительным, а 21 декабря они предприняли неожиданные для нас по своей силе контратаки. Ведя ожесточенные бои на внутреннем и внешнем фронте намечавшегося окружения, наши героические части с честью выходили из всех опасных положений, но русские оказались значительно сильнее, чем мы предполагали.

Днем 21 декабря в наш штаб была доставлена карта, найденная у убитого русского майора. К нашему удивлению, оказалось, что мы пытались окружить у Мелени не менее трех танковых и четырех стрелковых корпусов русских. Видимо, русские сосредоточивали свои силы для крупнейшего наступления от района Мелени на Житомир, и наше собственное наступление тремя танковыми дивизиями должно было показаться им необычайной дерзостью.

В 15.00 нам стало известно, что у русских созвано большое совещание командиров соединений. Этот факт, а также общая обстановка на нашем фронте свидетельствовали о том, что русские меняют свой план действий. Было вполне вероятно, что они откажутся от первоначального наступления на Житомир а сосредоточат все свои усилия на уничтожении 48-го танкового корпуса. Исходя из такой оценки, мы приняли решение перейти к обороне и отказаться от попытки окружить войска, намного превосходящие наши собственные силы. Тем не менее дивизия

«Лейбштандарт» получила приказ попытаться овладеть Мелени и соединиться с частями 7-й танковой дивизии южнее полуокруженной группировки русских.

22 декабря дивизии «Лейбштандарт» не удалось продвинуться, зато 1-я танковая дивизия успешно отбила атаки двух танковых корпусов, уничтожив при этом шестьдесят восемь танков противника. 23 декабря мы оттянули назад наши охватывающие противника фланги и вели оборонительные бои на всем фронте, ликвидируя все попытки врага отрезать наши дивизии. 48-й танковый корпус с удовлетворением узнал, что ему удалось упредить и в значительной степени сорвать еще одно крупное наступление, которое, возможно, привело бы к разгрому 13-го корпуса.

Мы начали свой отход очень своевременно. В 80 км южнее, у Брусилова, где мы вели бои 22–24 ноября, русские вновь предприняли наступление и смяли 24-й танковый корпус. У 4-й танковой армии не было резервов, поэтому 48-й танковый корпус получил приказ немедленно оставить позиции у Мелени и совершить со своими тремя танковыми дивизиями стремительный марш на юг для восстановления положения на прорванном участке фронта. К этому времени мы представляли собой «пожарную бригаду» группы армий «Юг» и уже привыкли к тому, что нас перебрасывают с одного опасного участка на другой.

Так закончились наступательные действия 48-го танкового корпуса на киевском выступе. С точки зрения тактики руководство боевыми действиями, по моему личному наблюдению, было превосходным. Генерал Бальк с замечательным искусством управлял своими частями; он проявил полное понимание классических принципов маневрирования и внезапности и продемонстрировал находчивость, гибкость и проницательность в своих действиях, во многом напоминающих действия великих полководцев прошлого.

Бальк сделал многое для своей славы, но для немецких армий на Украине он сделал еще больше. Следует признать, что главная задача — овладение Киевом — оказалась для нас непосильной. Даже русские расценивали наш первый удар у Брусилова как самый опасный, но если бы Бальку разрешили осуществить свой первоначальный план, возможно, мы бы и овладели снова святым городом на Днепре. В этом случае мы отрезали бы очень большие силы русских и общая обстановка на южном фронте могла бы значительно измениться.

Но все же мы нанесли русским тяжелые потери: за этот период войсками 4-й танковой армии, в авангарде которой

действовал наш корпус, было захвачено свыше 700 танков и 668 орудий. Из трех групп русских войск, переправившихся в ноябре через Днепр, первая, у Брусилова, была сильно потрепана, вторая, в районе Житомир-Радомышль, полностью уничтожена, а третья, восточнее Коростеня, понесла настолько тяжелые потери, что уже не могла больше вести наступательных действий[211].

Правда, русские могли восполнить понесенные потери, но боевые качества непрерывно подходивших из района Киева пополнений были невысокими. Приближался день, когда у русских не осталось бы больше никаких резервов.

Это обстоятельство имеет очень важное значение, так как показывает, чего можно было бы добиться на Восточном фронте, если бы у руководства германскими вооруженными силами находился не Гитлер, а такой человек, как Манштейн. Даже после провала наших наступательных операций 1941–1942 годов — причем надо сказать, что мы вряд ли потерпели бы эти поражения, если бы наша стратегия стояла на должной высоте, — ни в коем случае нельзя было считать войну с Россией проигранной. Критической точкой явился октябрь 1942 года, когда 6-я армия еще без труда могла быть эвакуирована из района Сталинграда. Осторожные и осмотрительные действия, сочетавшие стратегические отступления и тактические наступательные действия, изматывали бы крупные силы русских и сохраняли нашу собственную живую силу и технику. Русский принцип вести наступление невзирая ни на какие потери мог бы обернуться против них и привести к ужасным последствиям[212]. По моему мнению, мы смогли бы, конечно, достичь на Восточном фронте стратегического равновесия, и не исключено, что разгром 1917 года мог повториться. Даже после катастрофы под Сталинградом еще могла бы остаться некоторая надежда на успех, если бы Гитлер не предпринял рокового наступления в районе Курска.

Глава XVII
Отступление с Украины

Рождество на Украине

Накануне Рождества 1943 года положение группы армий «Юг» вновь стало критическим. Мы узнали, что 24-й танковый корпус потерпел тяжелое поражение, что русские прорвались в районе Брусилова и теперь развивают прорыв. По имеющимся данным, они двигались к Житомиру, и 48-му танковому корпусу была поставлена задача задержать их продвижение. В день Рождества штаб нашего корпуса прибыл в Житомир, забитый автомашинами и тыловыми подразделениями, в том числе и тылами 13-го и 24-го корпусов. Мы с трудом проехали по многолюдным улицам и развернули командный пункт южнее города. Танковые дивизии 24-го корпуса (8-я, 19-я и дивизия СС «Рейх») были переданы в наше распоряжение, но никто и понятия не имел, где они находятся и какие понесли потери. Мы полагали, что их удастся обнаружить где-нибудь в лесах восточнее Житомира. Во всяком случае, теперь мы были обязаны определить местонахождение этих несчастных дивизий и восстановить фронт.

Выполнение нашей задачи осложнялось еще и тем, что в Житомире, где скопилось огромное количество войск, царило паническое настроение. Помимо тыловых частей, 4-я танковая армия направила в город артиллерийскую дивизию; в результате на улицах города скопилось более 20 тыс. человек и тысячи автомашин. Город напоминал настоящую мышеловку, и вот через него-то из-за отсутствия хороших дорог и вынуждены были проходить наши три танковые дивизии (1-я, 7-я, дивизия СС «Лейбштандарт»), двигавшиеся с севера.

С большим трудом и только после принятия генералом Бальком решительных мер 1-й танковой дивизии удалось пройти через город и двинуться на восток для соединения с остатками 24-го корпуса. Наконец эта дивизия донесла, что ей удалось пробиться до дивизии СС «Рейх» и штаба 8-й танковой дивизии, но что южнее 19-я танковая дивизия и часть сил 8-й танковой дивизии были отрезаны крупными силами русских. Спустя некоторое время штабу нашего корпуса удалось установить радиосвязь с 19-й танковой дивизией и передать приказ прорываться в район южнее Житомира, где дивизия СС «Лейбштандарт» попытается пробиться ей навстречу. К несчастью,

улицы Житомира оказались настолько загроможденными, что дивизии «Лейбштандарт» пришлось двигаться вперед со скоростью улитки.

Я никогда не забуду этого необычного Рождества. Из 19-й дивизии мы приняли радиограмму; «Атакован 30 танками противника. Горючего нет. Помогите, помогите, помогите!», после чего связь прекратилась. Генерал Бальк заявил, что он не будет в такой обстановке вводить дивизию «Лейбштандарт», даже если это приведет к потере всей 19-й дивизии. В конце концов, после примерно шестичасового тревожного ожидания радист вручил мне весьма приятное донесение 19-й дивизии: «Отходим на запад, сохраняя относительный порядок». 26 декабря 19-я танковая дивизия и часть 8-й танковой дивизии соединились с дивизией «Лейбштандарт» в районе Волицы. Благодаря умелому руководству генерала Кельнера и полковника фон Радовица они сохранили почти всю технику и даже сумели уничтожить большое число танков противника. Командование поступило так, как обычно делали русские, — войска были направлены не по дорогам, а прямо через лес.

Между тем разведка доложила, что крупные силы русских двигаются по направлению к Житомиру. Мы с тревогой ожидали, что 27 декабря они предпримут мощные атаки. Однако этого не случилось. Решили ли русские действовать более осторожно после смелого удара 1-й танковой дивизии, или же у них было слишком много соединений, двигавшихся по одной и той же дороге, или, наконец, их части, стремясь окружить немецкие дивизии, не сумели сохранить организованность и перемешались — в общем, я не берусь утверждать, в чем была причина, но факт тот, что русские не предприняли наступления и это значительно облегчило положение наших войск.

Первая часть нашей задачи теперь была выполнена — нам удалось вывести из окружения дивизии 24-го танкового корпуса и организовать оборону восточнее Житомира. Командование 4-й танковой армии решило использовать создавшееся положение и передвинуть 48-й танковый корпус дальше на юг, с тем чтобы прикрыть участок Казатин-Бердичев (см. схему 50). Были все основания опасаться там удара русских, так как успех в этом районе позволил бы им перерезать железнодорожные магистрали, необходимые для снабжения немецких войск в излучине Днепра. Русские уже овладели Казатином, и мы получили приказ срочно сосредоточить все наши силы для нанесения контрудара.

27 декабря дивизия СС «Лейбштандарт» заняла позиции восточнее Бердичева, а 28 декабря 1-я танковая дивизия прошла через ее боевые порядки, имея задачей отбить Казатин (7-я

танковая дивизия еще не подошла с севера). В распоряжении 48-го танкового корпуса находилось примерно 100–150 танков, а у русских, действовавших в этом районе, было около 500.

29 декабря развернулись тяжелые бои. Дивизия «Лейбштандарт», оборонявшаяся на фронте 30 км, была атакована 140 русскими танками. В то же время 1-й танковой дивизии удалось несколько продвинуться, но затем она встретила решительное сопротивление значительно превосходящих сил противника. Части дивизии «Лейбштандарт» уничтожили 68 танков, но тем не менее оборона дивизии была прорвана в нескольких местах, и 40 танков противника продвинулись глубоко в тыл. Чтобы ликвидировать создавшуюся опасность, генерал Бальк решил сократить свой фронт и отвести две свои дивизии на новый оборонительный рубеж по обе стороны Бердичева. Утром 30 декабря наше положение стало критическим. Земля была покрыта ледяной коркой, что сильно затрудняло отступление 1-й танковой дивизии, а дивизии «Лейбштандарт» пришлось пробиваться с боями через сильные колонны русских войск. Кроме того, подход 7-й танковой дивизии задерживался. Однако, несмотря на все это, нам удалось за день уничтожить 32 русских танка и создать сплошную линию фронта.

Схема 50

Наступление русских войск от Днепра к Днестру (март — апрель 1944 г.)

31 декабря русские предприняли ожесточенные атаки значительными силами, в ходе которых они потеряли 62 танка. В этих боях мы имели возможность еще раз убедиться, что за танками русских уже больше не наступает многочисленная пехота.

Благодаря умелому и уверенному руководству действиями со стороны командующего 4-й танковой армией генерал-полковника Рауса опасное положение было ликвидировано. Хотя русские сумели 31 декабря овладеть Житомиром, а 3 января выйти на границу 1939 года с Польшей, их наступательный порыв иссяк. Оборона немецких войск в Западной Украине все еще проходила в основном по прежним рубежам, а боевой дух наших войск был, как и раньше, непоколебим.

После успешных оборонительных действий в районе Бердичева можно было ожидать, что на несколько недель наступит относительное затишье. Я еще не полностью избавился от амебной дизентерии, которой заболел в Африке, и поэтому

генерал Бальк предложил мне использовать представившийся удобный случай, чтобы взять краткосрочный отпуск и поехать в Гармиш для полного излечения в госпитале. Оттуда я мог бы вернуться здоровым и готовым к участию в тяжелых боях, которые, как мы все полагали, ожидали нас в 1944 году.

Проблемы ведения оборонительных действий

В целом ведение оборонительных действий в Западной Украине было успешным благодаря тому, что оборона не носила стабильного характера, а была эластичной, и противник мог лишь выгибать нашу линию обороны, но не прорывать ее. Поэтому противнику ни разу не удалось уничтожить ни одного немецкого соединения. Командиры низшего звена использовали всякую возможность для проведения контратак с целью уничтожения наибольшего числа русских.

С другой стороны, позиционная оборона, примером которой явились действия 24-го корпуса восточнее Брусилова, обычно в короткое время прорывалась в нескольких местах. Танки применялись, как правило, массированно и внезапными ударами могли прорвать почти любую оборону, так как в условиях бескрайних просторов России любой оборонительный рубеж был, по существу, только временным прикрытием. Секрет успеха оборонительных действий заключался в умелом применении резервов и в проведении сильных и решительных контратак.

Наши трудности усугублялись недостатками организационного порядка. У нас не было противотанковых дивизий (то есть дивизий, укомплектованных главным образом противотанковой артиллерией), хотя в современной войне такие соединения имеют большое значение. В начале сражения подобные дивизии следует держать в резерве и вводить их, только когда создается угроза серьезного прорыва обороны. После того как они восстановят положение, в контратаку могут быть брошены танковые дивизии. Отсутствие в нашем распоряжении противотанковых дивизий явилось причиной многих поражений, а создать такие соединения было очень легко. Командование 48-го танкового корпуса решительно настаивало на необходимости создания противотанковых дивизий, но все наши представления отклонялись под предлогом отсутствия боевой техники, необходимой для их оснащения. Такое объяснение не выдерживает никакой критики, так как только один 48-й танковый корпус захватил примерно 500–600 русских противотанковых пушек в декабре 1943 года. Этого количества вполне хватило бы для вооружения одной дивизии. Материальная

часть русской противотанковой артиллерии была прекрасной, а русские пушки легко можно было приспособить для стрельбы немецкими снарядами.

Мы не имели противотанковых дивизий, а артиллерийская дивизия в боях под Житомиром не проявила себя с положительной стороны. Она имела в своем составе несколько артиллерийских полков, подразделение самоходных орудий и дивизион тяжелых орудий. Организация дивизии была настолько неудачна, что дивизия лишь загромождала дороги и теряла свои орудия. В высших штабах высказывалось предположение об использовании этого соединения как танковой дивизии, но оно не оправдало себя ни в обороне, ни в наступлении и оказалось совершенно неспособным удержать Житомир. Дивизия могла бы принести большую пользу, если бы она была целиком подчинена штабу корпуса, а ее полки использовались только как артиллерийские части.

Для ведения оборонительных боевых действий большое значение имеет организация тыловых районов и создание сети коммуникаций. Я уже упоминал о таком достойном сожаления факте, как скопление войск и техники в Житомире, важном узле дорог. То же самое происходило в Бердичеве и многих других городах. В узлах дорог скоплялись тылы всех соединений первого эшелона; туда же при наступлении противника устремлялись люди, не испытывавшие большого желания драться с русскими, и в это время машин там было столько, что создавались огромные пробки, которые невозможно было ликвидировать. Если русские прорывались, нам приходилось бросать и сжигать тысячи автомашин; более того, пробки на дорогах препятствовали важным передвижениям танковых частей, которые буквально тонули в этом водовороте людей и машин. Причина подобных явлений заключалась в том, что размещение в населенных пунктах было безопаснее и удобнее, а кроме того, в степях и лесу хозяйничали партизаны, и войска предпочитали двигаться только по дорогам. Возможно, самым существенным результатом партизанской войны является тот факт — хотя этому и придавали мало значения, — что все тыловые части скоплялись в населенных пунктах, являвшихся узлами коммуникаций.

Впоследствии, действуя вблизи других городов, 48-й танковый корпус учитывал урок Житомира. Мы просто старались миновать эти узлы дорог и не располагать в них войска и неуклонно требовали выполнения этого приказа. Тыловые части рассредоточивались и размещались в деревнях, что автоматически вело к прекращению действий партизан в этих районах. Кроме того, налеты русской авиации на узлы

коммуникаций теперь уже не давали прежнего эффекта. Естественно, что тыловым частям пришлось столкнуться с рядом неудобств, которых они до сих пор не знали. Так, например, им теперь требовалось выставлять больше постов и выполнять задачи по охранению войск. В результате в штаб 48-го корпуса непрерывным потоком поступали просьбы о размещении тыловых частей в более крупных населенных пунктах. Во всех этих обращениях содержались веские доводы и указывалось, что в противном случае нельзя гарантировать регулярного снабжения войск всем необходимым. Однако генерал Бальк оставался непреклонным, и следует подчеркнуть, что никаких затруднений не возникало — наоборот, снабжение войск проходило более организованно, чем раньше.

«Никаких отступлений»

27 декабря 1943 года в ставке Гитлера состоялось очень важное совещание[213]. Обсуждалось предложение Манштейна о частичном отводе войск из большой излучины Днепра и об эвакуации Никополя. Принятие указанного предложения обеспечило бы сокращение фронта почти на 200 км, однако Гитлер не пожелал считаться с выдвинутыми аргументами. Он обосновал свой отказ тем, что любое значительное отступление в излучине Днепра даст возможность русским сосредоточить силы для наступления на Крым, а потеря Крыма «катастрофически» скажется на отношениях с Румынией и Турцией. В этом, конечно, была доля правды, но во время войны часто приходится выбирать из двух зол меньшее. Не дало никакого результата и заявление Цейтцлера о том, что «Крым все равно будет в скором времени потерян».

Гитлер был прав, говоря, что русские «должны же когда-нибудь выдохнуться», но он не понимал, что лучший путь к истощению их сил — это принять гибкую стратегию и ни в коем случае не давать русским возможности уничтожать наши войска в опасных выступах. Спорить с этим человеком было бесполезно. Прижатый к стене аргументами Цейтцлера, Гитлер пустился в туманные рассуждения и заявил буквально следующее:

«Запаситесь терпением. У нас уже были подобные случаи, когда все утверждали, что положение безвыходное. А впоследствии всегда оказывалось, что главное — не теряться»[214]. Вот каково было руководство германской армией, и это в тот момент, когда обстановка требовала абсолютно трезвого анализа и подлинного стратегического мастерства.

Это совещание дает ключ к пониманию причины всех

поражений, которые испытали немецкие войска на Украине в последующие три месяца. Именно в то время, когда русские исчерпали до предела свои людские резервы, Гитлер настаивал на удержании фронта, что со стратегической точки зрения было совершенно неосуществимым. Поскольку я находился в отпуске до середины апреля, я не буду подробно описывать всех сражений этого периода, тем более что они не имеют особого значения для изучающих стратегию, а лишь подтверждают, что война представляет собой науку и нельзя безнаказанно пренебрегать ее законами.

В середине января Красная армия возобновила свое наступление, 48-й танковый корпус продолжал твердо удерживать свои позиции, и русским не удалось добиться большого продвижения в Западной Украине. Однако восточнее они сумели достичь значительных успехов: 8 февраля был взят Никополь. К этому времени наша 8-я армия удерживала очень опасный выступ, который включал Корсунь-Шевченковский и доходил до Днепра; Гитлер решительно настаивал на удержании этого выступа. Результатом такого решения оказался новый Сталинград — правда, масштабы катастрофы на этот раз были меньше. Войска 1-го Украинского фронта маршала Ватутина и 2-го Украинского фронта маршала Конева прорвали нашу оборону по обе стороны Корсунь-Шевченковского и окружили свыше 50 тыс. немецких войск. С огромным трудом Манштейну удалось вывести из котла около 35 тыс. человек, но потери, особенно в артиллерии, были огромные. Большинство орудий пришлось бросить на дорогах.

Ватутин заболел, и командование фронтом принял маршал Жуков. В марте войска этого фронта предприняли новое наступление и нанесли два удара. Первый удар наносился по направлению к южной части Польши, но после захвата Ровно и Луцка войска были остановлены между Львовом и Тернополем. Второй удар был более опасен: русские вышли к верховью Днепра и восточным отрогам Карпат. В то же время 2-й Украинский фронт Конева достиг Южного Буга и продвигался на юго-запад на соединение с войсками Жукова (см. схему 50).

Над 48-м танковым корпусом, все еще удерживающим прочно свои позиции южнее Бердичева, нависла угроза окружения с обоих флангов. Корпус получил разрешение отойти в направлении Тернополя; выполнение этого маневра потребовало огромного напряжения и очень большого искусства. Генерал Бальк пишет: «Главное состояло в том, чтобы убедить людей в успехе, сохранять хладнокровие, спокойствие и твердость духа. У личного состава ни в коем случае не должно было сложиться впечатление, что отход может окончиться неудачей».

В ходе этого крайне рискованного марша, когда немецким войскам приходилось пересекать пути движения наступающих армий Жукова, 48-й танковый корпус придерживался правила: ночью двигаться, а днем вести бои. Генерал Бальк особенное внимание уделял размещению своего штаба, так как во время отхода очень важно сохранить управление войсками. Бальк, не колеблясь, располагал штаб корпуса далеко за линией фронта с таким расчетом, чтобы он мог оставаться на одном месте несколько дней, а затем совершить новый большой скачок в тыл. В результате принятых мер не было ни одного случая, когда дивизии не имели бы радиосвязи со штабом корпуса.

Поскольку каждый удар русских направлялся на большие города (возможно, в связи с требованиями специального приказа Сталина), мы старались всячески избегать этих мест. В войне с Россией многие неудачи объяснялись тем, что вышестоящие штабы размещались в крупных городах или выдвигались слишком близко к фронту, показывая неуместную храбрость. Из-за этого штабы часто «засасывались» боевыми действиями, и всякое централизованное управление войсками терялось. Бальк избежал этой ошибки. Он внимательно следил за тем, чтобы его штаб корпуса располагался в стороне от больших дорог и населенных пунктов.

Во время отступления штаб 48-го танкового корпуса всегда заботился о заблаговременной отдаче предварительных распоряжений с тем, чтобы дивизии располагали достаточным временем для своей подготовки к действиям. Войска ценили такого рода заботу, о чем свидетельствует следующий пример. В ходе боевых действий дивизия СС «Лейбштандарт» после шестинедельного «отсутствия» вновь вернулась в 48-й танковый корпус. Когда дивизия получила обычное предварительное распоряжение из штаба корпуса с точным указанием, что ей следует сделать в течение следующих сорока восьми часов, она передала в ответной радиограмме: «Ура! Мы снова слышим голос своего хозяина!»

48-му танковому корпусу удалось сосредоточиться западнее Тернополя, где он принял участие в создании прочного оборонительного рубежа. В это время 1-я танковая армия была уже окружена войсками Жукова в районе Скала-Подольская юго-восточнее Тернополя. В начале марта эта армия удерживала позиции под Кировоградом на правом крыле группы армий «Юг». Когда началось наступление Жукова, 1-я танковая армия была переброшена форсированным маршем на запад, с тем чтобы остановить продвижение русских войск, но в районе Скала-Подольская сама попала в окружение. В течение нескольких

недель она снабжалась только по воздуху. Однако ее решительное сопротивление сковывало крупные силы русских, и поэтому опасный удар Жукова с выходом в Северную Румынию не достиг своей цели. 9 апреля 1-й танковой армии удалось прорваться в западном направлении и соединиться с основной группировкой немецких войск в Галиции. Армия совершила замечательный подвиг: ей удалось сохранить все свое тяжелое оружие.

Окружение 1-й танковой армии в районе Скала-Подольская привело к окончательному разрыву между Гитлером и фельдмаршалом фон Манштейном. Сперва Гитлер отказался дать разрешение на прорыв и выход из окружения, и 25 марта фон Манштейн в полном отчаянии вылетел в Восточную Пруссию. После резких объяснений он заявил о своем желании уйти в отставку и в конце концов получил согласие на подготовку 1-й танковой армии к прорыву. Он вернулся на фронт, но примерно через неделю был отстранен от командования.

10 апреля русские овладели Одессой, и группа армий «А» фельдмаршала фон Клейста отступила за Днестр в Румынию. Но худшее было еще впереди. 11 апреля войска генерала Толбухина предприняли решительный штурм нашей обороны на Перекопском перешейке и ворвались в Крым. Немецкие и румынские дивизии потеряли 30 тыс. человек; остатки их были отброшены к Севастополю, который пал 9 мая. Еще одна армия была принесена в жертву стратегии «держаться любой ценой».

Если группа армий «Юг» и группа армий «А» не были уничтожены еще в первые месяцы 1944 года, то в этом заслуга немецких офицеров и солдат, которые не поддавались панике и умели находить выход из самых, казалось бы, безвыходных положений. Тем не менее последствия этих событий оказались весьма тяжелыми. Генерал Гудериан пишет: «Большие потери, понесенные в жестоких зимних боях, привели в полное замешательство главное командование сухопутных войск»[215]. Он указывает, что эти потери разрушили планы создания сил на Западе для отражения англо-американского вторжения, которое, как известно, произошло в первой половине 1944 года.

Весенняя распутица приостановила операции на Восточном фронте, но у нас были все основания с тревогой ждать будущих боев. Почва уходила из-под ног. Война на два фронта, которой так боялись немецкие стратеги со времен фон Шлиффена, вступала в свой последний и роковой период.

Глава XVIII
Оборона в Польше

Общая обстановка

Весной и в начале лета 1944 года немецкая армия готовилась к отражению беспримерных по силе ударов с востока и запада. В своих воспоминаниях генерал Фуа[216] указывает, что солдаты Наполеона шли к Ватерлоо «без страха и без надежды». Это выражение точно передает настроение большинства немецких офицеров в первые месяцы 1944 года. Солдаты были настроены более оптимистически, так как в тактическом отношении немецкая армия все еще превосходила любого из своих противников, и потому вера солдат в своих офицеров и в германскую боевую технику оставалась непоколебимой; этому способствовали и слухи об изобретении нового замечательного оружия, которое якобы позволит уничтожить всех наших врагов. Был еще велик в то время и авторитет Гитлера. Его стремительный приход к власти и необыкновенные успехи в период 1933–1941 годов вселяли надежду, что этому эксцентричному человеку каким-то образом удастся вывести Германию из состояния агонии. Но стоило лишь людям, серьезно изучающим проблемы войны, задуматься о колоссальном превосходстве авиации англо-американцев и тех безграничных ресурсах, которые они могли использовать, а также учесть огромную и несломленную еще мощь Советского Союза, как им сразу становилось ясно, что борьба может иметь только один исход.

Раскол между Советским Союзом и англо-американцами — вот что было нашей единственной реальной надеждой, ибо было совершенно ясно, что уничтожение Германии повлечет за собой нарушение равновесия сил в Европе. Однако Рузвельт, как и Гитлер, не менял раз принятых решений и был готов пойти на многое, чтобы расположить в свою пользу Сталина. Анализ политических последствий этой политики выходит за рамки данной книги, но мы должны отметить, что военная помощь Рузвельта России оказала такое влияние на ход операций на Восточном фронте, которое даже сейчас еще не получило достаточной оценки.

В 1941 и даже в 1942 году помощь англо-американцев России была сравнительно небольшой, и нельзя сказать, чтобы она существенно сказалась на ходе боевых действий. Однако в 1943

году в Россию стало поступать в большом количестве вооружение и военное снаряжение. В последние двенадцать месяцев войны военные материалы широким потоком шли в Россию. По данным, опубликованным в октябре 1945 года государственным департаментом США, в Советский Союз были направлены:

— 13 300 самолетов;

— 6800 танков;

— 312 000 т взрывчатых веществ;

— 406 000 грузовиков (в том числе 50 000 автомашин «виллис»);

— 1500 локомотивов;

— 9800 товарных вагонов;

— 540 000 т рельсов;

— 1 050 000 миль телефонного кабеля (не считая большого количества продовольствия, шин, одежды, стали, горючего и высококачественных станков).

Примерно половина всего вышеуказанного была поставлена в Советский Союз в последний год войны. Нельзя, кроме того, не учитывать помощи, полученной из Англии и Канады. Из этих стран СССР получил 5480 танков, 3282 самолета и 103 500 т каучука.

Для русских наибольшее значение имели самолеты и автомашины. Они значительно увеличили ударную силу Красной армии и позволили повысить темп операций. Тяжелое для нас наступление русских от Днепра к Висле в июне-июле 1944 года, а также последующие прорывы в Венгрии и Польше могут быть объяснены непосредственно помощью англо-американцев. Так Рузвельт создал все условия для того, чтобы Сталин стал хозяином Центральной Европы[217].

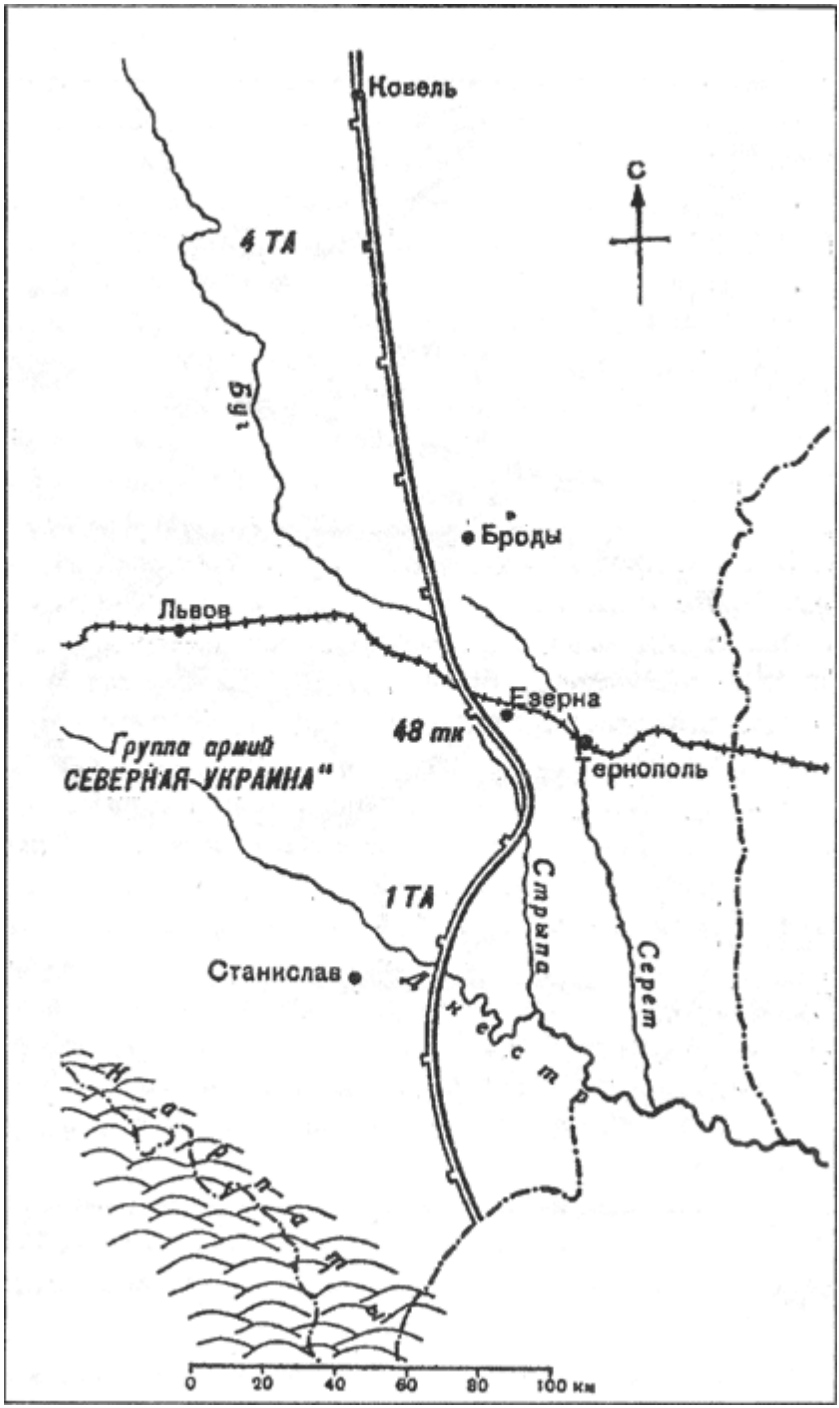
В середине апреля 1944 года я прибыл к генералу Бальку на командный пункт 48-го танкового корпуса западнее Тернополя. Линия фронта на юге в это время была стабилизирована, а на севере наступление советских войск в районе Ленинграда было остановлено на границах Прибалтийских государств. Несмотря на настойчивые атаки русских, группа армий «Центр» удерживала значительную часть Белоруссии, в том числе Витебск и важный железнодорожный узел Оршу. Восточный фронт все еще был слишком растянут для организации эффективной обороны, поэтому мы многого бы добились, если бы эвакуировали Эстонию и Белоруссию и отошли на рубеж Рига-Львов — устье Днестра. Но на это нельзя было надеяться, имея у руководства вооруженными силами Гитлера.

Когда я прибыл на фронт, 48-й танковый корпус был отведен с переднего края и занимался напряженной боевой подготовкой.

На всем фронте было затишье — весенняя распутица приостановила крупные передвижения войск. Кроме того, потери в ходе операций зимой 1943/44 года оказались слишком значительными даже для русских. Мы подчинялись теперь 1-й танковой армии и имели в своем распоряжении 1-ю и 8-ю танковые дивизии.

Генерал Бальк делал все возможное, чтобы извлечь пользу из наступившего затишья и максимально повысить уровень боевой выучки наших двух дивизий. У нас установились очень хорошие отношения с командованием 1-й танковой армии. Этой армией командовал генерал-полковник Раус, а начальником штаба у него был мой старый друг генерал-майор Вагенер. До войны он служил в Силезском кавалерийском полку, который стоял рядом с нашим полком. Он страстно увлекался конным спортом и охотой, и мы часто охотились вместе. Он рассказал мне о том, что произошло с 1-й танковой армией, когда она в марте попала в котел в районе Скала-Подольская, и мы подробно разобрали последние боевые действия на Украине. Разумеется, мы оба были очень огорчены отстранением от командования фельдмаршала фон Манштейна, единственного человека, способного своим гением победить огромные силы русских. Теперь группа армий «Юг» была переименована в группу армий «Северная Украина» (это название не соответствовало действительности, так как мы уже больше не находились на Украине). Командование этой группой принял фельдмаршал Модель[218]. Это был живой, вспыльчивый, невысокого роста генерал, никогда не расставшийся со своим моноклем. Хотя этот полководец обладал большой энергией, его вряд ли можно было считать достойным преемником Манштейна. Особенно следует отметить, что Модель занимался мелочной опекой и сам указывал командующим своих армий и командирам корпусов точное расположение их частей. Такая манера вызывала раздражение у генерала Балька.

Схема 51

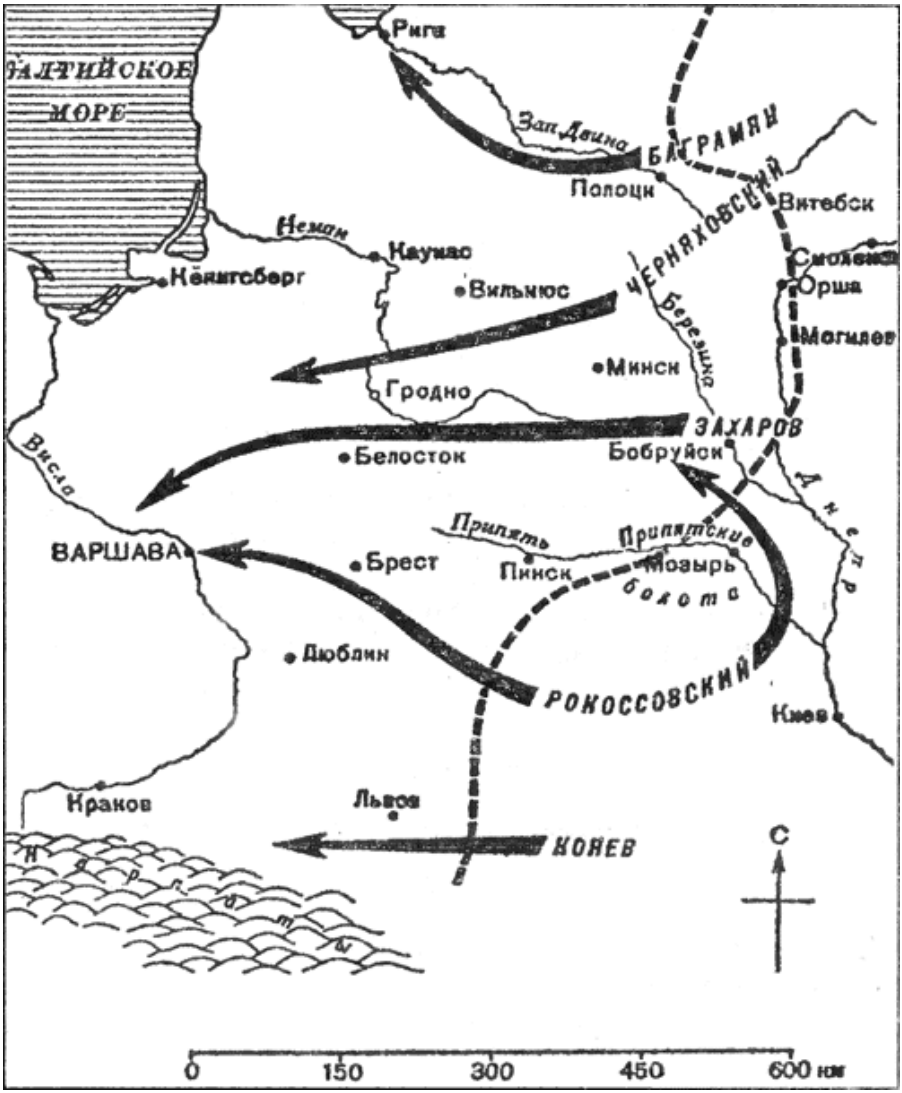


Фронт в Галиции (положение на 13 июля 1944 г.)

Свыше двух месяцев на Восточном фронте не было никаких изменений. В то же время радио часто передавало тревожные

вести с других театров военных действий. Мы слышали о больших сражениях в Италии, об ужасных бомбардировках Германии и Франции, о падении Рима и, наконец, услышали о высадке в Нормандии. Тому, кто занимался вопросом англо-американского вторжения, было совершенно ясно, что решающими были первые несколько дней, возможно, первые двадцать четыре часа. Я знал, что мой старый начальник фельдмаршал Роммель сделает такой же вывод из обстановки и предпримет все меры для того, чтобы сбросить врагов в море, прежде чем они сумеют закрепиться на захваченном плацдарме. К 14 июня стало ясно, что Роммелю не удалось добиться успеха. Я не знал тогда, почему его план сосредоточения танковых дивизий вблизи побережья не был осуществлен, но с этого времени нашим войскам на Западе пришлось вести длительную и кровавую изнурительную борьбу с превосходящими силами противника, которая могла окончиться лишь поражением и разгромом[219].

Схема 52



Наступление войск Центрального фронта (июнь — июль 1944 г.)

В это время русские были, видимо, заняты крупной реорганизацией, хотя с каждым днем становилось все яснее, что они готовы начать наступление на огромном фронте от Балтики до Карпат. В середине июня 48-й танковый корпус вернулся на передний край и занял важный участок фронта южнее железной дороги Львов-Тернополь. В этом районе в 1914 и 1916 годах происходили тяжелые бои, и у нас были все основания полагать, что и теперь он явится ареной не менее ожесточенных схваток.

Прорыв войск Конева

Линия обороны 48-го танкового корпуса проходила по реке Стрыпа и огибала несколько болот между рекой Серет и верховьем Западного Буга (см. схему 51). 1-я и 8-я танковые дивизии были переданы 3-му танковому корпусу, а мы получили в свое распоряжение восемь пехотных и одну артиллерийскую дивизию, а также несколько отдельных частей. Точных данных о намерениях русских не было. Радиоперехват и допросы пленных давали весьма противоречивые сведения. Одно время казалось, что русские непременно предпримут наступление, затем оно было признано маловероятным. Общая обстановка каждый день менялась. На переднем крае нам удалось установить наличие лишь не имеющих особого значения частей, но это еще ни о чем не говорило, так как русские обычно подводили к переднему краю наступающие войска только в самый последний момент.

Командование 48-го танкового корпуса считало, что опасно позволять русским удерживать район западнее реки Серет. Дело в том, что участок между Езерной и Бродами был покрыт густым лесом, который дал бы русским возможность скрыть подготовку к наступлению и развертывание своих частей. Мы предлагали атаковать русских и отбросить их к реке Серет, но наше предложение принято не было. Вместо этого нам было приказано провести разведку боем силой двух батальонов, поддержанных танками и артиллерией. Разведка прошла хорошо и подтвердила наше мнение о том, что русских без большого труда можно было бы отбросить к реке Серет и тем самым предотвратить их наступление. К сожалению, мы не имели права выходить за рамки поставленных задач.

Тем временем на центральном участке общего фронта развертывались малоприятные события. 22 июня Красная армия отметила третью годовщину нашего вторжения в Россию началом наступления четырех фронтов (146 стрелковых дивизий и 43 танковые бригады) на фронте шириной 500 км, проходившем широкой дугой от Мозыря на Припяти до Полоцка на Западной Двине. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Буш хорошо понимал, что ждет его войска в случае успеха русских, и потребовал разрешения отойти на рубеж реки Березина, чтобы свести на нет всю тщательную подготовку русских. Гитлер, как обычно, запретил отход, и несчастные соединения группы армий «Центр», оборонявшиеся на чрезвычайно растянутом фронте, оказались фактически изолированными друг от друга еще до наступления русских. 26 июня мы оставили Витебск, 27 — Оршу, 28 — Могилев, а 29 июня был взят Бобруйск. Большие группы немецких войск оказались в окружении, а наши потери пленными вскоре превысили 80 тыс. человек. 1 июля русским удалось

форсировать Березину, и 3 июля их передовые части ворвались в столицу Белоруссии Минск. Вслед за этим танки маршала Ротмистрова вышли на равнины северной части Польши. Генерал Гудериан пишет о них: «Они устремились вперед, и, казалось, уже ничто не сможет их остановить». Двадцать пять немецких дивизий перестали существовать. К 13 июля русские овладели Вильнюсом и Пинском и достигли окраин Каунаса и Гродно. Теперь они находились всего в каких-нибудь 150 км от германской границы. Создалась «реальная угроза прорыва русских в Восточную Пруссию, как следствие их успешного продвижения и отсутствия у нас резервов»[220]. Именно этот момент был выбран маршалом Коневым для начала нового наступления в Галиции.

Первую половину июля 48-й танковый корпус был занят подготовкой к нанесению удара по русским войскам, но наша задача осложнялась непреклонностью фельдмаршала Моделя. В группе армий «Северная Украина» было принято следующее правило: «Передовые позиции должны удерживаться любой ценой, артиллерия и танки должны располагаться в глубине обороны равномерно по всему фронту; если противнику удастся прорваться, он должен везде встречать препятствия».

Генерал Бальк придерживался иного взгляда: по его мнению, на передовой позиции должно было находиться только боевое охранение, и главную полосу обороны следовало создавать далеко за передовой позицией, вне зоны действительного огня артиллерии противника. Размещение основных сил пехоты на переднем крае обороны ведет к тому, что они попадают под интенсивный огонь русской артиллерии. Приказы группы армий «Северная Украина» требовали, чтобы в ночное время на переднем крае находились все войска, а на рассвете основная масса пехотных частей отводилась в тыл. Подобные требования приводили лишь к тому, что войска изматывались еще до начала боевых действий. Помимо этого, Бальк считал ошибочным распределение артиллерии и противотанковых средств равномерно по всему фронту обороны, так как это лишает возможности использовать сосредоточенный огонь. Мы предлагали свести артиллерию в группы, а из самоходных и противотанковых орудий создать подвижные резервы. Самым важным было, однако, иметь эшелонированную в глубину позицию боевого охранения, а на удалении 5–6 км от нее организовать основную, хорошо замаскированную полосу обороны.

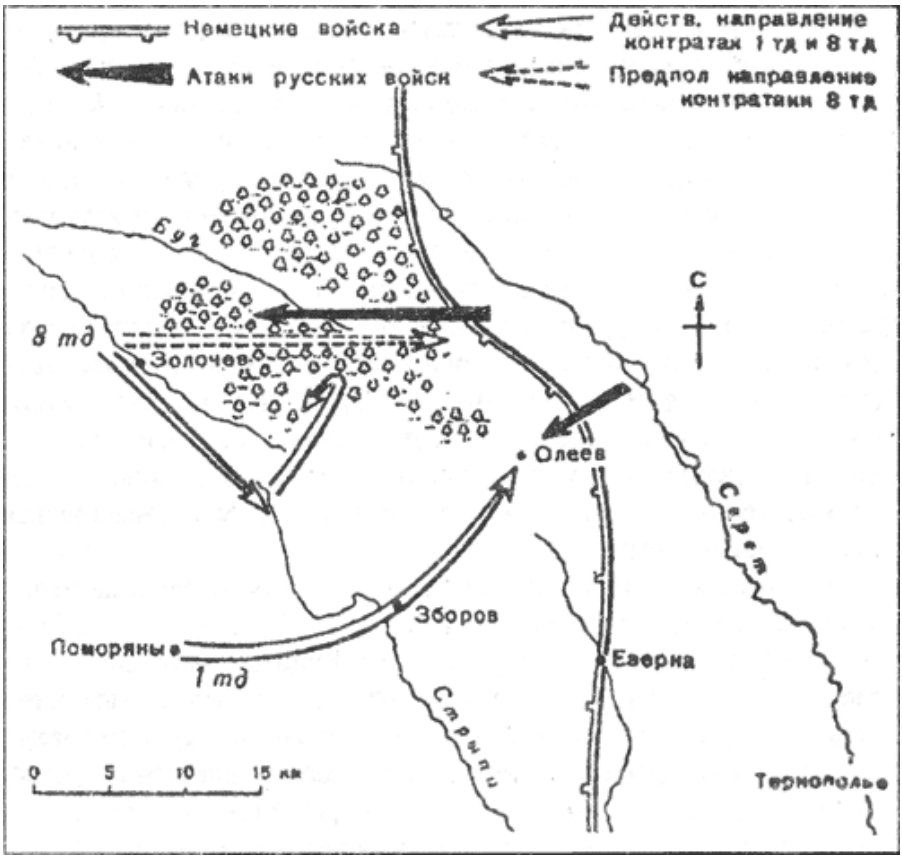
Все это приводило к серьезным спорам с командованием группы армий «Северная Украина», но постепенно нам удалось

убедить их. До наступления русских мы сумели расположить пехоту так, как считали нужным, но нам не удалось полностью перегруппировать артиллерию и противотанковые орудия. 3-й танковый корпус в составе 1-й и 8-й танковых дивизий составлял наш резерв. Маршруты его движения и направления контратак были тщательно разведаны; были также детально отработаны различные варианты его возможных действий. Минные поля мы установили за рубежом боевого охранения, с тем чтобы русские не могли преждевременно их обнаружить. До начала наступления русские неоднократно пытались захватить господствующие высоты, но все их вклинения быстро ликвидировались контратаками, осуществлявшимися при сильной поддержке артиллерии.

В 8 час 20 мин 14 июля русские начали свое крупное наступление. Красная армия использовала в этих боях такое количество боевой техники, которое превосходило все, что мы до сих пор видели. Особенно много было самолетов, и русские впервые за все время войны безраздельно господствовали над полем боя. Артиллерийская подготовка длилась только один час, но зато была очень интенсивной. После нее последовали массированные удары русских войск на двух направлениях. К 9 час 30 мин стало ясно, что двум нашим пехотным дивизиям нанесены очень серьезные потери и что они не сумеют самостоятельно справиться с создавшимся положением. Поэтому 1-й и 8-й танковым дивизиям было приказано контратаковать противника. Генерал Бальк сохранял полное спокойствие. Мы были совершенно уверены, что две наши танковые дивизии сумеют восстановить положение. Маневр 1-й танковой дивизии прошел удачно: 15 июля она контратаковала противника в районе Олеева и после тяжелого боя вынудила его приостановить продвижение. Совсем иначе обстояло дело с 8-й танковой дивизией. Русские прорвали оборону в том месте, где мы и предполагали, поэтому дивизии следовало, выполняя приказ, лишь пройти через лес по заранее установленному маршруту (см. схему 53). Но командир дивизии, к несчастью, решил уклониться от полученных указаний и для выигрыша времени начал движение по шоссе Золочев-Езерна, хотя генерал Бальк самым строжайшим образом запретил всякое передвижение войск по этой дороге. Результат нарушения приказа не замедлил сказаться. На марше 8-я танковая дивизия, двигавшаяся длинными колоннами, была атакована русской авиацией и понесла огромные потери. Много танков и грузовиков сгорело; все надежды на контратаку рухнули. Галицийская дивизия СС, которая оборонялась в лесу, не смогла оказать сильного

сопротивления, и русские добились глубокого вклинения на левом фланге 48-го танкового корпуса.

Схема 53



Действия 48-го танкового корпуса (положение на 14 июля 1944 г.)

Тем временем наш левый сосед, 13-й корпус, очутился в очень тяжелом положении. Русские обошли его, а затем полностью окружили. К счастью, 15 и 16 июля 48-й танковый корпус сумел восстановить линию обороны, поэтому мы смогли оказать некоторую помощь нашим товарищам. 17 июля части 13-го корпуса предпринимали попытку пробиться из кольца северо-восточнее Львова, и мы решили создать ударную группу для соединения с этими частями. С этой целью генерал Бальк приказал мне принять командование 8-й танковой дивизией.

Вечером 17 июля я попытался установить радиосвязь с 13-м корпусом, чтобы договориться о наступлении 18 июля частей этого корпуса в южном направлении при одновременном ударе 8-й танковой дивизии на север. К сожалению, связи с 13-м корпусом мне установить не удалось. Тогда я собрал командиров

полков и изложил мой план действий. В особенности я обращал внимание на моральное значение этого удара, от которого зависело спасение 40 тыс. наших окруженных товарищей. Выполнить поставленную задачу было нелегко: крупные танковые силы русских прорвали наши позиции южнее Броды, и между 13-м и 48-м корпусами расположили пехоту с противотанковой артиллерией.

В целях лучшего управления я подчинил на ночное время пехотные части на переднем крае командиру танкового полка. На рассвете 18 июля я отправился на командный пункт танкового полка в сопровождении командующего артиллерией дивизии.

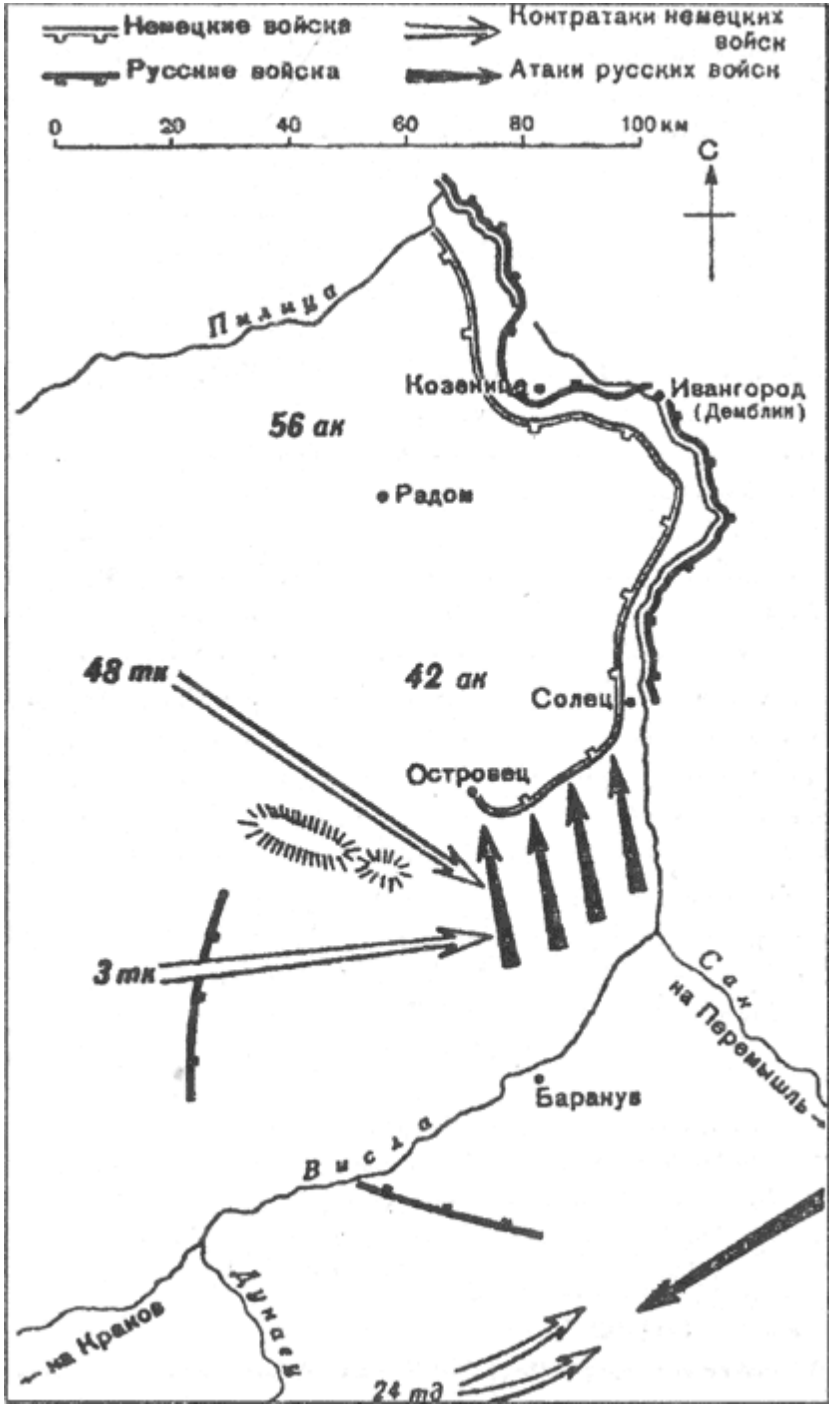
По пути туда я, к своему удивлению, обнаружил, что наша пехота, которая через полчаса должна была начать атаку, отходит на юг. Когда я обратился за разъяснением к командиру танкового полка, он признался, что отступление происходит по его приказу, так как он хотел произвести перегруппировку частей перед атакой. Я немедленно отстранил его от командования, но это новое проявление недисциплинированности причинило нам непоправимый ущерб. Было упущено необходимое время, а русские, кроме того, заметили наше передвижение. С невероятной быстротой они создали новые минные поля и сосредоточили свои танки и артиллерию. В такой обстановке мне оставалось только отказаться от атаки. Мы могли добиться успеха лишь в случае проведения быстрой и внезапной танковой атаки сосредоточенными силами. По собственному горькому опыту я знал, что если русским дать время на подготовку к обороне, то наши шансы на успех будут очень незначительны.

Через два дня основные силы 13-го корпуса под командованием генералов Лаша и Ланге сумели пробиться к нашим позициям. Тысячи людей, собранные ночью в мощный кулак, с громовым «ура!» бросились на противника. Этот удар отчаявшихся людей, решивших прорваться или умереть, разорвал кольцо русских; большая часть окруженных войск была спасена. Но все орудия и пулеметы пришлось бросить, а во фронте наших войск образовалась большая брешь, в которую устремились танки маршала Конева. Положение всей немецкой обороны на юге Галиции стало безнадежным.

27 июля мы сдали Львов, а к 1 августа войска Конева овладели Люблином и на широком фронте вышли к Висле южнее Варшавы, 4-я танковая армия была отброшена за Вислу, а 1-я танковая армия, в том числе и 48-й танковый корпус, была оттеснена к Карпатам. Никто не знал, где закончится это ужасное отступление. В этот период генерал Бальк получил приказ принять командование 4-й танковой армией; через две недели я

был назначен в эту армию начальником штаба.

Схема 54



Баранувский плацдарм

Плацдарм у Баранува

В начале августа 1944 года казалось, что над Германией нависла угроза полного разгрома. В Нормандии американцы прорывались у Авранша, и 3-я армия Паттона готовилась начать свой грозный поход в Бретань и Анжу. В Италии союзники вышли к реке Арно, со дня на день должна была пасть Флоренция. В Германии за взрывом бомбы в ставке Гитлера 20 июля последовала кровавая расправа над многими представителями высшего командования. Наконец, на Востоке разразилась катастрофа, и весь Восточный фронт грозил рухнуть.

На совещании 31 августа Гитлер заявил: «Я уверен, что не может быть хуже обстановки, чем та, которая сложилась в этом году на Востоке. Когда прибыл фельдмаршал Модель[221], группа армий „Центр“ находилась в отчаянном положении»[222]. К концу июля войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием маршала Баграмяна прорвали наши позиции южнее Западной Двины и вышли к Рижскому заливу, отрезав группу армий «Север». 2 августа поляки начали восстание и захватили большую часть Варшавы. Помимо всего этого, войска маршала Конева на широком фронте вышли на Вислу и грозили вбить клин между 1-й и 4-й танковыми армиями.

Такова была общая обстановка, когда генерал Бальк и я прибыли в 4-ю танковую армию, пытавшуюся в то время создать оборонительный рубеж в большой излучине Вислы около места ее слияния с рекой Сан. Крупные силы русских уже переправились через Вислу под Баранувом и грозили смять нашу оборону ударом с юга на север. Наш 56-й корпус удерживал фронт от города Солец до реки Пилица. На этом участке русские уже создали два плацдарма — у Козенице и около Ивангорода[223]. От Солеца линия фронта нашего 42-го корпуса шла на западном направлении к Островцу. Правый фланг этого корпуса был открытым, и 3-й танковый корпус спешно подтягивался, чтобы примкнуть к нему (см. схему 54). Южнее Вислы в районе Кракова выгружалась 17-я армия, имеющая задачу прикрыть разрыв между 1-й и 4-й танковыми армиями. В это время 24-я танковая дивизия сдерживала наступление русских на левом берегу реки Сан западнее Перемышля[224].

Обстановка в районе Баранува была особенно критической в период с 5 по 9 августа. 42-й корпус испытывал сильное давление крупных танковых частей русских, но, к счастью, это было одно из лучших наших соединений, имевшее исключительно способных командиров. Оборона была эшелонирована в глубину, а из личного состава тыловых служб были созданы группы

истребителей танков для борьбы с танками русских в случае их прорыва.

В то время когда 42-й корпус вел оборонительные бои, Бальк направил 3-й танковый корпус против левого фланга русских. Во время этого удара 3-му корпусу удалось остановить наступление русских и продвинуться на значительное расстояние. В это время подошел 48-й танковый корпус, и с его помощью мы смогли значительно уменьшить размеры плацдарма русских у Баранува. Гудериан пишет: «Только благодаря неисчерпаемой энергии и умелому руководству генерала Балька удалось в этом районе предотвратить катастрофу»[225].

Когда стало ясно, что полностью ликвидировать плацдарм у Баранува не представляется возможным — я уже подчеркивал ту быстроту, с которой русские могут сделать любой плацдарм неприступным, — Бальк решил уничтожить два плацдарма в полосе 56-го корпуса. Для этой цели он решил создать подавляющее превосходство в технике, но использовать минимальное количество живой силы. Для удара по плацдарму у Козенице, удерживаемому двумя-тремя русскими дивизиями, мы использовали только шесть батальонов, зато мы обеспечили их поддержку 120 самоходными орудиями, артиллерией двух дивизий, сдерживающих русских в районе плацдарма, многочисленными батареями 42-го корпуса и всей артиллерией трех танковых дивизий. Кроме того, мы подтянули две минометные бригады. Сосредоточение артиллерии 42-го корпуса было особенно смелым маневром, ибо на каждой огневой позиции наших батарей у Баранува было оставлено только одно орудие. На участок под Козенице артиллерия была переброшена ночью и возвращена на свои позиции немедленно после проведения артиллерийской подготовки.

Артиллерийская подготовка была короткой, но очень интенсивной. Штурмовые орудия использовались массированно, и этот шквал огня сломил сопротивление русских, несмотря на большое мужество, проявленное отдельными солдатами и целыми подразделениями.

Тем временем общее положение в Польше значительно улучшилось. Восстание в Варшаве сперва казалось очень опасным, но обстановка разрядилась после того, как русским не удалось прорваться для соединения с восставшими поляками. По мнению командования 9-й армии, которая вела там бои, у русских кончились запасы горючего и боеприпасов, и поэтому они не смогли прорвать нашей обороны. Положение в Прибалтике также улучшилось. Генерал Гудериан, новый начальник генерального штаба сухопутных войск, убедил Гитлера отдать приказ об

эвакуации войск из Эстонии и Латвии. Прорыв наших частей 16 сентября из Курляндии к Риге позволил группе армий «Север» вновь соединиться с группой армий «Центр». В этих боях особенно отличился мой старый друг полковник граф Штрахвиц.

К сожалению, обстановка в Румынии приняла угрожающий характер. Маршал Антонеску был преданным другом Германии и человеком, способным трезво разобраться в военной обстановке. Антонеску предложил эвакуировать Молдавию и Бессарабию и создать прочную оборону на рубеже, проходящем вдоль Карпат и дальше через Галац к устью Дуная. Подобные меры были очень своевременны, так как немецкие резервы были переброшены севернее для восстановления положения в Польше; кроме того, распространялись зловещие слухи о предательстве в Румынии, поэтому было желательно сосредоточить немецкие войска в Валахии. Однако ничего этого не было сделано, и когда Красная армия начала 20 августа наступление, румынские дивизии перешли на сторону русских и повернули свои пушки против отступающих немцев[226]. Наши бывшие союзники захватили переправы через Дунай и Прут, в результате чего шестнадцать немецких дивизий были полностью уничтожены. Мы потеряли свои позиции на Балканах. Болгария и Румыния были заняты русскими, а в сентябре они вступили и в Венгрию.

В это время фронт 4-й танковой армии на Висле прочно удерживался нашими частями, но генерал Бальк и я не оставались подолгу на сравнительно спокойных участках. Кампания в Нормандии закончилась ужасным поражением у Мортена и Фалеза, 25 августа пал Париж, и передовые части 3-й армии Паттона уже двигались на восток к границам рейха. В сентябре генерал Бальк был вызван в ставку Гитлера. Он получил приказ принять командование группой армий «Г» на Западе, а я должен был следовать за ним в качестве его начальника штаба. Итак, я наконец расстался с русским фронтом и опять отправился на новый театр военных действий.

Глава XIX
Красная армия

В этой главе я хочу обобщить свои впечатления о Красной армии. Естественно, с годами ценность опыта, приобретенного немецкими войсками в войне с Россией, будет снижаться, и потребуется новая оценка военных возможностей русских. Тем не менее характер и качества русского солдата, а также типичные для него методы ведения боевых действий вряд ли серьезно изменятся. Поэтому опыт Второй мировой войны является надежной основой для правильной оценки военной мощи России.

Психология русского солдата

Можно почти с уверенностью сказать, что ни один культурный житель Запада никогда не поймет характера и души русских. Знание русского характера может послужить ключом к пониманию боевых качеств русского солдата, его преимуществ и методов его борьбы на поле боя. Стойкость и душевный склад бойца всегда были первостепенными факторами в войне и нередко по своему значению оказывались важнее, чем численность и вооружение войск. Это давно известное положение было справедливо и для Второй мировой войны; я думаю, что оно будет сохранять свою силу и в будущем.

Никогда нельзя заранее сказать, что предпримет русский: как правило, он шарахается из одной крайности в другую. Его натура так же необычна и сложна, как и сама эта огромная и непонятная страна. Трудно представить себе границы его терпения и выносливости, он необычайно смел и отважен и тем не менее временами проявляет трусость. Бывали случаи, когда русские части, самоотверженно отразившие все атаки немцев, неожиданно бежали перед небольшими штурмовыми группами. Иногда пехотные батальоны русских приходили в замешательство после первых же выстрелов, а на другой день те же подразделения дрались с фанатичной стойкостью. Русские очень непоследовательны: сегодня они не проявляют никакого беспокойства об обеспечении своих флангов, а завтра мысль о том, что их флангам угрожает опасность, приводит их в ужас. Русский солдат с пренебрежением относится к общепринятым тактическим принципам, но в то же время старается полностью следовать букве своих уставов. Возможно, все это объясняется тем, что он не мыслит самостоятельно и не контролирует своих

действий, а поступает в зависимости от своего настроения, совершенно непонятного для жителя Запада. Его индивидуальность непрочна, она легко растворяется в массе; иное дело терпеливость и выносливость — черты характера, складывавшиеся в течение многих веков страданий и лишений. Благодаря природной силе этих качеств русские стоят во многих отношениях выше более сознательного солдата Запада, который может компенсировать свои недостатки лишь более высоким уровнем умственного и духовного развития.

В толпе он полон ненависти и необычайно жесток, один — бывает дружески настроен и великодушен. Эти качества характерны для русских — жителей азиатской части страны, монголов, туркменов и узбеков, а также для славян, проживающих западнее Урала.

Русский солдат любит свою «матушку Россию», и поэтому он дерется за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и ее органы обладают в Красной армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей недоставало в Первую мировую войну, — железную дисциплину. Подобная, не знающая жалости военная дисциплина — которую, я уверен, не выдержала бы ни одна другая армия, — превратила неорганизованную толпу в необычайно мощное орудие войны. Дисциплина — главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина.

Русский остается хорошим солдатом всюду и в любых условиях. В век атомного оружия все это может иметь очень большое значение. Одним из главных преимуществ России явится ее способность выдержать огромные разрушения и кровопролитные бои, а также возможность предъявить необыкновенно тяжелые требования к населению и действующей армии.

Проблема обеспечения войск продовольствием для русского командования имеет второстепенное значение, так как русским фактически не нужно централизованного армейского снабжения. Полевая кухня, почти святыня в глазах солдат других армий, для русских является всего лишь приятной неожиданностью, и они целыми днями и неделями могут обходиться без нее. Русский солдат вполне удовлетворяется пригоршней проса или риса, добавляя к ним то, что дает ему природа. Такая близость к

природе объясняет способность русского стать как бы частью земли, буквально раствориться в ней. Солдат русской армии — непревзойденный мастер маскировки и самоокапывания, а также полевой фортификации. Он зарывается в землю с невероятной быстротой и так умело приспосабливается к местности, что его почти невозможно обнаружить. Русский солдат, умело окопавшийся и хорошо замаскированный, крепко держится за «матушку-землю» и поэтому вдвойне опасен как противник. Часто даже долгое и внимательное наблюдение оказывается безрезультатным — позиции русских не удается обнаружить. Поэтому следует проявлять чрезвычайную осторожность, даже если известно, что местность свободна от противника.

Индустриализация Советского Союза, проводимая настойчиво и беспощадно, дала Красной армии новую технику и большое число высококвалифицированных специалистов. Русские быстро научились использовать новые виды оружия и, как ни странно, показали себя способными вести боевые действия с применением сложной военной техники. Тщательно отобранные специалисты помогали рядовому составу овладеть современной боевой техникой, и надо сказать, что русские достигли серьезных успехов, особенно в войсках связи. Чем дольше затягивалась война, тем лучше работали русские связисты, тем с большим искусством использовали они радиоперехват, создавали помехи и передавали ложные сообщения[227].

До некоторой степени высокие боевые качества русских снижаются их несообразительностью и природной леностью. Однако в ходе войны русские постоянно совершенствовались, а их высшие командиры и штабы получали много полезного, изучая опыт боевых действий своих войск и немецкой армии. Они научились быстро реагировать на всякие изменения обстановки, действовать энергично и решительно. Безусловно, в лице Жукова, Конева, Ватутина и Василевского Россия имела высокоодаренных командующих армиями и фронтами. Командиры младшего и нередко среднего звена все еще страдали нерасторопностью и неспособностью принимать самостоятельные решения — из-за суровых дисциплинарных взысканий они боялись брать на себя ответственность. Шаблон в подготовке командиров мелких подразделений приводил к тому, что они приучались не выходить за рамки уставов и наставлений и лишались инициативы и индивидуальности, что является очень важным для хорошего командира. Стадный инстинкт у солдат настолько велик, что отдельный боец всегда стремится слиться с «толпой». Русские солдаты и младшие командиры инстинктивно сознавали, что, если они будут предоставлены самим себе, они погибнут. В этом

инстинкте можно видеть корни как паники, так и величайшего героизма и самопожертвования.

Несмотря на эти недостатки, русский в целом, безусловно, отличный солдат и при искусном руководстве является опасным противником. Было бы серьезной ошибкой его недооценивать, хотя он, конечно, не полностью отвечает требованиям, предъявляемым к солдатам современной войны. Сила солдата Запада заключается в его личных качествах, высоком уровне умственного и духовного развития и способности действовать самостоятельно. Ветеранам Второй мировой войны трудно поверить в то, что рядовой русский солдат окажется способен к самостоятельным действиям. Однако русский настолько полон противоречий, что было бы ошибкой не учитывать даже этого качества, которое, вполне возможно, находится у него в скрытом состоянии. Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского все больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растет. Вполне возможно, что за долгий период подготовки в мирных условиях у него разовьется и личная инициатива.

Военные руководители, безусловно, будут всячески содействовать такой эволюции. Русское высшее командование знает свое дело лучше, чем командование любой другой армии. Оно полностью отдает себе отчет в слабостях своих вооруженных сил и будет делать все возможное, чтобы устранить имеющиеся недостатки. Есть основания предполагать, что в настоящее время методы военного обучения в России направлены на развитие навыков самостоятельных действий одиночного солдата и на воспитание у младших офицеров творческой инициативы. Конечно, развивать самостоятельность и критическое мышление для коммунистического режима опасно, и поэтому подобную тенденцию трудно увязать с безжалостной и беспрекословной дисциплиной. Но, учитывая длительный период мирного развития, можно полагать, что Красная армия, по всей вероятности, сумеет найти компромиссное решение.

Тактика русских

Ведение боевых действий русскими, особенно в наступлении, характеризуется использованием большого количества живой силы и техники, которые командование часто вводит в бой безрассудно и упрямо, однако добивается успеха. Русские всегда славились своим презрением к смерти; коммунистический режим

еще больше развил это качество, и сейчас массированные атаки русских эффективнее, чем когда-либо раньше. Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвертый раз, невзирая на понесенные потери, причем и третья и четвертая атаки будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием.

До самого конца войны русские, не обращая внимания на огромные потери, бросали пехоту в атаку почти в сомкнутых строях.

Стадный инстинкт и неспособность младших командиров действовать самостоятельно всегда заставляли русских вести атаки массированно, в плотных боевых порядках. Благодаря превосходству в численности этот метод позволил добиться многих крупных успехов. Однако опыт показывает, что такие массовые атаки можно выдержать, если обороняющиеся хорошо подготовлены, имеют достаточное количество вооружения и действуют под руководством решительных командиров.

Русские дивизии, имевшие очень многочисленный состав, наступали, как правило, на узком фронте. Местность перед фронтом обороняющихся в мгновение ока вдруг заполнялась русскими. Они появлялись словно из-под земли, и, казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись; одна за другой катились волны пехоты, и, лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад. Но часто они не отступали, а неудержимо устремлялись вперед. Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько от того, выдержат ли нервы.

Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого. Только солдат, сознающий свой долг и верящий в свои силы, только тот, кто научился действовать, полагаясь на себя самого, сможет выдержать ужасное напряжение русской массированной атаки.

После 1941 года к людским массам русских добавились массы танков. Отбить такие атаки было, конечно, значительно труднее, и стоило это гораздо большего нервного напряжения.

Хотя русские, как мне кажется, не слишком сильны в искусстве создавать импровизированные части, они понимают, как важно в любое время иметь в готовности новые войска для замены разбитых и потрепанных соединений, и в общем умеют это делать. Они заменяли свои обескровленные части с удивительной быстротой.

Выше уже говорилось, что русские подлинные мастера просачивания — формы боевых действий, в которой они не имеют себе равных. Я обращал также внимание на их настойчивое

стремление к созданию плацдармов или любых других выдвинутых вперед позиций. Я должен подчеркнуть, что, если вы даже на некоторое время примиритесь с захватом русскими плацдарма, это может привести к роковым последствиям. На плацдарм будут подходить все новые и новые пехотные части, танки и артиллерия, и это будет продолжаться до тех пор, пока с него, наконец, не начнется наступление.

Русские предпочитают совершать передвижения своих войск в ночное время и проявляют при этом большое искусство. Однако они не любят проводить ночью широкие наступательные действия — видимо, они понимают, что младшие командиры недостаточно к этому подготовлены. Но ночные атаки с ограниченной целью (чтобы восстановить утраченное положение или облегчить планируемое на дневное время наступление) они проводят.

В борьбе с русскими необходимо привыкнуть к новым формам боевых действий. Они должны отличаться безжалостностью, быстротой и гибкостью. Никогда нельзя самоуспокаиваться. Все должны быть готовы к любым неожиданностям, так как произойти может все что угодно. Недостаточно вести бой в соответствии с хорошо проверенными тактическими положениями, ибо никто не может заранее с уверенностью сказать, каковы будут ответные действия русских. Невозможно предугадать, как будут реагировать русские на окружение, внезапный удар, военную хитрость и пр. Во многих случаях русские полагаются на свой врожденный инстинкт больше, чем на существующие тактические принципы, и следует признать, что инстинкт часто приносит им больше пользы, чем могла бы дать подготовка во многих академиях. На первый взгляд их действия могут показаться непонятными, но они часто полностью себя оправдывают.

У русских была одна тактическая ошибка, которую они так и не смогли искоренить, несмотря на жестокие уроки. Я имею в виду их почти суеверное убеждение в важности овладения возвышенностями. Они наступали на любую высоту и дрались за нее с огромным упорством, не придавая значения ее тактической ценности. Неоднократно случалось, что овладение такой высотой не диктовалось тактической необходимостью, но русские никогда не понимали этого и несли большие потери.

Характеристика различных родов войск

Мои замечания до сих пор касались главным образом действий русской пехоты, которая в ходе Второй мировой войны полностью сохранила великие традиции Суворова и Скобелева.

Несмотря на огромный прогресс военной техники, русский пехотинец все еще остается одним из наиболее важных военных факторов в мире. Эта сила русского солдата объясняется его чрезвычайной близостью к природе. Для него просто не существует естественных препятствий: в непроходимом лесу, болотах и топях, в бездорожной степи — всюду он чувствует себя как дома. Он переправляется через широкие реки на самых элементарных подручных средствах, он может повсюду проложить дороги. В несколько дней русские строят многокилометровые гати через непроходимые болота; зимой колонны в сто шеренг по десять человек в каждой направляются в лес с глубоким снежным покровом; через полчаса на смену этим людям приходит новая тысяча, и через несколько часов на местности, которая у нас на Западе считалась бы непроходимой, появляется протоптанная дорога. Неограниченное число солдат позволяет обеспечить переброску тяжелых орудий и другой боевой техники по любой местности без всяких транспортных средств. Кроме того, техническое оснащение русских войск отвечает их нуждам. Автомашины отличаются минимальным весом, а их габариты максимально уменьшены. Лошади в русской армии выносливы и не требуют большого ухода. Русским не нужно возить с собой тех огромных запасов, которые сковывают действия войск во всех западных армиях.

Русская пехота имеет хорошее вооружение, особенно много противотанковых средств: иногда думаешь, что каждый пехотинец имеет противотанковое ружье или противотанковую пушку. Русские очень умело располагают эти средства, и, кажется, нет такого места, где бы их не было. Кроме того, русское противотанковое орудие с его настильной траекторией и большой точностью стрельбы удобно для любого вида боя.

Интересно, что русский солдат-пехотинец не отличается пытливостью, и поэтому его разведка обычно не дает хороших результатов. Обладая природными качествами разведчика, он мало использует свои способности. Возможно, причина кроется в его отвращении к самостоятельным действиям и в неумении обобщить и доложить в понятной форме результаты своих наблюдений.

Русская артиллерия, подобно пехоте, также используется массированно. Как правило, атакам русской пехоты предшествовала артиллерийская подготовка, но коротким и внезапным огневым налетам русские не придавали большого значения. У них были пушки и снаряды, и они любили эти снаряды расходовать. При крупных наступлениях русские обычно имели по 200 стволов на каждый километр фронта[228]. Иногда, в

особых случаях, это число возрастало до 300, но никогда не было меньше 150. Артиллерийская подготовка обычно длилась два часа, и русские артиллеристы за это время расходовали суточную или полуторасуточную норму боеприпасов. Примерно еще около суточной нормы накапливали для использования на первом этапе наступления, а остальной запас боеприпасов находился в тылу. Такой сосредоточенный огонь быстро разрушал немецкие позиции, не имевшие большой глубины. Как бы тщательно ни были укрыты пулеметы, минометы и особенно противотанковые орудия, они вскоре уничтожались противником. Вслед за этим плотные массы пехоты и танков врывались на разрушенные немецкие позиции. При наличии подвижных резервов сравнительно легко можно было восстановить положение, но у нас, как правило, таких резервов не было. Таким образом, основная тяжесть боя ложилась на плечи оставшихся в живых солдат на переднем крае.

Русская артиллерия уничтожала также штабы и командные пункты в глубине обороны. По интенсивности артиллерийского огня зачастую трудно было определить направление главного удара русских, так как обстрел велся с одинаковой силой по всему фронту. Однако были у русской артиллерии и недостатки. Например, негибкость планов огня бывала иногда просто поразительной. Взаимодействие артиллерии с пехотой и танками было организовано недостаточно хорошо.

Орудия перемещались вперед слишком медленно и часто даже оставались на своих первоначальных огневых позициях, в результате чего наступающая пехота, продвинувшаяся далеко в глубь обороны, долго не имела артиллерийской поддержки.

Поэтому стремление немецкого командования упорно удерживать фланги при крупных вклинениях и прорывах русских было серьезной ошибкой, которая часто оказывалась роковой для обороняющихся. Обычно наши войска получали приказ удерживать эти фланги любой ценой с тем, чтобы поспешно стянутые резервы смогли контратаковать прямо во фланг прорвавшихся русских и отрезать их у основания клина. Понятно, что резервы, сосредоточивающиеся на флангах прорыва противника, попадали под удар всей русской артиллерии и через некоторое время уже не могли вести никаких боевых действий. Таким образом, недостаток маневренности русской артиллерии вследствие порочной немецкой тактики превращался в преимущество. Места фланговых ударов против русского клина следовало бы выбирать глубже в тылу и вне досягаемости русской артиллерии. Вместо того чтобы вести на флангах кровопролитные бои, нужно было отводить с них войска. Иногда это успешно

осуществлялось, несмотря на приказы сверху, требовавшие прочно удерживать фланги; в таких случаях оказывалось возможным остановить наступавшие без артиллерийской поддержки пехотные и танковые части русских и создать новый оборонительный рубеж. Русские были вынуждены разрабатывать новый план огня и искать новые позиции для своей артиллерии, что позволяло обороняющимся выиграть время.

Лучшим средством против массированного использования русской артиллерии является немедленная контрбатарейная борьба, причем расход боеприпасов не должен быть ограничен. На развертывание огромного количества артиллерии и на создание больших запасов боеприпасов русским требовалось много времени, в отдельных случаях на это уходило несколько недель. Несмотря на отличную маскировку противника, нам обычно удавалось обнаружить подготовку русских к наступлению и следить за ее развитием благодаря нашей воздушной разведке и аэрофотосъемкам. Каждую ночь у русских появляются все новые и новые огневые позиции. Несколько дней они пустуют, а затем в одно прекрасное утро вы обнаруживаете на некоторых из них артиллерию, а примерно за две ночи до начала намеченного наступления уже все орудия будут установлены на своих позициях. В тех очень немногих случаях, когда мы располагали достаточным количеством артиллерии и боеприпасов, мы достигали отличных результатов систематической контрбатарейной стрельбой, которая начиналась как раз в тот момент, когда русские развертывали свою артиллерию. Эффективным средством также оказывались удары с воздуха; иногда нашей авиации удавалось даже полностью срывать развертывание артиллерии русских.

В ходе войны русские совершенствовали и развивали тактику артиллерии в наступлении. Их артиллерийская подготовка превратилась в подлинный шквал разрушительного огня. В частности, они применяли прекращение огня на очень узких участках, иногда не больше сотни метров шириной, ведя огонь на всем остальном фронте с прежней интенсивностью. Благодаря этому создавалось впечатление, что артподготовка еще повсюду продолжается, тогда как в действительности пехота противника уже вела свою атаку, продвигаясь по этому узкому коридору.

Несмотря на известные недостатки, русская артиллерия является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, какую ей дал Сталин. Во время войны Красная армия применяла больше тяжелых орудий, чем армия любой другой воюющей страны.

Теперь я остановлюсь на русских танковых войсках, которые

вступили в войну, располагая большим преимуществом — у них был танк Т-34, намного превосходивший любой тип немецких танков. Не следует недооценивать также и тяжелых танков «Клим Ворошилов», действовавших на фронте в 1942 году. Затем русские модернизировали танк Т-34 и, наконец, в 1944 году построили массивный танк «Иосиф Сталин», который причинил много неприятностей нашим «тиграм». Русские конструкторы танков хорошо знали свое дело. Они сосредоточили все внимание на главном: мощи танковой пушки, броневой защите и проходимости. Во время войны их система подвески была намного лучше, чем в немецких танках и в танках других западных держав.

В 1941 и в 1942 годах тактическое использование танков русскими не отличалось гибкостью, а подразделения танковых войск были разбросаны по всему огромному фронту. Летом 1942 года русское командование, учтя опыт проведенных боев, начало создавать целые танковые армии, имеющие в своем составе танковые и механизированные корпуса. Задача танковых корпусов, в которых было относительно немного мотопехоты и артиллерии, состояла в оказании помощи стрелковым дивизиям, осуществлявшим прорыв. Механизированные корпуса должны были развить прорыв в глубину и преследовать противника. Исходя из характера выполняемых задач, механизированные корпуса имели равное с танковыми корпусами количество танков, но машин тяжелых типов в них не было. Помимо этого, по своей штатной организации они располагали большим количеством мотопехоты, артиллерии и инженерных войск. Успех бронетанковых войск русских связан с этой реорганизацией; к 1944 году они стали самым грозным наступательным оружием Второй мировой войны.

Сперва русским танковым армиям приходилось дорого расплачиваться за недостаток боевого опыта. Особенно слабое понимание методов ведения танковых боев и недостаточное умение проявляли младшие и средние командиры. Им не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые решения. Первые операции танковых армий заканчивались полным провалом. Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовались неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в случае прорыва наших позиций прекращали продвижение и останавливались, вместо того чтобы развивать успех. В эти дни отдельные немецкие противотанковые пушки и 88-мм орудия действовали наиболее эффективно: иногда

одно орудие повреждало и выводило из строя свыше 30 танков за один час. Нам казалось, что русские создали инструмент, которым они никогда не научатся владеть, однако уже зимой 1942/43 года в их тактике появились первые признаки улучшения.

1943 год был для русских бронетанковых войск все еще периодом учебы. Тяжелые поражения, понесенные немецкой армией на Восточном фронте, объяснялись не лучшим тактическим руководством русских, а серьезными стратегическими ошибками германского верховного командования и значительным превосходством противника в численности войск и технике. Лишь в 1944 году крупные русские танковые и механизированные соединения приобрели высокую подвижность и мощь и стали весьма грозным оружием в руках смелых и способных командиров. Даже младшие офицеры изменились и проявляли теперь большое умение, решительность и инициативу. Разгром нашей группы армий «Центр» и стремительное наступление танков маршала Ротмистрова от Днепра к Висле ознаменовали новый этап в истории Красной армии и явились для Запада грозным предостережением. Позднее, в крупном наступлении русских войск в январе 1945 года[229], нам также пришлось наблюдать быстрые и решительные действия русских танков.

Необыкновенное развитие русских бронетанковых войск заслуживает самого пристального внимания со стороны тех, кто изучает опыт войны. Никто не сомневается, что у России может быть свой Зейдлиц, Мюрат или Роммель — в 1941–1945 годах русские, безусловно, имели таких великих полководцев. Однако дело не только в умелом руководстве отдельных одаренных личностей; люди, в массе своей апатичные и невежественные, без всякой подготовки, без всяких способностей, действовали умно и проявляли удивительное самообладание. Танкисты Красной армии закалились в горниле войны, их мастерство неизмеримо выросло. Такое превращение должно было потребовать исключительно высокой организации и необычайно искусного планирования и руководства. Подобные изменения могут произойти и в других видах вооруженных сил, например, в авиации или подводном флоте, дальнейший прогресс которых всячески стимулируется русским высшим командованием.

С времен Петра Великого и до революции 1917 года царские армии были многочисленными, громоздкими и неповоротливыми. Во время финской кампании и в ходе операций 1941–1942 годов то же самое можно было сказать и о Красной армии. С развитием бронетанковых сил русских общая картина

полностью изменилась. В настоящее время любой реальный план обороны Европы должен исходить из того, что воздушные и танковые армии Советского Союза могут броситься на нас с такой быстротой и яростью, перед которыми померкнут все операции блицкрига Второй мировой войны.

Армия без обоза

Для русских характерно, что их танковые дивизии имеют намного меньше автотранспорта, чем танковые соединения западных держав. Было бы неправильно объяснять это недостаточным производством автомобилей в СССР, так как даже стрелковые дивизии, имеющие конный обоз, располагают небольшим количеством лошадей и повозок. Кроме того, по своему численному составу любой стрелковый полк или дивизия русских значительно уступают соответствующим войсковым единицам западных армий. Однако общий численный состав боевых подразделений любой русской части примерно тот же, что и на Западе, потому что русские имеют намного меньше людей в тыловых подразделениях. Русские ведут учет только офицеров, сержантов и специалистов[230]. Поэтому в заявках на пополнение командир части требует всегда очень много солдат. В Красной армии органам тыла не приходится беспокоиться об обеспечении войсковых частей обмундированием, палатками, одеялами и другими предметами, столь необходимыми для солдат армий Запада. Во время наступления они могут позволить себе забыть о снабжении войск даже продовольствием, так как войска находятся «на подножном корму». Основная задача частей снабжения сводится к доставке горючего и боеприпасов, но даже в этом случае для подвоза часто используются боевые машины. В русской моторизованной дивизии у солдата нет другого «багажа», кроме того, который он имеет при себе, и он ухитряется передвигаться на автомашинах, взгромоздившись на ящики с боеприпасами или бочки с горючим.

Этот недостаток автотранспортных средств приводит к важным последствиям тактического и психологического порядка. Поскольку количество автомашин в моторизованной дивизии у русских намного меньше, чем в таких же соединениях западных армий, русская дивизия более мобильна. Такой дивизией легче управлять, ее проще маскировать и перевозить по железной дороге[231]. Представляет интерес и психологическая сторона дела. Любой солдат армий Запада так или иначе связан с тыловыми службами. Они доставляют ему средства к существованию и обеспечивают некоторые удобства, чем

скрашивают его тяжелую жизнь. Когда части «здорово всыпят», уцелевшие солдаты обычно собираются у походных кухонь или в обозе, где они пытаются найти прибежище и утешение. Совсем другое положение в русской армии. У русского солдата, кроме оружия, ничего нет, и тыл его ничем не привлекает. Не существует ни походных кухонь, ни вещевого обоза. Если солдат лишается своей пушки, танка или пулемета, он лишается тем самым своего единственного прибежища; если он уходит в тыл, его задерживают, и рано или поздно он снова оказывается на фронте.

Так небольшое количество штатных автотранспортных средств дает русским важное преимущество. Высшее командование русских хорошо понимает склад ума русского солдата и умудряется так использовать недостатки последнего, что они становятся его сильной стороной.

Советские военно-воздушные силы

В июне и июле 1941 года русская авиация понесла огромные потери и была доведена до такого состояния, что, казалось, ей уже никогда не удастся вновь обрести свою силу. Однако за этим неожиданно последовало возрождение такого масштаба, какое возможно лишь при наличии неисчерпаемых ресурсов огромной страны.

Русская авиация столкнулась с гораздо большими трудностями, чем наземные войска. Авиационные заводы были сильно разрушены, работа авиационной промышленности в результате продвижения немецких войск была дезорганизована. Перемещение авиационных заводов на Урал и в Сибирь привело к серьезной задержке в производстве самолетов, а потери в опытных летных кадрах и штабных офицерах были так велики, что только с огромным трудом удавалось обеспечивать подготовку новых летчиков и авиационных техников. Тем не менее Советское государство сумело успешно справиться с этой огромной задачей. Не следует забывать, что в этом большую роль сыграла помощь, оказанная России союзниками.

Русская авиация никогда полностью не прекращала своих боевых действий и даже зимой 1941/42 года сумела нанести несколько эффективных ударов.

В 1942 году германские военно-воздушные силы обладали господством в воздухе, однако весь огромный фронт они контролировать не могли, и русские часто добивались местного превосходства. В 1943 году соотношение сил стало меняться, а уже осенью того же года против 1500 немецких самолетов на

фронте действовали 14 тыс. русских машин. Позднее численное соотношение еще больше изменилось в пользу русских.

Следует указать, что эффективность действий русской авиации не соответствовала ее численности. Потери в опытных кадрах, понесенные в первые месяцы войны, так и не были восполнены, а самолеты серийного производства намного уступали по своим качествам нашим самолетам. Старшие офицеры, видимо, не могли усвоить принципов ведения боевых действий авиации в современных условиях.

Русские фактически не имели стратегической авиации, и те немногие удары, которые нанесла их авиация дальнего действия, не причинили нам никакого ущерба. Самолеты-разведчики углублялись иногда в наше расположение на 50–100 км, но истребители и бомбардировщики редко залетали за линию фронта больше чем на 30 км. Это было для нас большим облегчением, так как даже в самые тяжелые периоды войны передвижение войск и грузов в тыловых районах проходило беспрепятственно.

Русская авиация использовалась в основном для решения тактических задач, и начиная с лета 1943 года самолеты русских висели с утра до вечера над полем боя. Хорошо бронированные штурмовики русских атаковали главным образом на бреющем полете, и летчики-штурмовики проявляли при этом большую смелость и мужество. Ночные бомбардировщики действовали, как правило, в одиночку, стремясь, видимо, прежде всего помешать ночному отдыху наших частей. Организация взаимодействия между авиацией и наземными войсками непрерывно улучшалась; в то же время качественное превосходство немецкой авиации постепенно исчезало. Но в тактическом отношении русские всегда уступали нам, а их летчики не могли сравниться с нашими пилотами.

Россия была первой страной, где начали широко экспериментировать в области использования парашютных и воздушно-посадочных войск. «Осоавиахим» подготовил до войны многие тысячи парашютистов. Однако, несмотря на имеющиеся благоприятные возможности, особенно в 1944–1945 годах, они ни разу не пытались провести какой-либо высадки десанта[232]. В то же время русские широко применяли авиацию для снабжения партизан и переброски им подкреплений.

Трудно заранее сказать, какова будет роль советской авиации в будущей войне. Но представляется вполне вероятным, что действия наземных войск сохранят главное значение, причем это будут прежде всего действия, направленные на борьбу с танками. Тем не менее было бы неразумно недооценивать силы советской

авиации. В 1941–1945 годах она продолжала совершенствоваться, и качество самолетов, которые применяли китайцы в Корее, свидетельствует о том, что советские военно-воздушные силы имеют большие возможности. Следует также учесть, что в России стали больше уделять внимания развитию стратегической авиации и что их дальние бомбардировщики не будут бездействовать.

Непобедима ли Красная армия?

Успехи немецких солдат в России убедительно показывают, что русских можно победить. В конце осени 1941 года немецкая армия была очень близка к победе, несмотря на огромную территорию и осеннюю слякоть на дорогах, а также несмотря на наше несовершенное снаряжение и малочисленность войск. Даже в критические для нас 1944 и 1945 годы наши солдаты никогда не чувствовали, что они в чем-то уступают русским. Но слабые немецкие войска напоминали собой затерянные в океане островки, которые захлестывают бушующие вокруг бесконечные волны пехоты и танков, пока, наконец, не поглотят их навеки. Русских не следует, конечно, недооценивать, нужно оценить спокойно и трезво все их достоинства и недостатки. Безусловно, все может быть, коль скоро речь идет о действиях русских, но все же будет ошибкой считать их непобедимыми, если, конечно, на их стороне не будет фантастического перевеса в силах. Приобретенный в войне опыт свидетельствует о том, что немецкие войска успешно вели боевые действия при соотношении сил 1:5, пока участвующие в боях соединения сохраняли до некоторой степени свой боевой состав и имели достаточно боевой техники. Иногда успех достигался даже и при более неблагоприятном соотношении сил. Трудно предположить, что армия какой-либо другой из стран Запада могла бы добиться лучшего.

Наиболее искусно русские вооруженные силы ведут боевые действия на суше; на воде и в воздухе они не представляют такой грозной силы. Несмотря на свои послевоенные достижения, советской авиации будет трудно достичь уровня развития авиации Запада. Не может быть никакого сомнения в том, что советскому военно-морскому флоту еще нужно многому поучиться. В будущей войне основная мощь России вновь будет состоять в ее сухопутных силах и особенно в огромных по численности бронетанковых войсках. Мы должны ожидать глубоких ударов, наносимых с молниеносной быстротой, которые могут сопровождаться беспорядками, вызванными сторонниками

коммунистов в странах Западной Европы. Пока еще невозможно сказать, какое влияние на развитие таких операций окажет применение атомного оружия, но обширные просторы России и та тайна, которой покрыты принимаемые ею меры, делают Россию грозным противником в условиях ведения атомной войны.

Никакие воздушные силы, какой бы мощью они ни обладали, не смогут остановить массы русских войск. Западный мир больше всего нуждается в пехоте, полной решимости победить или умереть и готовой отразить своими противотанковыми средствами русское нашествие. Западу также необходимы мощные танковые и механизированные соединения для того, чтобы нанести контрудары и отбросить назад наступающих русских[233].

Солдат западных армий должен тщательно и постоянно готовиться к этой смертельной борьбе. Планироваться должна не только тактическая, но и физическая подготовка с тем, чтобы мы могли встретить русские войска в равных условиях. Мы должны учитывать особенности ведения боевых действий русскими и проводить соответствующую подготовку в наших войсках. Важными моментами являются отвага, инициатива и готовность принимать ответственные решения. Строгая дисциплина представляет собой еще одно важное условие в борьбе с русскими. Одного спорта, как бы интенсивно им ни занимались, недостаточно для подготовки солдат к предстоящей невероятно тяжелой борьбе. Самым главным фактором является моральное состояние.

Часть четвертая
Кампания на западе

Глава XX
Кризис на западе

Смена командования

20 сентября 1944 года генерал Бальк и я прибыли в штаб группы армий «Г», находившийся в то время около Мольсема в Эльзасе. Нам предстояло выполнить неприятную обязанность: сменить командующего группой армий генерала Бласковица и его начальника штаба генерал-лейтенанта Гейнца фон Гильденфельдта. Пока мы ехали в штаб мимо поросших лесом вершин Вогезов, я думал о том времени, когда в последний раз был в этих местах, — о прорыве линии Мажино, тяжелом наступлении на Донон, поездке в штаб 43-го французского корпуса и формальной капитуляции генерала Лескана и его штаба. Тогда в конце блестящей и победоносной кампании я был первым офицером штаба одной из дивизий. Теперь меня назначили начальником штаба группы армий, которая едва сумела избежать разгрома и находилась в самом отчаянном положении, которое только можно себе представить.

Генерал Бласковиц был представителем старой школы и обладал всеми неоспоримыми достоинствами, присущими уроженцам Восточной Пруссии. Он только что в чрезвычайно тяжелых условиях вывел свою группу армий с юга Франции, и весь «проступок» его заключался в том, что у него бывали ссоры с Гиммлером — сперва в Польше, а затем, совсем недавно, здесь, в Эльзасе. Бласковиц, как и многие другие, стал козлом отпущения и должен был расплачиваться за грубые ошибки Гитлера и его приспешников. Позднее он командовал с большим успехом нашими войсками в Голландии, а после войны трагически покончил с собой в Нюрнберге.

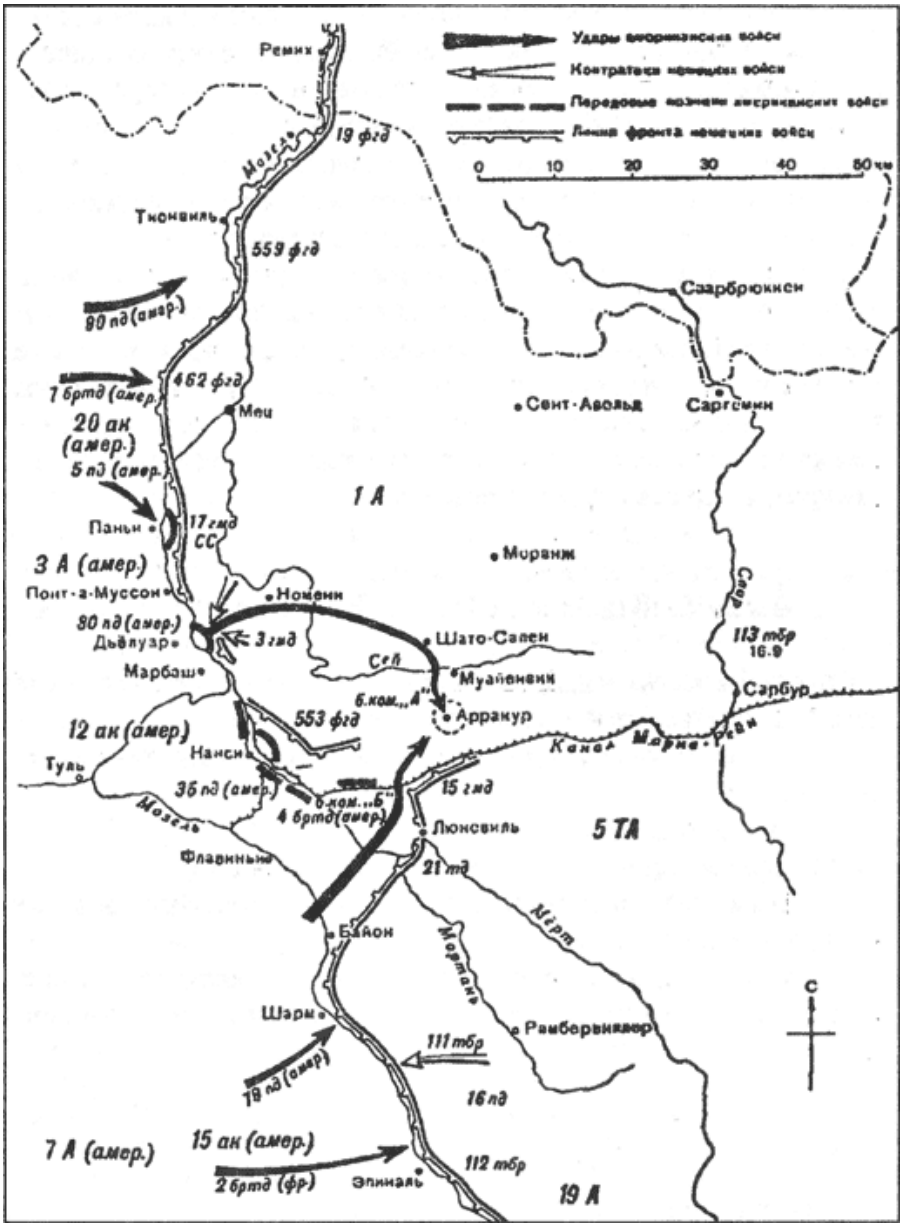
После нового назначения Бальк был принят Гитлером, и ему пришлось долго выслушивать разглагольствования фюрера о военной обстановке. По мнению Гитлера, наступление англо-американских войск, безусловно, будет задержано на рубеже, проходящем от устья Шельды вдоль Западного вала к Мецу и оттуда к Вогезам. Затруднения в снабжении должны будут заставить противника остановиться, и Гитлер заявил, что он сумеет использовать эту задержку для осуществления контрнаступления в Бельгии. Как возможный срок операции он назвал середину ноября — в действительности это наступление было начато с опозданием примерно на четыре недели. Затем

Гитлер перешел к обсуждению действий группы армий «Г». Весь дрожа от гнева, он начал ругать Бласковица за его руководство войсками, упрекал в нерешительности и отсутствии наступательного духа. По-видимому, он полагал, что Бласковиц должен был бы нанести удар во фланг 3-й армии Паттона и отбросить ее назад на Рейн (абсурдность этих упреков вскоре стала для нас совершенно очевидной). Наконец Гитлер объявил свой приказ: Бальк был обязан во что бы то ни стало удержать Эльзас-Лотарингию, так как политическая обстановка требовала, чтобы старые имперские провинции были сохранены. Бальк должен был вести бои для выигрыша времени и ни в коем случае не допустить такого положения, когда пришлось бы выделять войска, предназначавшиеся для Арденнского наступления, для оказания помощи группе армий «Г».

В начале сентября фельдмаршал Рундштедт вновь стал главнокомандующим немецкими войсками на Западе, а начальником штаба к нему был назначен мой старый друг генерал-лейтенант Вестфаль[234]. Фельдмаршал Модель, бывший главнокомандующий, теперь принял командование группой армий «Б» в Голландии и Бельгии. Ему удалось собрать остатки разбитых немецких войск, уцелевших после кровопролитных боев в Нормандии, и вскоре его слава еще больше выросла благодаря стойкой обороне южной Голландии.

В конце сентября, когда немецкие войска одержали победу у Арнема, обстановка несколько разрядилась.

Схема 55



Прорыв обороны группы армий «Г» (положение на 15 сентября 1944 г.)

У нас были прекрасные отношения с фельдмаршалом фон Рундштедтом и его штабом, и впоследствии это обстоятельство оказалось очень важным. Я знал фельдмаршала еще до войны — он и тогда пользовался всеобщим почетом и уважением. В то же время он считался, наряду с Манштейном, лучшим германским стратегом. Вестфаль был одним из самых близких моих друзей: за время нашей совместной службы в Африке мы отлично

сработались и научились понимать друг друга с полуслова. Эти личные связи принесли нам определенную пользу, так как «старик Рундштедт» сперва неодобрительно относился к назначению генерала Балька из-за отсутствия у того опыта боевых действий против войск западных держав. У Балька была волевая натура, и он никогда не боялся высказывать свое мнение. Кроме того, за последний год он блестяще продвинулся по службе — от командира дивизии до командующего группой армий. Рундштедт мало знал о недавних операциях на Востоке (где Бальк проявил редкие тактические способности), и было естественно, что старый фельдмаршал сомневался в правильности нового назначения Балька. Однако вскоре все эти сомнения отпали, и я думаю, что мое знакомство с Рундштедгом и Вестфалем сыграло в этом известную роль[235].

Положение группы армий «Г»

Когда Бальк принял 21 сентября командование, войска группы армий «Г» располагались следующим образом:

— 1-я армия генерала фон Кнобельсдорфа — в районе Мец-Шато-Сален;

— 5-я танковая армия генерала Хассо фон Мантейфеля прикрывала Северные Вогезы между Люневилем и Эпиналем;

— 19-я армия генерала Визе прикрывала Южные Вогезы и Бельфорский проход.

С Кнобельсдорфом я был знаком — он командовал раньше 48-м танковым корпусом, в котором я служил. Затем он долго воевал на Восточном фронте, а 6 сентября принял командование 1-й армией. Мантейфель прибыл также прямо с Востока и принял свою армию 11 сентября; он тоже был нам хорошо известен по той замечательной роли, которую сыграл в боях под Киевом. Визе был опытным пехотным генералом; он начал командовать 19-й армией еще в июне 1944 года, когда она вела бои на Средиземноморском побережье, и с большим искусством провел отступление по долине реки Роны.

Бальк вступил в командование в очень сложной обстановке; чтобы понять ее, нужно вернуться к событиям начала сентября. В то время 3-я американская армия генерала Паттона, овладев 25 августа Парижем и продвинувшись через Реймс к Вердену, была вынуждена из-за отсутствия горючего остановиться на западном берегу Мозеля. Эйзенхауэр принял решение о передаче большей части запасов горючего 2-й английской армии и 1-й американской армии для наступления через Бельгию, и Паттон был вынужден остановиться — это произошло как раз в тот

момент, когда его части, казалось, вот-вот ворвутся в Германию[236].

К 4 сентября положение с горючим у Паттона улучшилось, и с согласия командующего группой армий генерала Брэдли 3-я американская армия возобновила свое наступление. Американцы нанесли удар по 1-й немецкой армии, которая в конце августа состояла всего лишь из девяти батальонов пехоты, двух артиллерийских дивизионов и десяти танков, но была теперь усилена прибывшими из Италии 3-й и 15-й гренадерскими моторизованными дивизиями, а также сильно потрепанной 17-й гренадерской моторизованной дивизией СС. Кроме того, в 1-ю армию прибыли из Германии несколько полицейских батальонов и две новые фольксгренадерские дивизии[237].

Наступление 12-го американского корпуса в районе Понт-а-Муссона встретило упорное сопротивление, и с 5 по 10 сентября на Мозеле шли ожесточенные бои. Американцы рассчитывали стремительно продвинуться к Рейну, но теперь вынуждены были изменить свои планы и приступить к методическим действиям с целью прорыва заранее подготовленной обороны немцев. Все же к 12 сентября американцам удалось захватить плацдармы севернее и южнее Нанси, и был отдан приказ двусторонним охватом овладеть старой столицей Лотарингии. Эти действия оказались успешными: 15 сентября войска вошли в Нанси. Однако использовать прекрасную возможность для быстрого продвижения к Саару американцы не сумели. Генерал Эдди, командир 12-го корпуса, не пожелал принять план, предложенный командиром 4-й американской бронетанковой дивизии генерал-майором Вудом, который понимал, что у нашей 1-й армии не было резервов и что она не сможет выдержать сильного удара вдоль канала Марна-Рейн на Сарбур.

16 сентября генерал Паттон отдал приказ 12-му американскому корпусу начать наступление на северо-восток, выйти к Рейну в районе Дармштадта и захватить плацдарм на восточном берегу реки. Приказ свидетельствовал о том, что генерал Паттон смотрел далеко вперед и отлично понимал характер танковой войны. Такой приказ нельзя было неправильно истолковать или неверно понять. Тем не менее 12-й корпус решил отложить наступление до 18 сентября с тем, чтобы сперва уничтожить отдельные окруженные немецкие группы около Нанси.

Благодаря этому наша 1-я армия получила время для сосредоточения своих сил в районе Шато-Сален.

Тем временем ожесточенные бои шли у Люневиля, который несколько раз переходил из рук в руки, и южнее Меца, где 20-й

американский корпус захватил небольшой плацдарм на Мозеле. 18 и 19 сентября наша 5-я танковая армия принимала участие в боях в районе Люневиля. Она сосредоточивалась для нанесения контрудара глубоко в тыл американским войскам, но обстановка на Мозеле оказалась настолько опасной, что Мантейфель приказал начать боевые действия.

5-я танковая армия перешла в наступление 18 сентября. В распоряжении Мантейфеля в то время находились 15-я гренадерская моторизованная дивизия, 111, 112 и 113-я танковые бригады, 11-я и 21-я танковые дивизии. Для управления этими войсками он имел штабы 47-го и 58-го танковых корпусов. Однако действительная ударная сила всех этих войск была очень незначительной. 21-я танковая дивизия фактически не имела танков и, по существу, представляла собой довольно слабое пехотное соединение, 11-я танковая дивизия, переданная из 19-й армии, все еще совершала марш; надо сказать, что она уже была основательно потрепана во время отступления из Южной Франции. 15-я гренадская моторизованная дивизия понесла большие потери в прошедших кровопролитных боях. 112-я танковая бригада располагала очень небольшим числом танков, а 113-я танковая бригада еще только подтягивалась из района выгрузки у Сарбура. Согласно приказу, полученному Бласковицем от главного командования немецких войск на Западе (а на самом деле исходящему от Гитлера), 5-я танковая армия должна была нанести удар во фланг 4-й американской бронетанковой дивизии, вернуть Люневиль и уничтожить плацдармы американцев на Мозеле. Основная ошибка Гитлера состояла в том, что он настаивал на проведении контрудара, не дожидаясь подхода всех наличных сил.

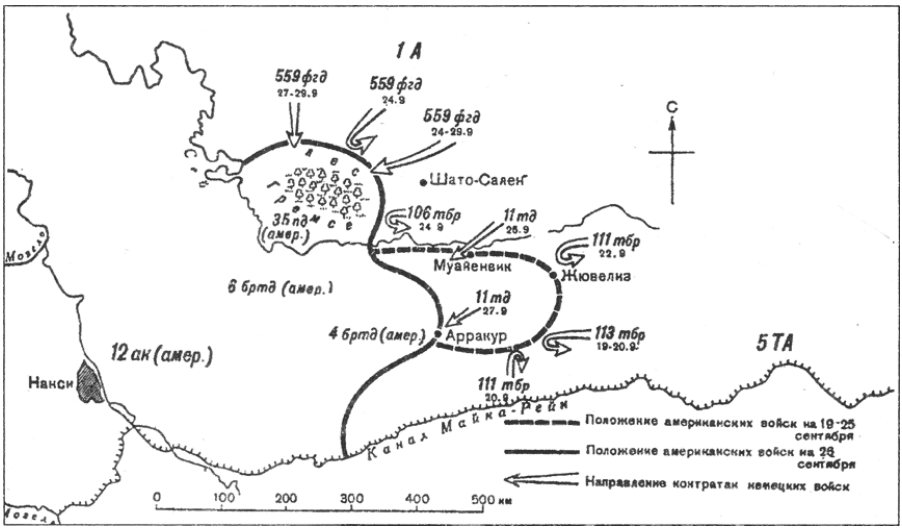
18 сентября 15-я гренадерская моторизованная дивизия и 111-я танковая бригада ворвались после ожесточенного боя в Люневиль, а 19 сентября 113-я танковая бригада предприняла решительную атаку против боевого командования «А»[238] 4-й бронетанковой дивизии под Арракуром, севернее канала Марна-Рейн. Наши «пантеры» превосходили американских «шерманов», но у противника была очень сильная артиллерия и мощные противотанковые средства. А когда рассеялся туман, американцы использовали все преимущества, которые давало им превосходство в воздухе. В результате немцы потеряли примерно 50 танков и не добились никакого успеха[239] (см. схему 56).

Несмотря на возражения Мантейфеля, Бласковиц приказал ему возобновить 20 сентября наступление. Мантейфель попытался выполнить приказ, но американцы в районе Арракура были слишком сильны, и 111-я и 113-я танковые бригады в конце

концов были вынуждены перейти к обороне[240]. Теперь создалась реальная опасность того, что 12-й американский корпус сумеет вбить клин между 1-й полевой и 5-й танковой армиями и что американские передовые части вскоре прорвутся к Рейну.

Такова была обстановка на фронте, когда генерал Бальк и я прибыли в группу армий «Г».

Схема 56



Сражение у Шато-Сален

Сражение у Шато-Сален

21 сентября Бальк отдал приказ о начале крупного наступления. Нужно было любой ценой остановить 12-й американский корпус у Шато-Сален, а кроме того, Гитлер все еще продолжал решительно настаивать на ликвидации плацдармов американцев на Мозеле. 1-я армия должна была нанести удар своим левым флангом, а 5-я танковая армия получила приказ возобновить наступление против 4-й бронетанковой дивизии в районе Арракура. 53-й танковый корпус должен был наступать силами 111-й танковой бригады, для поддержки которой из 19-й армии двигалась 11-я танковая дивизия.

Утром 22 сентября был густой туман, и страшные истребители-бомбардировщики, которые господствовали над полем боя на Западе, не могли действовать против наших танков. Сперва наступление 111-й танковой бригады на Жювелиз развивалось успешно, но как только небо очистилось, на танки обрушились сверху «Jabo»[241]. Американская артиллерия продолжала вести интенсивный огонь, а танки противника перешли в решительную контратаку. В результате 111-я танковая

бригада была фактически уничтожена — к концу дня от нее осталось всего лишь 7 танков и 80 солдат.

Это не предвещало ничего хорошего для группы армий «Г». Было ясно, что наши танки совершенно беспомощны в таких условиях, когда в воздухе господствует американская авиация, и что теперь нельзя следовать обычным принципам ведения танковой войны. 22 сентября у Люневиля продолжались тяжелые бои, а 2-я французская танковая дивизия оказывала сильное давление севернее Эпиналя. Тем временем 7-я американская армия продвигалась из долины реки Роны на север, угрожая захватить Бельфорский проход и поставить левый фланг нашей 19-й армии в опасное положение.

22 сентября Гитлер повторил свой приказ об уничтожении американских частей севернее канала Марна-Рейн, и поэтому 24 сентября два полка 559-й фольксгренадерской дивизии при поддержке 106-й танковой бригады начали наступление западнее Шато-Сален. Опять вначале они достигли некоторого успеха, но в 10 час утра в бой вступили американские истребители-бомбардировщики, и обстановка сразу изменилась. Наступательные действия в таких условиях означали простое истребление своих войск, но ничто не могло заставить Гитлера изменить свое решение. Несмотря на просьбы фон Рундштедта приостановить наступление, Гитлер продолжал настаивать на ударе 11-й танковой дивизии против американцев у Арракура. В этой дивизии было два мотострелковых полка и всего только 16 танков; вместе с танками, оставшимися в 58-м танковом корпусе, генерал фон Мантейфель располагал примерно 50 машинами.

Тем не менее 25 сентября Мантейфель добился многого благодаря внезапному удару 11-й танковой дивизии севернее Арракура, где разведчики обнаружили слабое место в обороне американцев. Успеху способствовали дождь и облачность, которые препятствовали действиям истребителей-бомбардировщиков. Когда 11-я танковая дивизия добилась глубокого вклинения, Мантейфель ввел остальные части 58-го танкового корпуса. К вечеру 25 сентября его передовые отряды находились всего в 3 км от Арракура.

26 сентября Мантейфель произвел перегруппировку и на следующий день возобновил наступление. Три дня в районе Арракура шли непрерывные тяжелые бои. Нашим действиям благоприятствовала дождливая погода, а солдаты прилагали огромные усилия, чтобы захватить позиции 4-й бронетанковой дивизии, которой умело командовал генерал-майор Вуд. 29 сентября появились крупные силы истребителей-бомбардировщиков, и наступление Мантейфеля было

остановлено. Тогда генерал Бальк лично поехал в штаб Рундштедта, где стал настаивать на передаче группе армий «Г» по крайней мере еще трех дивизий с соответствующими средствами усиления, чтобы иметь возможность продолжать наступление. Главное командование немецкими войсками на Западе не могло выделить резервов, так как в это время 1-я американская армия быстро продвигалась к Ахену. Рундштедт признал, что ударная сила группы армий «Г» истощилась и что, несмотря на приказ Гитлера, наше наступление придется прекратить. В одном из донесений генерал Крюгер, командир 58-го танкового корпуса, объяснял свои неудачи подавляющим превосходством американцев в авиации и артиллерии.

27 и 29 сентября 559-я фольксгренадерская дивизия неоднократно предпринимала атаки в районе леса Гремсе западнее Шато-Сален и сумела потеснить 35-ю американскую дивизию[242]. После своей встречи с Рундштедгом Бальк 29 сентября прекратил наступление, однако американское командование было очень обеспокоено сложившейся обстановкой, и 30 сентября генерал Эдди, командир 12-го корпуса, дал согласие на отвод 35-й дивизии за реку Сей. Этот приказ вызвал гнев генерала Паттона; он совершенно справедливо отменил его и приказал 6-й американской бронетанковой дивизии контратаковать противника[243].

Вне всякой связи с приказом Гитлера наши атаки 12-го корпуса у Гремсе и Арракура оказались полезными. Когда генерал Бальк 21 сентября принял командование группой армий «Г», можно было предполагать, что американцы полны решимости пробиться к Саару и Рейну, причем следует заметить, что генерал Паттон мог бы многого добиться, если бы ему была предоставлена свобода действий. В то время на Западном валу еще не было частей и не могло быть и речи об организации там эффективной обороны. По нашему мнению, контратаки против передовых частей 12-го корпуса принесли большую пользу, так как они лишили американцев уверенности в успехе дальнейшего наступления. Хотя наши атаки дорого нам стоили, они были своевременны и оправдали себя, серьезно задержав продвижение 3-й американской армии.

Теперь нам известно, что наступление Паттона было приостановлено в соответствии с приказом Эйзенхауэра от 22 сентября. Верховное командование союзников решило принять план Монтгомери о нанесении главного удара на левом крыле, очистить от противника подступы к Антверпену и попытаться овладеть Руром до наступления зимы. 3-я американская армия получила категорический приказ о переходе к оборонительным

действиям. Анализ положительных и отрицательных сторон такой стратегии не входит в мою задачу, но эти действия известным образом облегчили положение группы армий «Г». Мы получили на несколько недель передышку, которую могли использовать для приведения в порядок потрепанных частей и подготовки к отражению новых ударов.

Затишье в октябре

Октябрь прошел довольно спокойно, если не считать нескольких частных атак на нашем фронте южнее Меца и на фронте 19-й армии на западных склонах Вогезов. Вследствие критической обстановки в районе Ахена из нашего подчинения были выведены 3-я и 15-я гренадерские моторизованные дивизии, а взамен их мы получили только одну охранную дивизию. В этих условиях не могло быть и речи о ведении наступательных действий, поэтому все наши усилия были направлены на совершенствование обороны.

Те из нас, кто прибыли с русского фронта, где немецкие соединения еще сохраняли достаточную боеспособность, были поражены состоянием наших армий на Западе. Потери в технике были колоссальные; например, 19-я армия потеряла во время отступления из Южной Франции 1316 орудий из 1480. Войска, находившиеся под нашим командованием, были невероятно пестрыми: тут были солдаты из различных частей ВВС, полицейские, старики и подростки, были даже специальные батальоны из людей, страдающих желудочными заболеваниями или ушными болезнями. Даже хорошо вооруженные части, которые прибывали из Германии, фактически не проходили никакой подготовки и попадали прямо с учебного плаца на поле боя. В некоторых танковых бригадах никогда не проводилось учений в составе подразделений, чем и объяснялись наши огромные потери в танках.

Такое состояние наших войск требовало огромной работы штабов всей группы армий «Г». Мы должны были использовать каждого человека там, где он мог принести максимальную пользу. Новые танковые бригады были направлены для подготовки в 11-ю и 21-ю танковые дивизии — два лучших соединения вермахта, одержавшие немало побед в России и Африке. К сожалению, германское командование придерживалось порочной практики, стремясь создавать все новые и новые танковые части, главным образом в войсках СС, вместо того чтобы пополнять людьми и материальной частью старые танковые дивизии.

В конце октября я пережил большое потрясение. В наш штаб неожиданно прибыл фон Рундштедт и сообщил, что Кейтель по телефону известил его о смерти Роммеля. Последний якобы скончался от рецидива, когда уже стал поправляться (он был ранен в Нормандии во время одного из налетов авиации). Теперь Рундштедт должен был присутствовать на похоронах в качестве официального представителя Гитлера. Фельдмаршал фон Рундштедт, вне всякого сомнения, ничего не знал о том, каким образом был убит Роммель. И только позднее, когда я находился в лагере для военнопленных, мне удалось узнать ужасную правду о гибели Роммеля.

Наши старшие начальники часто умышленно вводились в заблуждение и не всегда хорошо разбирались в происходящих событиях. По личному приказу Гитлера никому не разрешалось знать больше того, что было совершенно необходимо для выполнения поставленной ему задачи. Таким образом, командиры пребывали в неведении, а моральный дух рядовых старались поднять разговорами о новых чудодейственных видах оружия, усилении подводной войны, политических разногласиях в лагере наших врагов и иными подобными средствами пропагандистской машины Геббельса. Данная книга не выходит за рамки анализа боевых действий, и поэтому я воздержусь здесь от дальнейших замечаний по этому чрезвычайно больному вопросу.

Мы предполагали, что последующий удар американских войск будет направлен через исторические «Лотарингские ворота» между Мецем и Вогезами — традиционный путь вторжения, который всегда использовали немцы и французы. В1914 году французский генеральный штаб выбрал этот район для осуществления своего пресловутого «плана 17», и между Шато-Сален и Моранж 2-я французская армия Кастельно потерпела жестокое поражение от баварского кронпринца Руппрехта. Теперь, тридцать лет спустя, в том же районе нам грозило новое крупное наступление. Как и в 1914 году, мы должны были обратить внимание на Бельфорский проход, через который 7-я американская армия угрожала ворваться в Эльзас с юга. Однако мы были уверены, что главный удар будет нанесен в Лотарингии, так как наступление в Эльзасе, по крайней мере на некоторое время, неизбежно должно будет остановиться на Рейне.

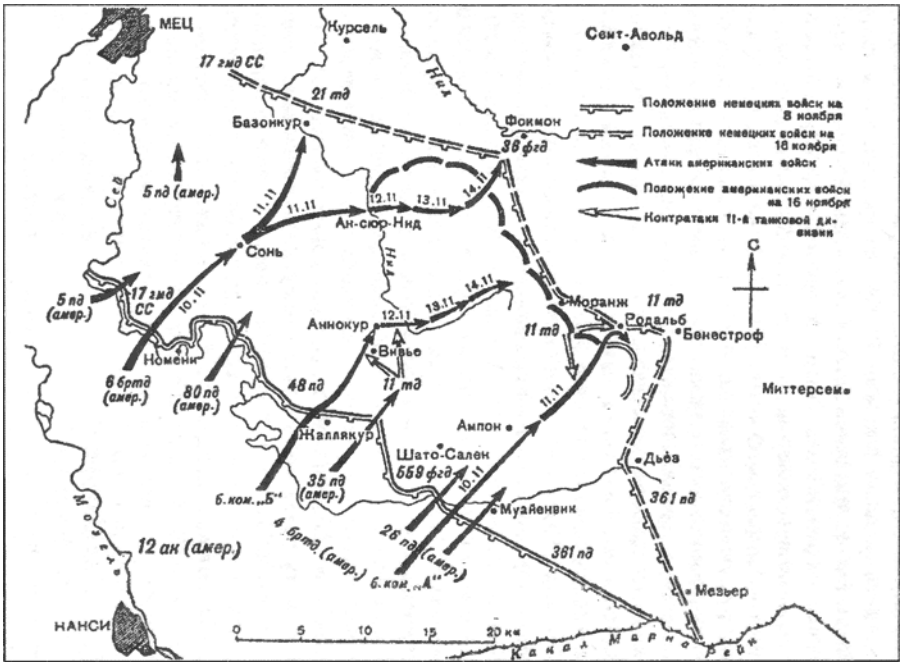
Поэтому подкрепления и все необходимое направлялось прежде всего в 1-ю армию, 11-я танковая дивизия была выведена в армейский резерв и размещена около Сент-Авольда. От нас взяли штабы 5-й танковой армии и 47-го и 58-го танковых корпусов, а взамен мы получили только штаб 89-го корпуса. В

общем, 1-я армия прикрывала «Лотарингские ворота», а 19-я армия отвечала за оборону фронта вдоль Вогезов.

В нашей боевой подготовке мы сосредоточили основное внимание на ведении боевых действий ночью, так как было ясно, что вести активные действия в дневное время мы не сможем из-за подавляющего превосходства американской авиации в воздухе. В основе наших планов лежал принцип эластичной обороны, которая полностью оправдала себя в крупных сражениях на русском фронте. Войска, сосредоточенные на передовых позициях, были бы уничтожены, если бы противник начал артиллерийскую и авиационную подготовку, поэтому мы отдали приказ о том, что перед наступлением противника наши войска должны отходить на несколько километров в тыл на заранее подготовленный рубеж. На переднем крае обязано было оставаться только охранение. Таким образом, противник вел огонь по пустым траншеям, зря растрачивая боеприпасы, а наши войска сохранялись.

В нашем тылу строительные части во главе со специальным штабом спешно укрепляли Западный вал, а перед его сооружениями собственными силами были построены несколько оборонительных рубежей. К оборонительным работам привлекались тыловые части и местное население. Времени было мало. Когда началось наступление американских войск, оборонительные сооружения были еще далеко не закончены, но даже в таком виде они принесли нам огромную пользу в последующих жестоких боях. Наконец, были установлены тысячи мин[244].

Схема 57



Наступление 12-го американского корпуса (8–16 ноября 1944 г.)

В начале ноября наша оборона была значительно сильнее, чем за месяц до этого. Кроме того, мы надеялись, что грязь и слякоть на дорогах затормозят продвижение американских танков. Но в целом в нашей обороне не было ничего действительно прочного, на что можно было бы положиться. Из-за непрерывных дневных и ночных налетов авиации регулярного подвоза не было, и мы располагали весьма незначительным количеством боеприпасов. Самоходных орудий было очень мало, а в некоторых дивизиях они вообще отсутствовали. Правда, мы имели много полевой артиллерии, но в большинстве своем это были трофейные орудия с небольшим запасом снарядов. Всего мы располагали 140 танками различных типов, причем 100 из них были приданы 1-й армии.

Балька обвиняют в том, что он был «неисправимым оптимистом[245]», но он никогда не строил себе никаких иллюзий относительно ударной силы своих войск. Обращаясь к Йодлю с просьбой о подкреплениях, Бальк признавал, что он никогда не командовал «такими пестрыми по составу и так плохо вооруженными войсками».

Глава XXI
Боевые действия в Эльзас-Лотарингии

Наступление Паттона

18 октября в Брюсселе состоялось очень важное совещание между Эйзенхауэром, Брэдли и Монтгомери[246], на котором было принято решение вновь попытаться овладеть Руром. Основная роль при этом отводилась 1-й и 9-й американским армиям, действия которых поручалось координировать генералу Брэдли. 3-я армия Паттона должна была начать наступление на Саар, «как только будет решена проблема подвоза». 21 октября три армии получили приказ генерала Брэдли: 1-я и 9-я армия должны были нанести удар 5 ноября, а генерал Паттон — на пять дней позже. 2 ноября 3-й армии разрешили начать наступление, как только позволят условия погоды.

Паттону удалось на этот раз убедить Брэдли, что он сможет за три дня достичь Саара и «без труда прорвать Западный вал». Располагая шестью пехотными и тремя бронетанковыми дивизиями, а также двумя механизированными группами (бригадами), 3-я армия насчитывала примерно до 250 тыс. солдат и офицеров. Противостоящая ей 1-я немецкая армия имела всего только 86 тыс. человек. Семь из восьми дивизий этой армии были растянуты на фронте в 75 миль, а ее единственный резерв составляла 11-я танковая дивизия с 69 танками. Поскольку немецкие дивизии были вынуждены рассредоточиться для обороны, Паттон, обладая господством в воздухе и достаточной маневренностью на земле, имел возможность создать превосходство в силах на любом из участков фронта.

Даже при грубом сравнении Паттон имел выгодное соотношение сил — 3:1 в людях, 8:1 в танках и «огромное превосходство в артиллерии»[247].

В конце октября мне стало ясно, что американцы готовят против нас новое наступление. Немецкие передовые посты на западном берегу Мозеля были отброшены за реку, американская артиллерия приступила к тщательной пристрелке. Юго-восточнее Понт-а-Муссона шли бои местного значения, и, по имеющимся данным, противник был занят сосредоточением крупных сил севернее Меца в районе Тионвиля. Мы полагали, что один из ударов американских войск будет нанесен из района Тионвиля, а второе крупное наступление ожидалось нами из района Шато-Сален с главным ударом непосредственно на Саарбрюккен.

Задачей этих двух ударов, видимо, являлось овладение крепостью Мец.

Мы не имели разведывательной авиации, но зато располагали хорошей информацией от нашей агентурной разведки и поэтому знали, как у американцев идет подготовка к наступлению[248]. Вновь оправдала себя наша служба радиоперехвата, так как американцы были очень беспечны при переговорах по телефону и радио. Тем не менее, когда 8 ноября началось наступление, войска на переднем крае были захвачены врасплох: погода не благоприятствовала наблюдению, и они не сумели обнаружить последних приготовлений противника.

Прошедший 5 ноября проливной дождь размыл все дороги и превратил ручьи и небольшие речушки в полноводные реки. Даже гусеничные машины с трудом могли двигаться; почти все мосты на Мозеле были снесены, 20-й американский корпус должен был наносить удар в районе Меца, а 12-й корпус имел задачу наступать почти на 50-километровом фронте в направлении Саарбрюккена, причем войскам приходилось форсировать реку Сей. Генерал Эдди, командир 12-го корпуса, имел серьезное основание для того, чтобы отложить наступление, но Паттон не желал и слышать об этом. На рассвете 8 ноября при поддержке сокрушительного артиллерийского огня пехота 12-го корпуса перешла в наступление.

Как уже указывалось, наши части на переднем крае были захвачены врасплох и не сумели выполнить задуманного Бальком плана эластичной обороны. На участке 12-го корпуса американцы атаковали наши 48-ю и 559-ю дивизии и правый фланг 361-й дивизии. Эти соединения понесли тяжелые потери от артиллерийского огня, и американцам удалось в нескольких местах форсировать реку Сей. В первом эшелоне 12-го корпуса наступали 26,35 и 80-я пехотные дивизии, а 4-я и 6-я бронетанковые дивизии составляли резерв и предназначались для развития успеха.

9 ноября американцы ввели танки, но условия, в которых им пришлось действовать, оказались очень неблагоприятными. Танки были привязаны к дорогам, и часть их была попросту расстреляна нашими 88-мм пушками. Во всяком случае, я считаю, что танки были введены слишком рано и что генералу Эдди следовало бы подождать, пока пехота глубже вклинится в главную полосу нашей обороны. Однако 4-я американская бронетанковая дивизия была испытанным соединением. Несмотря на отвратительные условия погоды, ее боевое командование «Б» прорвалось на левом фланге 48-й дивизии и достигло Аннокура и Вивье.

10 ноября 11-я танковая дивизия, наш единственный танковый резерв, перешла в контратаку и вновь заняла Вивье. Дождь и снег приковали к земле американскую авиацию и затруднили продвижение автомашин и танков. Наши опытные танкисты прекрасно этим воспользовались, уничтожив за день 30 американских танков. На 12 ноября 11-я танковая дивизия прикрывала отход понесшей тяжелые потери 559-й дивизии и заняла новые позиции на высотах у Моранжа. Боевое командование «А» 4-й бронетанковой дивизии вступило в бой восточнее Шато-Сален и достигло 11 ноября Родальба, где было задержано огнем противотанковой артиллерии и минными полями. Успешными оказались действия 6-й американской бронетанковой дивизии, которая днем 11 ноября смелым ударом овладела мостом у Ан-сюр-Нид.

12 ноября 11-я танковая дивизия предприняла контратаку из района Моранжа против войск боевого командования «А» 4-й бронетанковой дивизии. Наши танкисты привыкли действовать в распутицу; 13 ноября они вернули Родальб и захватили в плен целый американский батальон. Благодаря этим действиям нам удалось выиграть время для перегруппировки своих войск и сосредоточения резервов.

Американцы продолжали упорно продвигаться вперед. Боевое командование «Б» и 35-я пехотная дивизия наступали на Моранж с запада, а 6-я бронетанковая дивизия пыталась прорваться у Фокмона прямо на Саарбрюккен. Мы перебросили на этот участок 21-ю танковую и 36-ю пехотную дивизии[249], а 11-я танковая дивизия прочно удерживала высоты вокруг Моранжа. 15 ноября мы вывели из боя остатки 48-й и 559-й дивизий и свели их в одну боевую группу.

Утром 15 ноября наши войска отступили с развалин Моранжа, но к этому времени наступательный порыв американцев уже иссяк. В тот же день 12-й американский корпус был вынужден приостановить продвижение. Такое решение было вызвано, помимо тяжелых потерь и труднопроходимой местности, и тем обстоятельством, что в результате действий 20-го американского корпуса, который пытался окружить Мец, северный фланг 12-го корпуса оказался необеспеченным.

Падение Меца

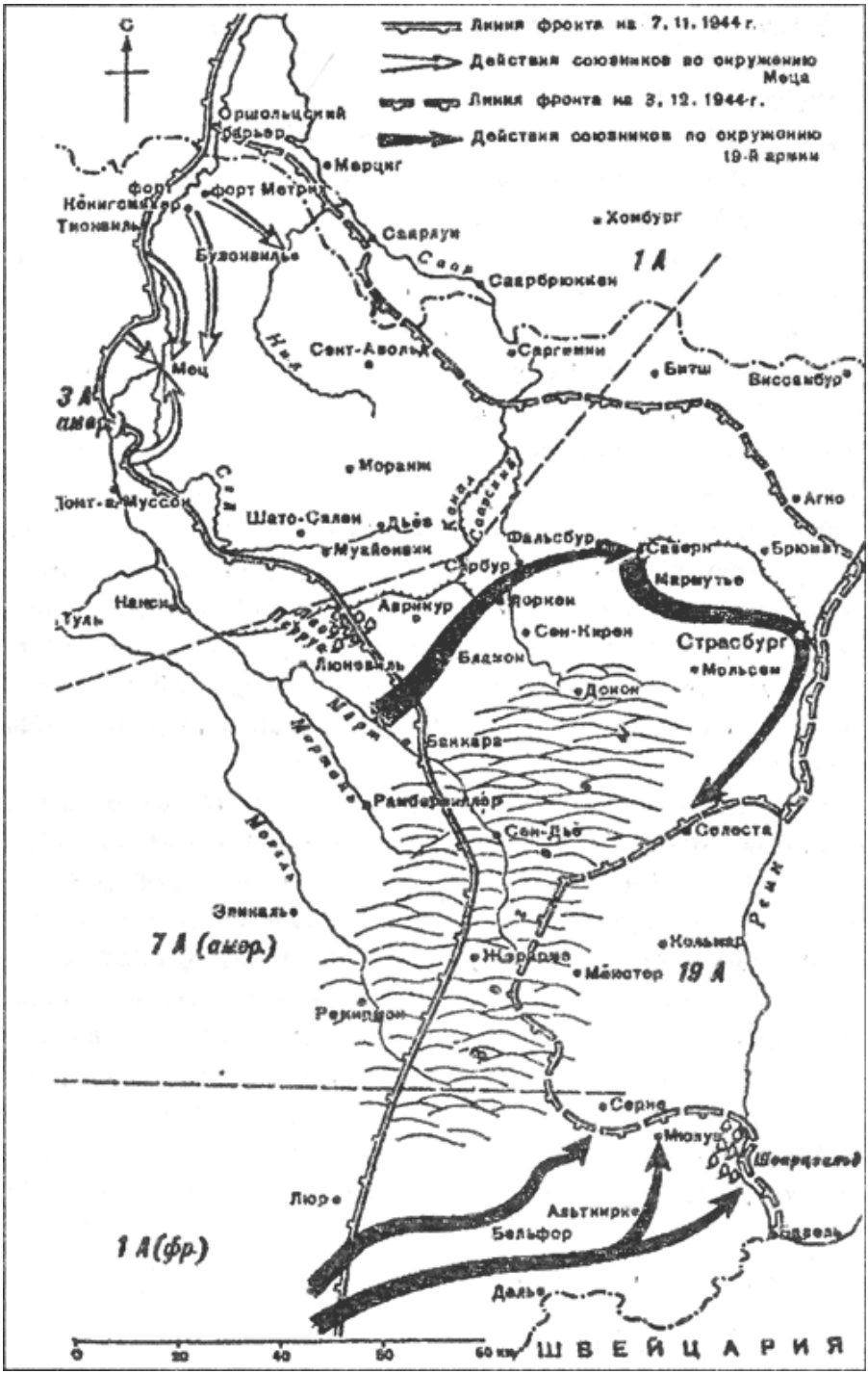
В ночь с 8 на 9 ноября 20-й корпус начал наступление на Мец. Части 90-й американской дивизии переправились через Мозель на штурмовых лодках севернее Тионвиля и захватили врасплох обороняющиеся немецкие части. К вечеру 9 ноября

дивизия имела на противоположном берегу реки уже восемь батальонов пехоты, прочно закрепилась на захваченном плацдарме. Две наши дивизии, 416-я пехотная и 19-я фольксгренадерская, оборонявшиеся в этом районе, оказали слабое сопротивление. Они имели низкие боевые качества, а кроме того, фронт их обороны был чрезвычайно растянут[250].

Командование группы армий «Г» было очень обеспокоено быстрым расширением плацдарма у Тионвиля. 1-я армия теперь не располагала никакими резервами, и мы были вынуждены обратиться к Рундштедту с просьбой выделить в наше распоряжение одну танковую дивизию. Но главнокомандующий немецкими войсками на Западе не мог взять на себя ответственность за такое решение и обратился по этому вопросу к Гитлеру. Свыше суток длились переговоры с ОКВ, но в конце концов нам была передана 25-я гренадерская моторизованная дивизия. В то время эта дивизия находилась восточнее Трева и нуждалась в пополнении; из-за отсутствия горючего она не могла принять участие в боях раньше 12 ноября. Эта задержка оказалась очень некстати, так как сильное течение Мозеля и точный огонь немецкой артиллерии помешали 90-й американской дивизии закончить наведение моста до вечера 11 ноября, и в течение трех дней американская пехота не имела на плацдарме танков и крупнокалиберной противотанковой артиллерии. Тем не менее американцы оказывали упорное сопротивление, отбивали контратаки нашей пехоты (у нас не было ни одного танка) и днем 11 ноября штурмом овладели фортами Метрих и Кёнигсмахер.

На рассвете 12 ноября 25-я гренадерская моторизованная дивизия десятью танками и двумя батальонами мотопехоты предприняла контратаку против американских танков и пехоты, переправившихся за ночь до этого через Мозель. Вначале дивизия имела успех, но когда артиллерия американцев открыла губительный огонь с западного берега, она понесла тяжелые потери и была вынуждена прекратить контратаку. Ожесточенные бои продолжались днем 12 и 13 ноября, и не один населенный пункт неоднократно переходил из рук в руки.

Схема 58



Боевые действия союзных войск против группы армий «Г» (ноябрь 1944 г.)

Днем 14 ноября 10-я американская бронетанковая дивизия

форсировала Мозель. Боевое командование «Б» этой дивизии продвигалось в направлении Мерцига на реке Саар, а боевое командование «А» наступало в направлении Бузонвиля, стремясь перерезать шоссейные и железные дороги, ведущие в Мец. Непосредственно городу угрожали 90-я американская дивизия, продвигавшаяся западнее Мозеля, и 5-я американская дивизия, которая, преодолевая сильное сопротивление 17-й гренадерской моторизованной дивизии СС, наступала с юга. Мы понимали, что скоро Мец будет окружен.

Такое положение не явилось неожиданностью для фельдмаршала Рундштедта, который еще в октябре выдвигал предложение об отводе войск с выступа у Меца. Бальк же считал, что следует дать бой американцам за Мец, но затем своевременно оставить город. 7 ноября Гитлер положил конец всем спорам, заявив, что Мец представляет собой крепость и должен удерживаться до последнего солдата. Мы постарались сделать так, чтобы последствия этого приказа были как можно менее тяжелыми: оставили в Меце лишь второсортные части и не дали им ни танков, ни штурмовых орудий.

Вечером 16 ноября Бальк и я подробно обсудили обстановку на фронте группы армий «Г». Мы пришли к выводу, что 1-й армии не следует больше нести потери, удерживая Мец, и что она должна одним скачком отойти на рубеж реки Нид. На принятие такого решения повлияло критическое положение нашей 19-й армии, которая с 11 ноября испытывала сильный нажим 7-й американской армии в районе Баккара и в то же время отражала атаки войск 1-й французской армии, начатые 14 ноября с целью захвата Бельфорского прохода.

Мец представлял собой старую крепость, почти все укрепления были построены до 1914 года. Большинство артиллерии крепости было переброшено на Атлантический вал, и в ее сооружениях оставалось только 30 орудий. В Меце мы оставили 462-ю фольксгренадерскую дивизию, насчитывающую около 10 тыс. человек. В большинстве своем это были пожилые люди, не способные выдержать напряжения современного боя. Они не располагали танками и имели всего лишь дивизион противотанковых орудий и дивизион зенитной артиллерии. Боеприпасов было мало, но запасов продовольствия хватило бы на четыре недели осады. Немецкое население было эвакуировано из Меца 11 ноября.

В ночь с 17 на 18 ноября 1-я армия оставила в крепости гарнизон и с соблюдением всех мер предосторожности отошла к реке Нид; 20-й американский корпус, который вплотную подошел к Мецу, не сумел помешать отходу. 19 ноября американские части

без труда нашли проходы во внешнем кольце фортов крепости и вошли в город с нескольких направлений. 21 ноября был взят командный пункт крепости. Большая часть гарнизона отступила во внутренние форты, которые продолжали теперь самостоятельно оказывать сопротивление.

Американцы удовлетворились блокированием фортов, дожидаясь, пока голод не заставит их защитников капитулировать. Осада продолжалась до 13 декабря, когда сдался последний форт — «Жанна д'Арк».

Принимая во внимание слабость гарнизона, следует отдать должное защитникам Меца, которые своими действиями сковали значительные силы американских войск.

Падение Страсбурга

11 ноября 15-й корпус 7-й американской армии перешел в наступление в районе Баккара южнее канала Марна-Рейн. Целью нового наступления был Савернский проход в Северных Вогезах — ворота к Страсбургу. Удар пришелся по 553-й и 708-й фольксгренадерским дивизиям. Первая из этих дивизий оказала упорное сопротивление, но вторая была быстро разбита — она только что прибыла на фронт и никогда раньше не участвовала в боях. Кроме того, удар американских частей был нанесен на стыке 1-й и 19-й армий, а мы по собственному опыту знали, как трудно бывает в таких случаях вести оборонительные действия. 13 ноября мы подчинили 553-ю дивизию 19-й армии, но обстановка продолжала оставаться напряженной, 15-й корпус не прекращал своих решительных атак в направлении на Бламон. Одновременно наступление 1-й французской армии, начавшееся 14 ноября, создавало угрозу прорыва в южную часть Эльзаса через Бельфорский проход.

14 ноября мы отдали приказ 19-й армии отступить своим правым флангом в Северные Вогезы. Отход был проведен успешно, действия же преследующих американских частей отличались нерешительностью и чрезмерной осторожностью. В ночь с 16 на 17 ноября аналогичный отход совершили и войска левого фланга армии. К несчастью, в бою за Бельфорский проход погиб командир 338-й дивизии, и управление отступавшими там войсками было нарушено. Арьергарды оказались чересчур слабы, поэтому французские подвижные части вышли на новый рубеж почти одновременно с главными силами 338-й дивизии. Французские танкисты атаковали с исключительной смелостью и порывом, отвечающим темпераменту командующего их армией генерала де Латтр-де-Тассиньи. 19 ноября они продвинулись за

день на 40 км, ворвались в Верхний Эльзас и вышли на Рейн севернее Базеля.

21 ноября после ожесточенного боя пал Бельфор, и в тот же день французские танки вошли в Мюлуз. 19-я армия не имела подвижных резервов, но 53-му корпусу удалось собрать в южной части Эльзаса все, что осталось от различных частей, и создать новый оборонительный рубеж между Рейном и Вогезами. 198-й пехотной дивизии, усиленной самоходными орудиями, было приказано контратаковать из Альткирка и выйти к швейцарской границе у городка Дель, тем самым отрезав французские войска у Мюлуза. В это время 106-я танковая бригада двигалась из Лотарингии для усиления 53-го корпуса. 20 ноября в штабе группы армий «Г» мы пришли к выводу, что противник хочет зажать в гигантские клещи и уничтожить войска 19-й армии. Когда 1-я французская армия вступит в Эльзас с юга, 7-я американская армия, пройдя Савернским проходом, начнет наступление на Страсбург с севера.

Наше положение осложнялось угрожающим развитием событий в Лотарингии. 12-й корпус, действовавший на правом фланге 3-й американской армии, 18 ноября возобновил свои атаки, а 15-й корпус 7-й армии продолжал оказывать сильный нажим в направлении Савернского прохода. Погода улучшилась, и американская авиация вновь начала активные действия. Несмотря на упорное сопротивление, 553-я фольксгренадерская дивизия шаг за шагом оттеснялась к Сарбуру, и 20 ноября свыше ста прорвавшихся танков окружили эту закаленную в боях дивизию. Казалось, дивизии пришел конец, но в ночь с 20 на 21 ноября генералу Бруну удалось, воспользовавшись темнотой и сильным дождем, провести своих солдат через американские позиции и занять новый оборонительный рубеж, преградив противнику путь к Саверну. Тем не менее после овладения Сарбуром американцы продолжали вбивать клин между 1-й и 19-й армиями. Над группой армий «Г» нависла угроза расчленения на две части.

Мы считали наиболее опасным наступление противника на Саверн, поэтому предложили Рундштедту сосредоточить 19-ю армию севернее Мюлуза и прекратить всякие попытки окружить французские войска в Верхнем Рейне. Это дало бы возможность перебросить 198-ю дивизию и 106-ю танковую бригаду на север и усилить оборону Савернского прохода. План был передан на рассмотрение Гитлеру, который решительно отверг его. Он приказал выполнить у Саверна его требование «ни шагу назад» и предпринять контратаку силами 198-й дивизии из Альткирка к швейцарской границе. Нам не оставалось ничего другого, как

отдать соответствующие распоряжения.

В виде утешения Рундштедт разрешил нам использовать учебную танковую дивизию для контратаки на Сарбур с севера, но она не могла принять участие в боях раньше 23 ноября. Во всяком случае, было уже слишком поздно восстанавливать положение в районе Саверна, так как 21 ноября 2-я французская танковая дивизия под командованием генерала Леклерка, действовавшая в составе 7-й американской армии, прорвалась сквозь наши слабые части прикрытия на высотах севернее и южнее города. 22 ноября французские и американские части 15-го корпуса обошли Саверн. Затем они ворвались в город и окружили 553-ю дивизию и штаб 89-го корпуса. Однако последние не прекратили сопротивления: в ночь с 22 на 23 ноября они пробились мелкими группами сквозь кольцо окружения и сосредоточились в районе Битша.

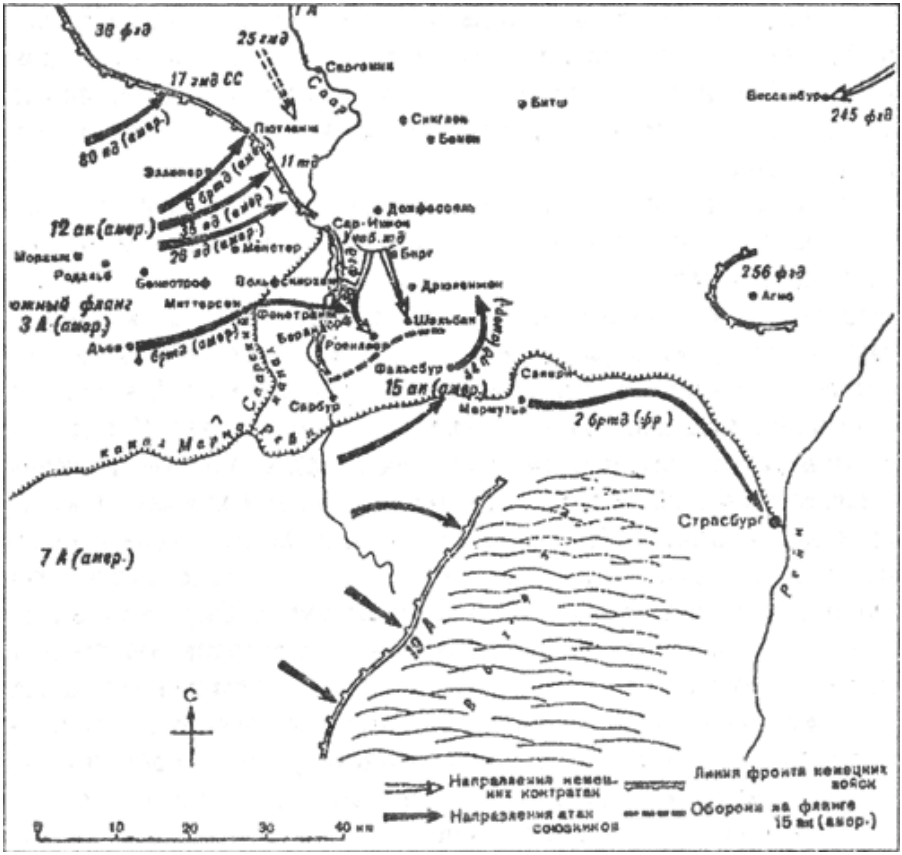
Между тем 11-я танковая дивизия продолжала оказывать решительное сопротивление частям 12-го корпуса, наступавшим от Моранжа на Саргемин.

Дивизия удерживала свой 25-километровый участок фронта, имея очень слабое прикрытие. За этим слабым заслоном были расположены группы танков и мотопехоты для проведения контратак во фланг и тыл наступающим американским частям. 35-я и 36-я американские пехотные дивизии наступали в центре, на левом фланге действовала 6-я бронетанковая дивизия, а справа — 4-я бронетанковая дивизия. Однако 11-я танковая дивизия сумела отразить попытку прорыва нашего фронта и нанести тяжелые потери противнику. 4-я бронетанковая дивизия повернула к Саарскому каналу и, не встречая серьезного сопротивления со стороны 361-й фольксгренадерской дивизии, переправилась 22 ноября через канал. 4-я бронетанковая дивизия имела приказ повернуть на север после форсирования канала, однако, учитывая отсутствие удобных дорог и танконедоступную местность, командир дивизии генерал Вуд решил продолжать продвижение на восток, переправиться через Саар и только после этого повернуть на север. 24 ноября он форсировал реку у Фенетранжа.

Генерал Леклерк не терял времени даром у Савернского прохода и, развивая успех, двигался прямо на Страсбург. Единственной преградой на его пути были подразделения 256-й фольксгренадерской дивизии, которая только что прибыла в северную часть Эльзаса из Голландии, да несколько противотанковых дивизионов и сводных частей под командованием коменданта Страсбурга. Для подготовки к обороне города не было ни времени, ни средств, и утром 24

ноября французские танки ворвались в Страсбург.

Схема 59



Падение Страсбурга (ноябрь 1944 г.)

В такой обстановке мы решили отменить предполагаемую контратаку учебной танковой дивизии на Сарбур и направить эту дивизию через Фальсбур к Савернскому проходу. В случае успеха мы могли бы отрезать 2-ю французскую танковую дивизию. Учебная танковая дивизия была обескровлена в боях в Нормандии и в начале ноября переформировывалась для Арденнского наступления. Она располагала 30 танками T-IV и 35 «пантерами», а также имела два мотострелковых полка с большим некомплектом в людях и технике. Когда мы узнали, насколько ослаблена была эта дивизия, мы поняли, что для успешной контратаки потребуются дополнительные пополнения. Боевой группе 25-й фольксгренадерской дивизии было приказано передвинуться с правого фланга 1-й армии к Сар-Иниону, но прибыть туда раньше 25 ноября она не могла.

Учебная танковая дивизия 23 ноября сосредоточилась у Сар-Иниона. Дивизией командовал ветеран боев в Западной пустыне

генерал Байерлейн. Хотя еще не прибыли два батальона пехоты и две батареи самоходных орудий, в 16 час того же числа дивизия начала свое наступление. Утром 24 ноября учебная дивизия нанесла удар северо-восточнее Сарбура по фланговому прикрытию 15-го корпуса — разведподразделениям и части сил 44-й американской дивизии. Казалось, Байерлейн сможет прорваться к дороге Сарбур-Саверн, но неожиданно он был атакован во фланг 4-й американской бронетанковой дивизией, которая, как я уже указывал, переправилась через Саарский канал у Фенетранжа. Развернулись тяжелые бои, продолжавшиеся 24 и 25 ноября. Прибывший 24 ноября на этот участок фронта генерал Эйзенхауэр согласился с предложением Паттона прекратить наступление 15-го корпуса на восток и повернуть его на север для оказания помощи Паттону в его действиях на реке Саар. Это означало, что американские силы на левом фланге Байерлейна получили значительное усиление и фактически его дивизия находится под угрозой охвата с обоих флангов.

Днем 25 ноября я прибыл на командный пункт Байерлейна и лично убедился, насколько опасной была сложившаяся обстановка. Сосредоточенный огонь артиллерии 44-й американской дивизии причинял нам серьезные потери, а боевое командование «Б» 4-й бронетанковой дивизии вело ожесточенный бой за деревню Берендорф. Байерлейн советовал прекратить наши наступательные действия, и я полностью поддержал его предложение; однако ОКВ настаивало на продолжении бесполезного наступления. Несмотря на это, Байерлейну 25 ноября пришлось перейти к обороне. К счастью, у него была боевая группа 25-й фольксгренадерской дивизии, которая сумела удержать его восточный фланг. 27 ноября американцы отбросили учебную танковую дивизию на свое исходное положение восточнее Сар-Иниона. По приказу ОКВ она была теперь отозвана для участия в Арденнской операции и в ночь с 27 на 28 ноября заменена 25-й фольксгренадерской дивизией.

В общем, мы не смогли использовать нашей единственной возможности восстановить положение в северной части Эльзаса. Ясно, что при наличии у американцев превосходства в артиллерии, авиации и танках у нас по существу никогда не было серьезных шансов на успех. Но решение Эйзенхауэра о повороте 15-го корпуса на север для помощи Паттону серьезно облегчило положение в южной части Эльзаса и позволило 19-й армии прочно закрепиться на кольмарском выступе. В своем отчете Эйзенхауэр указывает, что этот плацдарм очень сильно затруднил ведение дальнейших операций.

Противник, оказывая непрерывное давление на всем фронте группы армий «Г», добивался значительных успехов, однако нам удавалось сохранять основные силы наших войск и медленно отходить к Западному валу. Необходимо подчеркнуть, что в этих действиях наша задача заключалась в выигрыше времени, чтобы позволить ОКВ сосредоточить резервы для широкого контрнаступления в Бельгии. Я думаю, что Паттону удалось бы добиться больших успехов, если бы он объединил 4-ю и 6-ю бронетанковые дивизии в один корпус и усилил бы этот корпус, например, 2-й французской танковой дивизией. Все эти соединения обладали большим боевым опытом и имели способных командиров. Командир 4-й бронетанковой дивизии генерал Вуд показал себя знатоком тактики, а Леклерк продемонстрировал большую смелость в наступлении на Страсбург. Мне думается, что американцы совершали серьезную ошибку, слишком тесно связывая танки с пехотой. Объединение бронетанковых дивизий в одну армию под единым командованием позволило бы обеспечить решительный прорыв нашей обороны.

Пока в центральной части Лотарингии шли крупные бои, 20-й корпус вел наступление от Тионвиля к нижнему течению реки Саар, но был остановлен у Оршольцского барьера. Это был мощный оборонительный рубеж с противотанковыми рвами и бетонированными сооружениями. Американская разведка почти ничего о нем не знала, поэтому первые атаки с целью прорвать нашу оборону были легко отражены, 21-я танковая дивизия, составлявшая подвижный резерв, с успехом проводила контратаки. 25 ноября командование 20-го корпуса прекратило атаки Оршольцского барьера и приказало 10-й бронетанковой дивизии нанести удар в направлении Мерцига. Американское командование допустило раньше серьезную ошибку, заставив дивизию предпринимать атаки по всему фронту корпуса и распылив ее силы, поэтому приказ о сосредоточении ее усилий с целью наступления на Мерциг был отдан слишком поздно и не мог привести к осуществлению сколько-нибудь значительного прорыва.

28 ноября мы обратились к Рундштедту с предложением серьезно усилить группу армий «Г» с тем, чтобы 1-й и 19-й армиями перейти в концентрическое наступление в общем направлении на Савернский проход, вновь овладеть Страсбургом и уничтожить выступ противника в этом районе. Мы вполне могли бы осуществить эту операцию, если бы располагали тремя

танковыми и двумя пехотными дивизиями. Однако ОКВ отвергло наше предложение, так как в это время все подчинялось одному — подготовке весьма рискованного наступления в Арденнах.

С 28 ноября по 1 декабря западнее Саарлуи шли упорные бои. Здесь 95-я американская дивизия упорно продвигалась вперед, отражая непрерывные контратаки 21-й танковой дивизии. 1 декабря части 95-й дивизии вошли в город с запада, а основные силы 21-й танковой дивизии отошли на восточный берег реки Саар; на западном берегу мы удерживали теперь лишь небольшой плацдарм. Единственный мост через реку был подготовлен к взрыву, и саперы ждали только сигнала для его разрушения.

Днем 2 декабря американский самолет-разведчик сообщил, что мост через реку Саар все еще цел, и 95-я дивизия решила захватить его. В дождливое и туманное утро 3 декабря американская пехота и саперы незаметно переправились через реку на штурмовых лодках и неожиданно атаковали мост с тыла. Уничтожив охрану, американцы овладели неповрежденным мостом. Этот успех был немедленно использован: 379-й американский полк переправился по захваченному мосту и в тот же день сумел овладеть первыми дотами Западного вала.

Этот факт вызвал возмущение в высших штабах. Взбешенный Гитлер потребовал подробного донесения — он не мог понять, как можно было допустить, чтобы участок Западного вала, на который он возлагал такие большие надежды, оказался в руках противника. ОКВ совсем забыло, что для пресловутого Атлантического вала с линии Зигфрида сняли все, что могло бы сделать ее неприступной, и что вообще ее укрепления уже устарели. Противотанковые препятствия находились прямо перед главной полосой обороны, а огневые позиции были слишком малы для новых тяжелых противотанковых орудий. Проволочных заграждений не было, телефонная связь не работала, а исключительно сложная система огня себя не оправдывала, так как в большинстве своем мы имели совершенно необученные войска. Фюреру требовалась жертва, и ею оказался очень способный командующий 1-й армией генерал фон Кнобельсдорф. На меня этот случай произвел очень неприятное впечатление — я очень уважал этого смелого и выдающегося командира, вместе с которым перенес столько испытаний в России.

Так или иначе, я работал начальником штаба группы армий «Г» последние дни, так как 5 декабря я получил приказ сдать дела генерал-майору Гельмуту Штедке. Мне это было особенно неприятно, потому что теперь прекращалось мое длительное и успешное сотрудничество с генералом Бальком, который, кстати, не имел никакого отношения к моему отстранению от должности.

Дело объяснялось тем, что в этот период войны Гитлер и его приближенные организовали форменную травлю, повсюду выискивая козлов отпущения, на которых можно было бы свалить ответственность за промахи верховного командования.

Я покидал группу армий «Г» с большим огорчением, но в то же время испытывая удовлетворение от того, что мы выполнили свою роль и в течение нескольких месяцев сдерживали все попытки противника пробиться к Западному валу. В начале декабря состояние многих наших дивизий было плачевным, но и американцы понесли большие потери, не достигнув какого-либо серьезного успеха. Оперативные резервы германского верховного командования были сохранены и еще могли при правильной стратегии оказать серьезное влияние на ход боевых действий.

После меня генерал Бальк недолго оставался в группе армий «Г». Вскоре фюрер подписал приказ, по которому 19-я армия поступала под непосредственный контроль Генриха Гиммлера. За этим последовали многочисленные отвратительные интриги, приведшие в середине декабря к отстранению генерала Балька от командования, и лишь благодаря вмешательству Гудериана Бальку удалось получить назначение в Венгрию командующим 6-й армией. Очевидно, Гитлер обвинял в неудачном исходе боев в Лотарингии командующих войсками и выражал свое недовольство тем, что отстранял их от должностей. Но я думаю, что это осуждение Гитлера нисколько не отразится на воинской славе Балька.

Глава XXII
Последние сражения

Наступление в Арденнах

Я не собираюсь подробно рассказывать о том, что произошло сразу же после смещения меня с должности начальника штаба группы армий «Г». Меня не только отстранили от должности, но и исключили из офицерского корпуса генерального штаба — случай, типичный для того мрачного периода беззаконий и произвола, который наступил в конце 1944 года.

Рождество я провел в Вартегау, где в то время жила моя семья. Конечно, нам было не до веселья: обстановка на Восточном фронте внушала мне серьезное беспокойство, так как было ясно, что русские сосредоточивают огромные силы и собираются нанести сокрушительный удар. Я не мог примириться с мыслью, что моя семья останется в Восточной Германии, и поэтому использовал свой вынужденный отпуск для того, чтобы перевезти семью к своим друзьям севернее Берлина. Как говорится, нет худа без добра. Я успел устроить семью как раз вовремя, потому что через три недели началось наступление русских на Висле и они вторглись в Силезию.

Хотя генерал Гудериан не смог добиться моего официального восстановления в правах офицера генерального штаба, ему в конце концов разрешили дать мне новое назначение, и в один из рождественских дней я получил приказ отправиться в 9-ю танковую дивизию в Арденны. Мне надлежало немедленно явиться в штаб группы армий «Б», размещавшийся где-то западнее Кёльна. Я прибыл туда 28 декабря и представился генералу Кребсу, начальнику штаба фельдмаршала Моделя[251]. Меня волновала мысль, что после долгих лет работы в штабах я наконец буду непосредственно командовать войсками. Однако мой энтузиазм спал, когда Кребс объяснил мне, что происходило в это время в Арденнах.

Уже несколько месяцев тому назад я знал о готовящейся операции. Фактически все наши действия в Эльзас-Лотарингии были направлены на то, чтобы выиграть время для подготовки к Арденнскому наступлению. Кроме генерала Балька и меня никто в группе армий «Г» не знал об этом замысле. По приказу Гитлера каждый посвященный в подготовку наступления офицер обязан был подписать документ, в котором говорилось, что в случае малейшего нарушения секретности он будет подвергнут

тяжелейшим наказаниям. Однако эти драконовские меры себя оправдали, и когда 16 декабря войска перешли в наступление, была достигнута полная внезапность. Немецкие войска добились такой же внезапности, какая была достигнута в том же самом районе в мае 1940 года[252], и в обычных условиях при примерно равном соотношении сил мы добились бы очень крупной победы. С точки зрения тактики прорыв в Арденнах явился последним большим успехом германского генерального штаба. Это был удар в духе лучших традиций Гнейзенау, Мольтке и Шлиффена.

В то же время в стратегическом отношении это наступление представляло собой опасную авантюру и в конечном итоге оказалось очень серьезной ошибкой. Когда после войны я находился в лагере для военнопленных, генерал Вестфаль рассказал мне, что и Рундштедг, и Модель были категорически против грандиозного плана Гитлера форсировать Маас и совершить победный марш на Антверпен. Они предупреждали Гитлера, что имеющихся в наличии сил совершенно недостаточно для подобной операции, и предложили план, получивший название «Kleine Losung»[253], целью которого было уничтожение американского выступа у Ахена. Такого рода наступление привело бы к окружению пятнадцати дивизий противника и к высвобождению крупных резервов для переброски на Восток. Подобное решение вопроса Гитлер назвал «малодушным». Следует признать, что как бы резко мы ни осуждали Гитлера как стратега, его сила воли и решимость соответствовали грандиозности его замыслов[254].

Схема 60

Арденнское наступление

Гитлер собрал все наличные дивизии в кулак и бросил их в последний, колоссальный по силе удар с целью прорыва сравнительно неглубокой обороны 1-й американской армии на участке фронта Монжуа — горы Эйфель. Справа наступала 6-я танковая армия СС, левее ее — 5-я танковая армия. В то же время 7-я армия должна была войти в Люксембург для обеспечения южного фланга немецких войск. Гитлер рассчитывал не только овладеть Антверпеном, но и уничтожить четыре армии: 1-ю канадскую, 2-ю английскую, 1-ю и 9-ю американские.

16 декабря туман лишил союзников возможности использовать огромную мощь своей авиации; кроме того, подготовка к наступлению 5-й танковой армии Мантейфеля была

проведена с исключительным мастерством. Его войска имели замечательных командиров, а моральный дух солдат был очень высок. Прорвавшись через боевые порядки пришедших в полное замешательство американцев, передовые отряды Мантейфеля сумели быстро продвинуться по трудным горным дорогам и к 20 декабря овладели Уффализом, после чего продолжали наступать к переправе через Маас у Динана. Если бы войска Мантейфеля были должным образом поддержаны действиями с севера, трудно сказать, в каком положении оказались бы американцы[255]. Но 6-я танковая армия СС не сумела добиться серьезного успеха. Правда, 1-я танковая дивизия СС действовала замечательно и за первые два дня продвинулась на 40 км, однако другие дивизии армии Дитриха продвигались медленно. Гитлер совершил крупную ошибку, выбрав для нанесения главного удара 6-ю танковую армию СС. Командующий армией был очень храбрым человеком, но не понимал особенностей ведения танковой войны. Кроме того, упорное сопротивление 101-й американской воздушно-десантной дивизии и боевого командования «Б» 10-й американской бронетанковой дивизии у Бастони оказало парализующее воздействие на продвижение Мантейфеля.

Когда я представлялся генералу Кребсу в штабе группы армий «Б», он сообщил мне, что, несмотря на большой первоначальный успех, фельдмаршал Рундштедт уже 22 декабря считал, что наступление кончится неудачей. Того же мнения держался и Модель. 3-я армия Паттона начала решительные действия против левого фланга 7-й армии и вынудила Мантейфеля направить туда войска, в результате чего наш главный удар на Динан был ослаблен. Покрытые льдом узкие горные дороги затрудняли движение транспорта, образовывались огромные пробки. В довершение всего части 9-й американской армии усиливали свои контратаки против войск нашего правого крыла[256].

22 декабря Рундштедт посоветовал Гитлеру прекратить наступление, так как вскоре все равно пришлось бы снять крупные силы для отражения ударов русских на Восточном фронте. Гитлер не желал и слышать об этом, поэтому еще несколько дней мы продолжали вести решительные атаки. Но 26 декабря Паттон освободил Бастонь, над Арденнами очистилось небо, и в действие вступила грозная авиация союзников. 28 декабря, в тот самый день, когда я представлялся Кребсу, Гитлер согласился на прекращение наступления, но категорически запретил какой-либо отход.

29 декабря я отправился в 9-ю танковую дивизию, которая располагалась на поросших лесом высотах северо-западнее

Уффализа. Покрытые льдом дороги блестели на солнце, и я собственными глазами видел, как американская авиация беспрестанно бомбила дороги и наши полевые склады. В воздухе не было ни одного немецкого самолета, повсюду валялись исковерканные черные остовы сгоревших машин. В штабе дивизии я узнал, что мы удерживаем самые передовые позиции 5-й танковой армии. Посмотрев на карту, я увидел, что американцы вели решительные атаки против наших флангов и что дивизиям, находившимся в вершине выступа, угрожала серьезная опасность. Но нам было приказано держаться на занятых позициях, что мы и делали, прибегая к тактике маневренной обороны.

В большинстве своем мои солдаты были австрийцами, и, несмотря на большие потери, их боевой дух был еще высок. В танковом полку оставалось 20 танков, а в каждом из мотострелковых полков насчитывалось до 400 солдат. Артиллерийский полк был очень сильной и опытной боевой частью. Мы отбивали атаки американцев до 5 января, пока не получили приказа оставить ставшие бесполезными позиции и отойти в восточном направлении. На меня возложили командование арьергардом 5-й танковой армии. Много пользы принес мне опыт боевых действий в России. Я хорошо знал особенности передвижения войск по снегу и льду, в чем американцам нужно было у нас многому поучиться. В дневное время наша танковая группа оборонялась, ночью двигалась, чтобы таким образом избежать налетов истребителей-бомбардировщиков. Но даже и при этих условиях сосредоточенный огонь артиллерии наносил нам на флангах серьезные потери. К середине января 9-я танковая дивизия достигла реки Ур, откуда в свое время немецкие войска начали Арденнское наступление.

Результаты этого наступления были более чем неутешительными. Мы понесли крупные потери в живой силе и технике, а выиграли лишь несколько недель передышки. Следует признать, что американцы были вынуждены вывести части из Лотарингии и ослабить давление на группу армий «Г»[257]; правда, эта разрядка напряженной обстановки носила лишь временный характер. Те же самые результаты можно было бы получить гораздо меньшим по масштабу наступлением у Ахена, после которого наши оперативные резервы могли бы быть переброшены в Польшу. Арденнское сражение еще раз подтвердило правильность того положения, что крупное наступление танковых масс не имеет надежды на успех, если оно предпринято против противника, обладающего господством в воздухе. Необходимые для нас резервы были израсходованы, и

нам нечем было предотвратить неминуемую катастрофу на Востоке.

Катастрофа на Востоке

12 января наступлением войск Конева с баранувского плацдарма началось давно ожидаемое наступление русских. Сорок две стрелковые дивизии, шесть танковых корпусов и четыре механизированные бригады ворвались в Южную Польшу и устремились в промышленный район Верхней Силезии. Я очень хорошо помнил этот плацдарм, так как когда Бальк командовал 4-й танковой армией в августе 1944 года, он делал все возможное, чтобы сократить его размеры, и предпринимал неустанные атаки против этого опаснейшего форпоста русских. Бальк предвидел, что прорыв русских в этом районе поставит в тяжелое положение все немецкие войска в Южной Польше, но после нашего перевода на Запад русским позволили методически укреплять свои позиции на западном берегу Вислы.

9 января Гудериан предупредил Гитлера, что «Восточный фронт напоминает собой карточный домик»[258], но Гитлер упрямо продолжал думать, что подготовка русских — всего лишь гигантский блеф. Он требовал твердо удерживать занимаемые позиции и перебросил танковые резервы из Польши в Венгрию, тщетно пытаясь облегчить положение войск в Будапеште[259]. В результате через несколько дней фронт немецких войск на Висле рухнул. 17 января пала Варшава, 18 января русские овладели Лодзью и Краковом, а 20 января наступающие войска Жукова перешли границу Силезии. Замерзшая земля благоприятствовала быстрому продвижению, и русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий и что Сталин был полон решимости первым войти в Берлин. 25 января русские стояли уже под стенами моего родного города Бреслау, а к 5 февраля Жуков вышел на Одер у Кюстрина, всего лишь в 80 км от столицы Германии. Здесь он был на некоторое время задержан умелыми действиями генерала Хейнрици. Зато в Восточной Пруссии войска Рокоссовского прорвались к Балтийскому морю и отрезали двадцать пять немецких дивизий. В то же время наши армии в Силезии и Венгрии испытывали страшный натиск русских войск.

Подобно тысячам других людей, я с чувством полного отчаяния следил за этими событиями, ибо все мы понимали, какой страшной опасности подвергаются наши семьи. Прошли

недели, прежде чем я узнал, что моей жене и детям удалось благополучно эвакуироваться. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного с времен гибели Римской империи.

Битва за Рейн

8 февраля ударом 1-й канадской армии в направлении леса Рейхсвальд у пересечения Рейна с голландской границей началось последнее наступление союзников на Западе. Этот удар был первым в серии запланированных Эйзенхауэром ударов многих английских и американских армий, растянувшихся вниз по Рейну до Страсбурга. 30-й английский корпус, действовавший в составе канадской армии, после самой сильной за все время кампании на Западе артиллерийской подготовки прорвался к Рейхсвальду. Наша 1-я парашютно-десантная армия оказывала упорнейшее сопротивление, и в течение двух недель противнику удалось лишь незначительно продвинуться по этой лесисто-болотистой местности. Бои по своему характеру напоминали боевые действия на Западном фронте в 1916–1917 годах. Здесь, как в свое время на реке Сомме и у Пасхендаля, проведенная англичанами артиллерийская подготовка невероятной силы помешала их собственному продвижению из-за разрушения всех дорог в тылу немецких войск.

23 февраля 9-я американская армия Симпсона (находившаяся в подчинении Монтгомери) нанесла удар через реку Рур в направлении Дюссельдорфа и Крефельда. В то время я был назначен начальником штаба 5-й танковой армии Мантейфеля, и мы как раз были заняты приемом участка обороны от Дюрена до Рурмонда, который удерживался частями 15-й армии. Изменения в командовании в такие критические моменты были характерны для фельдмаршала Моделя, который всегда хотел видеть своих лучших генералов на самом опасном участке. Тем не менее такие действия были глубоко ошибочными. Для обеспечения должного управления армейские штабы и особенно подразделения связи должны хорошо срабатываться с войсками.

9-й американской армии удалось добиться внезапности, и за первые два дня своего наступления она захватила много плацдармов на реке Рур. 25 февраля сильный удар танковых частей с плацдарма у Линниха привел к тому, что прекратилась всякая связь между 12-м корпусом СС на нашем правом фланге и 81-м корпусом в центре. 12-й корпус СС понес большие потери, а 338-я пехотная дивизия, пытавшаяся закрыть брешь, была

атакована американскими танками и отброшена назад к Рейну. Командование перебросило учебную танковую дивизию из состава 1-й парашютно-десантной армии к городу Мюнхен-Гладбах, где 1 марта она была атакована крупными силами американцев. Вечером того же дня этот город был оставлен, а попытки контратаковать прорвавшихся американцев во фланг не имели успеха и 2 марта прекратились. 3 марта американские танки возобновили дальнейшее наступление и достигли Рейна южнее Дюссельдорфа.

12-й корпус СС был отброшен противником в полосу обороны 1-й парашютно-десантной армии и перешел в ее подчинение. Тем временем в центре и на левом фланге 5-й танковой армии развернулись тяжелые бои. Вначале попытки американцев продвинуться к Кёльну с плацдарма между Дюреном и Юлихом были отбиты, но 1-я американская армия под командованием генерала Ходжеса продолжала оказывать здесь сильное давление. Наши войска были слишком слабы, чтобы выдержать непрекращавшиеся атаки, и прибывшей танковой группе Байерлейна (в составе 9-й и 11-й танковых дивизий и 3-й гренадерской моторизованной дивизии) пришлось лишь прикрывать наш отход. К 1 марта основные силы 81-го армейского и 58-го танкового корпусов были оттеснены на реку Эрфт.

В первые недели марта обстановка на всем рейнском фронте значительно ухудшилась. 4 марта 1-я американская армия форсировала реку Эрфт и стала стремительно продвигаться к Кёльну. Было ясно, что 5-я танковая армия больше уже не в состоянии оказывать серьезное сопротивление западнее Рейна, а дальнейшее пребывание там может повлечь за собой ее уничтожение. Однако 5 марта из ОКВ был получен приказ, который требовал прочно удерживать занимаемые позиции и запрещал всякую переброску тяжелого вооружения или штабов на другой берег реки. Нам не оставалось ничего другого, кроме как ввести в Кёльн 81-й корпус с тем, чтобы он сделал все от него зависящее. Танковая группа Байерлейна была блокирована на небольшом плацдарме у Дормагена, примерно в 20 км севернее Кёльна, и получила разрешение переправиться через реку в ночь с 5 на 6 марта.

Пока в Кёльне шли уличные бои, 58-й корпус тщетно пытался удержать плацдарм южнее города. К 8 марта сопротивление наших войск западнее Рейна было полностью сломлено, и остатки двух корпусов переправились через Рейн. Из-за бессмысленного приказа Гитлера мы потеряли много орудий и танков, и только благодаря инициативе наших командиров удалось спасти

большую группу пехотинцев и некоторое количество тяжелого оружия. Насколько позволяли условия, армия была приведена в порядок и организовала оборону на участке между Дюссельдорфом и рекой Зиг. На наше счастье, в этот период американская авиация не проявляла особой активности.

Тем временем соседние армии также начали отступление. 1-я парашютно-десантная армия была оттеснена к Рейну в район Дуйсбурга, а 15-я армия на нашем левом фланге была вынуждена 9 марта оставить мост у Ремагена. Значение этого факта слишком преувеличивают. Вначале американское командование не предпринимало здесь никаких попыток к развитию успеха, а перебросило на захваченный плацдарм четыре дивизии и приказало на нем закрепиться. Более того, в этот период 9-й американской армии было бы очень легко форсировать Рейн севернее Дюссельдорфа, однако Монтгомери запретил это делать, а Эйзенхауэр поддержал его решение[260]. Безусловно, стратегия союзников в этот период была не на высоте. Их действия были негибкими и сковывались ранее принятыми планами. Вся система обороны на Нижнем Рейне рушилась, но руководители союзных войск не позволили своим подчиненным использовать создавшееся положение для развития успеха. Все должны были ждать, пока Монтгомери не закончит тщательную подготовку к своему наступлению и не будет готов к переправе через реку в соответствии с разработанным планом. Все это дало группе армий «Б» фельдмаршала Моделя некоторую передышку, и агония на Западе затянулась еще на несколько недель.

Иначе обстояло дело в среднем течении Рейна, где благодаря инициативе генералов Брэдли и Паттона союзники быстрее продвигались вперед. Командующий американской группой армий был недоволен строгим контролем Эйзенхауэра и поэтому предоставлял Паттону право действовать самостоятельно.

5 марта 3-я американская армия начала наступление в горах Эйфель и быстро добилась успеха. 7 марта Паттон вышел на Рейн недалеко от Кобленца, а через неделю форсировал Мозель, преодолел горы Хунсрюк и вышел в Пфальц. Его удар совпал по времени с наступлением 7-й американской армии Пэтча против Западного вала между Мозелем и Рейном. Эти две американские армии разгромили нашу 1-ю армию на равнине южнее Майнца; немногие оставшиеся в живых переправились на правый берег Рейна. В ночь с 22 на 23 марта Паттон захватил свой первый плацдарм на правом берегу южнее Майнца.

В этот период 5-я танковая армия готовилась к отражению предстоящего наступления на Рур. Мы предполагали, что противник предпримет двусторонний охват, сочетая

форсирование крупными силами Рейна на участке Дуйсбург-Дюссельдорф с ударом с плацдарма у Ремагена. Наша армия оборонялась на фронте Дюссельдорф (включительно) — Зигбург. На правом фланге находился 12-й корпус СС, в центре — 81-й корпус, а на левом фланге оборонялся 58-й танковый корпус. Все наши соединения понесли большие потери, а 12-й корпус СС оставил на той стороне реки почти все свое тяжелое оружие. Поэтому предпринималось все возможное, чтобы восполнить потери в пехоте. Пополнения поступали из расформированного фольксштурма, зенитных и артиллерийских частей. Нам удалось до некоторой степени восполнить понесенные потери, но солдаты нового набора не хотели служить в пехоте и во всяком случае не имели необходимой для пехоты подготовки. Провал Арденнского наступления и вторжение русских в Восточную Германию отрицательно сказались на моральном состоянии солдат и офицеров, хотя большинство из них продолжали с честью выполнять свой долг и сохраняли высокую дисциплину до последних дней боев.

Генерал фон Мантейфель получил приказ принять командование одной из армий на Восточном фронте, а на его место прибыл генерал-полковник Гарпе. Мы старались сделать все возможное, чтобы наилучшим образом использовать двухнедельный перерыв в боевых действиях. Мы пополнили потери, о чем я уже говорил, а также изъяли все оружие в тыловых службах, штабах и подразделениях зенитной артиллерии. В штабах оставляли только несколько пистолетов. Основное внимание было обращено на укрепление обороны нашего правого фланга, так как, по нашим предположениям, противник собирался форсировать Рейн у Дюссельдорфа. Дивизиям 12-го корпуса СС назначались как можно более узкие полосы, а за этими соединениями мы расположили наш резерв — остатки учебной танковой дивизии. Мы уделяли внимание и нашему левому флангу — были все основания ждать здесь удара противника с ремагенского плацдарма. Резерв на этом фланге должна была составить 3-я гренадерская моторизованная дивизия, 15 марта она была выведена из нашего подчинения. При организации обороны нам пришлось отказаться от ее эшелонирования, с тем чтобы разместить все наличные средства на берегу Рейна. Каждый из нас понимал, что на этом водном рубеже нам предоставляется последняя возможность оказать эффективное сопротивление. Основу нашей обороны составляли зенитные орудия малого и среднего калибров, переброшенные из Рура и используемые для стрельбы по наземным целям. Расчеты этих орудий были укомплектованы смелыми артиллеристами.

Боеприпасов к ним было вполне достаточно, и в нашей системе огня им отводилась основная роль.

Вторая полоса обороны была создана вдоль автострады Дюссельдорф-Кёльн. Для выяснения намерений противника за Рейном действовали разведывательные дозоры, и нам удалось установить, что американцы перебрасывают свои войска из района Кёльна к Бонну и ремагенскому плацдарму. Все попытки 15-й армии уничтожить этот плацдарм оказались безрезультатными, американцы непрерывно его расширяли. Сосредоточение крупных сил противника было также отмечено в районе Дюссельдорфа. За период с 8 по 23 марта мы были вынуждены отдать четыре дивизии и боевую группу учебной танковой дивизии, в результате чего фронт обороны каждой дивизии сильно растянулся. Фактически мы передали 15-й армии все наши подвижные части, так как они были нужны в районе ремагенского плацдарма. На фронте было спокойно, если не считать небольшой артиллерийской перестрелки.

Я горжусь усилиями 5-й танковой армии, предпринятыми в этот тяжелый для нас период. Несмотря на катастрофу на Восточном фронте, безнадежность стратегической обстановки, нарушение нормальной работы транспорта и перебои в снабжении, многие командиры и штабы продолжали выполнять свои обязанности со спокойствием и эффективностью, которыми отличался вермахт в свои лучшие времена. Мы были глубоко уверены, что сумеем удержать свой фронт, но обстановка на флангах вызывала серьезные опасения: для их обеспечения у 5-й танковой армии, почти не имевшей танков, фактически не было никаких резервов.

10 марта фельдмаршал Кессельринг сменил фельдмаршала фон Рундштедта на посту главнокомандующего немецкими войсками на Западе. Прибыв в свой штаб, он приветствовал собравшихся словами: «Ну-с, господа, перед вами Фау-3».

Рурский котел

Вечером 23 марта на позиции 1-й парашютно-десантной армии обрушился шквал артиллерийского огня и град авиабомб, 2-я английская армия форсировала Рейн у Везеля, а 9-я американская армия — между Везелем и Дуйсбургом. За исключением разрушений от огня своей собственной артиллерии, ничто не могло помешать их продвижению.

На фронте 5-й танковой армии противник не вел наступательных действий, но 23 марта 1-я американская армия генерала Ходжеса перешла в наступление с ремагенского

плацдарма и вышла на реку Зиг по обе стороны Зигбурга. 24 марта американцы прекратили свое продвижение на север, а повернули на восток к Альтенкирхену. Мы получили приказ отправить один пехотный полк из состава 12-й фольксгренадерской дивизии для оказания помощи 15-й армии, но это не помогло: 1-я американская армия, наступавшая превосходящими силами, неуклонно продвигалась на восток. Между тем правее частей Ходжеса вперед вырвалась 3-я армия Паттона. Эйзенхауэр полностью отдавал себе отчет в значении этого района, и поэтому 28 марта 1-я американская армия повернула на северо-восток к Касселю и Падернборну с тем, чтобы отрезать Рур от Центральной Германии. В тот же день танки Монтгомери вышли на Вестфальскую низменность.

До сих пор противник не предпринимал никаких действий между Дуйсбургом и рекой Зиг — видимо, он был заинтересован в том, чтобы 5-я танковая армия и левый фланг 1-й парашютно-десантной армии оставались в этом районе. Поэтому мы предложили фельдмаршалу Моделю оставить на Рейне только небольшие отряды прикрытия, а основные силы вывести и попытаться восстановить положение в долине реки Зиг. Модель дал свое согласие на выделение из состава 5-й танковой армии подкреплений для 53-го корпуса, находившегося в то время на южном берегу реки Зиг в районе Эйторфа. Одновременно Модель приказал нам сменить части 1-й парашютно-десантной армии южнее Дуйсбурга. Но эти меры оказались бесполезными. Благодаря смелому и уверенному руководству бронетанковым дивизиям 1-й американской армии удалось за один день покрыть расстояние около 90 км и 1 апреля овладеть Падернборном. В тот же день части 1-й и 9-й американских армий соединились и замкнули кольцо окружения вокруг Рура. Свыше 300 тыс. человек, составляющих большую часть сил группы армий «Б», оказались в котле.

Мы обратили внимание Моделя на то, что наших запасов хватит не больше чем на три недели, и предложили предпринять попытку прорваться всеми силами на юго-восток. Однако фельдмаршал был связан в своих действиях приказами Гитлера, которые требовали рассматривать Рур как «крепость». В первую неделю апреля мы провели перегруппировку своих войск. Теперь 12-й корпус СС вместе с 3-й парашютной дивизией и полицейскими и охранными батальонами удерживал берег Рейна от Дуйсбурга до Зигбурга, а 58-й танковый корпус совместно с остатками семи дивизий оборонял рубеж реки Зиг. На Рейне все было спокойно, но зато американцы предпринимали неоднократные попытки закрепиться на северном берегу реки

Зиг. 3 апреля они захватили плацдарм у Бетцдорфа, но около Зигена 12-я фольксгренадерская дивизия отбросила их назад за реку, захватив при этом несколько сот пленных.

Большая часть войск группы армий «Б» была теперь окружена между реками Рур и Зиг. Трудно было представить себе более удручающую обстановку. Туман стелился над замерзшей землей, а мрачные развалины городов Рура составляли подходящие декорации последнего действия этой трагедии. Огромные горы угля и шлака, разбитые здания, вывороченные железнодорожные рельсы, разрушенные мосты — все это создавало зловещую картину. Мне приходилось не раз видеть поля сражений, но ни одно из них не выглядело так страшно, как огромный промышленный район Рура в последние дни существования группы армий «Б».

В 5.00 6 апреля 18-й американский воздушно-десантный корпус начал свое наступление на реке Зиг. Американцы натолкнулись на упорное сопротивление, и в результате боев были задержаны в нескольких километрах севернее реки. Вновь прекрасно проявила себя в боях 12-я фольксгренадерская дивизия. Однако на восточном фланге 3-й американский корпус, наступавший против изнуренных частей 15-й армии, быстро продвинулся вперед, и вскоре мы потеряли связь с нашим левым соседом. В результате ожесточенных боев в северной части котла 10 апреля пал Дуйсбург.

Днем 9 апреля американцы вошли в Зигбург, а 11 апреля 13-я американская бронетанковая дивизия уже начала наступление из города в северном направлении. 3-я парашютная дивизия героически сражалась, а установленные на позициях восточнее Кёльна зенитные орудия уничтожили около 30 американских танков[261]. К вечеру 11 апреля американцы достигли окраины Берг-Гладбаха. 13 апреля сопротивление в северо-восточной части котла прекратилось, и остатки 183-й пехотной дивизии были окружены в Гуммерсбахе. Ударом 3-го американского корпуса на Хаген через Люденшейд весь котел 14 апреля был разрезан на две части; 5-я танковая армия и 63-й корпус оказались изолированными в его западной половине. Теперь об организованном сопротивлении не могло быть и речи — мы были в состоянии держаться лишь в отдельных опорных пунктах.

В последние дни борьбы мне неоднократно случалось вести частные беседы с фельдмаршалом Моделем, который обладал сильным характером и не был чужд иронии. Он славился сверхъестественной способностью восстанавливать фронт в самом, казалось бы, безнадежном положении. Так, например, он сколотил фронт наших войск на Востоке после страшного

поражения в июне-июле 1944 года, а затем то же самое сделал на Западе после боев в Нормандии. В апреле он неоднократно бывал в нашем штабе, и у меня создалось впечатление, что он борется сам с собой, стремясь найти решение какого-то внутреннего конфликта. Как и перед всеми высшими офицерами, перед ним стояла неразрешимая дилемма: с одной стороны, будучи высоко квалифицированным специалистом, он не мог не понимать безнадежности дальнейшего сопротивления, а с другой стороны, он был связан со своими начальниками и подчиненными долгом и честью. Немецкий солдат выполняет свой долг до самого конца с присущей ему беспримерной дисциплинированностью. В этот период я много раз бывал в частях и никогда не видел чего-либо похожего на разложение или недовольство, хотя даже самый покорный солдат не мог не понимать, что через несколько дней все будет кончено.

Модель никогда не нарушал строгих требований военной дисциплины, но, будучи верным слугой своей страны, он старался несколько обезвредить бессмысленные директивы, поступающие сверху, и стремился свести до минимума излишние разрушения. Гитлер требовал создания «зоны пустыни» и хотел, чтобы мы разрушили все заводы и рудники Рура, но Модель ограничился только теми разрушениями, которые были необходимы с военной точки зрения. Фельдмаршал был полон решимости сохранить промышленный центр Германии. Теперь он уже больше не вел упорных боев за каждое здание и не обращал внимания на приказы, отдаваемые фюрером в последнем припадке безумной жажды разрушения.

Модель задумывался над тем, не следует ли ему проявить инициативу, начав переговоры с противником, и откровенно спросил мое мнение. Исходя из соображений военного порядка, мы оба отклонили эту мысль. Фактически фельдмаршал Модель знал общую обстановку не лучше, чем любой командир роты в его группе армий. Его неосведомленность объяснялась требованиями «Директивы фюрера № 1» от 13 января 1940 года, в которой указывалось, что «ни один командир или начальник не должен знать больше того, что абсолютно необходимо для выполнения поставленной перед ним задачи». Модель не знал, идут ли политические переговоры, и очень беспокоился о том, чтобы наши западные армии продолжали до конца оказывать сопротивление для обеспечения тыла нашим товарищам на Востоке, которые вели отчаянную борьбу, прикрывая бегство миллионов немецких женщин и детей от русских войск.

Вечером 15 апреля был отдан приказ о создании небольших групп под командованием специально выделенных офицеров,

которые должны были попытаться пробиться на восток. Солдаты, не имеющие ни оружия, ни боеприпасов, были оставлены на произвол судьбы. 17 апреля командование группы армий «Б» объявило об увольнении из вооруженных сил самых младших и старших возрастов и о прекращении сопротивления. 18 апреля фельдмаршал Модель покончил жизнь самоубийством.

В итоге в Рурском котле было захвачено все, что оставалось от двадцати одной дивизии. Американцы взяли в плен 317 тыс. человек, в том числе двадцать четыре генерала и одного адмирала. Эта была самая крупная капитуляция за всю историю.

Лично я не испытывал никакого желания оставаться в котле и решил попытаться избежать общей участи. Вместе с небольшой группой офицеров я пошел на восток. Мы прошли свыше 250 миль, днем прячась, а ночью пробираясь дальше. Но наша надежда добраться до восточных армий оказалась тщетной. 3 мая мы были взяты в плен американцами у Хекстер Везеля.

Мне не хочется вспоминать обстоятельства этого чрезвычайно прискорбного случая в моей жизни. Все, за что я боролся и воевал, превращалось в прах. В то время будущее представлялось мне совершенно безнадежным и мрачным, но теперь я отдаю должное справедливости замечания Эрцбергера[262], сделанного им Фошу в железнодорожном вагоне в Компьенском лесу: «Семидесятимиллионный народ страдает, но не умирает».

Глава XXIII
Оглядываясь назад

Офицеры германского генерального штаба не освобождались из заключения свыше двух с половиной лет, но этот период пребывания за колючей проволокой не был для нас потерянным временем. В лагере для военнопленных я встречал таких людей, как заместитель Кейтеля генерал Варлимонт, граф Шверин, министр финансов, Баке, государственный секретарь по вопросам продовольствия, а также руководителей тяжелой промышленности, высших офицеров морского флота и авиации. Я не раз подолгу беседовал с нашей известной летчицей-планеристкой Ганной Рейш, которая на самолете «Шторх» доставила в Берлин генерала Риттера фон Грейма, когда большая часть города находилась уже в руках русских. Она рассказала о последних днях Гитлера в бомбоубежище имперской канцелярии. Мне приходилось также разговаривать с личным консультантом Гитлера профессором медицины фон Хассельбахом, и я много узнал о личной жизни фюрера. После таких бесед я немедленно делал заметки о самых интересных фактах.

Только когда мы оказались в лагере, мы узнали о страшных преступлениях нашего верховного руководителя, которые потрясли нас до глубины души. В лагере я узнал правду и о трагической гибели Роммеля.

Благодаря многим беседам с людьми, составлявшими непосредственное окружение Гитлера, и теми, кто занимал ответственные военные должности и руководящие посты в промышленности, я смог составить ясное представление об общем ходе борьбы. После нашего освобождения мои выводы получили дальнейшее развитие и обобщение после изучения различных английских и американских источников.

В лагере мы неоднократно возвращались к одному и тому же вопросу о причине поражения Германии, причем многими высказывалось мнение, что мы проиграли войну из-за измены в руководящих кругах. Я считаю, что нужно самым внимательным образом разобраться в этом вопросе во имя наших погибших товарищей по оружию и тех, кто до самого конца был верен своему долгу. Мы должны решить, была ли у Германии когда-либо реальная возможность на победу и действительно ли измена помешала нам добиться этой победы.

На такой вопрос можно ответить, лишь принимая во внимание личные качества и характер Адольфа Гитлера. Будучи

неограниченным правителем государства, он нес основную ответственность за все решения, а как военный руководитель оказывал самое непосредственное влияние на ход боевых действий, вплоть до того, что сам лично давал указания о расположении дивизий, полков и даже батальонов.

Прославление непогрешимого гения Гитлера, чьи грандиозные замыслы были якобы разрушены в результате предательства, так же безответственно и несерьезно, как и объявление его величайшим преступником всех времен.

Гитлер, бесспорно, обладал большим умом и замечательной памятью. Он обладал также огромной силой воли и был совершенно безжалостен. Это был выдающийся оратор, способный оказывать гипнотическое влияние на тех, кто принадлежал к его ближайшему окружению. В политике и дипломатии он проявлял удивительную способность чувствовать слабые стороны своих противников и полностью использовать их промахи. Вначале это был здоровый человек, вегетарианец, который никогда не курил и не пил, но затем — главным образом в последние годы войны — он подорвал свое здоровье употреблением снотворных и возбуждающих средств. Однако несмотря на то что здоровье его расшаталось, он сохранял поразительную живость ума и энергию до самого конца[263].

В задачу данной книги не входит рассмотрение политических успехов Гитлера в довоенный период. Его успех стал возможен в силу ошибочной политики союзников после Первой мировой войны. Они совершали самые различные ошибки, начиная с Версальского договора и оккупации Рура и кончая непонятной уступчивостью и недостаточной проницательностью в период Мюнхена. Потрясающие политические победы вскружили ему голову. Он никогда не вспоминал слова Бисмарка: «История учит, что, если соблюдать осторожность, можно достигнуть очень многого».

В 1939 году Гитлер решился на войну с Польшей, так как был уверен, что военные действия не выйдут за рамки местного конфликта. Гарантия, предоставленная Великобританией Польше, была недооценена; по правде говоря, ее никогда не принимали всерьез. Вот как описывает доктор Пауль Шмидт реакцию Гитлера на объявление Великобританией войны: «В первую минуту Гитлер был ошеломлен и совершенно растерялся. Затем он обратился к Риббентропу с вопросом: „Что же теперь делать?“» С нашим единственным союзником никаких серьезных переговоров до объявления войны не велось. Доктор Шмидт приводит письмо Муссолини Гитлеру, датированное 25 августа 1939 года, в котором дуче указывает, что Италия к войне не готова; в

частности, итальянские военно-воздушные силы располагали запасом горючего только на три месяца.

Гитлер был ослеплен своими прежними успехами и введен в заблуждение той неверной картиной международной обстановки, которая была представлена ему его дипломатами-дилетантами. Состояние германской армии, флота и экономики свидетельствовали о том, что Германия была еще далеко не готова к тотальной войне[264]. Если германская сухопутная армия могла справиться со своими задачами в 1939 и 1940 годах, то состояние военно-воздушного флота никак нельзя было назвать удовлетворительным. Правда, в 1939 году мы имели необходимое число самолетов первой линии, но зато резервов никаких не было, и даже в снабжении запасными частями испытывались затруднения. Эти недостатки не были заметны, пока перед германской авиацией ставились ограниченные задачи. Впервые мы увидели опасность после битвы за Англию, когда нашей авиации пришлось вести войну на два фронта.

В конце 1939 года политическое положение Германии было очень прочным. Военный союз с Италией и договор о ненападении с Россией обеспечили наш фланг и тыл. Но Франция и Англия могли рассчитывать в войне на помощь Соединенных Штатов; кроме того, подавляющее большинство государств все менее охотно удовлетворяли требования Гитлера. Экономическое положение Германии явно ухудшилось.

1940 год явился годом сенсационных военных успехов, но не принес с собой улучшения в политическом положении страны. Трехсторонний пакт Германии, Италии и Японии лишь создавал иллюзию широкого мирового союза, а практическая помощь от этих двух союзников была сравнительно небольшой. Вступление в войну Италии явилось для нас несчастьем. Правда, в стратегическом отношении это создавало определенные трудности для Англии, но зато Италия выдвигала перед Германией так много экономических требований, что мы были не в состоянии их удовлетворить. Россия, не являвшаяся членом тройственного союза, значительно усилилась после присоединения территории Восточной Польши, Бессарабии, Буковины и Прибалтийских государств, и так называемая сфера влияния России опасно расширилась. Предложение Гитлера о начале мирных переговоров с Англией в июле 1940 года было отвергнуто: его обещаниям и гарантиям уже никто на Западе не верил. Наоборот, воля Великобритании к сопротивлению неизмеримо возросла после победы в битве за Англию и провала нашей попытки организовать вторжение в эту страну. Помощь Америки уже начала серьезно сказываться на ходе войны в Европе

и говорила о том, что американцы примут в этой войне участие с оружием в руках.

С чисто военной точки зрения 1940 год был для Германии годом триумфальных побед. Оккупировав Данию и Норвегию, мы предотвратили подобные же действия Великобритании и прочно обеспечили свой северный фланг. Помимо этого, германская промышленность могла теперь получить железную руду и никель, в чем мы остро нуждались. Война во Франции явилась новым сенсационным успехом, который вскружил голову нашему верховному командованию. 24 мая Гитлер, вмешавшись в распоряжения Браухича, остановил немецкие танки перед Дюнкерком, что позволило союзникам эвакуировать 215 тыс. английских и 120 тыс. французских солдат с материка. Честер Уилмот прав, говоря: «Поражение Германии началось с Дюнкерка».

Вторжение в Англию было назначено, подготовлено, отложено, вновь назначено и, наконец, совсем отменено. Причинами отказа от операции «Морской лев» явилось абсолютное превосходство английского морского флота и битва за Англию, в ходе которой с 10 июля по 31 октября 1940 года немецкая авиация потеряла 1733 самолета. Германским военно-воздушным силам так никогда и не удалось восполнить эти огромные потери. Вызывало беспокойство то обстоятельство, что наше поражение во многом объяснялось превосходством английской радиолокационной техники; надо сказать, что нам не удалось догнать англичан в этой области. Той же причиной объясняется и наша неудача в подводной войне в 1943 году.

Даже после 1940 года еще можно было бы прекратить войну, если бы Гитлер пошел на некоторые жертвы и проявил действительное стремление к миру. Однако вместо этого был разработан план «Барбаросса» и началась подготовка к войне с Россией. Сейчас не имеет никакого смысла гадать, как развивались бы события и что произошло, если бы вместо вторжения в Россию мы сосредоточили все наши усилия на районе Средиземного моря, то есть на Мальте и Африке. «Континентальные воззрения» Гитлера делали такое решение невозможным. Политические позиции Германии в 1941 году серьезно ухудшились. Когда Россия и Югославия заключили договор о дружбе — договор, идущий вразрез с интересами Германии, — стало совершенно ясно, что советско-германская политика сближения была лишена какой-либо прочной основы. Испания отказалась выступить на стороне Германии, и планируемое нападение на Гибралтар пришлось отменить. Опубликование Атлантической хартии явилось наглядным

доказательством тесного сотрудничества между США и Великобританией. Когда начались военные действия между Японией и Америкой, война приобрела мировой характер и исчезла всякая надежда на локализацию конфликта в Европе.

Несмотря на то что 1941 год принес германским вооруженным силам тактические успехи, стратегическая обстановка серьезно осложнилась. Среди наших военных успехов следует указать на победу Роммеля в Африке и быстрое разрешение балканской проблемы победой над Югославией и Грецией. Захват немецкими войсками Крита привел к самому сильному ослаблению позиций Великобритании в бассейне Средиземного моря с 1797 года. Действия наших подводных лодок против караванов судов, направлявшихся к Британским островам, стали приносить свои плоды.

По данным официальных английских источников[265], военными кораблями и авиацией стран оси было потоплено:

1939 г. — 222 корабля общим тоннажем 775 397 т

1940 г. — 1059 кораблей общим тоннажем 3 991 641 т

1941 г. — 1299 кораблей общим тоннажем 4 328 558 т

Совместные действия подводного флота и авиации давали Германии реальную возможность «удушить» Великобританию, но у Гитлера не хватало терпения для такой формы войны. 22 июня 1941 года его армии вступили в Россию, и с этого дня характер борьбы коренным образом изменился: началась война на два фронта. Мы взяли на себя непосильную задачу.

Правда, вначале эти гигантские операции, хорошо подготовленные и блестяще осуществляемые, развивались в соответствии с планом, и русским было нанесено жестокое поражение на всем фронте от Балтики до Черного моря. Войска Красной армии, понесшие тяжелые потери в первых боях, были не в состоянии удержать всех жизненно важных пунктов на растянутом фронте. Однако в районе Москвы русские сосредоточили крупные силы для защиты этого политического, промышленного и военного центра Советского государства. Большинство военных руководителей придерживалось того мнения, что необходимо нанести удар на Москву и уничтожить русские армии в этом районе, пока они еще не организовали там прочной обороны. И вновь в решающий момент, как и под Дюнкерком, вмешался Гитлер и потребовал сперва провести операцию в районе Киева и уничтожить фронт маршала Буденного[266]. Приказ был выполнен, но удар на Москву был задержан на несколько недель. Когда, наконец, мы возобновили наступление на столицу, было уже слишком поздно. Осенняя распутица и очень ранняя зима оказались щитом для

потрепанных в боях армий Жукова и остановили наше продвижение, когда вдали уже виднелись башни Кремля. Лишенные всего необходимого для ведения боевых действий в зимних условиях, немецкие войска несли огромные и невосполнимые потери.

В ходе войны наступил перелом, и с этого момента победа была для нас уже недосягаема. За трагедией немецкого наступления на Москву последовало событие несколько другого характера, однако не менее важное по своим последствиям. Главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Браухич был отстранен от своей должности, и у руководства армией стал Гитлер. С этого момента командующие армиями и группами армий больше не располагали общими директивами, а получали приказы, в которых Гитлер доходил до мелочной опеки.

К концу 1941 года военная экономика Германии оказалась в очень тяжелом положении. Мы не располагали достаточным количеством горючего, необходимым для ведения военных действий мирового масштаба. Кампания на Востоке требовала огромного числа автомашин, танков, противотанковых орудий и запасных частей. Кроме того, поставки по ленд-лизу серьезно сказывались на ходе войны: из неисчерпаемых ресурсов Британской империи и Соединенных Штатов в Россию поступало вооружение и снаряжение.

В конце 1941 года Германия уже не могла выиграть войну, но умелой дипломатией и мудрой стратегией можно еще было добиться «ничьей». Война вступала в 1942 год, время методов молниеносной войны безвозвратно прошло. К концу года инициатива находилась в руках противника, и Германия была вынуждена перейти к оборонительным действиям.

Поражения на фронтах серьезно подорвали наши внешнеполитические позиции, и даже крупные военные успехи не могли теперь изменить судьбу Германии. Наступление Роммеля в Африке было остановлено у Эль-Аламейна. В результате высадки союзников в Алжире и Марокко у немцев была вырвана инициатива, которая теперь перешла в руки союзников. К маю 1943 г. в Северной Африке все было кончено.

В России наступление немецких войск летом 1942 года могло бы привести к важным результатам, если бы Гитлер не распылил своих усилий между двумя главными целями: Сталинградом и Кавказом. В результате его армии достигли Кавказа, но не захватили нефтяных промыслов, вышли на Волгу к Сталинграду, но не овладели городом. В итоге русские армии не только не были разбиты, но даже сумели осуществить контрнаступление с невиданным превосходством в живой силе и технике.

В начале 1943 года сталинградская трагедия закончилась — 6-я армия была уничтожена. Летнее наступление на Курск провалилось, а союзники высадились в Сицилии. Контрнаступление русских отбросило наши армии на юге за Днепр. В ожесточенных оборонительных боях таяла сила немецких войск. В Касабланке союзники сформулировали свои требования безоговорочной капитуляции. Дипломатия была мертва, верх взяла грубая сила.

1944 год еще больше ухудшил положение Германии и принес новые успехи союзникам на всех фронтах.

Судьба Германии была решена успешной высадкой союзников в июне в Нормандии. Немецкие войска на Востоке откатывались на запад. Война повсюду уже перешла границы Германии, и только осторожная стратегия Эйзенхауэра и политическое честолюбие Сталина задержали развязку до мая 1945 года. В 1944 и 1945 годах Германия не имела уже ни малейшей возможности победоносно закончить войну.

Метод руководства Гитлера, заключавшийся в том, что он лично отдавал всем и вся приказы и распоряжения, ускорил поражение Германии. Приказы «драться за каждую пядь земли» приводили к катастрофическим результатам. Не говоря уже о стратегии, его методы руководства сказывались на всей военной машине. В демократических государствах отдельные элементы вооруженных сил и многочисленные отрасли военной экономики и промышленности действовали весьма согласованно, а в Германии существовало непонятное разделение на самостоятельные ведомства. Армия, флот, ВВС, войска СС, организация Тодта, национал-социалистская партия, комиссариаты, многочисленные отрасли экономики — все действовали независимо друг от друга, но получали приказы непосредственно от Гитлера.

И внутри страны, и на фронте все эти элементы перестали объединять свои усилия, начали действовать на свой страх и риск, не зная потребностей друг друга. Объяснение этому странному и пагубному явлению следует, несомненно, искать в жажде Гитлером власти и его недоверию к любой самостоятельной силе. Старый принцип «разделяй и властвуй» доводился до логического абсурда. Войска СС были специально созданы в противовес армии, чтобы армия не зазнавалась.

Безусловно, Германия не обладала достаточными людскими резервами для ведения мировой войны, а численный состав армии, начиная с зимы 1941 года, стал сокращаться. Пополнения не могли возместить потери.

Приведенные ниже данные показывают понесенные потери и

полученные пополнения на Восточном фронте с декабря 1941 по сентябрь 1942 года.

Группы армий	Потери	Пополнения
«Юг»	547 300	415 100
«Центр»	765 000	481 400
«Север»	375 800	272 800
	1 688 100	1 169 300

Эти пополнения только на 69 % возместили требуемое количество войск. На следующий год с пополнением армии дело обстояло еще хуже. В период с июля по октябрь 1943 года соотношение потерь и полученных пополнений было следующим:

Месяц	Потери	Пополнения
Июль	197 000	90 000
Август	225 000	77 000
Сентябрь	232 000	112 000
	654 000	279 000

Полученные за эти месяцы пополнения лишь на 43 % покрыли понесенные потери. В июне 1941 года наши армии на Востоке насчитывали около 3 млн человек, а к концу войны эта цифра сократилась до 1,5 млн человек.

Германская военная промышленность не несет ответственности за наше поражение. Несмотря на налеты вражеской авиации, которые с 1942 года приняли массовый характер, наша военная промышленность вплоть до осени 1944 года неуклонно увеличивала выпуск своей продукции. Однако в нашем планировании было слишком много экспериментов и не было достаточной ясности. Даже там, где немецкая наука добивалась серьезных успехов, как, например, в создании быстроходных подводных лодок и реактивных самолетов, и ясно указывала нам путь, по которому нужно идти, это преимущество терялось из-за отсутствия согласованности в работе ведомств и тупости наших руководителей.

На Нюрнбергском процессе Шпееру, министру вооружения и боеприпасов, был задан вопрос: когда он пришел к выводу о том, что война проиграна? Он ответил[267]:

«Если подходить к вопросу с точки зрения обеспечения вооружением и боеприпасами, то не раньше осени 1944 года, так как мне удавалось до этого времени, несмотря на бомбардировки авиации, обеспечивать постоянное увеличение продукции. Если это перевести на язык цифр, то можно сказать, что наша продукция смогла бы обеспечить в 1944 году полное перевооружение 130 пехотных и 40 танковых дивизий, а для этого требовалось обеспечить новым вооружением два миллиона человек. Наша продукция была бы увеличена еще на 30 %, если

бы мы не страдали от налетов авиации. Наша промышленность достигла максимального за все время войны выпуска боеприпасов в августе, самолетов — в сентябре, артиллерийских орудий и новых подводных лодок — в декабре 1944 года. Через несколько месяцев, возможно, в феврале или марте 1945 года, у нас должны были появиться новые виды оружия. Я могу лишь сказать о реактивных самолетах, о которых уже упоминалось в печати, новых подводных лодках, новых зенитных установках и т. д. Массовое производство этих видов оружия, которые могли бы изменить обстановку на последнем этапе войны, также настолько замедлилось из-за бомбардировок с воздуха, что они не могли применяться в больших количествах для борьбы с противником. С 12 мая 1944 года все это было уже бесполезно, так как наши заводы синтетического горючего уже являлись объектами массированных ударов с воздуха.

Это была катастрофа — теперь мы лишились 90 % нашего горючего и тем самым проиграли войну с точки зрения промышленного ее обеспечения: наши новые танки и реактивные самолеты были бесполезны без горючего»[268].

Большой интерес представляет еще одно показание Шпеера.

«Вопрос: Господин Шпеер, как могло случиться, что вы и другие подчиненные Гитлера, несмотря на вашу оценку обстановки, все еще пытались сделать все возможное для продолжения войны?

Шпеер: В этот период войны Гитлер вводил нас всех в заблуждение. С лета 1944 года он распространял слухи через посла Хевеля о том, что с иностранными державами начаты переговоры. Генерал-полковник Йодль подтвердил мне это здесь на процессе. Так, например, несколько посещений Гитлера японским послом были представлены как свидетельство того, что через Японию мы вели переговоры с Москвой. Кроме того, говорили, что министр Нейбахер, выступавший здесь в качестве свидетеля, начал переговоры на Балканах с Соединенными Штатами; передавали также, что бывший советский посол в Берлине якобы находился в Стокгольме с целью ведения переговоров».

Постоянный рост военного производства вплоть до осени 1944 года является поистине удивительным. Однако этого было недостаточно для удовлетворения потребностей фронта, и каждый фронтовик может подтвердить этот печальный факт. Ожесточенные бои в России и в Нормандии, а также катастрофические отступления летом 1944 года привели к таким потерям, которые не мог восполнить наш тыл. По мнению Шпеера, развязка наступила после того, как прекратилось

снабжение горючим и были разрушены наши коммуникации в результате опустошительных налетов англо-американцев. Хотя в Германии было вооружение и боеприпасы, они, по крайней мере в достаточном количестве, не могли больше доставляться на фронт.

С другой стороны, союзники имели все необходимое, а ресурсы, которыми располагало союзное командование в Соединенных Штатах и в Британской империи, были настолько велики, что оказалось возможным передать России огромное количество военных материалов. Не следует забывать, что сама Россия превосходила западных союзников в производстве артиллерийских орудий и танков.

Подавляющее экономическое превосходство противника и наша неспособность отразить его воздушные налеты ясно показывали, что у нас нет никаких шансов на победоносное завершение войны. Я не обвиняю промышленность Германии. Ее достижения были огромны, но все же она не могла соперничать с производственной мощью Соединенных Штатов, Британской империи и Советского Союза. Война одновременно с тремя этими державами была для Германии безумием и могла иметь только один исход.

Утверждение, что войну можно было бы выиграть, если бы не было предательства и саботажа, опровергается приведенными выше фактами. Даже если допустить, что саботаж действительно имел место, то и тогда мы должны будем признать, что он мог ускорить проигрыш войны, но не был основной причиной нашего поражения. Утверждают, что саботажники, принадлежавшие к оппозиции, делали все от них зависящее, чтобы ускорить разгром Германии. Заявляют, что они мешали производству вооружения и боеприпасов и отдавали вредительские распоряжения, поддерживали связь с противником, всячески тормозили отправку на фронт пополнений. Но вся литература о движении Сопротивления, включая произведения враждебно настроенных писателей, не содержит ни одного доказательства, что на фронте когда-либо проводился саботаж. Отдельные случаи имели место незадолго до начала войны, в начале кампании во Франции и в последние месяцы войны, когда члены движения Сопротивления устанавливали политические контакты с противником. Это все.

Вот что говорит по этому поводу генерал Гальдер:

«Мой главнокомандующий и я выступали против Гитлера всякий раз, когда нужно было помешать ему принять решение, которое, по нашему мнению, было невыгодно для Германии и армии. Но все, в чем нуждались войска для выполнения их трудных и тяжелых задач, всегда отправлялось на фронт. В борьбе с Гитлером мы никогда не шли на действия, которые могли бы

причинить какой-либо вред нашим войскам на фронте»[269].

Говорили, что за последние месяцы войны подкрепления не прибывали, что положенное для пехоты снаряжение отправлялось в танковые дивизии, а пехота получала горючее, предназначенное танковым частям. Любому, кто находился в это время на фронте, станут понятны причины такого положения. В последние месяцы войны наши коммуникации были нарушены настолько, что фактически было невозможно обеспечить доставку пополнений к месту назначения. Командиры боевых групп забирали в свои руки все то, что следовало через районы расположения их войск. Мы хорошо знали, что пополнения, боевая техника и горючее, предназначенные для фронта, задерживались также и гаулейтерами, которые все это использовали для своих собственных частей фольксштурма.

Остается выяснить наше отношение к событиям 20 июня 1944 года — покушению на Гитлера. Лично я узнал об этом из сообщения, переданного по радио; в то время мы вели тяжелые оборонительные бои в районе Львова. Мы все были буквально ошеломлены, когда узнали, что немецкий офицер оказался способен совершить покушение и, главное, в такой момент, когда солдаты на Восточном фронте вели смертельную борьбу, стремясь остановить наступление русских войск. Мы хорошо знали о злоупотреблениях, совершаемых руководителями «коричневых рубашек», особенно «рейхскомиссарами», а также о высокомерном поведении этих людей и о преступлениях начальников особых отрядов (эйнзацгруппе) СС, хотя вблизи фронта мы редко чувствовали присутствие этих подозрительных личностей[270]. Партийные деятели не пользовались большой популярностью на фронте. В периоды затишья многие выражали свое недовольство поведением этих «господ», и все говорили, что в этом надо разобраться сразу же после окончания войны. Тем не менее солдаты-фронтовики — а мы, офицеры генерального штаба в войсках, гордимся, что относимся к ним, — были возмущены, услышав о покушении; солдат на фронте выполнял свой долг до самого конца. Только во время заключения в лагере мы узнали более подробно о том, что послужило причиной покушения на Гитлера. Я должен признать, что люди, виновные в этом, руководствовались высокими идеалами и глубоким сознанием своей ответственности за судьбу нашей страны. Полковник граф Штауфенберг и его единомышленники из ОКХ сознавали, что гитлеровский режим приведет Германию к катастрофе. Они глубоко верили, что устранение Гитлера избавит Германию от дальнейшего кровопролития. Но если бы покушение на Гитлера удалось, это привело бы к кровавой внутренней распре с

войсками СС. Во внешней политике это также не привело бы к каким-либо успехам. Противник решил проводить политику «безоговорочной капитуляции» вне зависимости от того, будет или не будет в Германии национал-социалистского правительства. Такой политикой Рузвельт только усиливал волю к сопротивлению каждого немца и тем самым совершал ту же ошибку, что и немецкие политические руководители в России, не видевшие разницы между коммунистами и русским народом. Если бы покушение на Гитлера удалось, все немцы возложили бы ответственность за катастрофу на наш офицерский корпус и в особенности на германский генеральный штаб.

Во всяком случае, нам не следует забывать, что война была проиграна не участниками заговора 20 июля 1944 года.

Иллюстрации

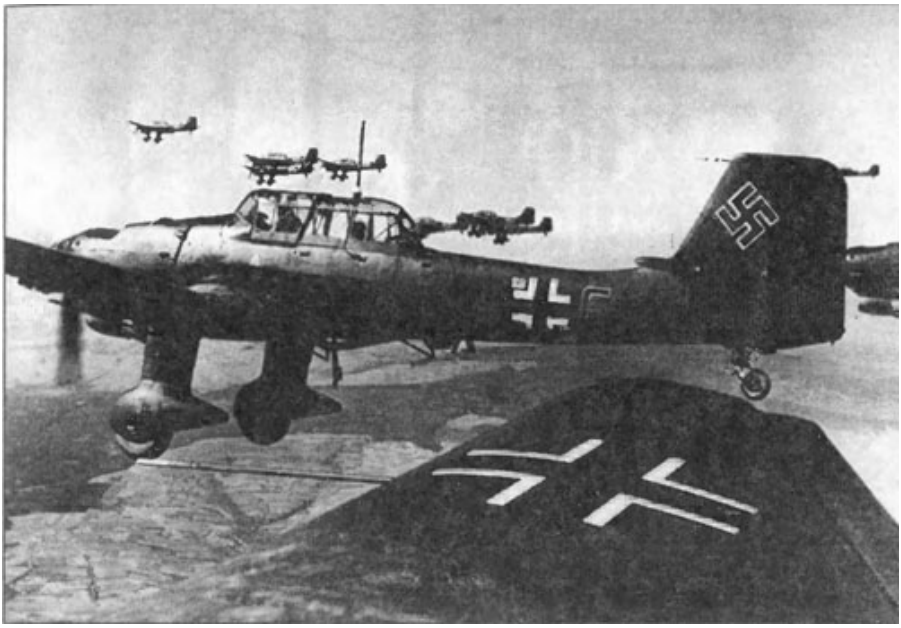
Вид еще не разрушенного польского города из кабины немецкого бомбардировщика «Хе-111». Осень 1939 г.

Польские пехотинцы на привале. Сентябрь 1939 г.

Два танка дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» форсируют реку Бзуру. Битва на Бзуре была крупнейшей во всей польской кампании и длилась больше недели.

Ее исход решил судьбу западной части Польши. Сентябрь 1939 г.

Немецкие танки в занятом польском городке. Сентябрь 1939 г.



Группа немецких штурмовиков «Ю-87» («Штука») над Францией. 29 мая 1940 г.

Немецкая мотопехота около Ченстоховы. Сентябрь 1939 г.

Французские артиллеристы заряжают свое тяжелое орудие. Франция, 29 мая 1940 г.

Французские танки продвигаются на передовую через разрушенный бомбардировками город. 25 мая 1940 г.

Солдаты немецкой танковой дивизии СС «Рейх» (2.SS-Panzer Division «Das Reich»). Франция 1940 г.

Немецкий танк на улице разрушенного французского города за день до капитуляции Франции. 21 июня 1940 г.

Марш немецких танков Pz III по югославской территории. Март 1941 г.

Белград после бомбардировки. 1941 г.

Командир 2-й танковой бригады Герман фон Бальк на своем танке с пленным новозеландцем. Греция, 1941 г.

Генерал-лейтенант Эрвин Роммель, командующий Африканским корпусом в колонне 15-й танковой дивизии.
Ливия, 1941 г.

Итальянская батарея на передовой позиции.
Тобрук, Ливия, 6 января 1942 г.

Британский генерал Бернард Монтгомери, командующий 8-й армией, на танке М3 «Грант» следит за боем в Ливийской (Западной) пустыне.
1942 г.

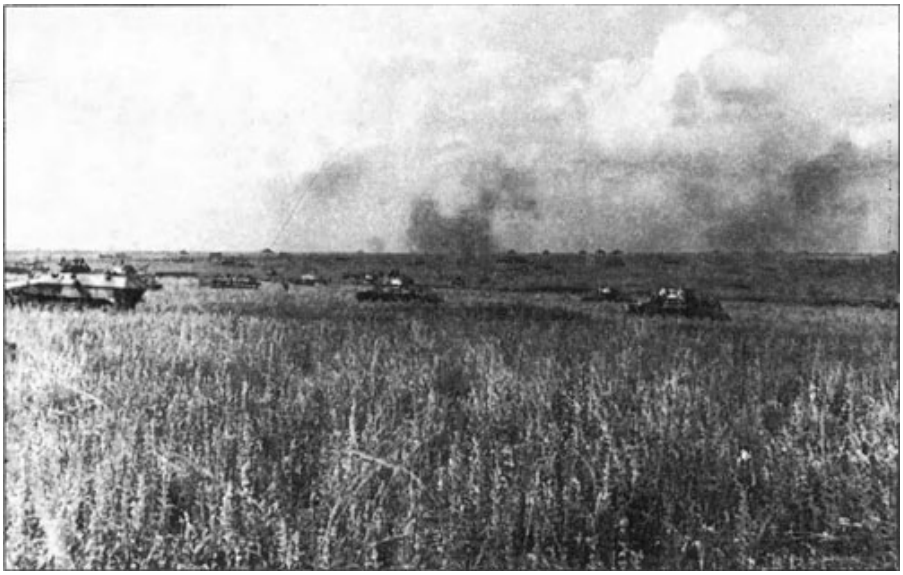
Британские артиллеристы во время битвы при Эль-Аламейне. Октябрь 1942 г.

Советская пехота ведет бой в разрушенном Сталинграде. Август 1942 г.

Печальный финал очередного танкового боя. 20 октября 1942 г.

Советский танк Т-34 проносится через площадь Павших бойцов.

Сталинград. Январь 1943 г.



Германское танковое соединение выдвигается на боевые позиции. 28 июля 1943 г. Курская битва

Германские «тигры» южнее Орла во время Курской битвы. Август 1943 г.

Колонна немецких «тигров» на марше. Курская битва

С транспортных судов союзников производится выгрузка боевой техники, снаряжения и боеприпасов. Омаха-бич. Нормандия. Первая половина июня 1944 г.

Американские солдаты под шквальным огнем противника. 25 июля 1944 г., недалеко от Сен-Ло. Нормандия, Франция

Американские пехотинцы на боевой позиции под прикрытием танка М4 «Шерман». Северная Франция. 1944 г.

Немецкая бронетехника во время Арденнского наступления. Франция

Танк М4 «Шерман» и американские солдаты 82-й воздушно-десантной дивизии в Арденнах. Франция

Американские солдаты форсируют Рейн во время Маас-Рейнской операции. Февраль 1945 г.

Заключение

В этой книге я касался главным образом вопросов ведения боевых действий, и естественно, что меня как германского офицера глубоко волновали честь и престиж германского оружия. Каков бы ни был приговор истории, вынесенный нацистской Германии, нельзя не признать, что в 1939–1945 годах вермахт совершил выдающиеся подвиги и достойно поддержал славные боевые традиции немецкого народа. Но я далек от мысли прославлять минувшую войну или подогревать идеи реванша. Напротив, серьезные проблемы, стоящие перед Западной Европой, требуют реального подхода к вопросу войны и мира.

В этой книге я пытался показать основные тактические уроки, которые можно извлечь из опыта войны 1939–1945 годов, и обратить особое внимание на ту опасность, какую представляют для нас многочисленные и хорошо организованные армии Советского Союза. Пришло время серьезно задуматься об обстановке в Европе. Если мы действительно хотим сохранить нашу цивилизацию, старые противники среди западных держав должны забыть о прошлом и обратить взор в будущее. Я очень надеюсь, что эта книга послужит вкладом в дело обороны Европы и укрепит наше взаимопонимание.

Прохождение службы автором

1 апреля 1924 г. — 30 сентября 1935 г. 7-й кавалерийский полк

1 октября 1935 г. — 30 сентября 1937 г. Военная академия

1 октября 1937 г. — 31 декабря 1939 г. Третий офицер штаба (начальник разведывательного отдела) 3-го корпуса. Польская кампания

1 января 1940 г. — 31 августа 1940 г. Первый офицер штаба (начальник оперативного отделения) 197-й пехотной дивизии. Кампания во Франции

1 сентября 1940 г. — 28 февраля 1941 г. Третий офицер штаба (начальник разведывательного отдела) 1-й армии

1 марта 1941 г. — 31 мая 1941 г. Третий офицер штаба 2-й армии. Балканская кампания

1 июня 1941 г. — 15 сентября 1942 г. Третий офицер штаба танковой группы, позднее танковой армии «Африка» (с 3 апреля 1942 года заместитель начальника штаба)

20 сентября 1942 г. — 31 октября 1942 г. Госпиталь в Гармише

1 ноября 1942 г. — 14 августа 1944 г. Начальник штаба 48-го танкового корпуса. Русская кампания

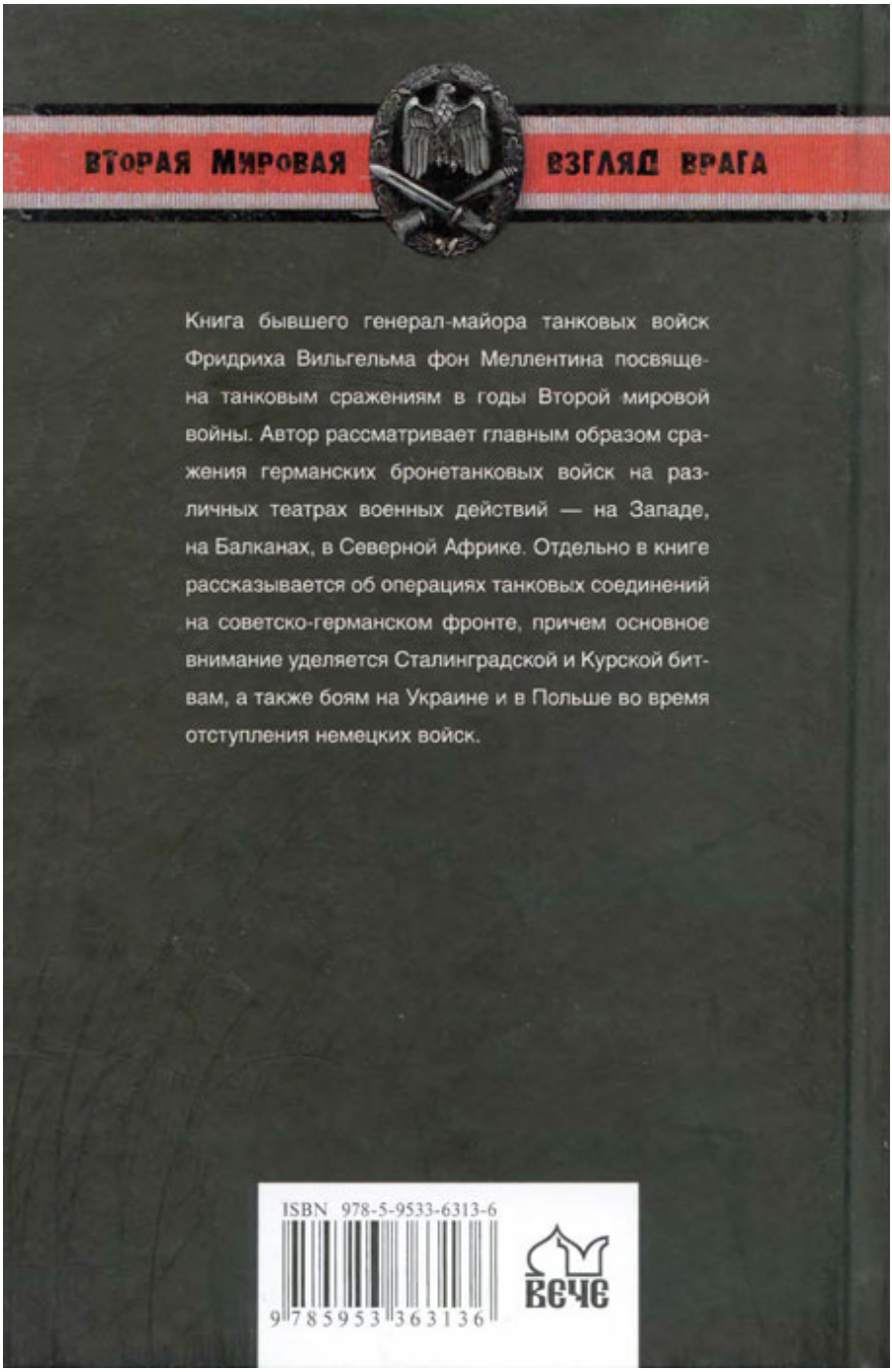
15 августа 1944 г. — 14 сентября 1944 г. Начальник штаба 4-й танковой армии. Русская кампания

15 сентября 1944 г. — 30 ноября 1944 г. Начальник штаба группы армий «Г». Кампания на Западе

1 декабря 1944 г. — 31 декабря 1944 г. Офицерский резерв главного командования сухопутных сил (ОКХ)

1 января 1945 г. — 28 февраля 1945 г. Прикомандирован к 9-й танковой дивизии. Кампания на Западе

1 марта 1945 г. — май 1945 г. Начальник штаба 5-й танковой армии. Кампания на Западе.


ВТОРАЯ МИРОВАЯ
ВЗГЛЯД ВРАГА
Книга бывшего генерал-майора танковых войск Фридриха Вильгельма фон Меллентина посвящена танковым сражениям в годы Второй мировой войны. Автор рассматривает главным образом сражения германских бронетанковых войск на различных театрах военных действий — на Западе, на Балканах, в Северной Африке. Отдельно в книге рассказывается об операциях танковых соединений на советско-германском фронте, причем основное внимание уделяется Сталинградской и Курской битвам, а также боям на Украине и в Польше во время отступления немецких войск.
ISBN 978-5-9533-6313-6
9 785953 363136
ВЕЧЕ

notes

Примечания

1

Третий офицер штаба занимался вопросами разведки и контрразведки. — *Прим. ред.*

2

Курсив мой.

3

Как сказал генерал фон Цвель: «Германия была побеждена не гением маршала Фоша, а генералом Танком».

4

Lord Wilson of Libya, Eight Years Overseas, 1939–1947, Hutchinson, 1950, p. 28.

5

Это утверждение является совершенно неправильным. Материалы Нюрнбергского процесса ясно показывают, что немецко-фашистский генеральный штаб принимал активное участие в планировании и подготовке Второй мировой войны. — *Прим. ред.*

6

Меллентин пытается оправдать Мюнхенское соглашение, доказывая, что оно якобы было справедливым разрешением так называемого судетского вопроса. На самом деле хорошо известно, что Мюнхенская сделка была сговором против мира и величайшим предательством по отношению к Чехословакии.

Гитлер не ограничился захватом Судетской области и стал готовиться к оккупации остальной части Чехословакии (план «Грюн»). В марте 1939 года эта страна стала немецким «протекторатом», и чехословацкий народ попал под иго гитлеровских оккупантов. — *Прим. ред.*

7

Впоследствии входившему в состав знаменитой 21-й танковой дивизии Роммеля.

8

Автор высокими словами о «долге» и «чести», которыми пестрит книга, пытается оправдать преступления немецкой военщины. Но кто же теперь не знает, что армия была послушным орудием в руках Гитлера и что гитлеровские солдаты совершили во время Второй мировой войны тягчайшие военные преступления! — *Прим. ред.*

9

Для нападения на Польшу немцы сосредоточили 5 танковых, 6 моторизованных, 48 пехотных, горнострелковых и легких дивизий, около 10 тыс. орудий и минометов, до 3500 танков и 2500 самолетов. Этим силам Польша могла противопоставить только 49 малобоеспособных пехотных дивизий, одну мотобригаду, 9 кавалерийских бригад и 900 устаревших танков. — *Прим. ред.*

10

См.: *Шлиффен К.* Канны. Изд. 2. М., 1938. — *Прим. ред.*

11

Организация легких дивизий не оправдала себя, и после Польской кампании они были преобразованы в танковые дивизии.

12

Не все танковые и легкие дивизии имели указанную организацию. Подробнее см.: *Мюмер-Пшебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. 1, Иэдатинлит. М., 1956. С. 206–210. — *Прим. ред.*

Эти пушки значительно уступали английским двухфунтовым пушкам (40–42 мм).

14

По-немецки «шторх» — аист; «Физелер-Шторх» — марка самолета. — *Прим. ред.*

15

Организация Тодта — военно-строительная организация гитлеровской Германии, названная по имени ее первого руководителя, военного инженера Фрица Тодта. — *Прим. ред.*

16

Я знаю, что в книге Эллиса «The War in Franse and Flanders, 1939–1940» (History of the 2-nd World War, United Kingdom Military Series, vol. 2), являющейся официальной историей боевых действий английских войск, преуменьшается роль Манштейна, но для меня имеет решающее значение свидетельство Гудериана и других генералов и офицеров. Лиддел Гарт также придерживается того взгляда, что Манштейн был создателем этого плана.

17

Танковый корпус Гёппнера в составе 3-й и 4-й танковых дивизий должен был пересечь бельгийскую границу и продвигаться в направлении Брюсселя, в то время как 9-я танковая дивизия имела задачу наступать по южной части Голландии.

18

В танковый корпус Гота входили 5-я и 7-я танковые дивизии.

19

Французы обычно утверждают, что у немцев танков было больше. Так, специально занимавшийся этим вопросом генерал Конкэ пишет в книге «Загадка танков», что у немцев было 3800 танков и бронемашин против 2800 у французов и 600 у англичан (Conquet. L'enigme des blindes, Paris. 1956, p. 184–185)… В сборнике «Кампания во Франции» указывается, что французы имели 2262 современных танка, 540 танков устаревших типов и 743 бронеавтомобиля (La Campagne de France, mai-juin 1940. Paris, 1953, p. 163).

По другим данным, к началу наступления против англо-французских войск немцы имели около 5000–5500 танков, входивших в состав танковых и моторизованных дивизий.

Французская армия к 10 мая имела около 3400 танков, основная часть которых была распылена по всему фронту в составе так называемых армейских батальонов. — *Прим. ред.*

20

Три французские легкие механизированные дивизии, около 200 танков в каждой, входили в состав войск, вступивших в Бельгию. Четыре французские бронетанковые дивизии имели около 150 танков каждая. Количество танков в нашей танковой дивизии в то время составляло в среднем около 260.

21

Впоследствии генерал танковых войск, командир корпуса в России, командующий армией в Польше и Венгрии и командующий группой армий на Западном фронте.

Это показывает важность тщательного и многостороннего обучения пехотинцев работе других родов войск.

23

Это подтверждает порочность танковой доктрины немцев, пренебрегавших тесным взаимодействием танков с пехотой. — *Прим. ред.*

24

См.: The War in France and Flanders 1939–1940, p. 87.

25

В годы Второй мировой войны на вооружении английской армии находились тяжелые (пехотные), средние (крейсерские) и легкие танки. К тяжелым относились танки типа «Матильда», «Валентайн» и «Черчилль», к средним — «Крузейдер», «Кромвелл» и др. Еще в ходе войны тяжелые танки «Матильда», «Валентайн», легкие танки «Тетрарх» были сняты с вооружения. — *Прим. ред.*

26

The War in France and Flanders 1939–1940, p. 103.

27

См.: The War in France and Flanders 1939–1940, p. 346–350. 25 мая английский дозор захватил на ипрском участке фронта немецкую штабную машину; у пленных были отобраны документы, представлявшие исключительную ценность. Как указывается на с. 148 вышеупомянутой книги, этот случай имел решающее значение, так как он побудил лорда Горта перебросить две дивизии на северный участок фронта и тем самым обеспечить отход к морю.

28

У англичан остались лишь 51-я шотландская пехотная дивизия и 1-я бронетанковая дивизия.

29

20 мая генерал Вейган, бывший начальник штаба маршала Фоша, принял командование от неудачливого генерала Гамелена.

30

Подробнее см.: *Буше Ж.* Бронетанковое оружие в войне. Издатинлит. М., 1956. С. т. — *Прим. ред.*

31

Впоследствии генерал-лейтенант, а в 1944 году — начальник штаба Роммеля в Нормандии. (В 1957 году Шпейдель был назначен командующим сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы. — *Прим. ред.)*

Werner M. The Military Strenght of the Power. Gollancz, 1939.

33

Решение Гитлера остановить танковую группу Клейста перед Дюнкерком объясняется тем, что Гитлер не оставлял надежды на заключение сепаратного мира с Англией. Разгром же англичан у Дюнкерка мешал осуществлению этого замысла. — *Прим. ред.*

Операция по вторжению в Англию. — *Прим. ред.*

Государственный переворот *(фр.). — Прим. ред.*

Там оборонялся 21-й батальон 2-й новозеландской дивизии, поддерживаемый артиллерийской батареей и саперами. Позднее мы узнали, что им не дали никаких противотанковых средств, так как местность считалась танконедоступной.

37

В брошюре «Tye Other Side of The Hill», являющейся официальным документом по истории новозеландской армии, о боевых действиях Балька у горы Олимп сказано следующее: «Редко на войне встречались танки, которые сумели бы преодолеть такую трудную местность, или пехота, которая, совершив уже более чем 500-километровый марш, продвигалась бы так быстро в столь тяжелых условиях; это был рекорд, которым может гордиться каждый солдат».

Этот урок подтвердился на горьком опыте в России.

39

2-я итальянская армия очень медленно и осторожно наступала из района Триеста в юго-восточном направлении.

Наше море *(лат.). — Прим. ред.*

41

«Pour le Merite» *(фр.)* — «За заслуги» — высший германский военный орден в период Первой мировой войны. — *Прим. ред.*

42

Глупые ослики *(нем.)*.

43

Части, примерно соответствующие армейским полкам.

ОКВ — О. К. W. *(нем.)* — Oberkommando der Wehimaht, германское верховное командование. — *Прим. ред.*

Krieg ohne Nass, Heidenheimer Zeitung, S. 54.

46

Командование немецко-итальянскими войсками имело в Северной Африке шесть итальянских дивизий («Павия», «Брешиа», «Болонья», «Савойя», моторизованная дивизия «Тренто» и танковая дивизия «Ариете») и немецкий Африканский корпус, в состав которого входили 15-я и 21-я танковые и 90-я легкопехотная дивизии. — *Прим. ред.*

47

Самое знаменитое английское бронетанковое соединение в этой войне, имевшее эмблему «кенгуровая крыса».

48

Во время боев в «котле» 30 мая — 1 июня 1942 года были ранены как начальник штаба генерал Гаузе, так и первый офицер штаба полковник Вестфаль.

49

Вестфаль отменил приказ Роммеля, предписывающий 21-й танковой дивизии преследовать противника на территории Египта, и отвел эту дивизию в Бардию.

The Rommel Papers. Colins, 1953, p. 150.

51

Я принял должность первого офицера штаба после того, как 1 июня был ранен полковник Вестфаль.

Это было не совсем точно, но доклад приводится в таком виде, как я делал его в то время.

53

Coup de main d’occupation *(фр.)* — внезапная смелая атака с целью захвата какого-либо пункта. — *Прим. ред.*

Oberkommando des Heeres *(нем.)* — главное командование германских сухопутных сил. — *Прим. ред.*

Krieg ohne Nass, S. 118.

56

Роммель не прав: танковые сражения с участием большого количества танков были и на советско-германском фронте. Примером может служить Курская битва и Берлинская операция. В последней только с советской стороны участвовало более 6 тыс. танков. — *Прим. ред.*

С июня 1942 года мы начали получать T-IV с 75-мм пушкой, имеющей большую начальную скорость снаряда. Это был очень хороший танк, намного лучше своего предшественника. Точно так же в мае 1942 года нам стали присылать танки T-III нового образца с 50-мм пушкой, обладавшей большой начальной скоростью снаряда. Это были отличные танки.

В 1942 году в результате полученного в России опыта толщина брони T-III и T-IV была фактически удвоена. В 1941 году очень слабые борта T-IV были усилены прикрепленными к ним дополнительными броневыми листами. Посредством такой экранировки была также усилена лобовая броня танков T-III и T-IV. Однако решающего значения это не имело. Лишь в 1942 году к нам стали поступать новые образцы T-III и T-IV, защищенные закаленной с поверхности броней.

Это обусловило качественное превосходство наших танков во время контрудара в январе 1942 года, но с появлением в мае 1942 года танка «Грант» преимущество снова оказалось на стороне англичан.

Хотя мы в общем уступали противнику в количестве танков, нашему командованию, как правило, удавалось сосредоточить большее количество танков и орудий в решающем месте.

Field-Marshal Sir C. J. E. Auchinleck. Dispatch. H. M. S. O.

Даже в тех случаях, когда грузы достигали Африки, доставка их на фронт была нелегким делом, так как при этом нужно было покрыть огромные расстояния. От Триполи до Бенгази было 1120 км, от Бенгази до Тобрука — 480 и от Тобрука до Эль-Аламейна — еще 560 км. Когда мы находились у Эль-Аламейна, многие грузы приходилось доставлять за 2 тыс. км из Триполи.

Commando Supremo, Cappelli, p. 150.

Manzetti. Seconda Offensiva Britannica (издание исторического отдела итальянского генерального штаба), p. 41.

Этот корпус состоял из танковой дивизии «Ариете» и моторизованной дивизии «Триесте». Он находился под командованием генерала Гамбары, начальника штаба Бастико, и не был подчинен Роммелю. Но после разговора с Роммелем 29 октября Гамбара согласился дислоцировать «Триесте» в Бир-Хакейме и «Ариете» — в Бир-эль-Гоби. Роммель сказал Гамбаре: «Это избавляет меня от многих забот».

Впоследствии 90-я легкопехотная дивизия «Африка». Сформированная преимущественно из бывших солдат французского иностранного легиона, в ноябре 1941 года она была плохо вооружена, а большая часть ее тяжелого оружия все еще находилась в Неаполе.

66

Во время операции «Крузейдер» английская авиация значительно превосходила по численности немецкую.

67

В ночь с 17 на 18 ноября английские «командос» напали на штаб нашего начальника снабжения в Беда-Литгорио, полагая, что там находился Роммель. Как известно, это непродуманное предприятие закончилось для англичан трагически.

Тарик *(араб.)* — дорога, путь; Тарик-эль-Абд и другие подобные дороги — по существу, караванные пути и тропы. — *Прим. ред.*

69

Первоначальное намерение генерала Каннингхэма состояло в том, чтобы двинуть 7-ю бронетанковую дивизию к Габр-Салеху, а затем ожидать ответных действий Роммеля. Это был не очень хороший план; тем не менее, если бы Каннингхэм придерживался его, он мог бы одержать блестящую победу. 7-я бронетанковая дивизия являлась авангардом 30-го корпуса, который включал также 1-ю южноафриканскую дивизию и 22-ю английскую гвардейскую бригаду.

Этой группой командовал Кэмпбелл. Группа поддержки имела тридцать шесть 2-фунтовых противотанковых пушек и тридцать шесть 25-фунтовых.

Все это были «стюарты». В бою участвовали только два полка 4-й бронетанковой бригады; третий — 3-й танковый полк — преследовал наш 3-й разведотряд, отступающий за дорогу Тарик-Капуццо, и не сумел своевременно вернуться. 4-я бронетанковая бригада имела два артиллерийских дивизиона, но из них, кажется, только один участвовал в бою.

72

Это была 29-я индийская бригада с 6-м и 7-м южноафриканскими полками бронеавтомобилей. Эта группа, известная под названием «Е», должна была создать впечатление, что через пустыню к Бенгази направляется сильное бронетанковое соединение. Действия группы «Е», конечно, причиняли нам беспокойство, но у Роммеля просто не было свободных сил, чтобы бросить их против этой группы. Джарабуб находится примерно в 130 км южнее форта Маддалена.

73

Справедливость требует отметить, что план операции «Крузейдер» не был придуман генералом Каннингхэмом, а был предложен ему главным командованием британскими войсками на Среднем Востоке, когда он прибыл в сентябре из Восточной Африки. Основным недостатком английского плана было то, что он требовал, чтобы 30-й корпус (7-я бронетанковая дивизия, 1-я южноафриканская дивизия и 22-я гвардейская бригада) один вступил в бой против сил танковой группы и нанес им поражение, а 13-й корпус и гарнизон Тобрука должны были начать боевые действия лишь после того как будет выиграно танковое сражение. — *Прим. англ. ред. Л. Тэрнера.*

Нейман-Зилков решительно возражал, говоря, что лучше всего разрядить обстановку «стремительным ударом 8-го и 5-го танковых полков». Отводя Африканский корпус к Гамбуту, Крювель рассчитывал воспользоваться благоприятной возможностью ударить англичанам во фланг.

11-й гусарский, королевский гвардейский драгунский и 4-й южноафриканский полки бронеавтомобилей.

Около полудня примерно в 3 км восточнее южноафриканцев занял позиции 26-й новозеландский батальон.

Дивизия «Ариете», наступавшая на левом фланге, по существу, не сыграла никакой роли в этом бою.

Krieg ohne Nass, S. 76.

79

См. яркое изложение этих событий в книге генерал-майора де Гингана *(De Gingand.* Operation Victory. 1947, p. 98).

26 ноября Каннингхэм был заменен Ритчи.

81

11-я индийская бригада находилась у Букбука, а 5-я индийская бригада располагалась вокруг английской станции снабжения около Бир-Софафи.

23 ноября в результате непосредственного обращения Роммеля к Муссолини итальянский танковый корпус был подчинен танковой группе.

83

Роммель имел при себе всего несколько человек, а средства связи его были совершенно недостаточны. К тому же основная часть штаба Африканского корпуса 23 ноября попала в плен.

Этот бой складывался в пользу англичан, но с наступлением темноты обе бронетанковые бригады отошли на отдых к югу, открыв таким образом немцам свободный проход по дороге Тарик-Капуццо. — *Прим. англ. ред.*

Надо отметить, что в районе Тобрука итальянские войска, и особенно дивизия «Триесте», в тот период действовали очень умело.

86

В этот день генерал фон Равенштейн, командир 21-й танковой дивизии, по ошибке заехал в расположение новозеландцев и был взят в плен. 29 ноября дивизия «Ариете» прибыла в распоряжение Африканского корпуса и в последующих боях показала себя с самой лучшей стороны.

Эта позиция была заблаговременно подготовлена итальянцами.

88

15 декабря была переименована в 90-ю легкопехотную дивизию.

89

В оперативном отношении Роммель не был подчинен Кессельрингу; последний нес ответственность только за снабжение и авиационную поддержку немецких войск в Северной Африке.

90

Фактически около Аджедабии впереди 4-й индийской дивизии находилась 201-я гвардейская бригада. Нам теперь известно из книги Окинлека «Dispatch» (p. 349), что 4-я индийская дивизия не могла выступить из Бенгази вследствие затруднений со снабжением.

91

Для нанесения контрудара мы располагали 117 немецкими и 79 итальянскими танками. Согласно «Dispatch» Окинлека (p. 351), 1-я бронетанковая дивизия англичан имела 150 танков.

Немецкая армия всегда отлично проводила такого рода подготовку; так, например, успеху нашего большого наступления на Западном фронте в марте-мае 1918 года мы были обязаны аналогичным мероприятиям.

93

7-я индийская бригада чуть было не попала в ловушку в Бенгази, но благодаря решительным действиям своего командира Бриггса прорвалась на юго-восток. Окинлек и Ритчи настаивали на удержании Бенгази, несмотря на решительные возражения генерала Годвин-Остена, командира 13-го корпуса, и генерала Ткжера, командира 4-й индийской дивизии. См. *Mackenzie C.* Eastern Epik. Chatto and Windus, 1951, vol. I, p. 294. — *Прим. англ. ред.*

94

В январе 1942 года танковая группа «Африка» была переименована в танковую армию «Африка».

95

К началу сражения военно-воздушные силы обеих сторон были более или менее равными: англичане имели 604 самолета, немцы и итальянцы — 542. Однако наши истребители «мессершмитг-109» превосходили «харрикейны» и «киттихоки» ВВС Пустыни.

Танковая армия имела также 4 новых танка T-IV, но в начале сражения у них не было боеприпасов. Начиная с июня эти отличные танки стали поступать в возрастающем количестве. Английский специалист по танкам полковник Р. Карвер сказал о сражении при Эль-Газале: «Представление о том, что в этом сражении противник превосходил нас в артиллерии и танках, не выдерживает критики» *(«Roual Armoured Corps Journal»,* April, 1951).

97

Вопреки заявлению Роммеля в его книге «Krieg ohne Hass» (S. 130), нам было известно, что англичане получают танки «Грант», и в нашей разведывательной сводке за 20 мая содержится их полное описание.

98

Два усиленных полка 90-й легкопехотной дивизии.

Непременным условием *(лат)*.

100

Dispatch, p. 391.

101

В оригинале — 28 мая — *прим. верст.*

Хамсин *(араб.)* — горячий сухой ветер, дующий из пустыни. — *Прим. ред.*

103

Генерал Мессерви, командир дивизии, был взят в плен, но ему удалось остаться неузнанным и на следующий день бежать. Во время январского разгрома он командовал 1-й бронетанковой дивизией.

Bright J. 9-th Queen's Royal Lancers, 1936–1945: The Story of an Armoured Regiment in Battle. Gale and Polden, 1951, p. 73.

105

Кессельринг упоминает об этом случае в своей книге «Soldat bis zum letzten Tag», Bonn, 1953, S. 171.

106

Полковник Р. Карвер, один из видных английских специалистов по вопросам использования бронетанковых войск, сказал об этом наступлении следующее: «У бронетанковых частей, как правило, не было верной наступательной тактики, основанной на обнаружении и уничтожении противника. В данном случае всю 1-ю бронетанковую дивизию целый день сдерживали арьергарды с 88-мм противотанковыми пушками, очень уязвимыми для артиллерийского огня».

Гаузе, начальник штаба, также был ранен в этом бою и замещен Байерлейном, начальником штаба Африканского корпуса.

108

Хорошее описание боев в «котле» дается в официальном южноафриканском издании «Crisis in the Desert, May — Jily 1942» by J. A. I. Agar-Hamilton and L. C. F. Turner. 0. U. P., 1952.

109

Brett-James A. Ball of Fire: The Fifth Indian Division in the Second World War. Gale and Polden, 1952, p. 183.

Это относится к 30-му корпусу. 13-й корпус бросил в атаку 32-ю армейскую танковую бригаду по существу без всякой пехотной или артиллерийской поддержки.

Crisis of the Desert, p. 43.

112

На самом деле генерал Мессерви, командир 7-й бронетанковой дивизии, хотел сосредоточить свою дивизию (2-я и 4-я бронетанковые бригады) в Бир-эль-Гоби для удара во фланг наступающим немецким частям.

113

Действительно, между генералом Мессерви и двумя его командирами бригад возник серьезный спор. Первый хотел наступать в направлении к Бир-эль-Гоби, последние были против этого (см. «Crisis in the Desert», p. 64). Мессерви решил вернуться в свой штаб, чтобы посоветоваться с Ритчи, но едва не был взят в плен 90-й дивизией, наступавшей севернее опорного пункта Эль-Адем. Ему пришлось сделать большой крюк, и в результате управление английскими войсками было нарушено.

114

1-й Уорстерширский полк и сводный батальон 1-й южноафриканской дивизии.

115

14 июня большая часть поддерживающей Роммеля авиации атаковала шедший на Мальту конвой, поэтому 1-я южноафриканская дивизия смогла довольно спокойно отойти.

И даже мощнее того, которое планировал Роммель в ноябре 1941 года. В ноябрьском наступлении не могла участвовать 21-я дивизия, а оборонительные сооружения Тобрука были в то время значительно сильнее.

117

Crisis in the desert, p. 102.

118

Черчилль считал, что Тобрук может устоять, и его радиограммы по этому вопросу сильно ограничивали действия Окинлека и не позволили ему своевременно отдать приказ тобрукскому гарнизону прорываться из окружения. К лету 1942 года Тобрук перестал быть просто крепостью или портом, он стал символом стойкости, и, подобно Вердену в Первой мировой войне, удержание его стало больше вопросом престижа, чем стратегии. — *Прим. англ. ред.*

119

Было взято 700 пленных, 3/12 пограничного стрелкового полка.

120

Располагавшейся в то время в районе Бельхамеда.

121

В оправдание Мессерви и Рейда следует отметить, что разрешение на прорыв дал Ритчи, заверивший в то утро генерала Клоппера (начальника гарнизона Тобрука), что Эль-Адем будет твердо держаться. — *Прим. англ. ред.*

122

В боевом донесении командира танковой армии за 18 июня говорится, что «вокруг Гамбута были обнаружены огромные склады горючего, боеприпасов и продовольствия, которые мы тут же использовали для своего снабжения».

123

Пехотные части под командованием полковника Менни.

Точнее, в районе, обороняемом 2/5 Махратским батальоном.

125

Тобрук обороняли 2-я южноафриканская дивизия (4-я и 6-я пехотные бригады), 11-я индийская бригада, 201-я гвардейская бригада (в резерве на кряже Пиластрино) и 32-я армейская танковая бригада (52 «матильды» и «валентайна»). Танки располагались главным образом в районе Кингз-Кросс и Пиластрино в готовности к быстрой контратаке. Имелось также три полка легкой полевой и два полка среднекалиберной артиллерии, а кроме того, 70 противотанковых пушек, распределенных между разными частями. Начальником гарнизона крепости был генерал-майор Клоппер, командир 2-й южноафриканской дивизии.

126

В принципе не следует применять танки для штурма крепостей, но крепости с круговым поясом укреплений, как Тобрук, составляют исключение. После ввода в прорыв и отражения контратак танки могут произвести разгром в глубине обороны.

127

В 7.00 20 июня генерал Клоппер приказал батальону танков и двум ротам Колдстримского гвардейского полка контратаковать противника. По разным причинам 4-й танковый полк подошел к Кингз-Кроссу только в 9 час 30 мин и затем был брошен в бой, не дожидаясь гвардейцев и их 6-фунтовых противотанковых орудий. Позднее прибыла рота 7-го танкового полка, а затем еще одна рота того же полка. Нельзя даже сказать, что танки контратаковали; они вышли на линию внутреннего минного поля и были разгромлены наступающим Африканским корпусом. Гвардейцы так и не вышли из района Кингз-Кросса. — *Прим. англ. ред.*

Ее прежний командир генерал фон Ферст был ранен в сражении у Эль-Газалы, и командование принял полковник Краземан.

129

25-й английский полк полевой артиллерии, усиленный 4-й батареей 5-го южноафриканского дивизиона полевой артиллерии. 2-й южноафриканский дивизион полевой артиллерии, который располагался довольно близко от переднего края, уже был уничтожен.

130

Между прочим, дивизия «Ариете» все еще стояла перед противотанковым рвом, сдерживаемая 2-м Камеронским полком шотландских горцев.

131

Клоппер и часть его штаба вечером 20 июня переместились в штаб 6-й южноафриканской бригады.

132

2-й Камеронский полк продолжал сопротивляться до вечера 21 июня и сдался только потому, что капитулировала вся крепость. Всего несколько сот человек сумели вырваться из Тобрука.

133

Crisis in the Desert, p. 222.

134

Вторжение Роммеля в Египет было авантюрой, так как итало-немецкие войска были значительно ослаблены в боях за Тобрук и не могли рассчитывать на помощь авиации. — *Прим. ред.*

135

Африканский корпус начал наступление с 60 танками.

136

Типичный пример распыления командованием 8-й армией своих сил.

137

Фельдмаршал Уилсон впоследствии писал: «13-й корпус просто исчез и поставил 10-й корпус в затруднительное положение». — *Прим. англ. ред.*

138

Журнал боевых действий Африканского корпуса отмечает: «Во время этого боя имели место нарушения международной конвенции, такие как убийство пленных и пр.». См. замечания бригадира Клифтона в «The Happy Hunted», Cassel, 1952, p. 224.

139

Krieg ohne Hass, s. 171. Роммель говорит о новозеландцах, прорвавшихся через месторасположение его штаба, но это ошибка. В 10-м английском корпусе не было новозеландцев.

140

В журнале боевых действий 90-й дивизии имеется запись, свидетельствующая о разочаровании, которое охватило войска, когда после падения Мерса-Матрух Роммель лично приказал дивизии немедленно наступать на Эль-Дабъа и тем самым лишил людей возможности «искупаться в море и отоспаться после тяжелых боев за Мерса-Матрух и всех трудностей предшествующих дней».

141

Пункт в пустыне, около 27 км к югу от Эль-Дабъа.

142

Строго говоря, никакого «оборонительного рубежа» у Эль-Аламейна не существовало, хотя промежуток между впадиной Каттара и морем был заполнен множеством опорных пунктов.

143

Этот пункт обороняла 18-я индийская бригада. Опорный пункт Эль-Аламейн обороняла 3-я южноафриканская бригада, 1-я и 2-я южноафриканские бригады удерживали позиции вне опорного пункта и восточнее Дейр-эль-Шейна. 1-я бронетанковая дивизия не была вместе с 13-м корпусом на южном участке обороны, а находилась в тылу 30-го корпуса восточнее кряжа Рувейсат.

144

Роммель в своих мемуарах говорит: «Мы должны быть благодарны за остановку атаки британских войск в первую очередь штабу танковой армии, возглавлявшемуся в то время подполковником фон Меллентином» («The Rommel Papers», p. 253).

145

Выступ у Тель-эль-Эйса занимала 26-я австралийская бригада, 20-я и 24-я австралийские бригады находились в резерве восточнее опорного пункта Эль-Аламейн, который обороняла 3-я южноафриканская бригада.

The Rommel Papers, p. 254.

147

Мы считали, что опорный пункт Эль-Аламейн к тому времени уже обороняла 9-я австралийская дивизия — это неоднократно утверждает Роммель в своих мемуарах. Но упомянутый важный успех в обороне был достигнут благодаря действиям 3-й южноафриканской бригады и особенно 1-го Дурбанского легкопехотного полка, занимавшего атакованный участок, и 1-го южноафриканского полка полевой артиллерии, который его поддерживал.

148

Имеется в виду атака английской кавалерии в сражении между англотурецкими и русскими войсками у Балаклавы 13 октября 1854 года, закончившаяся огромными потерями со стороны англичан. — *Прим. ред.*

149

В то время генерал Ламсден был ранен и бригадой командовал Фишер.

The Rommel Papers, p. 262.

151

Я удивляюсь, как Честер Уилмот, такой выдающийся военный публицист, мог заявить, что «самое значительное поражение Роммеля произошло под Алам-Хальфой, за семь недель до решающего сражения у Эль-Аламейна и в такое время, когда войска Монтгомери значительно уступали противнику в огневой мощи и количестве танков» («The Struggle for Europe», Collins, 1952, p. 191). Управление 8-й армией под Алам-Хальфой было искусным, но, вообще говоря, это сражение липший раз подтверждает изречение Наполеона: «Бог сражается на той стороне, где больше войск».

Правда, Черчилль хотел назначить командующим 8-й армией Готта, но последний был убит прежде, чем мог принять это назначение. Готт был выдающейся личностью и руководителем, но позднейшие данные вызывают серьезные сомнения в его тактических способностях.

Исследование показывает, что в действительности влияние этой карты на маневр немцев было незначительным. Надо иметь в виду, что заслуга в победе англичан под Алам-Хальфой частично принадлежит генералу Хорроксу, который незадолго до этого принял командование 13-м корпусом на южном фланге. — *Прим. англ. ред.*

Lord Montgomery of Alamein. El Alamein to the River Sangro. Hutchinson, 1948.

155

Заместитель Кейтеля генерал Варлимонт, посетивший нас в июле, подчеркивал важность нашего пребывания под Эль-Аламейном ввиду предстоящего вторжения Клейста в Иран через Кавказ.

156

Der deutsche Blick — «немецкий взгляд»; der deutsche Grub — «немецкий салют» — нацистское приветствие вытянутой вперед и вверх рукой. — *Прим. ред.*

157

Книга Г. Гудериана «Воспоминания солдата» («Erinnerungen eines Soldaten». Heidelberg, 1951) была издана в 1952 году в Лондоне под названием «Panzer Leader». Все сноски Меллентин дает на это издание. — *Прим. ред.*

158

Liddell Hart B. H. The Other Side of the Hill. Cassell, 1948 edition, p. 174.

159

Там же.

160

Panzer Leader, p. 237.

161

После кампании во Франции Гитлер убедился в необходимости увеличить огневую мощь наших танков и потребовал, чтобы 37-мм пушка на танке Т-III была заменена на длинноствольную 50-мм пушку Л-60 с высокой начальной скоростью снаряда. Гудериан пишет, что указания Гитлера были самовольно изменены управлением вооружения и на Т-III была установлена короткоствольная 50-мм пушка Л-42 с низкой начальной скоростью снаряда. Гудериан отмечает, что этот факт «довел фюрера до бешенства, и он так и не простил этого самоуправства руководителям управления». Раздражение Гитлера можно оправдать, потому что этот случай неповиновения сказался в конечном счете на исходе войны.

162

Для этой важной операции 4-я танковая армия имела 800 танков и самоходных орудий, однако подавляющего превосходства у нее не было.

163

The Other Side of the Hill, p. 214.

Pliever T. Stalingrad. Athenaum-Verlag, Bonn, 1952.

165

Клаузевиц. О войне. Изд. 3. Т. 2. С. 160. — *Прим. ред.*

Фон Витерсгейм был заменен генералом Хубе.

167

В ноябрьской наступательной операции по окружению Сталинградской группировки немцев участвовали: Юго-Западный фронт под командованием генерал-полковника Н. Ф. Ватутина, Донской фронт под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и Сталинградский фронт под командованием генерал-полковника А. И. Еременко — *Прим. ред.*

168

В своей книге «Stuca Pilot», Euphorion, 1952, на с. 63 Ганс Рудель пишет следующее о прорыве 19 ноября в излучине Дона: «На следующее утро после получения срочного сообщения наша авиаэскадра вылетела в направлении плацдарма в районе Клетская. Погода была плохая — низкая облачность, небольшой снег, температура примерно около 20 градусов ниже нуля. Мы летим на небольшой высоте. Но что за войска движутся нам навстречу? Ведь до цели еще полпути! Это толпа солдат в коричневой форме. Русские? Нет, румыны. Некоторые из них даже бросают свои винтовки, чтобы легче было бежать. Удручающее зрелище, но мы готовимся к худшему. Мы летим вдоль двигающейся на север колонны и выходим в район артиллерийских позиций наших союзников. Орудия брошены в полной исправности, около них лежат боеприпасы. Мы пролетели еще некоторое расстояние, пока увидели передовые части русских».

169

Речь идет о мосте через Дон у Калача. Этот мост был подготовлен немцами к взрыву, но благодаря стремительному наступлению 26-го танкового корпуса был захвачен в исправном состоянии, что дало возможность быстро соединиться с частями, наступавшими с юга, и завершить оперативное окружение немцев под Сталинградом. — *Прим. ред.*

170

Вот подлинный текст приказа Гитлера от 24 ноября: «6-я армия временно окружена русскими. Я решил сосредоточить ее в районе северная окраина Сталинграда, Котлубань, высота 137, высота 135, Мариновка, Цыбенко, южная окраина Сталинграда. Армия может поверить мне — я сделаю все от меня зависящее, чтобы обеспечить ее снабжение и своевременно деблокировать. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и верю, что она выполнит свой долг. Адольф Гитлер». *(Doerr H.* Der Feidzug nach Stalingrad. Darmstadt, 1955, p. 74.) — *Прим. ред.*

171

Цейтцлер выдвинулся очень быстро. В начале войны он командовал всего лишь полком, в 1940 году во Франции и в 1941 году в России был начальником штаба танковой армии фон Клейста. В 1942 году Цейтцлер был назначен к Рундпггедту во Францию начальником штаба.

172

На совещании 12 декабря 1942 года Гитлер доказывал невозможность отступления от Сталинграда, так как это лишало бы смысла «всю кампанию в целом» (Hitler Direct his War, edited by Gilbert F., 0. U. P., 1951, p. 9).

Малоправдоподобный случай. — *Прим. ред.*

174

19 ноября 1942 г. войска левого крыла Юго-Западного фронта (командующий — генерал-полковник Ватутин) и правого крыла Донского фронта (командующий — генерал-полковник Рокоссовский) перешли в контрнаступление. Главный удар наносился в общем направлении на Калач из района юго-западнее Серафимовича и из района Клетской. Навстречу этой группировке из района межозерных дефиле южнее Сталинграда 20 ноября нанесли удар войска Сталинградского фронта (командующий — генерал-полковник Еременко). К 23 ноября обе эти группировки соединились в районе Советского, в результате чего под Сталинградом были окружены главные силы немецко-фашистских войск (22 дивизии, 330 тыс. человек). — *Прим. ред.*

175

Paget R T. Manstein: His Campaigns and His Trial. Collins, 1951, p. 2.

176

Alarmeinheiten — специальные дежурные подразделения, предназначавшиеся для использования в экстренных случаях.

(*Aralmeinheiten исправлено на Alarmeinheiten по оригиналу на англ. языке — A Study of the Employment of Armor in the Second World War — прим. верст.*)

177

Г. К. Жуков, в то время генерал армии, и А. М. Василевский, в то время генерал-полковник, были представителями Ставки Верховного Главнокомандования. — *Прим. ред.*

178

Приведенный факт не соответствует действительности. На этом направлении действовал 3-й моторизованный корпус, который нанес большие потери 11-й танковой дивизии немцев и вынудил ее перейти к обороне. — *Прим. ред.*

179

На котельниковском направлении действовали части и соединения Сталинградского фронта под командованием генерал-полковника Еременко, а не генерала Ватутина. — *Прим. ред.*

Hitler Directs his War (совещание 1 февраля), p. 21–22.

181

Автор вообще неточно указывает воинские звания советских полководцев. В частности, в этот период АМ. Василевский был генерал-полковником, так же как и командующий войсками Юго-Западного фронта Н. Ф. Ватутин, впоследствии генерал армии. — *Прим. ред.*

182

Эта дивизия в советской военной литературе часто называется танковой. — *Прим. ред.*

183

Танковые дивизии СС и гренадерская моторизованная дивизия «Великая Германия» имели в своем составе по батальону новых танков типа «Тигр».

Данные преувеличены. Соединения Сталинградского и Юго-Западного фронтов вследствие непрерывных боев были ослаблены и имели значительный некомплект в людях и технике.

В танковой группе генерала М. М. Попова, действующей в направлении Красноармейска, в танковых корпусах было всего по 20–25 танков. — *Прим. ред.*

185

Это злостная клевета на наших героических солдат. Всем опытом Великой Отечественной войны доказано, что русский солдат в самых тяжелых условиях боевой обстановки всегда проявлял инициативу и находчивость. — *Прим. ред.*

Примером может служить драконовское «Постановление № 1 военной администрации» за подписью генерала Эйзенхауэра, направленное против возможной деятельности партизан в Западной Германии.

187

Hilfswilliger — иностранный «доброволец», использовавшийся на нестроевой службе в германской армии.

188

«Пантера» считалась последним словом техники в танковых войсках. Так же как и на «Тигре», здесь была установлена 88-мм пушка, но броня была более легкой, и машина отличалась лучшей подвижностью (последние образцы были вооружены 75-мм пушкой). В это время существовало два типа танков «Тигр», выпускаемых фирмами «Хеншель» и «Порше». Последняя модель, названная в честь ее конструктора, не имела пулемета; это было серьезной ошибкой, так как делало машину неспособной вести ближний бой.

Однако Манштейн подчеркивал, что многое должно быть достигнуто стратегическим маневром. Он предложил отвести свой правый фланг к Днепру, а затем перейти в контрнаступление из района Харькова. Подобное предложение не получило одобрения Гитлера.

Эти цифры включают резервы, не принимавшие участия в боевых действиях на первом этапе наступления.

191

Речь идет о неудачном наступлении французов и англичан в апреле 1917 года на западноевропейском театре военных действий. Французскими войсками командовал Нивель Р. Ж., после этого наступления замененный Петэном. Адольф Мессими — французский политический деятель, в 1911 году занимал пост военного министра, в 1914–1918 годах был генералом резерва. — *Прим. ред.*

192

В немецкой артиллерии дивизион был несколько больше английского дивизиона и имел от 12 до 16 стволов.

193

Русскими войсками, оборонявшими Курский выступ, командовали Рокоссовский и Ватутин.

«Panzerkeir» изм. на «Panzerkeil» по оригиналу — прим. верст

Указанные замечания относятся к 1943 году. В целом они не потеряли своего значения и до настоящего времени и нуждаются лишь в отдельных поправках. Например, последним типам танков не нужно останавливаться для ведения огня.

Memoirs of Caulaincourt, Cassell, 1938, p. 196–201.

См. Hitler Directs his War, p. 61–70.

198

Разрешение было дано 8 сентября во время посещения Гитлером штаба Манштейна в Запорожье.

Paget R. T. Manstein: His Campaigns and His Trial. Collins, 1951, p. 63.

200

Горе побежденным *(лат.)*.

Churchill W. The World Crisis: The Eastern Front. Butterworth, 1931.

202

Русская артиллерия обладала огромным количеством орудий, но ее методы были до некоторой степени примитивны. Полная подготовка данных для стрельбы без пристрелки была редкостью.

203

Войска охраны тыла укомплектовывались второсортным личным составом старших возрастов.

204

25-я танковая дивизия немцев была разгромлена 6-м танковым корпусом советских войск. Потеряв более 100 танков и всю артиллерию, дивизия в беспорядке отступила в юго-западном направлении. Так что непонятно, о каком «искусном маневрировании» говорит автор. — *Прим. ред.*

205

Panzer Leader, p. 315, 316.

206

Бальк родился в 1893 году и происходил из семьи потомственных военных (его отец написал хорошо известный учебник по тактике, который был переведен на английский язык и использовался как руководство в армии Соединенных Штатов). Всю Первую мировую войну он служил в армии, за время своей службы был шесть раз ранен.

207

Во Второй мировой войне тенденция «игры наверняка» проявлялась очень часто. Я приведу только один наиболее типичный пример: в 1941 году Гитлер оттянул назад танковый корпус Рейнгардта, прорвавшийся к Ленинграду и намного опередивший пехотные соединения группы армий «Север». Гитлер повернул его от города, который был в то время слабо укреплен и совершенно не ожидал удара, и помешал соединению с финнами, что привело бы к быстрому окончанию боевых действий на севере.

Хотя командование 4-й танковой армии и дало неохотно свое согласие на наступление на Брусилов, оно не верило в его успешный исход.

209

Красная армия периода Второй мировой войны коренным образом отличалась от царской армии 1914–1917 годов, но у русских осталось два существенных недостатка. Они все еще имели пагубную склонность к атакам с участием крупных масс пехоты и продолжали с полным безразличием относиться к сохранению тайны при пользовании радиосвязью. Людендорф принял свое решение у Танненберга на основании перехваченных сообщений, а Гинденбург указывал на «непонятное отсутствие у русских всякой осторожности».

210

В 1942 году Зейдеман командовал воздушными силами в Африке и отвечал за авиационную поддержку танковой армии Роммеля. Он всегда очень хорошо относился к наземным войскам и умело с ними взаимодействовал.

211

Факты не соответствуют действительности. Так, например, танкисты под командованием генерал-полковника Рыбалко, действовавшие под Брусиловой, вскоре нанесли удар по 48-му танковому корпусу немцев и отбросили его на юго-запад. — *Прим. ред.*

212

Автор, вероятно, имел в виду наступление германских войск во второй половине 1917 года на Восточном театре военных действий. — *Прим. ред.*

Hitler Directs his War, p. 87–98.

214

На совещании 28 декабря Гитлер пошел еще дальше, заявив: «Я не могу себе простить, что в прошлом давал согласие на отступление».

215

Panzer Leader, p. 323.

216

Максимилиан Себастьян Фуа (1775–1825) — французский генерал и политический деятель, участвовал в битве под Ватерлоо на стороне Наполеона. — *Прим. ред.*

217

Наши войска отразили несколько наступлений русских в этом районе главным образом благодаря прекрасному руководству командующего 4-й танковой армией генерал-полковника Хейнрици.

Слухи о том, что Модель будто бы происходил из незнатного рода и был тесно связан с нацистской партией, не соответствуют действительности. Он был типичным представителем немецкого генерального штаба — смелый, знающий и трудолюбивый генерал, хотя и несколько непоследовательный в своих методах.

219

Залог успешной обороны в Нормандии зависел от расположения десяти танковых и моторизованных дивизий во Франции. Расположение наших танковых дивизий было бессмысленным, хотя и Роммель и Гитлер предполагали, что именно Нормандия окажется местом вторжения союзников. Все было испорчено потому, что много поваров собралось у одной плиты: Роммель, Рундштедт, Гейр фон Швеппенбург, верховное командование и, наконец, последний по счету, но не по важности — Адольф Гитлер.

Panzer Leader, p. 336.

221

В июле Модель был назначен командующим группой армий «Центр» при сохранении за ним командования группой армий «Северная Украина». Генерал-полковник Гарпе был его заместителем в группе армий «Северная Украина». 21 июля Гудериан был назначен вместо Цейтцлера начальником генерального штаба сухопутных сил.

Hitler Directs his War, p. 106.

223

На польских картах — Демблин. Здесь в октябре 1914 года происходили ожесточенные бои, когда армии великого князя Николая пытались захватить плацдармы на западном берегу Вислы.

Эта дивизия блестяще выполнила свою задачу. Она создала боевые группы, которые действовали на широком фронте и постоянно нападали на русские войска. Применением такой тактики ударов и быстрых отходов с максимальным использованием своей подвижности 24-я дивизия дала возможность 17-й армии выиграть время и создать новый оборонительный рубеж между Карпатами и Вислой.

225

Panzer Leader, p. 374.

Эти действия можно сравнить с поведением Саксонского корпуса в переломный момент битвы под Лейпцигом.

227

Цифры, характеризующие американскую помощь России по ленд-лизу, показывают, что русские получили большое количество средств связи. К 30 апреля 1944 года в Россию было направлено 245 тыс. телефонных аппаратов и 768 тыс. миль телефонного кабеля. К концу войны эти цифры значительно возросли.

228

В это число входят тяжелые минометы, но не входят реактивные установки.

229

Для иллюстрации растущей гибкости боевых действий Красной армии и ее способности успешно проводить широкие и стремительные танковые операции я хочу указать на сенсационное продвижение маршала Малиновского в Маньчжурию в августе 1945 года.

230

Это замечание относится к периоду 1941–1945 годов.

Как ни странно, русские проявили большое умение в организации железнодорожных перевозок войск. У них не было «железнодорожного атласа» и сложных расчетных таблиц штабов западных армий, но они перебрасывали свои войска с минимальной затратой времени.

Не считая попытки в 1943 году выбросить небольшой десант в тылу немецких войск, оборонявшихся на Днепре. Эта попытка оказалась неудачной. — *Прим. англ. ред.*

Я особо подчеркиваю необходимость в такой пехоте, хотя почти всю войну я служил только в танковых войсках.

234

Вестфаль прибыл из Италии, где он был начальником штаба у Кессельринга.

235

Я сожалею, что в своей замечательной книге «Борьба за Европу» («The Struggle for Europe») Честер Уилмот согласился с оценкой качеств Балька, данной американским официальным источником «Кампания в Лотарингии» («The Lorraine Campaign», p. 230), где Бальк выведен закоренелым педантом. Кроме замечаний по характеристике Балька, у меня нет никаких претензий, так как в целом там дается очень обстоятельное и довольно объективное изложение этих операций.

Я не собираюсь здесь рассматривать спорный вопрос о том, следовало ли Эйзенхауэру принять план Монтгомери о наступлении его армии через Бельгию в Рур или нет. В книге «The Struggle for Europe» Честер Уилмот решительно и энергично высказывается за план Монтгомери. В то же время сам начальник штаба фельдмаршала генерал де Гинган придерживается совершенно противоположного мнения в своей работе «Operation Victory». Следует заметить, что, хотя удар на Рур упростил бы проблему снабжения, он также упростил бы и задачу немецкой обороны. Дивизии, концентрирующиеся на Мозеле для действий против Патгона, могли быть переброшены в Бельгию против Монтгомери.

237

По своей организации фольксгренадерские дивизии были значительно слабее обычных пехотных дивизий и представляли собой последние немецкие резервы. Их появление было обусловлено тяжелым кризисом, создавшимся летом 1944 года. Почти никакой подготовки эти дивизии не проходили, их сразу бросали в бой. — *Прим. англ. ред.*

238

Боевое командование «А» несколько слабее английской танковой бригады.

239

Днем Паттон побывал на поле боя, и у него создалось впечатление, что 20 сентября можно было бы осуществить глубокий прорыв в направлении Саргемина («The Lorraine Campaign», p. 225).

Эти бригады входили в 58-й танковый корпус.

241

Сокращение от немецкого Jagdbomber (истребитель-бомбардировщик). — *Прим. ред.*

242

559-я фольксгренадерская дивизия входила в 13-й корпус СС и действовала на левом фланге 1-й армии. Было бы лучше, если бы мы передали эти войска 5-й танковой армии, с тем чтобы в районе Шато-Сален действовали войска одной армии.

The Lorraine Campaign, p. 25.

244

Оборонительные сооружения линии Мажино не имели для нас большой ценности, так как были обращены фронтом на восток. Полезными оказались лишь подземные убежища.

Wilmot. The Straggle for Europe, p. 538.

Там же, p. 562, 563.

Wilmot. The Straggle for Europe, p. 564.

Однако американской разведке удалось ввести нас в заблуждение относительно местонахождения 14-й бронетанковой дивизии. Мы полагали, что эта дивизия находится под Тионвилем, а в действительности ее в то время вообще не было во Франции.

249

21-я танковая дивизия имела в своем составе 19 танков и четыре мотострелковых батальона по 60–70 человек в каждом.

250

Незадолго до этого 416-я дивизия прибыла из Дании и носила прозвище «дивизия взбитых сливок». Средний возраст личного состава составлял 38 лет, причем никто никогда не участвовал в боях. В дивизии не было самоходных орудий, а имеющаяся артиллерия представляла собой устаревшие крепостные орудия и трофейные русские гаубицы калибра 122 мм.

251

Кребс был последним начальником германского генерального штаба и пропал без вести во время боев в Берлине. В 1941 году он был военным атташе в Москве.

252

10 мая 1940 года танковая группа Клейста внезапно нанесла удар по 9-й французской армии, прорвала оборону французов и начала стремительно развивать наступление в направлении Ла-Манша. Французы понесли большие потери. — *Прим. ред.*

«Малое решение» *(нем.)*. — *Прим. ред.*

В оправдание Гитлера можно было бы сказать, что отчаянные положения требуют отчаянных решений и что одной обороной никогда нельзя выиграть войну. Но в конце 1944 года у Германии уже не было шансов на выигрыш войны, поэтому единственным трезвым решением явилось бы сосредоточение всех усилий на том, чтобы не допустить русских в наши восточные провинции, сохраняя надежду на то, что даже в этот последний час между США и Россией может произойти раскол.

255

Удар немцев оказался внезапным для американо-английских войск. Командование растерялось и потеряло управление войсками. Заслоны, создаваемые американо-английским командованием на флангах прорыва и на путях наступления немцев, не смогли изменить ход событий. Монтгомери был настолько напуган, что решил отходить к Дюнкерку, заслонившись 30-м армейским корпусом по реке Маас. И только отсутствие резервов у противника и начавшееся наступление советских войск спасли положение англо-американцев. — *Прим. ред.*

20 декабря Эйзенхауэр подчинил Монтгомери все войска северного участка выступа. Это мудрое решение вызвало резкое недовольство в американских войсках.

257

Точных данных о немецких потерях за время Арденнского наступления нет. Честер Уилмот не приводит цифр, а по оценке штаба Эйзенхауэра потери составили 220 тыс. человек. Генерал Вестфаль, начальник штаба Рундштедта, оценивает потери в 25 тыс. («The German Army in the West», Cassell, 1952). Американцы потеряли 77 тыс. человек, в том числе примерно 30 тыс. пленными. См. *North N. W.* Europe 1944–1945, H. M. S. O., 1953, p. 159, 178–179.

Panzer Leader, p. 387.

259

16 января, когда весь фронт в Польше откатывался назад, Гитлер согласился перебросить с Запада 6-ю танковую армию. Но вместо того чтобы направить ее в Польшу, Гитлер настоял на отправке ее в Венгрию. Из всех его многочисленных стратегических промахов это был самый невероятный.

The Straggle for Europe, p. 677.

261

В отчете о боевых действиях 1-й американской армии упоминаются наши 88-мм орудия, которые задержали наступление 13-й бронетанковой дивизии. Интересно отметить, что 88-мм пушки продолжали уничтожать танки противника до самого конца войны, несмотря на то что сами имели большие габариты и были очень уязвимыми.

262

Эрцбергер, Матиас (1875–1921) — германский политический деятель, в 1918 году занимал пост статс-секретаря без портфеля в правительстве Макса Баденского и возглавлял германскую делегацию во время переговоров о перемирии в Компьенском лесу, где находилась ставка союзного командования. — *Прим. ред.*

263

См. отчеты о его военных совещаниях, приведенные в книге «Hitler Directs his War».

264

3 сентября 1939 года адмирал Редер, командующий германскими военно-морскими силами, заявил в своем меморандуме: «Сегодня началась война с Францией и Англией, которую, судя по прежним заявлениям фюрера, не следовало ожидать раньше 1944 года». («Fuhrer Conferences on Naval Affairs».)

Roskill. The War at Sea, p. 615–616. Приведенные данные включают потери, причины которых неизвестны.

266

На киевском направлении Юго-Западным фронтом до 20.09.1941 г. командовал генерал-полковник Кирпонос. — *Прим. ред.*

Proceedings International Tribunal at Nuremberg, vol. XVI, p. 484.

Возникает вопрос, что случилось бы с Красной армией, если бы Гитлер захватил в 1942 году нефтяные районы Кавказа, и что может произойти, если эти нефтяные промыслы будут уничтожены атомным ударом.

269

Peter Bor. Talks with Haider.

Эйнзацгруппе (Einzatzgruppe) — специальный отряд полиции СД и СС, который занимался массовым уничтожением мирного населения на оккупированных территориях. — *Прим. ред.*